

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2012
№12

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Ответственный секретарь
Наталья Холмогорова

Художник
Дмитрий Бикашов

Редакционный совет
А.Ю. Ашкеров, К.С. Бенедиктов, М.А. Брусиловский, Е.С. Галкина,
О.В. Кильдюшов, О.Б. Неменский, М.В. Ремизов, А.В. Самоваров,
П.В. Святенков, А.Н. Севастьянов, В.Д. Соловей, Е.С. Холмогоров,
И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЛОБА ДНЯ

Ростислав Антонов

Мигрантизация России.....	3
Павел Крупкин	
Русские — навоз для этнокорпораций?.....	6
Тема номера. СССР ЖИВ?	
Наследие СССР: что взять в новую Россию? что решительно отбросить?	10
Константин Крылов	
От РСФСР — к Евразийскому союзу.....	28
Олег Неменский	
Страна победившего мультинационализма	37
Олег Кильдюшов	
Этнизация социалистического.....	45
Александр Вдовин	
«Новая историческая общность»: теория и практика	56
Павел Святенков	
Законен ли роспуск СССР?.....	80
Сергей Черняховский	
Мифологемы разрушения.....	84
Сергей Сергеев	
Русское и русско-советское	93
НАЦИОНАЛИЗМ В ПАРТИЙНОМ ПОЛЕ	
Дмитрий Павлов	
Уроки «Свободы».....	102
РУССКАЯ НАЦИЯ И РУССКАЯ ЗЕМЛЯ	
Всеволод Шимов	
Исторические судьбы и перспективы панрусизма	107
НАЦИОНАЛИЗМ И ГЕОПОЛИТИКА	
Сергей Бирюков, Андрей Коваленко	
Правоконсервативное лицо Восточной Европы.....	118
НАЦИОНАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ	
Азадех Замирирад	
Политика улицы	129
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ	
Сергей Беляков	
Лев Гумилёв и крах древнекитайского мультикультурализма.....	138
ВНУТРЕННЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Иван Русаков	
Кавказ и «мальтузианская ловушка».....	148
НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ	
Максим Жих	
Народ и власть в Киевской Руси (с начала XII в. до монгольского нашествия).....	160
ЮБИЛЕИ	
Олег Кильдюшов	
Руссо и национальная демократия: версия Карла Шмитта	176
ПОЛЕМИКА	
Александр Севастьянов	
Византийская агония: урок для России.....	183
IN MEMORIAM	
Александр Самоваров	
Русские без старой гвардии.....	210
ПУБЛИКАЦИИ	
Сергей Семанов	
Дневник 1969 года.....	216
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Две страны — один народ	235
Авторы номера.....	238
Summary	240

РОСТИСЛАВ АНТОНОВ

МИГРАНТИЗАЦИЯ РОССИИ

Администрация российская, чиновники и депутаты очень любят решать за русских, как нам жить, с кем жить и что делать. Последним наглядным примером является инициатива депутата от Республики Дагестан Гаджимета Сафаралиева о массовом завозе мигрантов на территорию Сибири и Дальнего Востока.

С Госдумой у нас последнее время вообще что-то не то творится. То человеческие жертвоприношения узаконить пытаются, то пресловутую 282-ю статью ужесточить. И эта инициатива органично смотрится в ряду таких же безумных законопроектов, предлагаемых и высказываемых другими депутатами, и на неё возможно было бы не обращать столь пристального внимания, не будь Сафаралиев председателем Комитета по делам национальностей.

В Дагестане вообще все — специалисты по межнациональным отношениям. И это очень мудро — назначать депутата региона, находящегося на грани (а может, и за гранью) гражданской войны, региона, раздираемого массой этнических конфликтов, региона, откуда практически полностью выдавили русских, — председателем комитета по делам национальностей Государственной Думы РФ. Он, безусловно, знает, как превратить Россию в один большой и процветающий Дагестан.

Итак, уважаемый депутат взял линейку, померил площадь Сибири и Дальнего Востока и родил тезис о необходимости 50–70 миллионов мигрантов для того, чтобы у нас наконец наступило счастье.

Причем уважаемого депутата несколько не смутил тот факт, что и до

того как он обратил внимание на Сибирь, там жили люди, и мнением этих людей было бы неплохо поинтересоваться.

Потому что планы у неокolonизаторов более чем серьезные. К 15 миллионам мигрантов, находящихся на территории России они хотят добавить еще 55 миллионов.

Что означает 70 миллионов мигрантов для Сибири и Дальнего Востока? Что это означает для экономики, демографии края? Как это скажется на рынке рабочей силы и уровне преступности? Задумывался ли об этом уважаемый депутат? Думает ли об этом Государственная Дума и Правительство, поспешно проталкивая подобный законопроект?

В настоящий момент на территории региона проживает порядка 26 млн. человек. Согласно последней переписи населения, до 90% населения региона составляют русские. Уровень безработицы по Сибирскому федеральному округу держится на уровне 7% (2012 г.), на Дальнем Востоке порядка 11,5% (2010 г.). Число легальных и нелегальных мигрантов в регионе уже сейчас по некоторым оценкам превышает 2 млн. человек. Лишь незначительная часть из них проживает в регионе на полностью законных основаниях. Многие из мигрантов находятся на территории России без документов, не имеют работы, многие ведут асоциальный образ жизни. В городах начали формироваться этнические анклавы, слабо контролируемые местной администрацией.

Если говорить о мигрантах как о ресурсе для модернизации России, то и здесь польза от их присутствия далеко

не однозначна. Повышение эффективности и уж тем более производительности труда достигается не за счет увеличения количества работающих и понижения заработной платы, а за счет модернизации и автоматизации производства и повышения квалификации персонала.

Люди, многие из которых не имеют даже начального образования, не понимают русский язык, вряд ли смогут работать на современном предприятии, а рынок неквалифицированной рабочей силы имеет свои пределы. И эти пределы давно исчерпаны.

Но и это еще не все. Мы исчерпали и человеческие ресурсы Средней Азии. Из каких регионов Гаджимет Сафаралиев планирует рекрутировать «новых сибиряков»? Афганистан, Пакистан? Что это будут за люди?

При этом новые миллионы мигрантов приедут в Россию на пустое место. У нас нет крупных инфраструктурных проектов, где бы требовалось такое количество неквалифицированной рабочей силы, у нас нет денег на строительство этих проектов, у нас колоссальная официальная и скрытая безработица. Государство не в состоянии не то что занять всех этих людей, но и просто прокормить. Что они здесь будут делать, не имея никаких перспектив в России, ни денег чтобы отсюда уехать? Этим самым мы формируем рынок лишних людей и создаем по сути революционную ситуацию, по сравнению с которой все разговоры об угрозе «оранжевой революции» выглядят просто смешными.

Задумайтесь. В страну предлагается завезти миллионы молодых агрессивных людей, у которых нет работы, нет и никогда не будет социальных гарантий, жилья и будущего. И столкнуть их с малочисленным населением региона, чуждым им и этнически, и культурно. Каков будет результат этого эксперимента — несложно предугадать.

К сожалению, этот план уже полным ходом осуществляется. Только за

прошедший год в два раза вырос поток мигрантов в регион.

Однако до настоящего времени ему не доставало юридического оформления. Но с учетом кадрового потенциала Государственной Думы это вопрос технический. Рассматриваемый в Государственной Думе законопроект об упрощенном получении гражданства РФ в случае его принятия окончательно снимает все юридические преграды для новой, теперь уже исламской колонизации России.

Партия «Демократический выбор России» выступила с обращением к Государственной Думе с требованием отозвать указанный законопроект. По мнению лидера партии Владимира Милова, «законопроект фактически предлагает разрешить раздавать направо и налево российское гражданство неопределенному кругу иностранных граждан и лиц без гражданства на основании лишь одного критерия — признания их «соотечественниками» в соответствии с Федеральным законом».

Под определение «соотечественник» подпадают практически все жители стран постсоветского пространства, в том числе и родившиеся на территории этих стран после распада СССР, и приехавшие на их территорию из любых (!) других стран — от Афганистана до Китая.

Фактически закон отдает вопросы предоставления российского гражданства на аутсорсинг правительствам бывших республик СССР, прежде всего среднеазиатских, которые смогут торговать предоставлением гражданства своих стран любым лицам, подразумевая, что впоследствии эти лица смогут легко получить гражданство РФ по новому упрощенному порядку.

Хуже то, что фактическая утрата Российской Федерацией контроля за тем, кто именно получает российское гражданство, приведет к наплыву в нашу страну террористов и преступников, получивших гражданство какого-

нибудь Таджикистана, а вследствие этого — право претендовать на гражданство России.

Эту проблему, в частности, признал глава ФСКН России В.П. Иванов, заявивший 10 ноября 2012 г. в эфире радиостанции «Эхо Москвы», что «институт двойного гражданства — это не очень хорошая вещь», и тиражировать эту практику «не нужно, поскольку мы видим, что 50% наркокурьеров из числа иностранных граждан имеют еще и российское гражданство».

Если заглянуть на сайт Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, то в перечне самых разыскиваемых наркодилеров мы не встретим ни одной русской фамилии. При том, что многие из перечисленных там лиц с самыми экзотическими именами давно уже стали гражданами России. Близкая к этой ситуация складывается и по другим преступлениям.

Если озвученная выше программа действительно будет реализована, то мы получим вовсе не новый импульс к развитию России. Мы получим огромную, никем не контролируемую территорию, где будет действовать не сила Права, а право Силы. Территорию дикости и запустения с отдельными исчезающими островками русской цивилизации, сметаемой миграционным потоком. Закономерным итогом будет демонтаж российской государственности и гибель страны.

И это не только мое частное мнение. Национально-Демократическая партия провела опрос, в котором приня-

ло участие более 500 человек, в Новосибирске, Барнауле (Алтайский край), Братске (Иркутская область), Томске (Томская область), Чите (Забайкальский край). Респондентам задавался один и тот же вопрос об их отношении к данной инициативе.

8,3% опрошенных воспринимают возможный приезд такого количества мигрантов как положительное явление.

3,2% считают, что приезжие должны проходить через специальные адаптационные центры, чтобы лучше освоить традиции и культуру принимающей страны.

15% считают, что в Сибири и так высокая безработица и низкая заработная плата, а сам регион не способен принять такое количество переселенцев.

73,5% считает, что в случае реализации указанных планов Россия утратит контроль над территорией Сибири и Дальнего Востока.

Из результатов опроса видно, что инициативу по завозу 50 или 70 миллионов мигрантов в Сибирь жители последней не то что не поддерживают, но считают крайне опасной и угрожающей суверенитету и целостности Российской Федерации. Тех же, кто высказывает подобные инициативы и более того — пытается превратить их в законопроекты, на наш взгляд, нужно самым тщательным образом проверять на предмет аффилированности с международными террористическими и экстремистскими силами.

Павел Крупкин

РУССКИЕ — НАВОЗ ДЛЯ ЭТНОКОРПОРАЦИЙ?

О СУБЪЕКТАХ «НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ» РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В развитие пожеланий Президента¹ группа товарищей разработала проект Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации², где, как и ожидалось³, не предусмотрено никакого пространства для развития хоть какой-нибудь субъектности для саморазвития представителей русского народа⁴. Русским предназначается (см. п. 8 Стратегии) лишь «объединять» и «скреплять», но даже развивать свою «русскую культуру» они уже самостоятельно не имеют права, поскольку, в соответствии с проектом, «русская культура» отчуждается от русских в пользу всех других, «кто вхож», кто тоже ее «носит»,

но почему-то не желает при этом называться «русским»...

Изощренность подобного теоретического словоблудия (демонстрированного текстом Стратегии во многих местах) ставит вопрос об устройстве мышления производящих такое теоретизирование людей, вопрос о том, что же в их головах делает отношение к прилагательному «русский» очень положительным в связках «русская культура», «русская земля», «русское поле», и очень отрицательным в связках «русские люди», «русский этнос», «русская нация». Возможным решением данного вопроса является следующая формализация соответствующей структуры начальственного сознания, которая сидит в бэкграунде их видения мира, определяя его: Россия представляет собой уникальнейший цветник с разнообразием прекраснейших цветов, которые произрастают на жирном навозе.

Цветы данной структуры соотнесены с разрешенными начальством корпорациями и аффилированными с данными корпорациями «лучшими людьми» общества, а навозом для нее является все остальное — включая практически всех прочих автохтонов Русской равнины, которым «не повезло быть отобранными в “лучшие”».

Предлагаемая схема объясняет многое в нашей «национальной политике». И то, почему начальство «из русских» так злобствующе русофобно (ведь «цветок» — он уже того, он из друго-

¹ Путин В.В. Россия: Национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

² Проект Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации // ИА REX. 12.10.2012. URL: <http://www.iarex.ru/articles/30062.html>

³ Крупкин П.А. СССР 2.0. Версия Путина. // АПН. 24.01.2012. URL: <http://www.apn.ru/publications/article25776.htm>

⁴ Напомню, что субъектность сообщества определяется его возможностями по определению / формулированию своих интересов, по планированию и совершению действий в части продвижения / защиты этих самых интересов — в общем, всем тем, что дает коллективному социальному агенту быть активным игроком на политическом поле страны.

го материала, он «что-то высшее», он не «навоз» какой-нибудь!), и то, почему русским не даны ни республики, ни даже национально-культурные автономии (ну какие можно слепить «цветы» из «г**на»?), и в части «государствообразования» (ну разве можно что-то хорошее «образовать» из «навозной субстанции», пусть даже жирной?), и общие проблемы русских людей со свободой в стране (ну разве может быть «навоз» целью? — навоз может быть только средством!).

Все начальственные метафоры по «скреплению» и «объединению» тоже сюда хорошо ложатся — без объединения почвой «цветы» не будут «цветником» — они будут разве что засыхающим букетом, т.е. в части удобрения, отдачи «соков», «навоз» — это полезнейшая вещь. И с «русской культурой» все в таком раскладе ясно — на «культуру» брошена специальная корпорация, которая цветет себе вполне успешно — произрастая все на том же «навозе»...

Но если русские не рассматриваются в рамках предлагаемой национальной политики как субъекты «национальной политики», то кто же те герои, которые там будут действующими акторами? Для кого собственно пишется Стратегия, для каких таких «цветов» из нашего «букета»? На этот вопрос в Стратегии дан вполне официальный ответ (см. п. 9): «Российская Федерация избрала федерализм и национально-культурную автономию как два пути организации государственного управления и политики интеграции и сохранения культурного многообразия и единого культурного пространства России».

То есть нормальными членами той самой «корпорации корпораций», которую представляет собой Российская Федерация, являются *этнические корпорации* — интереснейшие субъекты политического поля страны. Этнокорпорации (ЭК) бывают у нас двух типов — те ЭК, которым дан

кусочек земли «в кормление» (будем называть их ЭК-А), и те ЭК, которые такового куска земли лишены (ЭК-В). Территориальное ядро ЭК-А обеспечивает подобной корпорации ресурсную базу ее политики, хотя ее диаспоры (часто организованные как ЭК-В) тоже могут быть достаточно ресурсообеспеченными, монополизируя какие-то направления экономической деятельности.

Исторически ЭК на территории России возникли еще во времена Романовых — очень мощной, например, была немецкая ЭК, устроенная по принципу ЭК-А с территориальным ядром в Прибалтике, — вспомним хотя бы знаменитое ермоловское: «Государь, произведите меня в немцы!»⁵ Но на поток пустил образование ЭК-А в рамках ленинской национальной политики Сталин, под чьим общим руководством были созданы и закреплены в обычаях все ЭК-А советского времени. Сталин также оттранжировал созданные ЭК в определенную статусную иерархию. Управление в ЭК-А в СССР было сбалансированным в этническом плане, какие-либо этнократические перекосы пресекались политически. Имелись в советское время и ЭК-В, самой влиятельной из которых была еврейская этнокорпорация.

По результатам революции конца прошлого века наиболее высокостатусные ЭК-А получили независимость, образовав свои государства. Прочие ЭК-А в России были выравнены в официальном статусе, но неофициально некоторым из них удалось установить в рамках своего территориального ядра этнократические режимы, попав в ряд самых влиятельных корпораций

⁵ *Сергеев С.М.* «Хозяева» против «наемников»: Русско-немецкое противостояние в императорской России // Вопросы национализма. 2010. №3. С. 48. См. также вообще о проблеме этнокорпораций в русской истории: *Он же.* Еще раз об этнокорпорациях в русской истории // ВН. 2011. № 5.

России. Наряду с ЭК-А в России сформировались достаточно мощные политически ЭК-В, некоторым из которых удалось «оторвать себе» «для кормления» приличные экономические куски — см., например, контролирующую московские рынки азербайджанскую ЭК. Диаспоры ЭК-А также бывают успешными в захвате «экономических сладостей» страны.

Для легализации диаспор и ЭК-В была предложена юридическая форма национально-культурных автономий (НКА)⁶. Интересно, что НКА часто презентуются как альтернативная форма так называемого национального самоопределения — в замещение требования этносами себе отдельного национального государства. Данный подход лежит в контексте марксистского представления о развитии этноса (племя => народность => нация)⁷ и исключает, например, образование НКА из землячеств — выходцев из одного места — как, собственно, исторически составлялись нации в средневековых университетах⁸.

Но если отвлечься от марксизма и взять современное западное понимание термина «нация», следующего из политической практики развитых стран⁹, то можно увидеть, что полити-

ческие идентичности наших ЭК далеки от того, что формируется в рамках политического сообщества «современная развитая нация». Конечно, тут прежде всего следует отметить исключение в рамках НКА установки на суверенитет — для чего, собственно, данная социальная форма и была затеяна. Помимо этого нация характерна вменением своим членам установки на равноправие, в то время как российские ЭК по наводимым ими установкам сугубо иерархичны. Именно последнее и проявилось в развитии соответствующих советских республик, ставших вдруг независимыми государствами — все они после 20-летнего «дрейфа» оказались в итоге архаическими этнократиями, и даже в рамках правящих сообществ данных стран адекватные нациям порядки удалось установить лишь прибалтам.

Естественно, что для русского населения НКА в России запрещены¹⁰, т.е. русским людям в нынешних условиях не дают вступить в игру именно как «русским», им не даны ни ЭК-А, ни ЭК-В — такое вот у нас «равноправие народов». Правда казакам удалось все же «оторвать себе» ЭК-В, и мы видели какой поднялся вой ввиду перспективы данной этнокорпорации получить некоторые дополнительные ресурсы в рамках территории Краснодарского края¹¹.

Так что в части этнической эмансипации русскому народу, увы, еще да-

⁶ Федеральный закон 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ.

⁷ См., например, учебник: Этнография / Под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. М.: Высшая школа, 1982.

⁸ См., например, текст: *Верже Ж.* История средневекового университета. URL : <https://sites.google.com/site/nechaevsite/pedpsycho/verzhe-zh>

⁹ Синтез современного понимания понятия «нация» может быть представлен следующим образом (Нация: словарная статья // Центр изучения Современности. URL: <http://modernity-centre.org/2011/04/25/nation-01/>): *Нация* — это воображаемое сообщество, объединенное коллективной идентичностью, значимой частью которой являются психологические установки (1) на суверенную госу-

дарственность и (2) на равноправие включаемых в сообщество людей.

¹⁰ См. обзор положения дел вокруг НКА, например, в книге: *Осинов А.Г.* Этничность и равенство в России: Особенности восприятия. М.: Центр «Сова», 2012. С. 134–136.

¹¹ Здесь имеется в виду инициатива губернатора Краснодарского края Ткачева привлечь казаков к наблюдению за общественным порядком. См., например, заметку: Александр Ткачев указал казакам на Кавказ // Коммерсантъ. № 143/П (4928). 06.08.2012. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1996149>

леко до тех уровней, которые в нашей стране уже достигли многие другие этносы, особенно те, которые были избраны «особенно красивыми цветами» правящим страной начальством. Становится также понятным, для чего начальству вдруг потребовалась «национальная политика» — она будет определять разметку политического поля для игры отобранных началь-

ством этнокорпораций, куда представителям русского народа пока хода нет. Потому самое время озаботиться внесением своей разметки — хотя бы попытками деконструкции базового русофобского мифа, сформулированного выше.

Русские люди достойны быть в России не только объединяющим других навозом!

Фонд поддержки и развития гражданского общества «РОД»
создан в марте 2009 г. решением активистов
Русского общественного движения.

Президент Фонда — известный публицист,
деятель русского национального движения К.А. Крылов.

Дата государственной регистрации Фонда «РОД» — 15 мая 2009 г.

Свою деятельность Фонд осуществляет на основе

Федерального закона РФ «О некоммерческих организациях».

Целью деятельности Фонда «РОД» является содействие развитию русского гражданского общества, поддержка русского национального движения, привлечение на благотворительной основе средств для финансирования общественно значимых программ и проектов.

Реквизиты Фонда развития и поддержки гражданского общества «РОД»

Полное наименование: Фонд развития и поддержки гражданского общества «РОД». Сокращенное наименование: Фонд «РОД»

ОГРН 1097799008977, ИНН 7705043648, КПП 770501001

Юридический адрес: 115093, Москва, ул. Б. Серпуховская, д. 44, ком.19

Банковские реквизиты : КБ «Интеркоммерц» (ООО) г. Москва

Р/с: 4070 3810 7000 0000 3564

К/с: 3010 1810 5000 0000 0684

БИК: 044552684

НАСЛЕДИЕ СССР: ЧТО ВЗЯТЬ В НОВУЮ РОССИЮ? ЧТО РЕШИТЕЛЬНО ОТБРОСИТЬ?

Экспертный опрос

**Надежда Шалимова, шеф-редактор
журнала «Вопросы национализма»**

Вот уже более двадцати лет не утихают споры о том, что хорошего и что плохого было в СССР.

О том, что было хорошего — мнения практически единодушны: бесплатное жильё, образование и медицина, повсеместная занятость, стабильная зарплата и пенсионное обеспечение, социальные гарантии для всех (санаторий раз или два в год, спортивные базы, дачные участки, бесплатный детский досуг и т.п.), высокий уровень личной безопасности, наконец — выдающиеся достижения в науке, искусстве, спорте.

Многим нравится то, что социально-экономическая модель, построенная в СССР, ориентировалась скорее на удовлетворение потребностей общества, в отличие от сегодняшней, которая ориентируется на максимизацию прибыли, к тому же присваивающейся меньшинством. И даже наступившее изобилие товаров на витринах, половина из которых не стоит своих денег, а другая слишком дорога для среднего российского жителя, не опровергает этот тезис.

Что было плохого в СССР? И здесь мнения не расходятся. Все понимают, что в СССР отсутствовали права и свободы. Отсутствовала свобода слова и доступ к информации, равно как и свобода передвижения: за границу могли выехать немногие. Заниматься чем хочешь и зарабатывать вне госу-

дарственной системы было запрещено. Раздражало всё усиливающееся научно-техническое отставание от Запада. Советские товары были некачественными или морально устаревшими. Угнетало отсутствие права на собственность, невозможность иметь землю и жильё.

Существовали и другие проблемы, которые советским обществом осознавались не вполне. Например, советская национальная политика, неравноправие народов, прежде всего русского народа, привела к взрыву окраинного национализма и распаду СССР. Милитаризованная экономика рухнула под собственной тяжестью. Наконец, внешнеполитические амбиции обернулись не просто крахом, а полной изоляцией России.

Тем не менее мое детство прошло в СССР, моя юность пришлась на период стагнации и распада великой страны. Сегодня, когда я работаю во имя создания совсем другого государства, чем был Советский Союз, мне хотелось бы, чтобы какие-то советские черты — лучшие, а не худшие — в нём всё-таки сохранились.

Сергей Волков, доктор исторических наук

Во-первых, вопрос кажется несколько странным. СССР был творением коммунистической партии, созданном ею для реализации своей программы, и никакого иного смысла своего существо-

вания никогда не имел. У него не было никаких иных целей, отличных от целей КПСС. Абсолютно все его институты, установления и политические устремления были направлены на достижение целей, обозначенных в программных документах этой партии. По сути своей он был квазигосударством, зародышем несостоявшейся «земшарной республики Советов», в идеологии которого государство рассматривалось как временное зло и должно было со временем «отмереть», и лишь по необходимости обладал всеми атрибутами государственности. Поэтому постановка о заимствовании какой-то части его наследия «постсоветской» государственностью означает по существу определение той меры, в какой эта государственность желает руководствоваться теми же целями (при том, что цели эти она вроде бы отрицает).

Во-вторых, вопрос не вполне уместен, поскольку «новой» государственностью, существующей уже два десятилетия, он уже решен. РФ и де-юре и де-факто обозначила себя не только правопреемником, но продолжателем СССР. В РФ продолжают по умолчанию действовать все, не отмененные специально советские законы и постановления (но ни один закон добольшевистской России), в неизменном виде сохраняется государственно-административное деление, выражающее суть ленинской национальной политики, советско-коммунистическая топонимика и историко-культурное наследие (к нему принадлежит 97% памятников монументального искусства и 99% «памятников истории», зарегистрированных в реестре РФ). Наконец, правящий слой РФ составляет преимущественно либо советская номенклатура, либо выходцы из той же среды, руководствующиеся соответствующими идейно-политическими представлениями. Существовавшая под разными названиями правящая партия фактически является одной из фракций (наряду с КПрФ) прежней КПСС,

а «рыночная экономика» представляет собой лишь вариацию ленинского НЭПа (с той разницей, что в отличие от 20-х «обогащаться» позволили не настоящим предпринимателям, а самим функционерам режима).

Если бы речь шла о существовании вместо РФ какой-то действительно новой (по отношению к СССР) государственности — будь она правопреемственна исторической России или построена заново на какой-то совершенно новой основе (по «демократическому» образцу современных развитых стран или на основе разработок «нового русского национализма»), то государственно-политическое наследие СССР было бы отвергнуто целиком и полностью. Причем это неизбежно произошло бы объективно, даже независимо от желания и взглядов на дело строителей новой государственности, поскольку оно элементарно несовместимо ни с какой другой формой государственности.

При предельно широкой трактовке «наследия» (как вообще всего, что физически существовало в границах СССР) осталось бы, естественно, то, что было унаследовано СССР от исторической России (территория, население, ресурсы) или являлось результатом обычной человеческой деятельности, направленной на обеспечение своего существования (поскольку при любой власти что-то производится, что-то изобретается, что-то познается). Но трудно представить, как все это вообще может быть отвергнуто.

Говоря предельно кратко — при создании новой государственности было бы сохранено все, что составляет набор необходимых условий существования всякой нормальной страны, и ликвидировано все, что порождено спецификой советско-коммунистической власти.

Александр Шубин, доктор исторических наук

Советский Союз стал грандиозным синтезом российских традиций и ком-

мунистической идеологии. Каждая из этих двух составляющих несет в себе свои плюсы и минусы, причем от идеологии человека зависит, где он ставит минус или плюс.

Я ставлю плюсы здесь:

1. Солидарность людей на пространстве от Таллина до Кушки. Когда Газпром объявляет войну Белоруссии и Украине, мои симпатии — на стороне простых людей нашего советского пространства, а не эрэфовских топ-менеджеров.

2. Отсутствие кричащего социального расслоения. Номенклатурные привилегии — это нехорошо. Но они смешны по сравнению с нынешними дворцами и мегаяхтами эрэфовской «элиты». В позднем СССР я жил небогато. Но я вокруг меня не было нищеты.

3. Наличие в коммунистической идеологии высоких гуманистических целей. Да, коммунисты заблудились, я сам много писал о глубоких, системных причинах их поражения. Но они хотя бы пошли в том направлении, в котором человечество должно идти, чтобы выжить — к обществу социального равноправия, к обществу без угнетения, эксплуатации, социального господства. У мира нет другого пути, кроме социализма. Социализм — или варварство. Социализм — или смерть. Это сказали коммунисты, это повторяли советские люди. И с этим они победили фашизм. И с этим они проложили дорогу в космос. И без этого не выжить человечеству на планете Земля.

Я ставлю минусы здесь:

1. Могущество государственной машины, всевластие чиновника. Это погубило миллионы людей, это погубило социализм.

2. Несвобода информации, подавление инакомыслия. Полнота информации не гарантирует ясного зрения обществу. Но ее отсутствие — это слепота. Очень быстро советское общество стало слепым. Слепой легко попадает в яму.

3. Великодержавность. Стремление установить контроль там, куда тебя

не звали. Если без меры махать пудовым мечом — может развязаться пупок. Если везде совать свои длинные руки — легко попасть в капкан. Да, наша глобальная военная активность была объективно обусловлена, да, нас провоцировал коварный враг. Это многое объясняет. Но не оправдывает.

Я ставлю эти минусы напротив тех пунктов, которые наиболее милы нынешней власти. Это значит, что борьба за советское возрождение продолжается. Ее исход зависит от нас.

Александр Вдовин, доктор исторических наук, профессор МГУ

1. Надо распрощаться с политическим радикализмом, верхом которого является идея о необходимости мировой революции. По В.И. Ленину, большевики пошли на захват власти в России «исключительно в расчете на мировую революцию». Расчет погубил Россию в 1917 г. Если перестраивать жизненные основы, надо держаться И.В. Сталина и «строить социализм», иначе говоря — лучшее будущее, в «одной стране». Народы мира на конкретном примере убедятся, подойдет ли им построенное в этой стране как образец для подражания.

2. Надо распрощаться с идеей строительства и развития СССР и России как союза национальных республик без русской республики с правом их выхода из созданного государства (разработчики плана — В.И. Ленин и Л.Б. Каменев). Идея реализовывалась исключительно в расчете на превращение СССР в ВСССР (Всемирный СССР) и таила семена распада на протяжении всей его истории. Семена проросли в 1991 г.

3. Надо распрощаться с односторонней трактовкой интернационализма как альтернативы национализму, т.е. надо реабилитировать национализм.

Согласно Ленину, пролетарский интернационализм требует: 1) подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы

во всемирном масштабе; 2) способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала.

Трактовка интернационализма в духе равноправия и дружбы народов не принималась, поскольку якобы соответствовала мелкобуржуазным представлениям об этом феномене. «Мелкобуржуазный национализм, — писал Ленин, — объявляет интернационализмом признание равноправия наций и только, сохраняя... неприкосновенным национальный эгоизм».

Подлинный интернационализм — враг национальной культуры. Интернационалист, по Ленину, обязан считать националистическими мещанами всех, кто защищает лозунг национальной культуры, и должен следовать императиву: «Не “национальная культура” написано на нашем знамени, а *интернациональная* (международная), сливающая все нации в высшем социалистическом единстве».

Можно утверждать, что русскому человеку и всему российскому обществу на протяжении всего XX века в идейном плане постоянно предлагался выбор жизненных ориентиров — национализм (приверженность ценностям и интересам нации) и космополитизм, интернационализм в его социалистическом варианте. Главный выбор нашего времени заключается также в выборе между национализмом и космополитизмом в их исконных значениях. Выбирать надо национализм, хотя бы в сталинской трактовке кануна Великой Отечественной войны.

В мае 1941 г. Сталин пришел к выводу: «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм... Между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может

быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготавливает почву для вербовки разведчиков, агентов врага».

На наш взгляд, «правильно понятым национализмом» несколько не противоречит современным научным представлениям об этом феномене. Однако в мае 1941 г. времени для масштабной публичной разъяснительной работы и соответствующей перестройки пропаганды в СССР уже не оставалось. Трудности создавала необходимость слишком явного разрыва с Лениным, утверждавшим в своё время: «Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый “справедливый”, “чистенький”, тонкий и цивилизованный». Останавливал и страх перед возможными обвинениями Сталина со стороны партийных ортодоксов в переходе в национальном вопросе на гитлеровскую точку зрения, ставящую нацию и национальную идею в центр своей идеологии и политики.

Поражения СССР на первых этапах войны с Германией вызваны многими причинами, в том числе и теми, что были связаны с изначально ошибочными установками национальной политики, обусловившими пороки в национально-государственном устройстве СССР, в отношении к дореволюционной отечественной истории и роли русского народа в межнациональных отношениях. Корректировка идейных основ национальной политики, начавшаяся в конце 1924 г. и особенно заметная с середины 1930-х гг., не позволила до конца преодолеть все эти изъяны.

Антирусская линия, возобладавшая в СССР после смерти Ленина в сфере просвещения и культуры и имевшая таких влиятельнейших проводников как Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Н.И. Бухарин, М.Н. Покровский, Е.М. Ярославский, нанесла

огромный вред советскому обществу. Сталин прервал антирусскую линию, за что был обвинен Троцким в национал-социализме. Однако процесс консолидации народов СССР в единый советский народ на русофобской основе (Сталин не сумел ее устранить) оказался далеко не законченным.

После смерти Сталина советским властям не удалось совместить политику десталинизации страны с планомерной работой по дальнейшему укреплению патриотизма и здорового национализма. Здоровый национализм сегодня нужен всем как воздух.

Марк Любомудров, профессор, вице-президент Международного фонда славянской письменности и культуры

Из наследия эпохи большевистской диктатуры (после 1917 г.) — *взять*:

1. Решения Поместного собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг.

2. Воззвания патриарха Тихона к народу с обличениями большевистской банды.

3. Конституционно закрепленное положение о том, что «земля, ее недра, воды, леса. Заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи... и др.» «являются государственной собственностью, то есть достоянием народа» (ст. 6 Конституции 1952 г.).

4. Политику укрепления армии, ВПК, обороноспособности страны в целом.

5. Государственную поддержку учреждений науки, культуры, искусства, спорта, творческих союзов и организаций и т.п.

6. Социально-бытовое законодательство, которое народу удалось отстоять в борьбе с большевистским режимом: относительно дешевые транспорт, оплата ЖКХ, продовольствие, путевки в места отдыха и пр.

7. Бесплатное здравоохранение и образование

8. Система социальной защиты, пенсий, привязанных к стажу и зарплате.

9. Выравнивание доходов разных категорий населения.

10. Графу «национальность» в паспортах.

11. Регламент «прописки» в отдельных городах, которым угрожает перенаселенность. Меры по ограничению роста крупных городов с учетом улучшения качества жизни населения.

Надо *решительно распрощаться*:

1. С мифологизацией антирусской и богоборческой власти, начиная с богомерзких палачей русского народа Ленина–Троцкого–Сталина и кончая Горбачевым–Ельциным, их выкорышками и всей холуйской дворней.

2. С политикой русофобии и геноцида русского народа.

3. С дискриминацией — политической, экономической, культурной — русского народа. С донорством за его счет — для приоритетного развития инородческих республик.

4. С любыми формами подавления русского национального самосознания (пресловутый совдеповский «интернационализм»).

5. С бесконтрольностью и безответственностью перед народом центральной власти.

6. С политикой раскрестьянивания страны и беспощадной эксплуатации остатков сельского населения.

7. С политикой политического террора, порождавшей страх, подозрительность, атмосферу лжи, насилия. С практикой тотальной слежки и доносительства.

8. С псевдонаучной идеологией «марксизма-ленинизма» и сопутствующими ей человеконенавистническими установками «классовой борьбы», «диктатуры пролетариата» и т.п.

9. С установками (хотя бы и потенциальными) на расчленение России. В частности, образование СССР (1922) — один из этапов такого расчленения (право республикам свободного выхода из Союза). С заменой территориального деле-

ния страны на национально-этническое, что породило сепаратизм.

10. С уничтожением и оклеветанием Великого исторического, политического и духовного наследия русского народа, прежде всего славянофильского направления

11. С искусственно занижаемой оплатой труда, особенно труда крестьянского.

12. С практикой подбора политических кадров по критериям серости, безнациональности, беспринципности и лакейских способностей.

**Борис Кагарлицкий, директор
Института глобализации и социальных
движений**

Во-первых, надо понять, что это за новая Россия, чья Россия, в чьих интересах и так далее... Но в целом у меня есть впечатление, что все сейчас претендуют на какую-то долю наследия СССР, причём, как правило, не на самую лучшую. Если взять официальный дискурс, то в основном он апеллирует к имперской, милитаристской, иногда к консервативной части советской традиции, при этом полностью игнорируя социальное содержание. Даже не просто социальное содержание в смысле наличия социальных гарантий — об этом все говорят, но забывается, что это имело классовый смысл, была некая идеологическая целостность, которая имела связь с идеологией Просвещения и восходила к системе ценностей эпохи Французской революции. Если условно, то СССР — это проекция Просвещения, высшее на данный момент воплощение этих идей. Именно эту прогрессистско-просветительскую часть советского наследия стараются затолкать куда-нибудь под подушку, спрятать.

Что же касается новой России, то вопрос не может решаться механически. В зависимости от того, кто будет побеждать, как будут развиваться социально-политические события, будет и разная акцентировка, но условно,

упрощённо, есть два советских принципа, соблюдение которых необходимо, чтобы обеспечить элементарное выживание российской государственности в XXI веке: принцип социального государства и принцип модернизационного рывка, т.е. концентрация ресурсов на продолжение курса модернизации, который стал возможен благодаря разрыву с капиталистической мир-системой. Если бы разрыв с капиталистической мир-системой не состоялся, совершенно неочевидно, что возникло бы нечто аналогичное советской сверхдержаве. Хотя сейчас речь идёт не о сверхдержаве, да и не о державе вообще, а о выживании российского государства в качестве современной, модернизированной, индустриальной страны, что совершенно не гарантировано на данный момент.

**Наталья Холмогорова, директор
Правозащитного центра «РОД»**

Мой ответ будет развернутым, поскольку сама формулировка вопроса, на мой взгляд, несколько суживает и «обмеляет» проблему.

Любое суждение о государстве или общественном строе, хотя бы чуть-чуть возвышающееся над уровнем обывательского «мне нра / мне не нра», должно оценивать свой предмет по нескольким параметрам. Таких параметров я бы выделила пять:

1. «Политическое»: политическая система, форма правления, государственное устройство, наличие и объем прав и свобод, равноправие или неравноправие граждан, законодательство, судебная система, работа государственных институтов и (особенно!) правоохранительных и судебных органов, степень доверия граждан к ним и т.д. (Этот блок четко распадается на два: «свободы» и «порядок».)

2. «Социально-экономическое»: экономическая формация, законы, связанные с трудом, производством и торговлей, принципы налогообложения, наличие богатых и бедных и

степень разрыва между ними, общий уровень жизни, наличие и объем социальных гарантий, экономическое развитие или стагнация общества и т.д.

3. «Национальное»: взаимоотношения государства и государствообразующего народа, восприятие народом государства и себя в нем, взаимодействие с национальными меньшинствами, принципы решения межнациональных конфликтов, и т.д.

4. «Смысловое»: ответы на вопросы: зачем существует это государство / общественный строй? Каковы его отличительные особенности? Чем оно лучше (или хуже) соседних государств? Почему граждане должны проявлять к нему лояльность? Какова его историческая судьба? Где важнейшие точки его истории, в чем его успехи, в чем провалы? Существует ли у него какая-либо глобальная задача (в масштабах региона, континента, человечества) и какова она?

5. «Внешнеполитическое»: какое место занимает это государство среди других? Как строит свои отношения с соседями? Как «выглядит», на что претендует, к чему стремится во внешнеполитических отношениях? Как изменяется его положение в мире с течением времени?

Гармоничным общественным строем можно назвать такой, который уделяет внимание всем пяти областям — и в каждой из них предлагает ответы и решения, соответствующие (или хотя бы не слишком сильно противоречащие) представлениям и пожеланиям народа.

Ни оценка какого-либо режима, ни ответ на вопрос о том, что из него хотелось бы сохранить/вернуть, не будут полными, если не пройти последовательно по всем пунктам.

Что мы видим, вспоминая зрелый СССР? (Я говорю о периоде «застоя», поскольку именно СССР этого периода входит в непосредственный опыт нашего поколения — и является ближайшим прошлым, «опытом отцов», для поколения следующего. предше-

ствующие эпохи уже полностью принадлежат истории.)

1) -/+. Авторитарное общество, права и свободы граждан сильно ограничены; однако в области «порядка» достигнуты немалые успехи. По контрасту с последующим, эпоха СССР вспоминается как утомительно скучная, предсказуемая — и **ОЧЕНЬ** безопасная.

2) +. Создано сильное социальное государство, в котором практически отсутствуют нищета, безработица, страх перед завтрашним днем. Социальная инфраструктура хорошо развита и выходит далеко за пределы «предметов первой необходимости»; даже низкооплачиваемые слои населения обладают большими возможностями, связанными в первую очередь с бесплатным и очень качественным образованием.

3) -. СССР был государством не просто ненациональным, но антинациональным. Национальное самосознание и национальные чувства коммунистическая идеология считает злом и стремится искоренить. Официальная цель советского строя — создание новой идентичности «советского человека», перекрывающей и вытесняющей национальные идентичности. На практике это часто оборачивалось политической позитивной дискриминации национальных меньшинств за счет русских. А создание квазигосударственности национальных меньшинств оказалось настоящей бомбой, заложенной под само существование Советского Союза, — и 70 лет спустя эта бомба взорвалась.

4) +/- . Советская идеология предлагала гражданам грандиозную «мессианскую» картину мира, в которой Советский Союз был форпостом будущего в настоящем, первой ласточкой совершенно нового общественного устройства и новой счастливой жизни. Русский народ в этой картине мира — героический народ-первопроходец, живой пример для окружающих, который ведет другие народы СССР и всей

земли за собой в дивный новый мир. Картина привлекательная, для государствообразующего народа весьма лестная — однако к 70-м годам она заметно поблекла (если не протухла), и слишком очевидно сделалось ее расхождение с реальностью.

5) +. Советский Союз был державой мирового уровня, вел независимую внешнюю политику, мог быть и мощным союзником, и грозным противником. Современные националисты часто говорят о том, что его цели на внешнеполитической арене, если сопоставлять их с национальными интересами русских, были бессмысленны или даже вредны. Что ж, как мы уже отметили, русским национальным государством СССР действительно не был. Однако важно, что у него было достаточно сил и политической воли, чтобы вести свою игру и преследовать свои цели на мировом уровне.

Теперь посмотрим, что произошло со всеми этими параметрами после крушения СССР.

1. Авторитарное общество сменилось квазидемократическим — но очень ненадолго. Расстрел «Белого дома» покончил с политической демократией; а права и свободы граждан (которым чуть раньше придавалось сверхценное значение — считалось, что ради их достижения можно пожертвовать всем остальным) при Путине начали стремительно «схлопываться». Что же касается «порядка» — он рухнул сразу и бесповоротно.

2. Социальное благополучие народа и экономическое развитие страны ухнули в бездонную пропасть.

3. Национальная политика сделалась еще хуже. Казалось бы, возможно ли такое? Путин доказал: возможно! Концепция «многонациональности», с квазигосударственными республиками нацменьшинств и позитивной дискриминацией, полностью перешла из СССР в РФ. Русский народ утратил даже те слабые следы государственности, какие были у него в РСФСР.

Прежняя политика, в обращении с нацменьшинствами сочетавшая пряник и кнут, сменилась неразборчивой раздачей пряников, потаканием и подкупом полубандитских этнических группировок. А вместо идентичности «советского человека», имевшей определенный смысл и содержание, нам теперь навязывают уже абсолютно бессмысленную, мертворожденную идентичность «россиянина».

4. Советская система смыслов, подгнившая, но еще стоявшая, была не просто обрушена, но торжественно втоптана в грязь — и заменена «анти-смыслом». Если советские идеологи в свое время, разрушив идеологию и мифологию Российской Империи, тут же заменили ее новой идеологией и мифологией, куда более патетической и цветастой, — антисоветчики, разрушив советский миф, оставили на его месте гнойную рану. Все советские плюсы в оценках сменились на минусы, но новых плюсов не появилось. Вся история России превратилась в сплошную цепь ужасов, злоключений и неудач. Доктрина «русские — героический народ, живой пример и учитель для окружающих» сменилась почти официальной доктриной «русские — народ-мутант, несчастный уродец, живой пример того, как жить не надо». Результатом стала аномия (утрата социальных ориентиров), массовая деморализация, широкое распространение среди русских ненависти и презрения к собственной идентичности. Именно это в значительной степени стало причиной незащитности русских перед социальными и этническими угрозами 90-х и 2000-х годов.

5. Из мировой державы Россия превратилась в страну третьего мира. Вопрос об интересах русского народа на международной арене закрыт за неактуальностью: «Где ты ничего не можешь, там не должен ничего хотеть».

Из этого понятно, от какого наследия СССР нужно отказаться, а какое стоит сохранить или вернуть.

— Необходимо отказаться от национальной политики, унаследованной Российской Федерацией от СССР. От идеологии интернационализма / «толерантности», от уродливой «асимметричной федерации», от квазигосударственных национальных анклавов на территории РФ, от открытых границ со среднеазиатскими странами и бесконтрольной миграции, от политики закармливания нацменов деньгами и привилегиями за счет русских. Россия должна определить себя как русское государство, существующее, в первую очередь, в интересах государствообразующего народа.

— Необходимо отказаться от авторитаризма — порока, который уже стал причиной (или, по крайней мере, весомым поводом) падения советской власти и вполне может стать причиной падения власти нынешней.

— Необходимо вернуть и приумножить уровень благосостояния, характерный для СССР середины 80-х годов. Не предлагаю возвращать его *теми же методами*. Это просто невозможно — два раза в одну реку не войдешь. Однако нельзя закрывать глаза на то, что сильное социальное государство для большинства современных русских является важной позитивной ценностью. Ностальгия по СССР процентов на 80 связана именно с утратой социальных благ и острым ощущением этой потери. Для любого «антисоветчика», мне кажется, должно быть делом чести не просто вернуть, но и превзойти то, что было сделано в СССР в этом направлении.

Четвертый и пятый блоки необходимо сохранить, так сказать, структурно, наполнив новым содержанием.

— Необходимо создать новую систему смыслов, представляющую русский народ, его историю, формы его существования в прошлом и настоящем в позитивном ключе — так, чтобы осознание своей национальной идентичности стало для русских ресурсом, а не предметом скорби и стыда.

— Необходимо вернуть России положение сильного независимого государства, ведущего самостоятельную и осмысленную внешнюю политику в интересах русского народа. Или, по крайней мере, достичь такого внешнеполитического положения, которое не будет восприниматься самими русскими как «унизительное», как состояние тягостной неудачи.

Конкретные пути решения этих задач, предложенные СССР, для национального государства, очевидно, не годятся. Однако сама необходимость обращать внимание на эти задачи и как-то их решать не подлежит сомнению. За ними стоят естественные человеческие потребности, важные как для отдельной личности, так и для человеческих сообществ, — потребность в признании, уважении, в ощущении своей компетентности и силы, в позитивной самооценке, в экзистенциальной полноте жизни. Нынешние националисты иногда пытаются отрицать сами эти потребности, объявлять их «навязанными» и ложными — на мой взгляд, это глубоко ошибочный путь.

Есть и еще один важный поворот этой темы. СССР отошел в прошлое, сделался частью нашей истории (причем частью еще «живой», входящей в наш непосредственный опыт) — и, как таковой, стал элементом представлений русского народа о себе. Воспоминания о СССР и его оценки прямо влияют на самосознание и самооценку русских. Значительное число русских связывают себя с СССР не потому, что питают идейные симпатии к коммунизму или многонациональности, а просто потому, что в этой стране они родились, в этой стране прошло их детство и, возможно, молодость, прошла жизнь их родителей и дедов. Гибель этой страны стала для них потрясением, запомнившимся на всю жизнь. Советские реалии — это то, что сформировало их личность, от чего невозможно отказаться, не отказавшись от самих себя. Они воспринимают со-

ветское прошлое как неоднозначную, возможно, трагическую, но органическую часть своей личной истории и/или истории своих предков.

Этот отпечаток в душах людей — и есть то наследие СССР, который мы продолжаем нести с собой, хотим ли этого или не хотим. Его можно переосмыслить, но вряд ли возможно от него избавиться. И точно ли нужно избавляться?

Но здесь все зависит от того, как относятся к русским русские националисты — видят ли в них людей, равных себе и заслуживающих уважения, или «человеческий материал», который необходимо перекроить и переделать сообразно своим идеалам... И это уже совсем другая тема.

Максим Брусиловский, публицист

СССР замышлялся его отцами-основателями как принципиально антитрадиционная конструкция, имеющая, однако, чёткую внутреннюю логику. Отрицающая как веками сложившуюся российскую государственность («Империя — тюрьма народов» — не уставали вдалбливать со школы), так и роль русского народа как государство-, т.е. империообразующего. И на протяжении всей её истории советскую систему так никому и не удалось от этой логики увести. Никакие «евреи-большевики», «сталинисты» и сам «отец народов», деятели «хрущёвской оттепели» и «брежневского застоя» так и не смогли внести в эту логику принципиальных изменений. Никакие временные и локальные отступления от «генеральной линии» не стали мейнстримом. Ленинский «отход от социализма в виде НЭПа» закончился сталинским разгромом предпринимателей, сталинское вынужденное «возрождение патриаршества» сменилось хрущёвскими гонениями на церковь, брежневские старческие послабления продолжились андроповскими облавами в магазинах и расстрелами хозяйственников. Никто, включая пра-

вителей, не смог произвести хотя бы слегка значимых перемен.

Таким образом, вопрос о сохранении или отказа от него мне представляется сугубо теоретическим и не имеющим практического применения. Если, конечно, речь идёт не о формальном декоре — будь то кремлёвские рубинового стекла звёзды и соцреализм в искусстве или же истерическое почитание «Великой Отечественной войны» в лучших традициях застойного агитпропа.

СССР — это овеществлённая идеология, наивысшая форма фукидидовской истории как философии в примерах, застывшее в камне высоток политическое учение прошлого века, страшная сказка, рассказанная человечеству на ночь.

Ничто из этого повторить нельзя. Целое здесь не распадается на детали, годные к употреблению в новых агрегатах. Некогда живая и сильная система умерла, иссохла, как иссыхает закончившее свой век (или, если угодно, срубленное) гигантское растение. Его можно было сжечь и согреться, но его оставили тихо гнить. Запах стоит соответствующий, хотя кому-то и он сладок.

Единственное, что сейчас осталось от СССР, — это «люди прошлого». Мертвецы, хватающие живых. Кто-то из них лежит в грязи, сотрясая воздух стенаниями о былой силе и проклятиями нынешней слабости. Иные, успевшие вовремя ухватить кусок некогда «общенародного добра», выбились «в князи», сохранив при этом комиссарские гены и пытаясь передать их потомкам. Вот от такого наследия хотелось бы отделаться окончательно.

При этом некоторая часть «завоеваний социализма», за возврат или сохранение которых так бьются отдельные энтузиасты, де-факто не имеет к СССР прямого отношения. В бесплатном образовании и здравоохранении нет ничего специфически советского.

Это нормальная часть современного европейского общества (причём там всё это куда более высокого уровня, нежели при соввласти). Раздача социального жилья малоимущим тоже осуществляется... Социальные блага вполне можно культивировать безо всякой оглядки на советское прошлое, а скорее как приобщение к европейским ценностям, о которых в последнее время идёт столько дискуссий.

Тех же, кто, глядя на современную жалкую Эрэфию, продолжает ностальгировать по отсутствующему «большому стилю», можно успокоить — у нас ещё будет много интересного. Текущее безвременье пройдёт. Нам предстоит или раствориться в небытии, очистив пространство и время от своего присутствия, и заставить «минуты роковые» окончательного падения некогда великой державы. Или вновь хватит сил выжить, отстроиться и устроить очередные «русские сезоны» во всемирном масштабе.

Но оглядываться назад не стоит в любом случае.

Сергей Шаргунов, писатель

Ностальгия по Союзу — это ностальгия по сильной стране, сверхдержаве, с которой трепетно считаются во всем мире, которая имеет первоклассную науку, строит по городу в год, контролирует полмира, всюду художественно проповедует (пускай и не всегда выполнимую и часто уродливо реализуемую) идеологию братства и нестяжательства. Это ностальгия по осмысленности жизни.

Можно справедливо упрекать советское правительство, что слишком много сил и средств тратилось на чужие земли и племена, да и в самом СССР жителям Центральной России не уделялось должного внимания в то время, как жители Средней Азии плодились и размножались. Однако слово «русский» звучало тогда так громко и серьезно, как сейчас и не снилось, русский язык и русская культура домини-

ровали во всех союзных республиках, а материальное и моральное состояние русских и всех жителей 1/6 суши было несоизмеримо лучше нынешнего.

Я не люблю презрительное слово «совок», хотя вырос в антисоветской среде и единственный в школе не вступал в октябрята и не повязывал пионерский галстук. Уже в начале девяностых мне стало понятно хрестоматийное: «советский–антисоветский — одно и то же». Рьяное неприятие всего советского периода отдаёт мелкотравчатой болезненностью и смотрится жалко.

На самом деле чудесные черты советских людей — продолжение их недостатков, и наоборот.

Наив, инфантилизм, прекраснодушие, панибратство... «Совки», как слепые котята, полетели в холодную воду. Теперь люди другие, но все-таки та светлая детскость, которая есть не столько в советских, сколько в наших родных людях, сохраняется.

Есть такие бытовые заморочки, из-за которых в сердцах ругаешься: «Совок!». С кем не бывает, правда? Очередь в магазине, тормознутость в отеле на ресепшене, дикость официантки, и слетает раздраженное: «Совок!». Да, бытовой «совок» — это заветренная хамоватость продавщиц, официанток, проводниц, теток в каких-то учреждениях... Почему-то с этой стороной «совка» ассоциируются именно дамы. Может быть, чтобы быстрее оттаять и тепло улыбнуться: какие милые, какие естественные и привольные... Внутренне свободные. Как Клавдия Шоша в романе Томаса Манна «Волшебная гора».

А еще у совка было два глаза. Я так и говорю: двухглазый совок. Один глаз — солидарности и социальности — выколот. Подслеповатым был, но все же был. Другой — политического контроля — промывают, чтоб шарил по стране. То есть нынешняя система во многом берет из прошлого худшее, конечно, с поправкой на эпоху. Только собственность элита научилась кон-

тролировать в отличие от дедушек из Политбюро.

Поэтому прямо отвечая на вопрос: что брать из прошлого — скажу так: брать социальную защиту и сильную державу. От чего отказываться — от репрессивности, фальши и маразма. От того циничного двоемыслия, которое переполняло комсомольцев 70-х, впоследствии раздербанивших «народное достояние». Однако, возвращаясь к социалке, в те же 70-е в обычные русские деревни стали завозить рояли в школы, а сейчас эти сгнившие рояли можно обнаружить в развалинах среди лесов. А еще в лесах блестят змеями остатки узкоколеек, которые прокладывали к торфяным разработкам...

Иван Есаулов, доктор филологических наук

Что «взять»? Ответ у меня короткий: ничего. За тем исключением, о котором скажу в конце. Или всё сделать для того, чтобы из этого советского наследия вычленил и затем обезвредить его русофобский вирус. Или минимизировать его вредоносность, по крайней мере. Не знаю, что понимается под «новой Россией», однако если речь идет об огрызке, оставшемся именно от СССР, то это никакая не «Россия», а ухудшенная «РСФСР», «РФия». С какой стати мне-то принимать большевицкие границы, оскорбительные для русского народа и нелегитимные, да еще считать это «Россией»? Потому что так обозвали этот кусок советские коммунисты, которых я не уважал ни в брежневские годы, ни в более позднее время? Или потому, что это удобно нынешним их наследникам? Ну вот пусть они это так и называют. Но не я.

С какого перепуга для меня, русского человека, поколения и поколения предков которого глубоко укоренены в русской истории, Киев, Минск, Донецк, Одесса, Харьков, Витебск, Верный, Семипалатинск, Могилев, Витебск вдруг менее значимы, менее «мои», чем, например, Назрань или

Гудермес? Киев, что ли, менее «Россия», чем Назрань? Только оттого, что когда-то в так называемой «гражданской» войне национальную Россию одолел международный Интернационал — и затем, как итог «победы», сначала слой за слоем уничтожил русскую элиту, а потом победители стали откалывать от исторических русских земель огромные куски, вроде Казахстана или Крыма? Пусть политики, если они, конечно, есть в РФ, занимаются тем, что они считают «политикой», но я, как частный человек, никогда не жил по большевицким лекалам, а уж теперь тем более не собираюсь по ним жить.

Для большинства читателей, возможно, такая позиция и отдает каким-то радикализмом, но для меня СССР — это не просто НЕ Россия, это АНТИ-Россия, особое интернациональное идеологическое образование, в самом генетическом коде которого изначально был заложен русофобский вирус. Этот вирус мог свирепствовать, как в первые двадцать лет так называемой «советской» власти (в кавычках первое слово у меня потому, что оно звучало словно в издевку: кто и когда здесь «советовался» с людьми?), мог переходить в особо блевотный вяло-текущий режим, но он никогда не исчезал и не мог исчезнуть. Поэтому все советские десятилетия для меня — со всеми их «победами» — это история поэтапной русской Катастрофы, закономерно завершившаяся разрушением моей страны. Первая же серьезная попытка обезвредить эту заложенную русофобами-«интернационалистами» бомбу обернулась взрывом и уничтожением уже тела того, что было когда-то Россией. Душу-то пытались убить значительно раньше, взрывая православные храмы, вытряхивая из усыпальниц мощи русских святых, а потом там же «организуя» либо дома для умалишенных, либо общественные уборные.

Вся эта отвратная номенклатурная постсоветская рать (и власть, и боль-

шевизанствующая диссидентура) — в отличие от культурных элит не только восточноевропейских стран, но и некоторых азиатских сатрапий, которые восстанавливали национальную историю, даже и погруженную зачастую в область этнических мифов, — более всего боялась, что на самом большом куске Совдепии вдруг каким-то чудом воскреснет убитая их дедушками и бабушками историческая Россия. Потому-то такое негодование у них вызывает и гипотетическая возможность усиления значимости Русской Православной Церкви: ведь ее каноническая территория не ограничивается искусственными большевицкими границами. По этой причине нынешние весьма еще робкие шаги по усилению влияния Церкви воспринимаются этими людьми буквально панически. И действительно, если Русская Церковь обретет тот вес в обществе, который эти ребята ей сейчас вполне мошеннически приписывают, то зачем тогда их дедушки и бабушки, будучи террористами, «революцию делали» и «жертвами пали», взрывая русских губернаторов и убивая лучших представителей государства Российского? Чтобы на ненавистные луковки православных церковей теперь смотреть, что ли? Те самые, которые еще их предкам «черный глаз слепили»? А советские номенклатурные «династии», которые заместили уничтоженную ими русскую элиту, они все на месте, никуда не делись. В Москве это очень хорошо ощутимо.

Конечно же, мы вынуждены жить и работать в институтах, оставшихся от СССР. Я совершенно не собираюсь утверждать, что они были вовсе бессмысленны. В конце концов, жизнь есть жизнь. Разве всё, что происходило, скажем, в Третьем рейхе, исключительно плохо? А немецкие автобаны, например? А советский космос? Но кто сказал, в нашем случае, что не случись уничтожения исторической России, и то, чем мы привыкли гордиться, не было бы гораздо лучше, уж не гово-

ря уже о совершенно нечеловеческой «цене» многих из этих «достижений»? Россию убили на самом ее взлёте. Не было никаких внутренних предпосылок, вопреки идеологически обусловленным выкладкам советских историков, что тот бурный экономический, культурный и образовательный взлет, который мы наблюдаем в последние двадцать лет существования Российской империи, вдруг почему-то сменился бы спадом.

Сейчас же даже те из институций, которые как будто имеют какую-то преемственность с исторической Россией, на самом деле обрублены все тем же красным топором от своих досоветских аналогов. Впрочем, на уровне звучания слов эту разницу можно порой очень наглядно почувствовать. Например, то, что раньше русские образованные люди называли попросту «Московским университетом» именуется ныне вот так: ФГБОУВПО «МГУ им. М.В. Ломоносова». Ласкает русское ухо, не правда ли? Теперь раскроем аббревиатуру: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». Самое главное при этом заключено почему-то в кавычки. Как будто это случайная кличка. На каком это языке? На постсоветском? Нет, это просто все тот же самый советский жаргон русского языка. Ну, может быть, в его «революционном развитии». Мы живем, окруженные чудовищной советской топонимикой, именами террористов, убийц и насильников, с тысячами и тысячами «лениных» и «марксов», куда только ни посмотришь, в какой двор ни зайдешь, как далеко от Москвы ни уедешь. И обратите внимание: наша власть, холодно-равнодушная к судьбам русских людей за границами РФии, необыкновенно трепетна, когда речь идет о советских истуканах. В том числе и за этими границами. Значит,

это — и только это! — на самом деле их «славная история».

Говорят, сейчас в обществе — и среди молодых людей — явная ностальгия по СССР. Послушайте, если пронырливая шайка все тех же самых потомственных номенклатурных проходимцев, вроде команды коллективных гайдаров, нагло ограбив вас и забрав даже ту малость, что удалось приберечь «на черный день», без конца крутит при этом советскую пропагандную продукцию, все эти мосфильмовские и ленфильмовские «шедевры», то что вы хотели получить в итоге подобного промывания мозгов? Как вы думаете, если бы в побежденной Германии без конца крутили нацистские фильмы, то какие бы настроения были в тамошнем обществе среди молодежи, которая, конечно, не может помнить реального нацистского прошлого? Я думаю, такие: нацистская пропаганда — это и есть реальность! Как же хорошо тогда было!

Для нас до сих пор почему-то советские герои 1941-го куда дороже русских героев 1914-го. Где памятники русским героям? Почему для меня, как для русского человека и русского патриота, эта вторая война должна быть более священна, чем первая? Только потому, что предки нынешней постсоветской номенклатуры были предателями моей страны, воткнувшими ей нож в спину, изменниками родины, подбивая русских солдат дезертировать с полей сражений и обращать оружие против своих же граждан? Именно они лишили Россию плодов несомненной победы в Первой мировой. Победа была абсолютно неизбежной (просто с участием России Германия была бы добита значительно быстрее), поэтому-то большевики так и торопились. И эти люди еще с негодованием говорят о «предательстве ген. Власова», эти изменники России! Нет, они могут говорить, конечно, всё что угодно, у нас, как говорят, свободная страна, но я-то здесь при чем? Для меня русская исто-

рия ровно так же не ограничивается ее советскими десятилетиями, как и моя Россия даже и просто географически вовсе не совпадает со всеми теми же границами РФ.

Есть ли чем гордиться в советские годы? Еще бы! Но кто-то «гордится» именами советских палачей, а я горжусь русскими новомучениками, святыми нашей Церкви, убиенными этими палачами. Вот их, героев русского Сопrotивления коммунизму, нужно взять в эту новую Россию (когда она, конечно, будет).

Елена Галкина, доктор исторических наук

В конституцию новой России необходимо включить главу 7 Конституции СССР 1977 г. в части прав и свобод граждан, очистив её от упоминаний о строительстве коммунизма, социалистической собственности и интернациональном долге, и взять со стороны государства обязательства исполнить её, начиная с права на труд, отдых и жильё и завершая уважением личности гражданина со стороны государственных органов. Величие Советского Союза заключалось прежде всего в открытии десяткам миллионов людей возможности хотя бы частично реализовать свои способности во благо общества. Научно-технические прорывы СССР, да и многое другое, были плодами интеллекта в основном детей рабочих и крестьян (что признавали и аналитики ЦРУ). Чем больше людей подключаются к творческому труду, чем более справедлива система отбора и чем меньше социальное положение гражданина зависит от ступени, которую занимали его родители, тем прогрессивнее и гармоничнее общество в целом. Именно с развитием возможностей для самореализации связан феномен социального спокойствия, относительно низкого уровня преступности и очень скромной, в сравнении с современной Россией, численности сотрудников МВД.

Четыре главных порока Советского Союза, которые свели его в могилу (и повторять их смертельно опасно): вождизм, тоталитаризм, отсутствие демократии и отношение к человеку как к винтику системы. Эти явления связаны между собой, восходят к периоду становления советской власти и противоречат идее социализма как таковой. Но «снять» их изнутри системы оказалось невозможным.

Главной декларацией СССР было строительство общества равных возможностей, общества, где нет отверженных. Даже поражение в правах «лишенцев» несло в себе этот смысл — без помощи положительной дискриминации дети крестьян и пролетариев не могли конкурировать с отпрысками дворянских родов.

Но проблема в том, что с 1950-х гг., когда начала оформляться новая потомственная элита, количество отверженных вновь, впервые за советскую эпоху, стало возрастать, а двери социальных лифтов — захлопываться. Появились целые страты людей, которым с рождения суждено было умереть отбросом общества в доме инвалидов или тюрьме. Юридическое освобождение крестьян (выдача паспортов на тех же основаниях, что и в городе) произошло слишком поздно, когда село однозначно воспринималось как место для людей низшего сорта. В то же время национальные и региональные неравенства, что сохранились со времён становления Советского Союза, только усугублялись. Этнополитическое неравенство, дискриминация русских в СССР последних десятилетий его существования являлись секретом Полишинеля и весьма болезненно воспринимались социально-активной частью государствообразующего народа Советского Союза. Новое население русских городов, стремясь избавиться от кошмара колхозов — перевёрнутых общин, стремительно атомизировалось, проникаясь инфантилизмом и постиндустриальным скепсисом.

Илья Кормильцев, поэт с уникальной исторической интуицией, в 1986 г. писал о стране, где «брошены орлы ради бройлерных куриц». Это действительно была одна из причин краха Советского государства. Рафинированное общество потребления, пронизанное сверху донизу синдромом «несуна», было совершенно не похоже на тот социализм, о котором писали классики. Люди с потенциалом революционных романтиков совершенно не хотели воевать и умирать за социум, знамёнами которого уже к концу 70-х стали американские джинсы, а чуть позже к ним прибавились сто сортов колбасы. Было такое ощущение, что, напади на поздний СССР какая-нибудь Америка, армия бы сдавалась батальонами и бежала в супермаркеты. Основным критерий социализма — критерий творческой самореализации каждого человека во благо общества — был забыт.

Внутреннее противоречие советской социальной модели состояло в том, что создать её на месте доиндустриальной, полуфеодальной Российской империи можно было только авторитарными методами, а сохранить и развивать — исключительно в рамках демократической политической системы. Только она может дать гарантию социальной мобильности. Вожди и начальники в этом совершенно не заинтересованы.

Александр Храмов, публицист, координатор Русского гражданского союза

Из наследия СССР я бы в новую Россию не взял ничего. Поясню свою мысль. Воспоминания о системе бесплатного образования, об относительно качественном медицинском обслуживании, о низком уровне преступности заставляют многих относиться к советскому прошлому с ностальгией. Но в этом нет ничего специфически советского. Если мы посмотрим на показатели средней продолжительности жизни, младенческой смертности и заболеваемости, то здра-

воохранение в ФРГ и других западных странах во второй половине XX века, не говоря уже о более раннем периоде, ничем принципиально не уступало СССР. Это же касается и образования. Американцы отправили человека в космос безо всякого коммунизма. Да и для борьбы с преступностью советский строй не требуется.

Всё, что хорошего имелось в СССР, можно было бы реализовать и в нормальном европейском государстве, если бы оно было построено после Февральской революции 1917 года. Что, без большевиков не удалось бы добиться всеобщей грамотности, а «электрификация всей страны» не началась бы без Ленина? Советское правительство решало элементарные модернизационные задачи, которые могла бы решить и обычная власть. Проблема в том, что в нагрузку к этой модернизации большевики навязали русскому народу партократию, плановую экономику, изоляционизм. Собственно, именно в этом и была *специфика* советского режима. Пятилетки, колхозы, воинствующее безбожие, создание национальных республик и «коренизация» — вот советское наследие в чистом виде. И в нем нет ничего хорошего.

В Китае был такой обычай — заматывать ступни маленьких девочек турами бинтами. Когда девочки вырастали, ноги превращались у них в уродливые обрубки. Советская система была чем-то вроде таких бинтов, которые деформировали нормальный ход развития русского народа. Именно на советские годы пришелся важнейший этап нашей истории — переход от аграрного общества к обществу урбанизированному. В 1917 году Россия была сельской страной, к 1991 году большинство русского населения проживало уже в городах, со всеми вытекающими отсюда демографическими и социальными последствиями. За счет подобного сдвига, когда многочисленное поколение, ранее занятое в сельском хозяйстве,

перетекло в промышленность и образовало огромный резервуар рабочей силы, СССР смог совершить рывок вперед.

Но колоссальная энергия, высвободившаяся во время этого перехода, была во многом потрачена впустую. Сколько средств ушло на создание никому не нужных производств, на гонку вооружений, на экспорт социалистической революции, когда мы за свой счет содержали «дружественные» режимы по всему миру? Вместо того чтобы развиваться свободно, русские были стянуты бинтами партийных директив. За частное предпринимательство можно было получить многолетний тюремный срок. Сколько потенциальных русских Биллов Гейтсов и Дональдов Трампов так никогда и не реализовали свои таланты? Сколько гражданских инициатив не было осуществлено? Сколько книг не написано? Советская власть уродовала наше развитие во имя коммунистического эксперимента, который в итоге провалился.

Переходный этап, когда крестьяне становятся горожанами, критически важен для всех современных народов. В это время формируется единая нация и накапливается ее капитал, как духовный, так и материальный. У крестьян нет национальности — их не интересует, что происходит за пределами собственного села. Только когда аквитанские и саксонские землепашцы переселились в города, им объяснили, что они являются французами и немцами. Но что рассказывали воронежским или тверским крестьянам? Советская власть рассказывала им не про русскую нацию, а про коммунизм и интернационализм. В 1920-е годы детей вчерашних крестьян со школьной скамьи заставляли давить в себе «великорусский шовинизм» — загляните в учебники истории, написанные Михаилом Покровским.

В 1930-е годы ситуация несколько изменилась — Сталин считал возможным вспомнить о русских национальных

чувствах. Но в национальной обертке коммунистические идеологи преподносили полуграмотному населению советский патриотизм и этатизм — об этом есть хорошая книга Дэвида Бранденбергера «Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956)». В результате построением русской нации — в тот самый критический период, когда оно должно было происходить — никто не занимался, скорее наоборот, большевики тормозили этот процесс, одновременно возвращая национальные чувства всех остальных советских народов. Поэтому к моменту распада СССР у русских национальное самосознание было практически атрофировано, что особенно бросалось в глаза на фоне подъема национализма в бывших союзных республиках.

Последствия семидесяти лет советского эксперимента, изуродовавшего ход нашей истории, ощущаются до сих пор. Депрессивные моногорода, покинутые села, асимметричный федерализм, бывшие комсомольские активисты и сотрудники КГБ во главе государства (не забудем, что и Ельцин был порождением советской номенклатуры), правовой нигилизм, политическая пассивность населения и многое другое — вот наследие советских времен. И чем мы быстрее мы от него избавимся, тем лучше.

Александр Севастьянов, политический публицист

Чтобы ответить на поставленный вопрос, нужно разобраться в причинах крушения СССР.

Эпоха, названная злыми языками «застоем», на деле была эпохой расцвета, сегодня мы знаем это точно. Но между тем в ней зрели семена гибели. И связано это было с грубыми теоретическими просчетами Политбюро ЦК КПСС, которые обернулись самоубийственной политикой. Таких просчетов я вижу пять.

Первый просчет. На школьной скамье мы заучивали «основное противоречие капитализма: между общественным характером производства и частно-собственнической формой присвоения». Спрашивали с нас эту формулу и в вузе. Но никто и никогда ни в школе, ни в вузе, ни в публичных дискуссиях не ставил вопроса об «основном противоречии социализма». А оно ведь тоже было: *между общественным характером труда и отсутствием личной заинтересованности.*

Партийная верхушка что-то почувствовала, когда в результате отказа от драконовских дисциплинарных мер сталинского времени, закрепостивших все основные сословия в СССР (крестьян, рабочих и интеллигенцию), посыпалась производственная дисциплина на заводах и фабриках, в совхозах и колхозах. Косыгинские реформы попытались заменить кнут пряником, используя материальную заинтересованность. А это несовместимо с социализмом. И социалистическая идея начала гнить в душах миллионов.

Второй просчет. За семьдесят лет советской власти радикально изменился социальный состав общества. Вырос целый класс, новый, со своей классовой психологией, своими классовыми интересами и пристрастиями: **интеллигенция.** В 1914 г. люди умственного труда составляли в России 2,7% занятого населения; в 1989 г. — 30%. Психология, интересы и пристрастия интеллигенции зачастую не только не совпадают с таковыми людей физического труда, но находятся с ними в противоречии, иногда непримиримом.

Незаметно интеллигенция стала ведущей общественной силой, классом-гегемоном. Научно-техническая революция, «зеленая революция», подспудное вызревание альтернативной идеологии — все это происходило в головах интеллигентов. Но партия, комплексую, интеллигенцию видеть в упор не желала, обращалась с нею как с

прислужой, третируя ее как некую невразумительную «прослойку между классами». Мы жили в государстве рабочих и крестьян, и принадлежность к интеллигенции означала своего рода поражение в правах, обрекала на третьесортность.

Партия забирала у интеллигенции весь продукт ее умственного труда (а это, подчеркну, *главная производительная сила современности!*), а платила ей жалкие гроши, порой намного меньше, чем классным рабочим. Как интеллигенция отплатила КПСС за всю ее ласку — знают сегодня все, хотя не все понимают, за что. А пора бы понять.

Третий просчет. Послесталинский сдвиг, переход от принуждения к труду — к материальному стимулированию, как уже говорилось выше, был смертельной раной для социализма. В результате уже в 1980-е гг. вся страна превратилась в «капиталистическое подполье», в сплошной черный рынок, где за деньги можно было приобрести любые товары и услуги, а за большие деньги — почти все вообще. Стремительно шло социальное расслоение общества. Именно в это время Брежнев, спровоцированный недобросовестным социологом М.Н. Руткевичем, выступил с доктриной «советское общество — общество социальной однородности». Все с точностью до наоборот.

Четвертый просчет. Именно к 1980-м гг. выросли национальные элиты, заботливо выпестованные Политбюро КПСС во всех республиках, кроме РСФСР. (Инструментом такого ращения были республиканские ЦК, республиканские АН и т.д.) Этим фактом был подписан смертный приговор Советскому Союзу. Однако так же, как в предыдущем случае, официальная доктрина шла ровно вразрез с жизнью, провозглашая устами все того же легковверного Леонида Ильича доктрину «советский народ — новая историческая общность людей». Это новая общность сегодня изумительно легко и просто преобразовалась в че-

тырнадцать национальных государств с уклоном в этнократию (то же станет и с Россией, но чуть позже).

Пятый просчет. Эта тупая, необразованная, неинтеллигентная власть сама не только взрастила гибельные для себя противоречия, но и подготовила собственного могильщика. И тут вновь «спасибо» Брежневу: это ему пришлось в голову осчастливить народ поголовным десятилетним образованием. Результатом такой реформы явилась тотальная люмпенизация населения, когда вместо миллионов не слишком образованных, но дельных рабочих и крестьян мы получили миллионы «образованщины» — плохих инженеров, плохих врачей, плохих управленцев, да еще и вечно недовольных своей «незаслуженно скромной» судьбой. Окончивших десятилетку юношей и девушек, имеющих о себе высокое мнение, оказалось трудно приставить к станку, к коровьему стойлу, заставить служить в армии, крутить гайки, ставить клизмы, ткать полотно, чинить унитазаы... Но даже американское общество не силах предоставить людям умственного труда свыше 40% рабочих мест: остальные 60% занимают люди физического труда; им, по большей части, от десятилетки только вред. А между тем еще кардинал Ришелье предупреждал: хотя глаз человека есть его наилучшее украшение, но вид субъекта, открытого с головы до ног глазами, будет омерзителен. С таким черезчур глазастым субъектом он сравнивал государство, все население которого образовано. Но Брежнев кардинала не читал...

Вот, на мой взгляд, пять камушков, о которые споткнулось Советское государство. А споткнувшись, выронило из рук и разбило вдребезги весь наш единственный и неповторимый социализм. Все эти камушки сформировались в брежневское правление.

Мораль: правитель государства, если хочет его сохранить, должен быть очень умным, образованным и интеллигентным человеком. Свежо и остро, не правда ли?

Константин Крылов

От РСФСР – к Евразийскому союзу

«Цель оправдывает средства» — максима, обычно приписываемая иезуитам. Приписал её таковым Блез Паскаль в своём сочинении «Письма к провинциалу», посвящённом разоблачению — точнее, очернению — иезуитов в рамках янсенистско-иезуитской полемики¹. Настоящее происхождение максимы темно — якобы нечто подобное можно найти у Макиавелли в «Государе», или у Гоббса в «Левиафане». Так или иначе, мысль понятна: достаточно высокая цель делает любые средства её достижения морально допустимыми или хотя бы извинительными: ну никак нельзя зажарить яичницу, не разбив яиц.

Однако, если вдуматься, данная максима имеет ещё одно измерение. Хорошим способом оправдания сколь угодно отвратительных действий является приписывание им высокой цели, которая используется в качестве «прибежища негодяев». При этом сама цель может быть сколь угодно иллюзорной, поскольку её реальное достижение и не предполагается, так как она не является настоящей целью, а служит лишь *средством оправдания средств*.

При этом строго доказать, что цель с самого начала являлась фальшивой, как правило, затруднительно. Всегда можно сослаться на хитроумный об-

ман, честное заблуждение, приступ фанатической веры, кстати случившееся умопомешательство и т.п.

Именно с этой проблемой мы сталкиваемся, начиная говорить о Советском Союзе как проекте. Реальное обсуждение блокирует прокламировавшаяся большевиками на протяжении семидесяти лет цель — «построение коммунизма». При этом тот факт, что эта цель была химерической и нереализуемой, сейчас признают практически все, в том числе и подавляющее большинство поклонников СССР. Тем не менее большевистская демагогия всё ещё работает: критики советского строя обычно начинают именно с антикоммунистической риторики, что задаёт перспективу дальнейшего рассмотрения вопроса.

Между тем само предположение, что большевики хоть когда-нибудь намеревались «строить коммунизм», не подкреплено никакими фактами, кроме их собственных заявлений. Учитывая лживость советской системы — лживость, возведённую в принцип, — вера в то, что захватившие власть в России люди и в самом деле ставили себе подобные цели, по меньшей мере наивна.

На наш взгляд, гораздо продуктивнее смотреть не на заявления большевиков, а на их практические действия. Более того, сами эти заявления нужно рассматривать именно с точки зрения их практических последствий — например, агитационно-пропагандистских.

Итак, сменим оптику. Предположим, что цели людей, захвативших

¹ Надо сказать, указанное сочинение само может считаться примером практического использования указанного тезиса: не имея повода обличить иезуитов в каких-либо реальных грехах, Паскаль приписал им много того, чего они не говорили и не имели в виду.

власть над Россией в 1917 году, нам *неизвестны*. Допустим, нам доступны только описания действий, которые были ими предприняты. Какую картину мы увидим?

* * *

До 1917 года территории, впоследствии составившие СССР, входили в Российскую Империю. После всем известных событий в 1922 году был создан так называемый «Союз Советских Социалистических Республик» — уникальное государственное образование, обладавшее множеством особенностей, не встречающихся в «нормальных государствах».

Особенно же интересным было положение территорий, когда-то составлявших «коренную русскую Россию».

Официально Союз состоял из т.н. «союзных республик». Большинство из них имели признаки государств, объединённых в рыхлую — с юридической точки зрения — федерацию. Разумеется, они имели собственные правительства и полноценные управленческие аппараты — свои компартии, административно-хозяйственную вертикаль и так далее. Они имели возможность отстаивать свои интересы на союзном уровне и пользовались этими возможностями.

Исключением являлась республика, именуемая РСФСР — то есть бывшая «историческая Россия».

РСФСР была самой большой (три четверти территории СССР) и самой многонаселённой (половина населения) республикой страны. При этом именно она не имела собственных управленческих механизмов — все решения по РСФСР принимались, как тогда говорили, *на союзном уровне*². В частности, в РСФСР отсутствовала важнейшая для советской системы управляющая структура — собственная компартия. Пост Председателя

Совета Министров РСФСР был почти декоративным³. Все прочие сколько-нибудь значимые механизмы управления в РСФСР тоже отсутствовали — не существовало даже Академии наук РСФСР.

Отметим, что государственно-политическая дискриминация РСФСР прослеживалась даже на символическом уровне. Так, например, любую советскую республику разрешалось называть в советской прессе её историческим именем — Грузия, Азербайджан, Литва, в крайнем случае, с добавлением слова «социалистическая». Исключением была РСФСР — в партийной печати её никогда не называли «Россией», а только труднопроизносимой аббревиатурой. Сам же СССР был уникальным государством, вообще не имеющим в своём названии упоминаний о какой бы то ни было стране с её историческим названием, местности или народе.

Теперь обратим внимание на экономику.

На первый взгляд, РСФСР являлась «мотором СССР»: большинство производственных мощностей располагались именно на её территории. Однако население республики от этого ничего не выигрывало. Возможность тяжело трудиться на производстве не компенсировалась ничем: уровень и особенно качество жизни в РСФСР был если не самым низким по Союзу, то одним из самых низких.

Это объяснялось целым рядом факторов. Так, например, бюджет-

³ Это положение дел поддерживалось всеми силами, в частности — постоянной ротацией занимающих эту должность лиц. С 1946 (момент учреждения должности) до 1991 г. на этом посту сменилось 14 человек, начиная от Косыгина, учредителя должности, тут же сдавшего полномочия, и кончая Ельциным. В среднем предсовмина РСФСР проводил на своём посту три-четыре года; это несравнимо с пожизненными сроками первых секретарей ЦК союзных республик.

² Например, обкомы прямо подчинялись союзному ЦК.

ные вложения в РСФСР были минимальны — на фоне серьёзнейших вложений, которые делались в среднеазиатские, кавказские, прибалтийские республики⁴. С другой стороны, именно территория РСФСР подвергалась сверхэксплуатации: природу и культуру «Нечерноземья»⁵ не щадили. Советское «хозяйствование» обошлось среднерусской природе очень дорого — начиная от затопления «под электричество» плодородных земель и кончая необратимым загрязнением территории отходами производства. Но главной причиной бедственного положения жителей РСФСР была дискриминация, проводившаяся систематически и последовательно на протяжении всего советского (и постсоветского) периода.

Напомним факты. Прежде всего: у русского населения России была отобрана вся собственность. Миллионы русских людей, имевших «пожитки и животишки», их лишились. Это произошло не сразу. Сначала была отобрадена крупная собственность у «владельцев заводов, газет, пароходов». Потом пришёл черёд собственности средней и мелкой, в том числе крестьянской — вопреки обещаниям большевиков, крестьяне были полностью лишены прав

⁴ Даже по официальным данным, более 70% отчислений в союзный Центр осуществлялось за счёт РСФСР, остальное докладывали по мере сил Белоруссия, Украина, Казахстан, отчасти Азербайджан и время от времени — кто-то из прибалтийских республик. Сверхблагополучная Грузия была реципиентом на 60–80%.

⁵ Надо отметить, что само слово «Нечерноземье» в значении «территория Центральной России» является характерным примером символической дискриминации, о чём хорошо высказался в своё время Дмитрий Галковский: по сути, слово «Нечерноземье» стало *политкорректным заменителем* слов «Центральная Россия» в советском дискурсе с зашкаливающим уровнем унижения — «негодные земли».

на землю. Далее произошло изъятие последних оставшихся ценностей: благодаря продуманной политике снижения уровня жизни (вплоть до массовых голодовок) у населения были отобраны последние остатки имущества — например, золото, серебро, сколько-нибудь ценные вещи. Вся эта собственность была присвоена государством и впоследствии девалась «неизвестно куда»: проследить судьбу какого-нибудь золотого крестика, снесённого голодающей бабушкой в Торгсин, или даже миллионов таких крестиков, невозможно. Важно то, что русское население осталось *полностью ограбленным*.

На это можно сказать, что аналогично поступили со всем населением СССР. Это верно лишь отчасти.

Далее, на протяжении всего советского периода русскому населению было запрещено предпринимать какие бы то ни было усилия для личного обогащения. Приобретать сколько-нибудь ценную собственность было запрещено. Более того — запрещено вкладывать трудовые усилия в создание сколько-нибудь ценной по нормальным рыночным меркам (запомним этот момент) собственности.

Для иллюстрации данного положения приведём лишь один, но характерный пример. В СССР и особенно в РСФСР существовали жёсткие нормативы, ограничивающие частное жилищное строительство⁶. При чудовищ-

⁶ Загородное жилищное строительство (в условиях созданного большевиками катастрофического дефицита жилья) велось начиная с 30-х годов.

В августе 1923 г. Сталин подписывает декрет «Положение о сельскохозяйственных обществах». Закрепление (временное) земельных участков за дачниками было оформлено Постановлением Совмина РСФСР № 807 от 24 февраля 1949 г. — «О коллективном и индивидуальном огородничестве». Постановление было принято на фоне послевоенного голода и предполагало обязательный

ном дефиците жилья русским долгое время запрещалось строить частные дома, в том числе вне городской черты. Послабления по части дачного строительства начались лишь в пятидесятые годы и были обусловлены множеством ограничений, начиная с размеров земельного надела и кончая подробнейше прописанными ограничениями на строительство, общий смысл которых сводился к одному: жильё, построенное по данным нормативам⁷, не могло

труд на участке — выращивание сельскохозяйственных культур или садоводства. Частной или хотя бы закреплённой за человеком собственностью эти участки не являлись: «При переезде на постоянное местожительство в другую местность рабочие и служащие лишаются права пользования садовыми участками» (п. 7).

В дальнейшем дачная тема исправно служила задачам манипулирования русским общественным мнением: любая новая власть обещала русским послабления по части землевладения. Так, стоит вспомнить обещания ГКЧП раздавать садовые участки по 15 соток, или позднейший Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина от 7 июня 1996 г. №819 «О государственной поддержке садоводов, огородников и владельцев личных подсобных хозяйств» подписанный им в период предвыборной компании на 2-й срок президентства, где были прописаны льготы, инфраструктура, транспорт для пассажирских перевозок к садовым товариществам и т.п. При этом 2 апреля 1997 г. подписан Указ (после перевыборов на 2-й срок) №277 «О дополнительных мерах по сокращению налоговых льгот и отмене решений, приводящих к потерям доходов Федерального бюджета», который отменил все эти обещания — после чего русское дачное строительство, как и русское село вообще, было буквально убито «экономическими методами».

⁷Пример соответствующей регуляции:

Утверждена Постановлением Госстроя РСФСР от 23 декабря 1982 г. № 148

Инструкция о порядке планировки, застройки и благоустройства районов индивидуального жилищного строительства

обладать сколь-нибудь значительной товарной ценностью на свободном рынке.

Читатель, возможно, обратит внимание на навязчивое подчёркивание слова «русский». Любой советофил — да и большинство советофобов, пожалуй, тоже — скажут на это, что все народы Советского Союза находились в одинаковом положении: все были лишены собственности и права её приобретать. На самом деле реальность была устроена сложнее: практически все народы, кроме русского, получили разного рода послабления.

Так, на территории прибалтийских республик, советской Молдавии, Западной Украины и Закавказья ряд мер по ограблению населения не использовался — например, реквизиции ценностей, голодовки из-за изъятия продуктов питания и так далее⁸. Это позволило населению сохранить часть ценностей, унаследованных от пред-

---

РСН 48–82.

213. В сельских населённых пунктах, посёлках, а также в районах индивидуальной застройки городов для каждой квартиры допускается принимать размещение хозяйственных построек, возводимых за счёт средств населения. Неотапливаемые хозяйственные постройки предусматриваются в составе: помещения для содержания скота и птицы площадью не более 40 кв. м; помещения для хранения грубых кормов, размещаемого в чердачной части хозяйственной постройки; гаража для индивидуальной машины площадью 18 кв. м или гаража для мотоцикла площадью 6 кв. м; летней кухни площадью не более 10 кв. м; летнего душа площадью не более 4 кв. м; теплицы площадью не более <...> кв. м; хозяйственного помещения, оборудованного плитой и водопроводом, общей площадью не более 20 кв. м; хозяйственного навеса площадью не более 15 кв. м и погребка не более 8 кв. м. Кроме того, допускается предусматривать устройство бани площадью не более 12 кв. м.

⁸См. полемику вокруг проблемы украинского Голодомора.

ков — иногда даже недвижимость и земельную собственность. Точно так же во всех республиках, кроме РСФСР, был де-факто позволен (хотя и не разрешён) мелкий частный бизнес⁹, было позволительно создавать собственность, имевшую реальную рыночную ценность¹⁰. Для русских же

⁹ Точным определением отношения к мелкому частному бизнесу на нерусской территории СССР было бы слово «терпимость» (tolerance) в его старом значении времён классического французского регламентаризма. Так, в постнаполеоновской Франции проституция не была дозволена законом, но проститутки платили налоги и подвергались полицейскому и медицинскому контролю. Похожим образом был организован, например, «околокурортный» бизнес в СССР, начиная от сдачи жилья внаём и кончая ресторанным-рекреационным обслуживанием: советская власть знала о том, как устроены эти бизнесы, но смотрела на них сквозь пальцы. Точно так же — сквозь пальцы — она смотрела и на другие формы рыночных отношений, практиковавшихся за пределами РСФСР.

¹⁰ Чтобы не ходить далеко за примерами, возьмём уже затронутую нами сферу загородного жилищного строительства.

Возьмём в качестве материала для сравнения нормы для РСФСР и Прибалтики в области строительства.

Так, в Прибалтике была рекомендована черепица в качестве материала кровли, в РСФСР — запрещена (только шифер, толь или жесь). Высота жилого строения в Прибалтике была разрешена до 17,5 м, в РСФСР — до 2,5 м. В Прибалтике были разрешены дома до двух этажей с утеплённой мансардой, в РСФСР — запрещены даже летние чердаки. Внутренние коммуникации: в Прибалтике — рекомендованы, в РСФСР — запрещены. Высота помещения — в Прибалтике от 2,5 м, в РСФСР — до 2,5 м.

Чтобы составить общее впечатление о нормативах: в РСФСР предельный размер жилого дома или его части, принадлежащего гражданину, не должен был превышать 60 кв. м, и за этим следили (если дело не ка-

единственным легальным источником средств к существованию стал труд на государство, причём исключительно по расценкам государства. Этот дешёвый труд был положен в основание советской экономики. В течение жизни трёх поколений русских людей эта экономика отстраивалась и крепла именно на этом основании, что служило предметом гордости для советских русских, не имевших других утешений.

Отдельной строкой стоит упомянуть тему качества жизни. Если коротко — так плохо, как в Центральной России, не жили, пожалуй, нигде

сало «блатных» — например, «творческих работников»). В Украинской ССР было разрешено 80 кв. м, в других республиках — больше, в Грузии и Прибалтике нормативы де-факто отсутствовали.

Далее, стоит обратить внимание на возможности извлечения дохода из недвижимости. Известное распоряжение от 1962 г. предусматривало ответственность за использование жилого дома для получения нетрудовых доходов: такой жилой дом подлежал безвозмездному изъятию в фонд местного Совета народных депутатов. Аналогичные — под кальку — законы были приняты во всех советских республиках, но что касается соблюдения, то соблюдались эти законы только в РСФСР и на востоке Украины. Грузины, к примеру, вовсю сдавали как роскошные особняки, так и скромные приморские домики, держали в «кооперативном владении» маленькие уютные шашлычные и т.п.

Разумеется, и в РСФСР имели место «нарушения» — например, кое-где использовалась черепица, поскольку до местных сельсоветов соответствующая информация просто не доходила. Кроме того, послабления касались домов советских партийных чиновников, а также советских карателей — ветеранов ЧК–ГПУ–КГБ. Были и другие «льготные» категории населения, которым позволялось строить относительно нормальное жильё. Впрочем, всё это было непрочно: в любой момент власть могла принудить владельца «слишком роскошного» дома разрушить постройку, и все это знали.

в СССР. Прежде всего это касалось пресловутой «проблемы снабжения», то есть неравного доступа к товарам, продуктам и так далее. Так, на протяжении практически всей советской истории «нечерноземье» жило по продуктовым карточкам, талонам и так далее. Мясо, масло, даже гречневая крупа считались дефицитом, свежие фрукты считались редким лакомством, за которое приходилось переплачивать втридорога¹¹. На этом фоне даже советская Средняя Азия с её относительно скромным уровнем жизни выглядела привлекательно. Что касается Прибалтики, запада Украины и особенно Закавказья, уровень жизни в этих краях был запредельно высоким. «Грузин» в советском языке был синонимом «богатого бездельника»¹².

Скажем несколько слов и о судьбе русской культуры. Русский язык и определённые фрагменты «высокой» русской культуры — например, часть корпуса классической русской литературы XIX в., музыкальная классика и т.п. — были де-факто сделаны «об-

щесоюзным достоянием». На практике это выразилось в том, что русские де-факто лишились контроля над собственным культурным наследием¹³. Что касается бытовой, «народной» культуры, то она была практически уничтожена: русская кухня, русские обычаи, бытовая обрядность и так далее почилы в бозе. При этом за всеми остальными народами признавалось право на национальную специфику, пусть и с многочисленными оговорками насчёт национальной формы и социалистического содержания. Русским же не позволялась даже «национальная форма»¹⁴.

Мы не будем останавливаться на вопросах религии, так как политика СССР по отношению к православию (и православной церкви) может быть описана в разных парадигмах. Тем не менее факт уничтожения Русской Православной Церкви в 30-х годах отрицать невозможно, как и факт полной подконтрольности советским властям созданной в 1943 г. РПЦ МП.

Некоторой отдушиной оставалась

¹¹ Мой знакомый, родом с русского Севера, вспоминал, что впервые в жизни попробовал мандарины, когда — уже школьником — попал в больницу: мать «сняла с книжки», чтобы порадовать больного ребёнка.

¹² Приведём цитату из воспоминаний бывшего жителя советской Грузии:

«Реальная жизнь в Грузии, по свидетельству очевидцев, была такова: на всех грязных, черных тяжелых работах в Грузинской ССР работали русские. Например, на чайных плантациях подрабатывали даже жены советских офицеров, а грузины только трудодни записывали и висели на досках почета. Еще они продавали в России этот самый чай и мандарины.»

Республика была полностью дотационной, сами грузины не работали вообще, при этом уровень жизни был самый высокий в СССР. <...> Для грузин не составляло труда и решить проблемы с инфраструктурой: починить мост для них стоило ящик вина. Чинили русские, конечно».

¹³ Это выражалось не только в идеологическом диктате как таковом (хотя он был невероятно силён), но и в таких тонких моментах, как национальный состав специалистов, занимающихся русским наследием, а также «советской культурой для русских». Не подвергая никакому сомнению их таланты, следует всё же признать, что горькая ирония русофильской интеллигенции семидесятых-восьмидесятых годов по поводу, скажем, «русского языка по Розенталю» или «самой русской из русских» песни «Русское поле» была в чём-то оправдана.

¹⁴ В том числе и в буквальном смысле: достаточно вспомнить классические советские плакаты, изображающие «дружбу народов». Все представители «семьи народов» изображались в национальных костюмах, аляповатых, но недвусмысленных: даже украинцу полагалась вышиванка. Только русского изображали в брючном костюме в стиле совпошива — то есть в полностью денационализированной униформе.

советская наука, в которой русские имели некоторые шансы к преуспеянию: занятия наукой считались для неглупого русского допустимыми и давали надежду на нестыдную карьеру. Однако почти полное отсутствие практического выхода от советских разработок — кроме, разве что, «имеющих военное значение» — подтачивало дух даже самых стойких. Как и тот факт, что высшее образование, а равно научные степени и звания, ради которых русским приходилось много и тяжело трудиться, «национальная интеллигенция» получала чуть ли не в подарок¹⁵.

Теперь, наконец, стоит задаться вопросом: какую цель преследовала советская власть, подавляя именно русских и окружая заботой (пусть и сомнительного качества) национальные окраины?

Опять же обратимся к фактическому положению дел. Советская власть, чем бы она ни была на самом деле, рассматривала себя как *победительницу* России и русского народа, над которым она одержала верх в 1917–1923 гг. Это, в общем, и не скрывалось¹⁶. Совсем неудивительно, что ок-

купированная территория грабилась и эксплуатировалась, как только возможно, по формуле «русские заплатят за всё»: единственным ограничителем был страх перед немедленным бунтом. Другие же народы рассматривались советской властью скорее как союзники, имеющие определённые заслуги перед советской властью в деле победы над русскими¹⁷. То, что с союзниками по общей борьбе пришлось обойтись не лучшим образом (присоединив к СССР), ощущалось советской властью как *неудобное*, хотя и вынужденное политической целесообразностью обстоятельство. Более того, это положение дел изначально понималось как *временное*: иначе Советский Союз не был бы создан таким, чтобы его можно было демонтировать практически по первому требованию — начиная с постоянно подчёркиваемого права на сессию и кончая представительством на международном уровне¹⁸.

Всё это в совокупности вызывало тяжёлую фрустрацию у русского населения. Поэтому, когда руководство страны приступило к демонтажу советской системы, это было встречено

литирована. Тем не менее ключевые пункты советской пропаганды — например, предельно негативное отношение к последнему российскому императору, убитому большевиками, — оставались неизменными, да и сейчас остаются таковыми.

¹⁷ Более того: создаётся впечатление, что разные народы получали разные бонусы, сообразно своему вкладу в дело установления советской власти над Россией. Можно даже говорить об особо привилегированных советских народах — но эта тема, сама по себе крайне интересная, завела бы нас слишком далеко.

¹⁸ Две ключевые республики, подписавшие первый Союзный договор, Украина и Белоруссия, получили абсолютные гарантии будущей независимости: место в Организации Объединённых Наций. Они имели представительство в ООН, причём в статусе стран-основателей.

---

¹⁵ Так, количество лиц с высшим образованием в закавказских республик достигало двухсот человек на тысячу. При этом многие «кандидаты» и «доктора наук» не имели даже среднего образования. Ходили легенды о кавказских академиках, не умевших читать и писать, что не мешало им заседать в президиумах.

¹⁶ Так, отношение к Российской Империи, выраженное в советском дискурсе, полностью соответствует канонам *военной пропаганды*, задающей отношение к поверженному и униженному противнику. Разумеется, со временем оно менялось — тоже в соответствии с теми же канонами. Так, в первые годы советской власти по отношению к России и русским были дозволены только предельно злобные карикатуры, впоследствии же часть русской истории (достаточно отдалённая во времени от 1917 г.) была частично реабилитирована.

с одобрением. Когда пришло время выбора, советскую власть не вышел защищать никто.

* * *

Однако в результате «перестройки» к власти в России пришла часть прежней советской элиты, до поры до времени пребывавшей на вторых ролях¹⁹. Эта элита отказалась от прежней риторики, а также от ряда советских практик. В частности, СССР был отменён, и все национальные республики, кроме РСФСР, получили независимость — после чего быстро построили национальные государства. РСФСР же стала «правопреемником СССР», и не только во внешнеполитической реальности, но и с точки зрения практик обращения с населением.

Что касается возможности хорошо и при этом честно жить своими трудами — вековой мечты русского народа, то ситуация по сравнению с советской не изменилась. Для подавляющего большинства русских высокие доходы, связанные с выгодными бизнесами, остались недостижимой мечтой. Связано это, в частности, с тем, что львиная доля собственности на территории РФ перешла к кому угодно, только не к русским. Русские не получили ничего, даже мелкой собственности и бизнесов, которые достались (неважно каким путём²⁰, будем смотреть на результат) кавказцам, азиатам и другим

народам. Самые же лакомые куски собственности — начиная с нефтяных скважин и кончая электростанциями — уплыли неизвестно куда, каким-то подставным лицам²¹. Те сферы, которые нельзя было передать нерусским, были уничтожены или лишены ценности. Так, русская культура — то есть механизмы её изучения, поддержания и воспроизведения — были практически полностью демонтированы. Что касается науки, то она отправилась туда же, куда и все неиллюзорные советские ценности: на Запад.

Однако, несмотря на всё это, Россия получила — почти что вопреки желанию её нового руководства — то, чего не имела РСФСР. А именно, ей было возвращено историческое название, созданы российские органы управления и был заявлен формальный суверенитет страны. В сочетании с подавляющим численным превосходством русских это создавало угрозу для неосоветской системы, установившейся в РФ.

Не будем сейчас описывать все меры, которые российское руководство предпринимает для подавления русского народа. Остановимся только на одной теме: существует ли потребность и возможность в ликвидации российского суверенитета?

Вопрос кажется странным. Кажется бы, российская элита кровно заинтересована в суверенитете России. Более того, не так давно концепция «суверенной демократии» имела статус чуть ли не государственной идеологии²², да её, собственно, никто и не отменял. Тем не менее ситуация не столь однозначна, что мы сейчас и попытаемся показать.

¹⁹ Именно на вторых, а не на, скажем, третьих: не случайно события 1986–1991 гг. сейчас называют «революцией вторых секретарей». Впрочем, это всё-таки преуменьшение: на стоит забывать, что тот же Ельцин был *первым* секретарём Московского городского комитета (МГК) КПСС.

²⁰ Стоит только отметить, что все попытки русских «заработать денег» систематически давились, начиная с 1991 г. С этим, в частности, был связан разгром «ранней кооперации» и безумная с точки зрения внешнего наблюдателя налогово-фискальная политика первых «ельцинских» правительств.

²¹ О которых даже нельзя сказать с уверенностью, являются ли они настоящими собственниками этих активов или нет.

²² В 2005–2006 гг. Автором термина считается В.Ю. Сурков, идеологема публично озвучена В. Третьяковым в одноимённой статье от 28 апреля 2006 г.

Прежде всего, нынешняя российская элита является советской как по происхождению, так и по образу действий, а также, скорее всего, и по целям. Привычной схемой управления для неё является авторитарная власть, осуществляемая с «наднационального» уровня. Более того, возвращение откровенного авторитаризма, сопровождающегося сворачиванием (для русских, разумеется) всех демократических институтов, буквально требует возвращения подобной системы.

Это, в частности, показали события декабря 2011 года и то, что последовало за ними. Граждане России — прежде всего образованная русская городская прослойка — требуют честных выборов, в том числе и первых лиц государства, а также независимого суда, борьбы с коррупцией и прочих «европейских ценностей». Разумеется, власти не намерены удовлетворять эти требования, но сам факт их предъявления делает их открытыми для критики извне, что подрывает их положение. Кроме того, даже формально сохраняющиеся демократические институты — например, те же президентские выборы — дают повод для возмущений. Кто знает, к чему это может привести в не столь уж далёкой перспективе?

Поэтому власть уже сейчас отрабатывает вариант возвращения к «союзной» схеме управления, при которой Россия де-факто лишена суверенитета как такового и управляется из некоего «союзного центра». Который, разумеется, будет несменяемым.

Мы имеем в виду план создания Евразийского союза.

Скажем сразу: по нашему мнению, российским властям не столь важно, кто именно войдёт в планирующееся межгосударственное объединение и насколько прочным оно окажется. Одно совершенно ясно: никакие госу-

дарства, кроме России, не поступят своим реальным суверенитетом ни в одном сколько-нибудь существенном вопросе. Короче говоря, они останутся независимыми государствами. В зависимость попадёт только Россия — и от этих государств, и от предполагаемого «союзного руководства», на уровень которого будут перенесены все реальные рычаги управления страной.

Это решит множество проблем — например, проблему ограниченности президентского срока. Путин, если пожелает, может занять должность руководителя Союзного центра, разумеется, невыеборную, и оставаться на ней сколько угодно, хоть пожизненно. То же самое будет касаться всех членов правящей камарильи. Что касается России, она будет или полностью лишена «собственно российской» власти, или, что более вероятно, ей оставят какие-нибудь чисто декоративные властные институты, лишённые реальных полномочий. Не исключён, например, вариант превращения России в парламентскую республику, при этом реальные полномочия Думы будут урезаны даже сравнительно с нынешним уровнем... Все же властные рычаги — например, управление силовыми структурами — будут переданы союзному центру, который продолжит эксплуатацию российских территорий теми методами, которые сочтёт нужным. Очевиден и пропагандистско-идеологический выигрыш: тема «вновь обретённого державного величия», «восстановления империи» и так далее снова пойдёт в ход, как и необходимость подавления русских национальных чувств, предписанного русским терпения и смирения в несении державной ноши.

Смогут ли русские избежать подобной перспективы? Ответ зависит от нас.

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

СТРАНА ПОБЕДИВШЕГО МУЛЬТИНАЦИОНАЛИЗМА

Более двадцати лет, прошедших со времени распада СССР, не привели к началу какой-то новой политической эпохи, которая сделала бы это событие просто фактом из истории, чем-то давно прошедшим. Мы по-прежнему живём в постсоветском периоде и на постсоветском пространстве.

Это не только слова оценки, это реальность вполне конкретных форм нашего общественного и государственного существования: почти все границы, которые можно найти на карте бывшего СССР, начерчены именно большевиками; все национальные единицы и свойства самого деления на национальности — также их наследие; административные системы напрямую продолжают прежние; инфраструктура всё ещё та же и т.д. Даже элиты не сменились, произошло лишь некоторое их обновление в ходе нескольких волн «трансформации» в связи с теми или иными вызовами. Система, созданная в начале 1920-х и в 1930-е гг., до сих пор работает, мы живём лишь на новых этапах её существования.

В этом плане, наверное, стоит несколько иначе, чем принято, описывать события 1991 года. Их уже традиционно представляют как крах прежней государственной системы, как «геополитическую катастрофу», как поражение в «холодной войне» и т.д. Однако, думается, что любые рассуждения о том, почему распался Советский Союз, должны исходить из того простого факта, что СССР был совсем не тем, за что себя выдавал.

Что создала Коммунистическая партия? Большевики были самой западной по мысли и по форме партией в дореволюционной России. Они несли с собой западные технологии политического действия и общественной организации. В числе прочего они привнесли в сферу государственной политики актуальное западное понятие «нации», «национального государства». Большевики были не только «строителями коммунизма», инициаторами огромного социально-экономического эксперимента по радикальному переустройству общества. Они были ещё и «нациостроителями», создателями десятков новых «nation-states» на территории бывшей Российской империи. И, к сожалению, именно в сфере nation-building'a они оказались действительно успешны.

В то время в западной общественной мысли было два основных деления общества — классовое и этнонациональное. На деле в дореволюционной России и наций почти не было, а две, к тому времени уже в целом сложившиеся — польская и финская — в 1917 г. получили независимость. Да и классового самосознания, в отличие от Запада, тоже почти не наблюдалось. Чтобы подогнать российское общество того времени под эти западные категории, надо было проводить большую кампанию по формированию соответственно национального и классового самосознания. Это обусловило ту, казалось бы, странность их деятельности, что, при всём своём убеждённом материализме, основной упор в работе с на-

селением большевики и сталинское руководство делали именно на идеологическом воспитании, на обработке массового сознания.

С одной стороны, приоритетным для коммунистов было именно классовое деление, а национальный вопрос казался боковым. Однако будущее советское общество мыслилось как бесклассовое (и довольно быстро было таковым объявлено), а вот национальное деление оставлялось — более того, советская система именно его создавала и утверждала. Социализму отводилось социально-экономическое содержание, национализму — форма.

В качестве господствующей заявлялась идеология интернационализма. У нас часто ассоциируют её с чем-то, отрицающим национальное деление, что в корне неверно. «*Inter-patio*» — совсем не значит «*a-natio*», то есть она не отрицает, а утверждает национальное деление, дополняя его лозунгом взаимодействия рабочих наций и «дружбы» между народами. Эту систему можно смело назвать ещё и «мультинационализмом», так как она не столько контролировала отношения между уже созданными нациями, сколько создавала их.

Кстати, СССР не был и советским обществом. Оригинально русская система советской власти, сложившаяся в 1905–1907 гг. (с многоступенчатой системой выборов депутатов от трудовых коллективов), была полностью подчинена партийной власти большевиков уже с 1918 г., а потому стала фикцией. Окончательно она была упразднена по конституции 1936 г. и заменена принципами западного парламентаризма (со всеобщим, равным и прямым голосованием населения по территориальным округам). Но наименование всего этого «советским строем» осталось.

Конституция 1936 г., помимо уничтожения советской власти, ввела в обиход ещё и понятие наследуемой от родителей «национальности», которую стали

записывать в паспорта. Корни этого понятия те же, что и у «нации» в нацистской идеологии — западная, и прежде всего немецкая этно- и расологическая мысль конца XIX — первой половины XX в. Его утверждение в советском обществе означало разрушение традиционной русской идентичности. Это социобиологическое понимание национальности вошло в сознание и, к сожалению, господствует до сих пор, блокируя русскую идентичность через культурный нигилизм и идею «смешанной крови». На Западе от такого понятия идентичности полностью ушли после Второй мировой войны, а у нас оно господствует по сей день.

Так, несмотря на, казалось бы, идейное оппонирование Западу, Советский Союз был гигантским вестернизационным механизмом, и проводившаяся в нём силовая модернизация во многом была направлена на приведение местного быта в соответствие с западными образцами. Наравне с декларируемым «интернационализмом», важнейшей целью, реализуемой Союзом всё время его существования, было реформирование общественной жизни на пространстве бывшей Российской Империи по национальному принципу. СССР был своего рода националистической фабрикой: вобрав в себя огромное, поначалу бесформенное скопище разнообразного «этнического материала», Советский Союз за несколько десятков лет создал на его основе максимальное количество вполне западного типа наций.

При этом у Советского Союза как у системы была ещё одна вспомогательная цель. Ещё Лениным была осознана опасность преобладания гигантского русского народа, а тем самым подрыва национальных проектов «малых наций». Эта опасность побудила его сформулировать доктрину сдерживания «старшего брата», «великодержавный шовинизм» которого был признан «в 1000 раз опаснее буржуазного национализма» других народов стра-

ны. Основной целью новой системы национальной политики было «защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника» (В.И. Ленин), которому приписывалась роль «угнетающего большинства». Оправдывал эту систему тезис об исторической вине русских перед всеми другими народами Империи: русские «в качестве бывшей великодержавной нации» должны были «искусственно поставить себя в положение, более низкое по сравнению с другими» народами, чтобы тем самым «купить себе настоящее доверие прежде угнетённых наций» (Н.И. Бухарин).

А для утверждения такой системы требовалось и максимально сократить русское население. От русских отделили этнографические массы западных регионов для реализации нерусских национальных проектов Украины и Белоруссии, а оставшуюся часть восточных славян свели именно к положению «населения»: им единственным было отказано в создании своей национальной республики. Центральная союзная республика — РСФСР — была лишь вторым этажом СССР, не являясь, в отличие от всех других, национальным формированием. Большая часть малых народов постимперского пространства, не дотягивавших по объективным критериям до образования своих союзных республик, одаивалась национальными автономиями в её составе. Но русской автономии не предполагалось. В этом смысле РСФСР, как и нынешняя РФ, с юридической точки зрения межнациональной федерацией признана быть не может — скорее это унитарное государство с федеральными вкраплениями. Но главное — оно как целое так и не получило русского национального статуса, став единственной территорией «интернациональной власти».

Система интернациональной, а точнее сказать, мультинациональной

власти, созданная в СССР, была во многом подобна старому этнополитическому устройству Трансильвании. В этом регионе традиционно проживало валашское православное большинство. Однако благодаря многовековому подчинению венгерской власти здесь постепенно сформировалась система многонационального политического представительства пришлых колонизаторов. В 1437–1438 гг. была оформлена так называемая «Братская уния» («*Fraterna Unio*»), по которой зная трёх народов — венгров, секеев (тоже, надо сказать, мадьяроязычных) и саксов (то есть немецких переселенцев из Саксонии) провозгласила союз, исключавший из политической жизни края представителей его этнического большинства. Отныне только венгры, секеи и саксы признавались «историческими нациями», которые имели право представительства в законодательном собрании Княжества.

Потерпев неудачу в поднятом восстании, валахи окончательно потеряли статус «нации» (в понятиях того времени — то есть свою сословную структуру) и становились бесправным населением, состоявшим в основном из крепостных. Система господства трёх наций над дискриминируемым этническим большинством («Союз трёх наций» — «*Unio trium nationum*») продержалась очень долго — до XX века, пока её не смели мировые войны. Но сам по себе принцип союза малых народов на одной территории для закрепощения и эксплуатации автохтонного большинства показал свою эффективность и удивительную живучесть. Такая этнополитическая форма стала частью правовой истории Запада, вошла в традицию его правовой мысли.

Валашское восстание 1437–1438 гг. по своим причинам и последствиям чем-то очень напоминает Гражданскую войну 1918–1920 гг. в России, разве что у русского народа всё же была своя крупная элита, в результате поражения вынужденная по большей

части выехать за рубеж. Созданная после большевистской победы система «братского союза», разумеется, несколько отличалась от трансильванской: народов, получивших статус «нации», оказалось гораздо больше, а система их представительства — сложнее. Однако общий принцип политического союза малых народов на основе лишения прав политического представительства большинства — ровно тот же. Разве что это была уния не трёх, а многих народов — можно сказать «*Unio multarum nationum*». Однако и она оказалась по-своему эффективной и жизнеспособной, раз функционирует скоро уже сотню лет.

Так, при торжестве националистической мысли в масштабах всего Союза, был найден способ не допустить создания единственно русской нации как несоразмерно большой и традиционно воспринимаемой как опасной для «цивилизованного мира». Большевики, являясь партией «рабочего интернационала», создали систему интернациональной власти над русским большинством, лишив его каких-либо национальных прав и поставив в униженное положение перед всеми другими — даже очень малыми — народами СССР. Западная культура и правовое мышление, носителями которого были большевики, обуславливало и специфическое для Запада отношение к русским. Они наследовали многовековой русофобской традиции, и страх перед русскими, совмещённый с желанием утвердить вину русского народа, был для них вполне естественной формой мысли.

* * *

Распад СССР стал абсолютно закономерным явлением, он был предreshён логикой действия всего механизма: процесс создания нации неизбежно приводит к постановке вопроса о её суверенитете и независимости. Только добившись их, нация реализует себя, оформляется как полноценный

nation-state. Распад СССР не был приостановкой, и тем более завершением действия «советской» фабрики наций, а наоборот — её победой, её утверждением: с конвейера сошла основная партия новоиспечённых национальных государств. То есть революции в 1991 г. не было, система не сломалась, ничто не рухнуло. Разве что распалось пространство исторической России, но над этим работали все семьдесят лет. Можно даже сказать, что декабрь 1991 г. — не поражение Советского Союза, а его победа, победа заложенных в нём принципов, всего его механизма. СССР распался не из-за того, что был неэффективен (как это нередко пытаются представить). Наоборот, он распался именно из-за своей эффективности как мультинационалистического образования.

Экс-РСФСР, современная Российская Федерация, представляет собой ровно ту же систему национальной политики, что была и в СССР — она её в прямом смысле слова «продолжает». С отпадением вроде как дозревших до самостоятельной жизни наций в ней остались старые автономии, в которых процессы нациообразования ещё идут, и хотя и развиваются по нарастающей, всё же пока далеки до завершения. А русские по-прежнему не имеют своих органов самоуправления даже на уровне культурной жизни, благодаря чему создание их нации просто невозможно — по крайней мере, до той поры, пока все малые народы РФ не созреют до отделения от «матки». В результате Российская Федерация представляет собой довольно странный политический организм: исторически огрызок Империи, она является государством и не архаичным, и не национальным, а потому и по-прежнему не описуемым ни языком западной политологии, ни понятиями старой русской культуры.

Фабрика наций продолжает работу в виде Российской Федерации. РФ — та же фабрика, которая была запу-

щена в 1920-х гг., и работает с тем же успехом. В ней созревают новые нации. То есть СССР по-прежнему жив в своих частях, он до сих пор представлен и Россией, и новыми независимыми государствами. Но следует понимать, что сам этот механизм настроен не на вечное существование, а только на временную программу производства: на полную переработку населения одной шестой части суши по националистическим лекалам.

С бывшими союзными республиками есть и проблемы: СССР распался раньше времени, его поторопили — в результате нации не успели достаточно «пропечься» в его печке, полностью сложиться. Вначале это не было заметно, но потом стало очевидно: даже несмотря на долгий период подкармливания (все 1990-е гг. и несколько позже), во всех бывших республиках СССР наступил кризис внутренней интеграции. Нации остались недоделанными, и теперь это даёт себя знать в наблюдаемом нами кризисе каждой из них. Нынешние проблемы постсоветских республик свидетельствуют о том, что «инкубатор» развалился раньше времени — им приходится «дозревать» самостоятельно.

Особенно много проблем у тех государств, в которых осталось большое русскоязычное население. Оно именно русскоязычное, потому что имеет очень сложное происхождение и является ненациональным по самосознанию. Оно не способно к самоуправлению, к защите своих прав, у него нет своей идентичности, но и стать органической частью титульных наций оно тоже пока не может, да и не хочет.

В Латвии и Эстонии, наиболее жёстко ограничивших в гражданских правах это население, постепенно образуются двухобщинные государства, однако общины русскоязычных — это пока скорее проект, чем реальность. Это атомизированное население, которое просто постепенно обособляется от титульной нации, понемногу ос-

знаёт свою особость и свои проблемы, но вступать в переговоры с официальной властью пока не способно. Примерно то же происходит и в Казахстане, который неплохо демонстрирует, что решать «русский вопрос», в том числе и значительно сокращать долю русскоязычного населения, можно и без крайне сомнительного с правовой точки зрения лишения инородцев гражданских прав.

Украина, где распространение украинской идентичности на русских сделало невозможным межэтническое размежевание, постепенно распадается на две протонации по границе относительного преобладания официального и «иностранного» языка. Наиболее жёстко русский вопрос был решён в Чечне и некоторых других малых национальных образованиях, но в то же время их опыт показал, что путь открытого этноцида и этнических чисток связан с большими рисками и, пусть временными, но всё же нежелательными последствиями, во многом ставящими под вопрос дальнейшее развитие местного националстроительства. Перспективы утверждения старых национальных проектов во всех этих странах сейчас видятся ещё туманнее, чем двадцать лет назад.

СССР был обречён на распад (в этом и была его самореализация), но он мог бы просуществовать и несколько дольше. Собственно, именно поэтому и возникла система спонсирования Москвою экономик новых независимых государств: в Кремле хорошо понимали (и не раз заявляли об этом), что к самостоятельной жизни в условиях международного рынка все эти молодые национальные государства ещё не готовы. С этим же связана и лояльность РФ к значительному ущемлению прав русского населения в этих государствах. СССР был в своём проекте центробежной конструкцией, то есть по принципу организации он работал на будущий распад. Таковым стало и СНГ, которое не зря назвали в самой

же Москве «формой цивилизованного развода» бывших союзных республик. Даже нынешняя попытка реинтеграции ничего кардинального в этом не меняет.

Процесс постсоветского подкармливания бывших союзных республик был во многом прекращён извне, через череду «оранжевых революций». Они были поддержаны Западом по причине плохого понимания того, что здесь происходит. Современный Запад верит в собственную пропаганду, он верит, что СССР был великорусским шовинистическим государством, а отколовшиеся республики добились своей независимости, и теперь важно избавить их от московского неоимпериализма. Но при этом брать на себя обязанность кормить эти молодые нации и улаживать их внутренние конфликты Запад не готов.

В результате сложилась ситуация, когда РФ получила возможность ставить свои условия: либо мы вас кормим и растим дальше, либо вы уходите из нашей зоны ответственности. Новые интеграционные процессы на постсоветском пространстве, запускаемые в 2010–2015 гг., именно в этом и заключаются: незрелые нации пытаются временно вернуться в породившее их лоно, чтобы набраться сил, дозреть и отсоединиться наконец окончательно. Таким образом, новые попытки реинтеграции связаны лишь с незрелостью национальных республик, что само по себе прежний фабричный механизм никак не нарушает. Просто ему есть ещё зачем работать.

К чему всё это нас ведёт? Чем всё это может закончиться? Скорее всего, дальнейшим утверждением на постсоветском пространстве принципа «nation-state», который на каком-то этапе обязательно захватит и русских — точнее сказать, остатки русского населения, не переваренные другими национальными проектами. Но русскому национальному государству позволят сформироваться только тог-

да, когда победит и утвердится максимальное число других национальных проектов. И оно будет максимально маленьким. Таков механизм, такова стратегия его работы.

* * *

Какие есть пути выхода из этой весьма несимпатичной ситуации?

Их два.

Первый: полностью откатить всё назад к досоветской реальности — восстановить донациональную структуру общества и государства России XIX века, убрать национальную форму мысли из сознания людей, тихо и незаметно уничтожить все национальные движения, идеологии и государства.

Второй: перевернуть ситуацию в пользу русского большинства, то есть утвердить русское национальное государство в максимально широких границах расселения русского народа, а дальнейшие отношения с прочими народами бывшего СССР строить на основе принципа соблюдения русских национальных интересов и в формате межнациональных контактов.

Первый путь предлагается чаще всего, но представляется совершенно нереальным. Убрать сто лет истории из сознания и культурного опыта народов вряд ли возможно, а совершить такое насилие на пространстве нескольких государств — тем более. Второй путь теоретически вполне возможен, на практике же очень труден.

Касательно новых интеграционных проектов. Есть основной принцип политической организации обществ эпохи Современности, который пока что никак не отменён: политические формы должны совпадать с культурными. Любая модель интеграции должна объединять что-либо не на основе бизнес-интересов привластных кланов или фантомных болей жителей бывшей Империи, а на основе этнокультурной, языковой, цивилизационной близости населения.

По сей день Россия не предлагает

постсоветскому пространству никакого идентитарного проекта интеграции. Это в полной мере относится и к такому проекту, как Евразийский союз, в который предполагается включить на равных такие культурно чуждые друг другу государства, как, например, Белоруссия и Киргизия. Главное, что нет интеграционного проекта, который был бы самоцелью, той стратегической задачей, которая может давать мотивации политическим действиям независимо от соображений экономической выгоды тех или иных кампаний.

Но стоит понимать, что предложить что-то иное Россия и не может, ведь она — это мини-СССР, и у её государственно-политической системы совсем другие задачи. Интеграция, основанная на особой идентичности, может быть осуществлена только тем политическим центром, который сам обладает определённой идентичностью и культурной цельностью, а не является просто фабрикой производства прочих наций.

Возможность идентитарного проекта постсоветской интеграции могла бы открыться только при реализации второго из описанных выше сценариев. Формирование Русского национального государства дало бы возможность поставить задачу воссоединения всей территории господства русского языка, русской культуры. А это, кроме большей части РФ, ещё и Белоруссия, большая часть Украины, Приднестровье и значительная часть Казахстана. Собственно, это и есть то историческое пространство, которое можно назвать Русской землёй. И если такое образование возникнет, и не как фабрика других наций, а как фабрика собственного развития, цивилизационного воспроизводства, то она будет привлекательна и для других, культурно более далёких, но исторически близких соседей.

Однако для такого переворота в судьбах нашего пространства мало поменять государственное устройство,

сломать советское наследие на уровне границ и административных систем. Система, созданная коммунистами, проникла гораздо глубже — в понятия об идентичности.

Старые формы русского самосознания, господствовавшие ещё сто лет назад, полностью отмерли, их теперь можно восстанавливать разве что через дошедшие до нас тексты. Те понятия, по которым русским считался каждый крещёный в Русской церкви, а в связи с секуляризацией культуры — просто каждый человек с родным русским языком и традициями, ушли в прошлое. Новая система идентичности, заданная Конституцией 1936 г. и советской пропагандой, глубоко вошла в сознание. Русские стали говорить о «национальных кровях», привыкли делить свой организм на те или иные доли кровей разных «национальностей», доставшихся от предков, обсуждать чистоту крови, её значимость и т.д. Причём эти понятия очень поразному прижились у разных народов СССР. В большинстве бывших союзных республик официально разрешённый национализм быстро сменил их на государственно-культурные характеристики, и даже для самых крайних националистов (например, для украинских почитателей Бандеры и Шухевича) национальная принадлежность определяется не кровными долями, а языком и самоидентификацией.

Кажется, русские остаются чуть ли не единственным народом Европейской части света, которому свойственен биологизаторский дискурс идентичности. И работает он как самый надёжный механизм по разрушению русского самосознания: мало кто может заявить о своей «абсолютной чистокровной» русскости, а значит, становится уже «не совсем русским», а «лишь на такой-то процент». При этом все помнят об ужасах немецкого нацизма с его постулированием чистоты кровной чистоты, так что «смешанность кровей» (а значит, и неопре-

делённая идентичность) становится своего рода предметом гордости.

В результате национальная идентичность работает не как консолидирующая общество, а как раскалывающая, причём не только общество, но и каждого отдельного человека. «Я наполовину русский, на четверть украинец, на четверть татарин, хотя ещё вроде на одну восьмую белорус, а ещё во мне есть немножко польской крови, так что в целом и не знаю, кто я» — это стало формулой снятия национального самосознания. А вполне оправданный страх перед социальными практиками, основанными на критерии чистоты кровей, дискредитирует саму постановку вопроса.

Благодаря победе в Великой Отечественной войне русские в абсолютном большинстве являются идейными антинацистами, при этом мыслят себя в нацистских категориях, и это постоянный источник для страха перед собственной рускостью и желания от неё избавиться. Сталинский дискурс идентичности, имеющий, как уже было сказано, те же научные и идеологические корни, что и немецкий нацизм, — главное, что по сей день определяет русских как общность, имеющую скорее негативное самосознание и не способную к национальной консолидации.

Сохранение советских конструктов в этой сфере, препятствующее возвращению к досоветским формам самосознания, — гораздо более важная сторона «постсоветскости», на уровне общественного самосознания поддерживающая и легитимирующая действие механизма «фабрики нерусских наций». Для изменения системы, для приостановки всего запущенного в 1917–1922 гг. антирусского механизма необходима отмена его действия на главном уровне — на уровне общественного и личного сознания, то есть господствующего в обществе дискурса идентичности.

Кроме того, это в буквальном смысле и вопрос выживания русского на-

рода. Русское самосознание к исходу XX столетия оказалось в крайне подавленном состоянии: десятки миллионов восточных славян, сохранив русский язык (и хорошо освоив его литературную норму), утеряли русское самосознание. Даже в России оно считается непрестижным и чуть ли не постыдным. Русские стали самым необщинным народом в мире: ожидать от них где-либо — за рубежом или в самой России — объединения на основании русской идентичности ради отстаивания своих прав и интересов уже довольно трудно. При этом за пределами Русской земли они оказываются вообще на удивление беспомощны в сохранении своей культуры и лишь пытаются интегрироваться в чуждое пространство. Это крайне низкий уровень самосознания и способности к национальной консолидации, который очень опасен для перспектив выживания всей культуры.

И при этом русские оказались особенно привязаны к территории своего традиционного расселения, к Русской земле. Можно заметить, что все многочисленные волны миграции, какие спровоцировала история XX века, не породили действительно сильной русской эмигрантской культуры. У нас нет и сильной диаспоральной системы — русские не образуют общины в чужеродной среде, не сохраняют свою культурную среду. Когда в результате Перестройки наш народ открывал себе наследие Русского зарубежья, казалось, что наступит новый расцвет культуры, синтезирующей две мощные традиции. А на деле масштабы оказались совсем иные, и огромная русская культурная элита, выгнанная из страны, сделала для нашей культуры несопоставимо меньше, чем оставшаяся её часть.

Есть в науке такое понятие — «эндемики». Так вот, русские в каком-то смысле являются эндемиками Русской земли, и выживание русской культуры полностью зависит от целостности и обустроенности этого пространства.

ОЛЕГ КИЛЬДЮШОВ

ЭТНИЗАЦИЯ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО

ЗАМЕТКИ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В СССР

Мы в качестве бывшей великодержавной нации должны идти наперерез националистическим стремлениям [нерусских народов] и поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций.

Н. Бухарин

Советская теория и практика национального строительства сохраняют свою релевантность для нас именно потому, что сегодняшняя РФ является институциональным последствием дебатов столетней давности. По сути, все мы до сих пор являемся заложниками исторических заблуждений небольшой группы русских марксистов...

Советский Союз в своей национальной политике *не являлся тем, чем пытался представать на протяжении всей своей истории*. Более того, большинство советских людей, большинство его сторонников и даже противников не понимало сущность осуществлявшейся в стране «ленинско-сталинской» национальной политики, о чем свидетельствуют многочисленные источники. Причем это касается не только простых советских граждан, но и самих партийных функционеров и даже вождей, как свидетельствуют документы внутри-

партийных дебатов по национальному вопросу, например, на съездах и других партийных мероприятиях (см. материалы VIII (1919), X (1921), XII (1923) съездов).

Так, важнейшей частью официальной идеологии советского проекта являлся (пролетарский) интернационализм, тогда как его основные культурные практики строились на принципах этнического национализма. Если говорить о краткой формуле реального советского проекта, то здесь *скорее нужно говорить об этнизации или национализации социалистического, нежели о его интернационализации или деэтнизации*.

Если для западного Модерна на протяжении последних двух веков характерен процесс, который условно можно назвать «национализацией политического», когда борьба за власть ведется в рамках гомогенного сообщества по идее принципиально равных компатриотов, т.е. внутри политической нации, то большевики избрали иной путь, который условно можно назвать «этнизацией социалистического». Реализация советского проекта шла рука об руку с созданием моноэтнических протогосударств для еще не существовавших тогда нерусских наций, которые должны были стать противовесом русскому «великодержавному шовинизму» (Ленин).

Как многое другое в рамках советского проекта, носившего ярко выраженный идеократический характер,

национальное строительство в СССР осуществлялось в соответствии с партийной доктриной, разработанной в рамках традиции европейской социал-демократии. Конечно, эта доктрина опиралась на практику сотрудничества с новыми политическими субъектами — национал-предпринимателями, «представлявшими» нерусские народы, национальное чувство которых было «разбужено» в период революции. То есть для национальной политики большевиков изначально была характерна двойственность: с одной стороны, доктринерский характер, а с другой — прагматизм, постоянная коррекция курса в соответствии с политическими задачами.

Несмотря на то что национализм в рамках марксизма всегда рассматривался как форма ложного сознания, навязываемая реакционными силами пролетариату и мешавшая трудящимся осознать свои истинные классовые интересы, большевики рассматривали его и как дискурсивного конкурента, способного мобилизовать энергию масс на решение ложных задач.

Эта напряженность сохранялась на протяжении всего советского периода с его уникальной внутренней периодизацией, включающей и борьбу с буржуазным национализмом, и политику «коренизации» (упор на «местные кадры»), и борьбу с «безродным космополитизмом», но также и борьбу с «великорусским шовинизмом», которая велась, прежде всего, посредством институциональной поддержки нерусских национализмов.

Более того, в конце 1922 г. Ленин разработал своеобразную теорию хорошего и плохого национализма: *«необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся*

*виноватыми в бесконечном количестве насилия...»*¹.

Не может не удивлять этот оппортунистический альянс большевизма и нерусского национализма, реализовавшийся в СССР. Как верно замечает Терри Мартин в своей книге «Империя позитивной дискриминации», стратегия большевиков заключалась в попытке оседлать процесс деколонизации и национального освобождения инородцев бывшей Российской империи и тем самым сохранить территориальную целостность революционного государства². Именно для этого большевики пошли не только на создание 12 протогосударств в виде национальных республик, но и на создание нескольких десятков других этно-государственных образований, образовавших причудливые иерархии: союзная республика — автономная республика — автономная область — автономный округ — автономный район. В 20-е годы массовой практикой стало образование еще меньших единиц — национальных сельсоветов.

Стоит ли напоминать, что произошедший в 1991 г. распад исторической государственности произошел именно по тем линиям, что были прочерчены большевиками в виде республиканских границ, то есть советские протогосударства выполнили свою историческую функцию?

Именно об этом говорят сегодня те, кто называет ленинско-сталинскую национальную политику миной замедленного действия, взорвавшей российскую государственность двадцать лет назад.

Более того, все дезинтеграционные процессы или попытки сецессии, предпринятые в постсоветских респу-

¹ Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // ПСС. М., 1970. Т. 45. С. 358–359.

² Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР. М.: РОССПЭН, 2011. С. 17–19.

бликах, также проходили по линиям советских границ, в данном случае административным. Это касается как стран, в результате утративших часть территории «своей» бывшей союзной республики, — Грузия (Абхазия, Южная Осетия), Молдавия (Приднестровье) и Азербайджан (Нагорный Карабах), так и стран, формально сохранивших территориальную целостность, но утративших на время или уже навсегда фактический контроль над территорией — Украина (Крым), Россия (Чечня и все более Дагестан и другие северокавказские республики, а также Тыва).

Существовавшие в рамках СССР национально-государственные образования и здесь выступили в качестве институциональной основы для учреждения альтернативной государственности.

У нас нет никаких оснований считать, что нынешние российские этнократии, ведущие свой торг с федеральным центром за ресурсы в обмен на лояльность (достаточно вспомнить поразительные для здравого смысла цифры голосования за «Единую Россию» в нерусских регионах), выполняют для «своих» народов какие-то иные функции, помимо кокона будущего национального государства для титульной нации. В любом случае это очевидно применительно к Татарии и Башкирии.

При этом ни одной нации из существующих сегодня на пространстве СНГ в виде народов суверенных государств сто лет назад просто не существовало — все они были созданы в результате систематической аффирмативной политики советского руководства, поддерживавшего нерусские национализмы на различных уровнях. Прежде всего огромные усилия и ресурсы были затрачены в сфере образования и выдвижения местных кадров — так называемых «нацменов», а также активной культурной политики, направленной на изобретение национальных традиций, составление

местных канонов и пантеонов и т.д. То есть все то, что в Восточной Европе, например в Австро-Венгрии, делали национал-предприниматели в борьбе с имперским дискурсом, в СССР осуществлялось в рамках целенаправленной государственной политики.

В последние годы существования СССР на экраны вышел фильм «На острие меча», основанный на реальных событиях: речь идет о спецоперации ОГПУ 1923 г. с целью склонить к отказу от подрывной деятельности и явке с повинной одного из руководителей украинского контрреволюционного подполья в Польше, генерал-хорунжего Ю. Тютюнника. Последним доводом, убедившим генерала в бессмысленности борьбы с большевиками, в фильме стал пионерский отряд, который шел по Киеву с плакатом «Знай рідну мову». То есть на Украине периода коренизации Тютюнник своими глазами увидел, что здесь большевиками вовсю реализуются все программные цели украинских националистов.

Единственное, что ускользнуло в этой трогательной истории от создателей фильма, — эта несколько странная семантика лозунга: родной язык по определению является первым языком, который человек осваивает в ходе первичной социализации в семье. И если кого-то призывают учить родной язык, то понятно, что речь идет уже не о родном языке, а о политической манипуляции, что в реальности и происходило на Украине во время так называемой «коренизации»...

Уже упоминавшийся Терри Мартин говорит в этой связи об уникальном эксперименте, не имеющем аналогов ни с одним мультиэтническим государством (за исключением Индии)³. Трудно сравнивать советский опыт с индийским, но очевидно, что эта поразительная империя позитивной дискриминации нерусских народов имела все же один объект негативной дис-

³ Там же. С. 10–11.

криминации — то есть самих русских, которым — уже в силу численного преобладания — было отказано в статусе хотя бы одной из титульных наций и которые сами стали ресурсом и средством «подтягивания» отсталых народов до уровня «социалистических наций».

В этой борьбе большевиков с буржуазным национализмом посредством национализма социалистического, то есть практики национального самоопределения нерусских народов в рамках советской федерации, примечательны импликация, указывающие на теоретический оппортунизм вождей мирового пролетариата. С точки зрения марксизма, сам феномен национализма является идентитарным панданом капитализма, то есть это исторически определенный этап в истории коллективного самосознания, который будет неизбежно преодолен путем социалистического и коммунистического строительства и приведет к интернациональному сообществу планетарного масштаба.

В этом смысле в рамках марксистской парадигмы гораздо убедительней представляется позиция так называемых «интернационалистов» Г. Пятакова и Н. Бухарина, выступивших в 1919 г. на VIII съезде РКП(б) против «националистов» Ленина и Сталина. Так, Георгий Пятаков требовал отказаться от лозунга о праве наций на самоопределение, поскольку тот подходил скорее контрреволюционным силам. Ведь если революционная власть победила, говорил он, то национальное самоопределение стало теперь избыточным заигрыванием с этническими культур-предпринимателями: «Это или просто дипломатическая игра, или это хуже чем игра, если мы берем это всерьез»⁴.

Однако Ленин и Сталин делали это всерьез, пытаясь подводить под свой

оппортунизм в области национальной политики своеобразное теоретическое обоснование: еще в 1916 г. в статье «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» Ленин утверждал, что «к неизбежному слиянию наций человечество может прийти через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций»⁵. Сталин расшифровывал это парадоксальное заявление следующим, не менее парадоксальным образом: «Мы гарантируем максимальное развитие национальной культуры для того, чтобы она исчерпала себя полностью и тем самым создала основу для формирования интернациональной социалистической культуры»⁶. Кроме того, Сталин известен как автор другой загадочной формулы, описывающей советские национальные культуры как «национальные по форме, социалистические по содержанию» — в речи, произнесенной в 1925 г. в Университете народов Востока («О политических задачах Университета народов Востока»)⁷.

Однако с высоты исторического опыта мы можем сделать вывод, что надежды большевиков инструментализировать, приручить и тем самым деполитизировать нерусские национализмы провалились. Скорее, это нерусским национализмам удалось инструментализировать советский режим в своих целях создания собственных государств, что и было успешно реализовано ими в момент очередного ослабления союзного центра в 1991 г.

Практика нынешних властей РФ, например, применительно к Кавказу или

⁵ Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение // ПСС. М., 1969. Т. 27. С. 256.

⁶ Цит. по: Мартин Т. Империя положительной деятельности. С. 16.

⁷ Сталин И.В. О политических задачах Университета народов Востока// Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1934. С. 158.

поволжским этнократиям, показывает, что эта советская матрица продолжает действовать до сих пор.

Между тем интерес — не только политический, но и теоретический — сегодня представляет не только практика советского национального строительства, но и сами теоретические дебаты большевиков, которые они вели в рамках европейского социал-демократического дискурса.

Как уже говорилось, заявленная Лениным и Сталиным политика признания права народов на самоопределение и их деятельная борьба с «великорусским шовинизмом» (Ленин) уже тогда встретила резкую критику как внутри самой партии большевиков, так и со стороны некоторых европейских левых теоретиков, среди которых особое место занимает Роза Люксембург. Ее провидческие строки звучат сегодня настолько современно, что заслуживают быть приведенными в виде развернутой цитаты:

«Вместо того, чтобы как раз в духе чисто интернациональной классовой политики, которую большевики обычно проводили, стремиться к самому тесному сплочению революционных сил на всех просторах Российской империи, защищать зубами и когтями ее целостность как территории революции, противопоставить — в качестве высшего завета политики — сплоченность и нераздельность пролетариев всех наций в сфере русской революции любым националистическим сепаратистским устремлениям, большевики, напротив, громкой националистической фразеологией о “праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения” дали буржуазии всех окраинных стран самый желательный, самый блестящий предлог, прямо-таки знамя для ее контрреволюционных устремлений. Вместо того, чтобы предостеречь пролетариев окраинных стран от любого сепаратизма как чисто буржуазной ловушки и в зародыше подавить сепаратист-

ские стремления железной рукой, использование которой в этом случае соответствовало бы истинному смыслу и духу пролетарской диктатуры, они, напротив, вызвали своим лозунгом замешательство в [народных] массах всех окраинных стран и дали простор демагогии буржуазных классов. Таким содействием национализму они [большевики] сами вызвали, подготовили распад России и этим вложили в руку собственных врагов нож, который те намеревались вонзить в сердце русской революции».

Не менее актуально звучит следующая цитата:

«Большевики несут часть вины за то, что военное поражение России превратилось в крушение и распад страны. Они сами же в большой степени обострили объективные трудности положения своим лозунгом, который поставили во главу угла своей политики, так называемым правом наций на самоопределение или тем, что в действительности скрывалось за этой фразой, — государственным развалом России».

При этом она прямо указывала на противоречивость этой политики:

«Поражают прежде всего упорство и жесткая последовательность, с которой Ленин и его товарищи держались за тот лозунг, который резко противоречит и их обычно ярко выраженному централизму политики, и их отношению к прочим демократическим принципам. В то время как они проявили весьма холодное пренебрежение к Учредительному собранию, всеобщему избирательному праву, свободе печати и собраний, короче, ко всему ареалу основных демократических свобод для народных масс, образующих в совокупности “право на самоопределение” для самой России, они обращались с правом наций на самоопределение как с сокровищем демократической политики, перед которым должны умолкнуть все практические возражения реальной критики».

«Увы, в обоих случаях расчет совершенно не оправдался. В то время как Ленин и его товарищи, очевидно, ожидали, что они как защитники национальной свободы “вплоть до государственного отделения” сделают Финляндию, Украину, Польшу, Литву, балтийские страны, кавказцев и т.д. верными союзниками русской революции, мы наблюдали обратную картину: одна за другой эти “нации” использовали только что дарованную им свободу для того, чтобы в качестве смертельного врага русской революции вступить в союз с германским империализмом и под его защитой понести знамя контрреволюции в саму Россию. Образцовый пример — интермедия с Украиной в Бресте, обусловившая решающий поворот в этих переговорах и во всем внутреннем и внешнеполитическом положении большевиков. Поведение Финляндии, Польши, Литвы, балтийских стран, наций Кавказа самым убедительным образом показывает, что мы имеем здесь дело не со случайными исключениями, а с типичным явлением».

Особую «любовь» Роза Люксембург заслужила на оранжевой Украине за следующий тезис против ленинской национальной политики:

«Украинский национализм в России был совсем иным, чем, скажем, чешский, польский или финский, не более чем просто причудой, кривляньем нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентов, без каких-либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была ни нацией, ни государством, без всякой национальной культуры, если не считать реакционно-романтических стихотворений Шевченко. Буквально так, как если бы в одно прекрасное утро жители “Ватерканте” вслед за Фрицем Рейтером захотели бы образовать новую нижненемецкую нацию и основать самостоятельное государство! И та-

кую смехотворную шутку нескольких университетских профессоров и студентов Ленин и его товарищи раздули искусственно в политический фактор своей доктринерской агитацией за “право на самоопределение вплоть” и т.д. Первоначальной шутке они придали значимость, пока эта шутка не превратилась в самую серьезную реальность»⁸.

* * *

За время существования СССР в рамках созданных им национальных протогосударств были созданы обладающие национальным самосознанием этнические элиты, сумевшие осуществить консолидацию власти на «своей» территории в период системного кризиса союзного центра конца 80-х — начала 90-х. Эти новые национальные элиты возникли в результате аффирмативной культурной, образовательной и кадровой политики, осуществлявшейся в рамках советской стратегии приручения, т.е. инструментализации нерусских национализмов. Именно в этих целях советское государство в индустриальных масштабах осуществляло издание книг, журналов и газет, создание национальных кинематографий, постановку опер, открытие музеев, финансировала музыкальные, фольклорные ансамбли и т.п. Тем самым большевики становились как бы большими националистами, нежели сами «националы»: так предполагалось «деполитизировать» национализмы, существенно ослабив их субверсивный потенциал.

В рамках политики позитивной дискриминации огромные ресурсы тратились на поддержку «культурно отсталых народов», которые выбивали для себя отдельные бюджеты на борьбу с отсталостью, очень напоминающие

⁸ Все цитаты приводятся по: Люксембург Р. О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма. М.: Издательство политической литературы, 1991.

сегодняшние программы развития Северного Кавказа.

Основной технологией советской национально-культурной политики стала стратегия «коренизации» или «туземизации» — т.е. активной поддержки и выдвижения кадров из числа местного нерусского населения. На X съезде партии в марте 1921 г. было решено «помочь трудящимся массам» нерусских народов в строительстве их собственных институтов, укомплектованных ими самими и ведущими работу на их родном языке, а также «развивать их печать, школы, театры, клубы и образовательные институты, функционирующие на родном языке». Примечательно, что ликбез также должен был проводиться на родном языке.

Интересным механизмом, созданным в рамках этой политики, являлся «культурный фонд», созданный в 1924–1926 гг. для удовлетворения культурных потребностей «отсталых» регионов. За него тут же развернулась ожесточенная аппаратная борьба, приведшая к удивительным последствиям: советские республики тут же включились в борьбу за звание *наиболее отсталых*. Даже немцы Поволжья не избежали этого соблазна, аргументируя свое право на долю в фонде тем, что «все нацменьшинства в целом не дотягивают по своему культурному уровню до русского пролетариата». Азербайджан объявил себя «сравнительно отсталой республикой, не имеющей основательных культурных традиций». Но дальше всех пошли ингуши, заявившие, что они являются «самым культурно и экономически отсталым народом Северного Кавказа», хотя национальная гордость и вынудила их добавить: «за исключением Чечни»⁹.

Со второй половины 30-х годов дискурс отсталости заменяется парадигмой «расцвета национальных культур». С поразительной стреми-

тельностью нерусские республики совершили переход «от первых шагов в культурном строительстве» до демонстрации «творческих достижений». Эффективным инструментом для их манифестации тогда казались декады национальной культуры и искусств, проводившихся под контролем образованного в 1936 г. Комитета по делам искусств при СНК СССР.

Они проходили всегда по одному сценарию: в Москву приезжала внушительная делегация деятелей искусств из данной республики. Она осуществляла масштабную культурную программу, состоявшую из концертов, театральных постановок, выставок и т.д. Центральным событием были пафосные постановки с фольклорной музыкой и танцами, которые посещали члены Политбюро. В центре украинской декады 1936 г. были национальные песни и танцы, а казахской — акыны.

Однако в основном в ходе декад показывали «длинные оперы на азиатские сюжеты, написанные посредственными советскими композиторами». По словам участника событий, «это было зрелище жалкое и совершенно невыносимое для человека с нормально развитым музыкальным вкусом»¹⁰.

После этого в Кремле проходил прием национальных деятелей искусств, на котором высшее политическое руководство страны лично знакомилось с ними. Далее щедро раздавались ордена и почетные звания. Так в течение десяти дней никому не известные провинциальные артисты становились корифеями жанров в своих республиках и даже народными артистами СССР. Примечательно, что в данном случае нарушались установленные правила присвоения почетных званий. Так, в среднеазиатских республиках появились никому не известные народные артистки — балерины.

⁹ Мартин Т. Империя положительной деятельности. С. 184–185.

¹⁰ Елагин Ю.Б. Укрощение искусства. М., 2002. С. 262–263.

Интересна «техника создания национальных культур» в сталинскую эпоху, описанная в воспоминаниях современников: какому-нибудь из московских композиторов «среднего уровня» предлагалось выехать в одну из республик, чтобы ознакомиться с ее фольклором. В результате за солидный гонорар создавалась опера или балет. Работа над их разучиванием в национальном театре проводилась при помощи приезжавших из Москвы певцов, музыкантов, специалистов по вокалу и т.д. — вплоть до парикмахеров. Москвичи ставили концертные программы, спектакли. Как выразился один современник, «они наводили порядок в национальном искусстве»¹¹. Майя Плисецкая отмечала крайнюю мобилизацию на этих мероприятиях: «а то, глядишь, орденишко не достанется, да на заключительный банкет не позовут»¹².

Показательной в этом отношении является деятельность в Киргизской ССР композиторов В.А. Власова и В.Г. Фере, стоявших у истоков киргизского музыкального театра. Так, Власов является автором первых киргизских опер «Айчурек» («Лунная красавица», 1939) и «За счастье народа» (1941). В национальных республиках эти творцы получали реальные шансы на успешную карьеру: «Ни для кого не секрет, что все столичные знаменитости приезжали в республики зарабатывать деньги, ордена, звания. Самые главные лица получали даже ордена Ленина»¹³. Интересно свидетельство писателя Вс. Иванова, наблюдавшего в поезде, как «утешал свою жену Власов, композитор, едущий во Фрунзе устраивать киргизскую оперу». Поскольку Киргизию «сделали 11-й со-

юзной республикой, там, завидуя Казахстану и его театральным успехам в Москве, решили создать к 1938 г., когда в Москве будет театральная декада, — оперу и балет. Для музыкантов теперь, должно быть, здесь “золотая лихорадка”». «Жена музыканта весьма не одобряет расчеты мужа, но парню хочется славы — желание законнейшее»¹⁴.

На одной такой декаде следует остановиться подробнее, поскольку на ее материале хорошо виден механизм создания «древних культур» советских наций.

В августе 1939 г. поступило предложение провести декаду Таджикской ССР, однако был сделан вывод о том, что состояние искусства в союзной республике «еще не находится на достаточно высоком уровне». По мнению проверяющих, на подготовку декады требовалось полтора-два года, поскольку в Таджикистане не было профессиональных кадров в сфере культуры. Таким образом, предстоящая декада одновременно являлась попыткой заложить фундамент развития таджикского искусства. «Для творческой помощи» коллегам в Сталинабад были командированы известные специалисты Камерицкий, Голейзовский и Рындин. После двух лет интенсивной подготовки деятели культуры Таджикистана представили во время декады, проходившей с 12 по 21 апреля 1941 г., следующую программу: оперу «Восстание Восэ» и музыкальное представление «Лола» Баласаняна, оперу «Кузнец Кова» Баласаняна и Бобокалонова и балет «Две розы» Ленского¹⁵.

А 22 апреля в Кремле был устроен прием для участников декады, на котором Сталин выступил с небольшой речью. В ней он сказал следующее: «Я хотел бы поднять тост за здоровье и процветание таджикского народа. Таджики — это настоящий народ — носитель короны, как называли их иранцы,

¹¹ *Невежин В.А.* Застолья Иосифа Сталина. М., 2011. С. 112–113.

¹² *Плисецкая М.М.* Читая жизнь свою... М., 2010. С. 93.

¹³ *Бахтаров Г. Ю.* Записки актера. Гении и подлецы. М., 2002. С. 86.

¹⁴ Цит. по: *Невежин В.А.* Указ. соч. С. 118.

¹⁵ Там же. С. 124–125.

и они, таджики это оправдали. Это особый народ, это не узбеки, не киргизы, не казахи. Это самый древний народ из всех народов Средней Азии. Из всех нерусских народов, живущих в пределах СССР, таджики — единственный народ, который является не русским, не грузинским, не армянским, не тюркским, а иранской народностью. Это люди старинной культуры. Это народ очень старой и очень серьезной культуры. Вы заметили, наверное, что искусство этих людей потоньше, они тоньше понимают и чувствуют искусство. Это народ, интеллигенция которого родила Фирдоуси, и недаром таджики ведут от него свои культурные традиции. У этого народа есть своя специфика как в музыке, так и в театре, так и в танце. Это особые традиции старой большой культуры.

У нас часто смешивают таджиков с узбеками, узбеков с армянами, армян с грузинами. Это смешно и неправильно. Между тем таджики начали создавать культурные ценности, искусство еще в глубокой древности. Таджики — народ, имеющий большую будущность в наших советских условиях. Вот почему таджикский народ должен быть окружен всемерной заботой всего нашего Советского Союза, вот почему искусство таджикского народа надо всемерно развивать и окружить его вниманием.

Разрешите поднять тост за процветание таджикского народа, за то, чтобы этот народ процветал, за то, чтобы всемерно развивались его культура и искусство.

За то, чтобы мы, москвичи, готовы были в любой момент оказать помощь таджикскому народу»¹⁶.

В докладной записке в ЦК, направленной в 1944(!) г., Секретарь ЦК КП Таджикистана Бободжан Гафуров подчеркивал, что «указанные выше высказывания Сталина должны учитываться, конечно, не только при составлении истории таджиков и Таджи-

кистана, но и при составлении истории других народов Средней Азии». Забавно, что недавнее исследование по теме, откуда взята эта цитата, вышедшее в Душанбе, называется очень непосредственно: «Бободжан Гафуров против фальсификаторов истории таджикского народа»¹⁷.

В письме Сталину несколько лет спустя Гафуров докладывал, что в свете этих указаний был проведен ряд мероприятий «по изучению богатого прошлого таджикского народа»: осуществлен перевод на русский произведений таджикских классиков, выпущен первый том истории таджикского народа и началась работа над вторым...

В целом декада и речь Сталина интерпретировались советской пропагандой как очередное подтверждение торжества советской национальной и культурной политики, которая проводилась под гениальным руководством Сталина. Советская печать в унисон словам вождя писала об «очаровательном своеобразии таджикского искусства», базировавшегося на древней высокой культуре, ведущей свое начало от Фирдоуси, Гафиза и Саади. М.И. Калинин, вручая в Кремле ордена и медали участникам декады, подчеркивал, что культура таджиков — «старая, запас ее у народа очень большой, эта культура отличается особой тонкостью»¹⁸.

Таким образом, мы имеем уникальную возможность дать предельно точную датировку возникновению древней таджикской культуры — 22 апреля 1941 г. Место возникновения — Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца...

* * *

К условиям советской насильственной этнизации всей общественной

¹⁶ Там же. С. 315.

¹⁷ Масов Р. Бободжан Гафуров против фальсификаторов истории таджикского народа. Душанбе, 2009.

¹⁸ Небезин В.А. Указ. соч. С. 326–327.

сферы пришлось приспособливаться и спорту.

Приведу несколько примеров.

Прежде всего, спортсмены и команды, оказавшиеся на территории национальных республик, автоматически превращались в их спортивных представителей.

При этом в некоторых республиках директивно введенный спорт из маргинального института, низко оцениваемого в традиционных обществах, получив религиозное или квазирелигиозное значение, стал для многих людей важным источником самоидентификации. Иногда это принимало формы, находящиеся по ту сторону здравого смысла.

Так, на пике сталинизма в 1948 г. в Тбилиси вышла книга, доказывающая, что футбол не был британским изобретением, а имел корни в народной грузинской игре «лело», а также русской «шалыге». Причем авторы были русские¹⁹.

С социологической точки зрения советский спорт претерпел важные неспортивные изменения, поскольку, помимо традиционных для спорта фигураций, включающих в себя: А) спортсменов или команды, соревнующиеся в дружеской конкуренции; Б) спортивные контрольные инстанции (судьи, федерации, спортивные организации (общества); В) зрителей; Г) организации или предприятия, поддерживавшие спорт финансово и организационно — сюда добавляется новое политическое измерение — национально-республиканское, а точнее, этническое в интересах титульной нации, что тут же усложнило всю систему внутриспортивных отношений в СССР.

Более того, некоторые проблемы, вызванные этнизацией советского спорта, актуальны до сих пор — здесь достаточно вспомнить о матчах нынеш-

ней Российской футбольной Премьер-лиги с участием кавказских команд.

Манипуляции с этническим фактором в советском спорте начались довольно рано — еще в 20-е годы. Так, уже во время первой Спартакиады народов СССР команды были разбиты на две группы. В первую вошли все иностранные команды вместе с командами союзных республик (!), а во вторую — команды от РСФСР²⁰.

При этом сами Спартакиады официально назывались «подлинным праздником братской дружбы народов нашей многонациональной страны»²¹.

Здесь нужно сделать объяснение: до революции основное соперничество в спорте, например, в футболе, проходило между командами Москвы и Санкт-Петербурга. Сильные команды также были в Харькове и Одессе. Но, естественно, никто не считал тогда эти команды украинскими. Спартакиада 1928 г. внесла в советский спорт новый элемент — противостояние республиканских сборных Украины и России²².

Некоторые высокопоставленные болельщики из числа руководителей республик старались, как могли, помочь своим командам. Так, одним из страстных болельщиков тбилисского «Динамо» был Лаврентий Берия.

В полуфинале Кубка СССР 9 сентября 1939 г. московский «Спартак» выиграл у подопечных всесильного наркома со счетом 1:0, а затем 12 сентября победил в финале ленинградский «Сталинец» со счетом 3:0 и на глазах 70 тысяч болельщиков получил Кубок.

Неожиданно через несколько дней было принято решение переиграть полуфинальный матч 30 сентября, поскольку руководство «Динамо» (Тбилиси) опротестовало результат мат-

²⁰ Эдельман Р. Серьезная забава. М., 2008. С. 75.

²¹ Хоскинг Дж. Правители и жертвы. Русские в СССР. М., 2012. С. 318.

²² Эдельман Р. Серьезная забава. С. 84–85.

ча, посчитав, что после удара игрока «Спартак» Протасова вратарь Шавгулидзе выбил мяч с линии ворот, и гол был засчитан неверно. В повторном матче 30 сентября вновь победил «Спартак» (3:2), но почему-то финальный матч решили не переигрывать. Так впервые в истории мирового футбола был сыгран полуфинал после финала²³...

Стилически это очень близко к тому, какими усилиями руководство, например, кадировской Чечни обеспечивает успехи грозненского «Терека», который в 2004 г. неожиданно стал обладателем Кубка России, получив помимо этого серебряную саблю от В. Путина.

Стоит ли говорить, что абсурдность такого вмешательства высокопоставленных национал-предпринимателей в сферу спорта дискредитирует саму идею честной конкуренции, которая, собственно, и делает спорт привлекательным в качестве последнего убежища для благородного агона, свободного от манипуляций?

Кроме того, это дополнитель-

ное — националистическое — измерение превращало в головную боль и без того непростую проблему формирования советских сборных по игровым видам спорта. Хотя победы сборных представлялись в той же советской прессе как некое идеальное воплощение огромного многонационального союза. Например, применительно к баскетболу «Советский спорт» писал о том, что если «прибалтийское мастерство и точность бросков соединяется с атлетизмом русских игроков и темпераментом и скоростью грузин, то в результате получается баскетбольный стиль, который с полным правом можно было назвать “советским”».

Оставим эти дифирамбы дружбе народов без комментариев, отметив лишь, что и здесь налицо неспортивное измерение в советском спорте, который сам был вписан в рамку институализированного национализма по-советски. Сегодня в этой же рамке продолжает существовать спорт российский. Поэтому нам остается только гадать, чем закончится очередной матч московского «Динамо» в Махачкале или ФК «Краснодар» в Грозном.

²³ Там же. С. 108.

АЛЕКСАНДР ВДОВИН

«НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ»: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Новое открытие старой идеи

На волне критики «культы личности» в 1956 г. были впервые опубликованы ленинские письма («К вопросу о национальностях или об “автономизации”» от 30–31 декабря 1922 г. и др.), говорящие о временных разногласиях между Лениным и Сталиным по вопросам образования СССР. Смысл публикации сводился к тому, что Сталин имел свою особую, «неправильную» позицию по этим вопросам в отличие от «правильных» установок истинного создателя Союза ССР. Здравый смысл сталинской позиции и исторический опыт, накопленный к середине 1950-х гг., по существу был проигнорирован. Между тем с позиции наших дней становятся отчетливо видны изъяны ленинского плана создания союзного государства. История образования и последующего развития СССР показывает, что русские национально-государственные интересы были по сути дела принесены в жертву ленинско-троцкистской утопии — интересам призрачного Мирового СССР и национализму «угнетенных» народов бывшей царской России.

Сталин должного упорства в отстаивании своего «плана автономизации» для СССР не проявил. Как считают многие современные историки, в том числе и автор этих строк, реализация

сталинского плана создавала бы гораздо лучшие предпосылки для последующей оптимизации государственного устройства и всей системы межнациональных отношений в стране. Для осуществления знаменитого принципа об участии в строительстве и функционировании союзного государства всех народов бывшей России «вместе и наравне» ленинский план был совершенно не пригоден. Ярким свидетельством этого является иерархия народов и национально-государственных образований, без труда различаемая в архитектонике СССР.

Грозные признаки кризиса великорусской нации обнаружались в 1959 г., когда проводилась первая послевоенная перепись населения СССР. Г.Х. Попов, будучи студентом МГУ, участвовал в ее проведении. Ему принадлежит ценнейшее для историков свидетельство. В годы перестройки, уже будучи видным ученым и политическим деятелем, он писал: «Перестройку начали “верхи” бюрократии и та часть интеллигенции, которых пугали растущее отставание страны, усиливающаяся угроза утратить роль великой державы... Основной причиной отказа от государственного социализма была угроза потерять лидерство. Эту угрозу многократно усилил кризис великорусской нации. Если этот кризис не видеть, то вообще невозможно объяснить процессы последнего десятилетия.

Россия формировалась как страна, в которой хребтом, основой, базой были великороссы. Именно они присоеди-

---

Статья представляет собой переработанный фрагмент книги А.И. Вдовина «Русский народ в XX веке», которая готовится к выходу в свет издательством «Вече» в конце текущего — начале будущего года.

няли, объединяли, защищали. Выгодно было быть с ними в одной стране. Если взглянете на титул русского царя, то первая строчка в нем начинается с “Великой России”, а потом перечисляются все остальные части страны. Если взять гимн Советского Союза, там опять: “сплотила Великая Русь”. В общем-то подспудно прекрасно сознавалось, что есть государство великороссов — когда-то государство российское, а затем советское. И ничье другое. Все остальные — соучаствуют.

Начиная с конца 1960-х годов самые базисные основы великорусского государства стали подрываться. Великороссы потеряли большинство в численности Советского Союза. Я студентом участвовал в переписи 1959 г. Мой профессор А.Я. Боярский был одним из руководителей переписи. Она показала, что русских в СССР меньше 50 процентов. Политбюро же требовало, чтобы русских было большинство. И Боярский придумал систему: по анкетным данным о родителях записывать человека русским принудительно, если отец или мать у него русские (как бы он сам себя ни записал в анкете). И вот после такого пересчета получилось больше 50 процентов русских, а Боярский получил орден Ленина. Еще более критическое соотношение сложилось среди интеллигенции. В свое время циркулировали цифры: 60, а то и 70 процентов интеллигенции, особенно ее высших слоев, составляют нерусские»¹.

Вместо реалистического анализа процессов в национальной сфере и соответствующего реформирования национально-государственного устройства СССР власть в очередной раз увлеклась утопическим проектом

«окончательного решения национального вопроса», связывая его с форсированной ломкой национальных перегородок, стиранием национальных различий, с ассимилированием наций в советском обществе, иначе говоря, с денационализацией. Оживление ленинских установок, ориентирующих национальную политику с продвижением к социалистической цели, заключающейся не только в сближении наций, но и в слиянии их, происходило в связи с вынашиваемым в конце 1950-х гг. планом непосредственного построения коммунизма в СССР в предстоящие двадцать лет. Н.С. Хрущев говорил в 1959 г., что по мере реализации этого плана «успешнее будет идти процесс слияния народов в единую коммунистическую семью».

Уловив знакомую мелодию, чуткие общественеды сразу же вспомнили раннего Энгельса и романтику первых российских революционных лет и принялись вновь уверять многоплеменных соотечественников в том, что «стратегическая линия рабочего класса и его партии... направлена на слияние всех наций, на преодоление национальных перегородок и различий»², в будущем коммунистическом обществе «все население Советского Союза будет представлять единую коммунистическую нацию»³. На пути к этому «молодые и родственные нации, видимо, раньше, чем старые и неродственные... начнут сливаться в единую нацию»⁴. Социалистические нации и страны, в представлении Хрущева, не могли замыкаться

¹ Попов Г.Х. О модели будущего России // Наука и жизнь. 1997. №7, 8. URL: http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/PROBE/РОРОВОВ_В.НТМ; Попов Г.Х. О модели будущего России // Вопросы экономики. 2000. №12.

² Аврофин В.А. Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР // Вопросы языкознания. 1960. №4. С. 4.

³ Потанов А.П. Задачи этнографического исследования народов Сибири в свете учения В.И. Ленина по национальному вопросу // Советская этнография. 1960. №2. С. 30.

⁴ Сатыбалов А.А. Исторические типы общности людей (род, племя, народность, нация). Л., 1959. С. 42.

в своих границах и опираться только на свои силы. «Если бы это было так, — говорил он, — мы были бы не коммунистами-интернационалистами, а стали бы национал-социалистами»⁵.

Как и следовало ожидать, в проект новой программы КПСС М.А. Сулов включил положение о том, что «в СССР происходит слияние наций и их языков, образование одной нации с одним языком, с единой общей культурой»⁶. Известный государственный и политический деятель А.А. Андреев провозгласил со страниц главного теоретического партийного журнала: в СССР «выковывается единая социалистическая нация»⁷.

Коллегам Хрущева по Президиуму ЦК КПСС (прежде всех О.В. Кусинену, Н.А. Мухитдинову) удалось убедить его не ставить в партийной программе невыполнимые задачи. Частично согласившись с ними, Хрущев актуализировал высказанную ранее идею о появлении в СССР «новой исторической общности». В докладе о программе КПСС он объявил, что результаты интеграционных процессов в национальной сфере уже привели к тому, что «в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие черты, — советский народ». Однако в программный документ положение включено не было⁸. Это значило, что ему, как и аналогичным утверждениям, высказанным в литературе на предыдущих этапах развития общественной мысли (Н.И. Бухарин, М.В. Неч-

кина, И.Е. Кравцев, Н.И. Матюшкин, М.Д. Каммари), еще не придавалось концептуально-методологического значения.

В практически-политическом отношении наибольший интерес представляет раздел Программы КПСС «Задачи партии в области национальных отношений». Их развитие в СССР к началу 60-х годов Программа характеризует следующим образом: «В условиях социализма происходит расцвет наций, укреплявших их суверенитет. Развитие наций осуществляется не на путях усиления национальной розни, национальной ограниченности и эгоизма, как это происходит при капитализме, а на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы. Возникновение новых промышленных центров, открытие и разработка природных богатств, освоение целинных земель и развитие всех видов транспорта усиливают подвижность населения, содействуют расширению взаимного общения народов Советского Союза. В советских республиках совместно живут и дружно трудятся люди многих национальностей. Границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму. У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР»⁹.

Эта характеристика весьма показательна сочетанием лакировочной полуправды с противоречивым смыслом.

⁵ Хрущев Н.С. Речь на девятой общегерманской рабочей конференции в г. Лейпциге 7 марта 1959 г. // Правда. 1959. 27 марта. С. 3.

⁶ Мухитдинов Н.А. Река времени. От Сталина до Горбачева: Воспоминания. М., 1995. С. 12.

⁷ Андреев А. Торжество ленинских идей дружбы народов // Коммунист. 1960. №6. С. 39.

⁸ См.: Барсуков Н. Как создавалась Третья программа партии // Диалог. 1991. №5. С. 80.

⁹ КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 10. С. 163.

Конкретные исследования истории национальных отношений, например В.И. Козловым в книге «История трагедии великого народа: Русский вопрос», показывают, что провозглашенное в партийных документах и в Конституции СССР «равноправие наций» на деле не существовало, да и не могло быть достигнуто в условиях привилегированного положения «титовых наций» соответствующих республик по сравнению с инациональными группами и при иерархическом статусе самих национально-территориальных образований. Материальные и духовные интересы каждого народа удовлетворялись отнюдь не в равной мере, в неблагоприятном положении при этом оказался крупнейший в стране русский народ. Из того факта, что в Советском Союзе увеличилась подвижность населения, совсем не следовало, что границы между республиками теряли значение. Этому явно противоречит утверждение об укреплении суверенитета наций.

В Программе далее отмечено, что «расширение прав союзных республик в руководстве хозяйством дало большие положительные результаты», однако ставилась задача преодолеть «проявления местничества и национального эгоизма»¹⁰. Партийный документ содержал неопределенное (допускающее различные интерпретации) положение о том, что национальные отношения в стране характеризуются «дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства»¹¹.

Н.С. Хрущев при этом оставался в убеждении, что наступает пора слияния советских наций в единый народ. В декабре 1962 г. решался вопрос о назначении нового руководителя на пост первого секретаря ЦК КП Казахстана. Хрущев предложил на этот пост кан-

дидатуру И. Юсупова, первого секретаря Южно-Казахстанского крайкома КП Казахстана. Тот поначалу отказывался. «Никита Сергеевич, благодарю за доверие, — говорил он. — Но я боюсь, что меня казахский народ не поймет. Ведь я представитель уйгурского народа». Хрущев разозлился: «Какое это имеет значение? Мы идем к ликвидации национальностей. В Союзе в перспективе будет единый язык, границы между республиками скоро исчезнут»¹². В результате И. Юсупов возглавлял партийную организацию республики в 1961–1962 гг.¹³.

При разработке новой советской Конституции, проводившейся комиссией под председательством Хрущева, снова рассматривались предложения о необходимости учитывать, что в СССР «идет консолидация единых национальностей в единую коммунистическую нацию», поэтому рекомендовалось снять графу о национальности из паспортов¹⁴. Однако полного ренессанса «левацкого интернационализма» в 1950–1960-е гг. не произошло. Состоявшийся после отставки Хрущева XXIII съезд партии (март–апрель 1966 г.) внес успокоение в смятенные ряды интеллектуалов и творческой интеллигенции из союзных республик. В докладе ЦК партии съезду содержалась новая уточненная формулировка о советском народе. Был применен термин «*многонациональный советский народ*»¹⁵. Это исключало возмож-

¹² Млечин А.М. Брежнев. М., 2005. С. 99.

¹³ Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б). 1917–1991: Историко-биографический справочник / Сост. Ю.В. Горячев. М., 2005. С. 436.

¹⁴ См.: Злоказов Г.И. Конституция СССР 1977 г.: «Несвоевременные» мысли современников // Вопросы истории КПСС. 1990. № 10. С. 82; Данилов А.А. Конституционный проект 1962–1964 гг. // Проблемы политической и экономической истории России: Сб. статей. М., 1998. С. 240.

¹⁵ XXIII съезд Коммунистической пар-

¹⁰ Козлов В.И. История трагедии великого народа: Русский вопрос. М., 1997. С. 191.

¹¹ КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 10. С. 163.

ность отождествления «новой общности» и «полного единства наций» с новой коммунистической нацией, якобы выковывающейся из традиционных этнических групп и заменяющей их. Традиционалисты одержали победу над «леваками» в теории и в практической национальной политике.

«Новая общность» как отличительный признак «развитого социализма»

В трудах государствоведов после принятия Программы строительства коммунизма корректировались представления о дальнейших этапах в развитии советского федерализма и наций. Предполагалось, что ближайшей перспективой является развитие автономий в советские республики, а в дальнейшем, уже в условиях полной победы коммунизма, должно произойти слияние республик, подготовляемое уже в 1960-е гг. путем создания межреспубликанских органов. В результате слияния республик будет «постепенно завершаться процесс слияния наций, объединенных до завершения этого процесса федеративной системой на началах общественных организаций»¹⁶. То есть допускалась возможность сохранения федерализма в будущем безгосударственном коммунистическом обществе. Представлялось, что негосударственный федерализм, основанный на началах общественного объединения наций, будет служить задаче завершения слияния наций и после перехода к безнациональному обществу исчерпает свою необходимость¹⁷.

С апреля 1962 г. велась разработка новой советской Конституции. Пер-

вый проект нового Основного Закона был подготовлен к июлю 1964 г. Для реализации национальных прав в новых условиях предлагалось «создать национальные комитеты по вопросам культуры и просвещения», то есть обеспечивать дальнейшее развитие национальностей посредством культурно-национальной автономии¹⁸. Подобные же предложения поступали и в Конституционную комиссию, продолжившую работу над проектом после отставки Н.С. Хрущева. В частности, предлагалось зафиксировать в Конституции, что в Советском Союзе «живет одна нация — советская», в соответствии с этим в паспортах следовало бы в графе национальность писать: «советский» или перестать указывать в документах национальность¹⁹.

С принятием в 1961 г. Программы КПСС, конечно же, связывалось начало нового этапа в развитии национальных отношений в стране. Особенности этапа виделись в дальнейшем сближении наций и достижении их «полного единства». Предполагалось, что «строительство материально-технической базы коммунизма ведет к еще более тесному объединению советских народов. Все интенсивнее становится обмен материальными и духовными богатствами между нациями, растет вклад каждой республики в общее дело коммунистического строительства. Стирание граней между классами и развитие коммунистических общественных отношений усиливают социальную однородность наций, способствуют развитию общих коммунистических черт культуры, морали и быта, дальнейшему укреплению взаимного доверия и дружбы между ними. С победой коммунизма в СССР произойдет еще большее сближение наций, возрастет их экономическая и идейная общ-

тии Советского Союза. 28 марта — 8 апреля 1966 г. Стеногр. отчет: в 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 104.

¹⁶ Равин С.М. Теория советского федерализма. Л., 1962. С. 30.

¹⁷ См.: Там же. С. 32.

¹⁸ См.: Данилов А.А. Конституционный проект 1962–1964 гг. С. 240.

¹⁹ См.: Злоказов Г.И. Конституция СССР 1977 г. С. 82.

ность, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика. Однако стирание национальных различий, в особенности языковых различий, — значительно более длительный процесс, чем стирание классовых граней»²⁰.

Национальную политику, призванную регулировать национальные отношения на новом этапе их развития, партия обязывалась проводить «с позиций пролетарского интернационализма, на основе... ленинской национальной политики», не допуская «ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей»²¹. Важнейшей целью этой политики было по-прежнему обеспечение фактического равенства наций и народностей «с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии»²². Растущие в процессе коммунистического строительства блага были обещано «справедливо распределять среди всех наций и народностей»²³.

Однако «развернутое строительство коммунизма» в стране продолжалось недолго. В ноябре 1967 г. Л.И. Брежнев объявил, что в СССР построено развитое социалистическое общество, в дальнейшем предстояло его совершенствовать, коммунистические цели отодвигались за пределы обозримого исторического горизонта. Новые власти отказались и от других методологических новаций хрущевского периода. Однако положение о новой исторической общности было сохранено и получило дальнейшее развитие. В докладе ЦК партии XXIII съезду (март–апрель 1966 г.) содержалась уточненная формулировка о советском народе. Был применен термин «многонациональный советский

народ»²⁴. Левацкие трактовки новой общности были раскритикованы (в частности, в работах А.М. Егиазаряна, И.М. Дзюбы) и приглушены.

Положение о якобы сформировавшейся в СССР новой исторической общности содержалось в выступлении генерального секретаря ЦК КПСС на XXIV (1971) съезде партии²⁵. В развитие этого положения в ИМЛ при ЦК КПСС была подготовлена и выпущена двумя изданиями книга «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях» (1972, 1974), дававшая официальную трактовку феномена. В книге разъяснялось: «Советский народ представляет собой не какую-то новую нацию, а является исторической, более широкой, чем нация нового типа, общностью людей, охватывающей все народы СССР. Понятие “советский народ” появилось как отражение коренных изменений сущности и облика советских наций, как выражение их всестороннего сближения, роста их интернациональных черт. Но и при тесном переплетении интернационального и национального в социалистических нациях последние образуют советский народ, оставаясь в то же время его национальными компонентами»²⁶.

Упрочение «новой исторической общности» представлялось важнейшей целью государственной национальной политики. На протяжении 1970–1980-х годов в стране было издано несметное количество книг и статей, призванных создать видимость благополучия и успехов в осуществлении «ленинской национальной политики».

Имитация движения теоретической мысли создавалась полными изошрен-

²⁰ КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 10. С. 164.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 165.

²³ Там же.

²⁴ XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 28 марта — 8 апреля 1966 г. Стеногр. отчет.: в 2 т. М., 1966. Т. 1. С. 104.

²⁵ См.: Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 76.

²⁶ Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1972. С. 227–228.

ной схоластики трудами, трактующими соотношение расцвета, сближения и слияния наций, национальное и интернациональное, характер интернационалистических процессов в обществе. В действительности же ширился разрыв между наукой, политикой и жизнью. Оживляющееся национальное самосознание третировалось как проявление национализма. Реальные противоречия национальной жизни и межнациональных отношений игнорировались. «Нациология» в условиях «развитого социализма» заметно активизировалась по праздничным датам — в связи со съездами партии, юбилеями Октябрьской революции и образования СССР. Это не могло не накладывать отпечатка «заздравности» на значительную часть трудов, посвященных национальной проблематике.

Впрочем, «новая историческая общность людей» в СССР была не только сотворенным мифом, но и реальностью. В нынешних средствах массовой информации признание того, что были действительно советские люди, часто отождествляется лишь со своего рода неполноценностью (отсюда презрительное — «совок»). Однако этим не отменяется тот факт, что на уровне общественной рефлексии ощущение «советсконародности» имелось. Любители футбола разных национальностей болели как за «своих» за киевское и тбилисское «Динамо», ереванский «Арарат», за «наших» советских космонавтов, независимо от их национальной принадлежности. Широкую популярность приобрела песня с романтическим интернационалистско-космополитическим рефреном: «Сердце волнуется. Почтовый пакуется груз. / Мой адрес не дом и не улица, / Мой адрес Советский Союз»²⁷. То есть определенно существовало некое суб-

станционарное пространство с не этническим, а гражданским основанием.

В этой связи вряд ли следует оценивать только как «национальный нигилизм» позицию авторов писем в редакции газет в период обсуждения Конституции СССР 1977 г., в которых предлагалось фиксировать в паспортах: «национальность: советский, родной язык: армянский». Вряд ли надо ставить клеймо «шовинист» и на тех, кто считал необходимым дополнить статью 36 проекта Конституции фразой: «Требовать сообщения сведений о своей национальности в каких бы то ни было официальных документах (паспортах, удостоверениях, билетах, именных анкетах и т.п.) запрещается». Тем самым «советские люди» пытались ослабить «нацисохраняющие» параметры официальных документов ради усиления «маркировок» его принадлежности к общегражданской, политической общности советских людей. Многие из них воспринимали эту общность как советскую нацию и гордились своей принадлежностью к ней. Известны яркие стихотворные выражения этой гордости. «Мне Земля для жизни / более пригодна / после Октября / семнадцатого года! / Я в Державу верую — вечную! / Эту / красную по смыслу. / По флагу. / По цвету. / Никогда не спрячусь / за кондовой завесой... / По национальности / я — / Советский»²⁸.

В постсоветское время сохранилось немало авторитетных обществоведов, продолжающих убеждать, как это делает, например, С.Г. Кара-Мурза, что «согласно всем современным представлениям о государстве и нации, советский народ был нормальной полиэтнической нацией, не менее реальной, чем американская, бразильская или

²⁷ Харитонов В.Г. Мой адрес Советский Союз (1971) // Харитонов В. Г. Стихи и песни. М., 1975.

²⁸ *Рождественский Р.* О национальности // Известия. 1972. 24 января; *Рождественский Р.И.* Избр. произведения: в 2 т. М., 1979. Т. 2: Стихотворения. Поэмы. Песни. 1965–1977.

индийская нации»²⁹. Разумеется, степень «советскости» была различной у разных групп населения, однако единое хозяйство, единая школа и единая армия делали советский народ гораздо более сплоченным, чем названные полиэтнические нации. Убедительным аргументом в пользу существования такой общности является рост числа этнически смешанных браков, интернационализации наиболее интимной семейно-личностной сферы. Переписью населения 1959 г. в стране было зафиксировано 50,3 млн. семей, из них 10,3% смешанных в национальном отношении. К 1970 г. смешанные семьи составляли 13,5%, в 1979 г. — 14,9%, а в 1989 году — 17,5% (12,8 млн. из 77,1 млн. семей). За каждым из супругов обычно стояли группы родственников, которые таким образом многократно увеличивали число породненных между собой людей различных национальностей.

О формировании новой общности говорили также данные переписей о значительном числе нерусских людей, признававших русский язык межнационального общения своим «родным» языком. По переписи 1926 г. было зафиксировано 6,4 млн. таких людей, в 1959 г. — 10,2 млн., в 1979 г. — 13 млн., а в 1989 г. их насчитывалось уже 18,7 млн. человек. Если бы процесс перехода на русский язык не был достаточно естественным и добровольным, то подавляющее большинство этих людей не стало бы называть его «родным», ограничиваясь указанием на «свободное владение» им. Переписи населения показывали также постоянный рост числа людей, свободно использующих русский язык наряду с родным национальным языком. В 1970 г. в СССР жили 241,7 млн. человек (из них 53,4% были русскими). К 1989 г. их число увеличилось до 286,7 млн.,

среди них русских по национальности насчитывалось 145,2 млн. (50,6%). В России в 1989 г. русские составляли 81,5% из 147,4 миллиона жителей. При этом русский язык считало родным и свободно им владело 81,4% населения СССР и 88% населения России.

Противоречия новой Конституции и «новой общности»

Принятая в 1977 г. Конституция СССР характеризовала построенное в СССР «развитое социалистическое общество» как общество, «в котором на основе сближения всех социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей возникла новая историческая общность людей — советский народ»³⁰. Таким образом, «новая общность» представлялась в преамбуле новой Конституции одним из основных отличительных признаков «развитого социализма». Советский народ провозглашался главным субъектом власти и законотворчества в стране. «Вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов... все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам», — гласила статья 2 новой Конституции³¹. В других статьях декларировалось равноправие граждан вне зависимости от расовой и национальной принадлежности (статья 34)³², утверждалось, что «экономика страны составляет единый народнохозяйственный комплекс» (статья 16)³³, что в стране имеется «единая система народного образования» (статья 25)³⁴. В то же время Основной закон стра-

²⁹ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн. 2. От Великой Победы до наших дней. М., 2001. С. 120.

³⁰ Конституция (Основной закон) СССР. Принята 7 октября 1977 г. М., 1977. С. 7.

³¹ Там же. С. 13.

³² Там же. С. 35.

³³ Там же. С. 22.

³⁴ Там же. С. 26.

ны утверждал, что «за каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР» (статья 71)³⁵, каждая союзная и автономная республика имеет свою Конституцию, учитывающую их «особенности» (статьи 76, 82)³⁶, территория республик «не может быть изменена» без их согласия (статьи 78, 84)³⁷, «суверенные права союзных республик охраняются Союзом ССР» (статья 80).

Таким образом «советский народ» в Конституции представал на словах единым, но реально разрезанным на различные «суверенные» и «особенные» части. Последнее соответствовало также духу никем не отмененной Декларации прав народов России, провозгласившей еще на заре советской власти (2 ноября 1917 г.) не только «равенство и суверенность народов России», но и их право «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»³⁸.

Исследователи выделяли в единой «новой исторической общности» явно различающиеся по возможностям реализации своего суверенитета нации, народности, этнические и национальные группы. Единого мнения об их соотношении в советское время так и не было выработано. М.И. Куличенко в своей работе «Нация и социальный прогресс» (1983) полагал, что из 126 национальных общностей, зафиксированных при обработке материалов переписи 1959 г., к категории наций принадлежали 35 национальностей, к народностям — 33, к национальным группам — 35, к этническим группам — 23. Из 123 общностей, выявленных переписью 1979 г., к нациям были отнесены 36, к народностям — 32, на-

циональным группам — 37, этническим группам — 18 национальностей³⁹. Но это был лишь один из вариантов типологизации общностей, были и другие, существенно отличавшиеся от приведенного⁴⁰. Разные возможности для

³⁹ Куличенко М.И. *Нация и социальный прогресс*. М., 1983. С. 170.

⁴⁰ Сатыбалов А.А. *Исторические типы общности людей*. М., 1959. С. 43–52; Салманов С.Б. *О характере общности экономической жизни народов, строящих социализм и коммунизм*. Махачкала, 1965. С. 25; Цамерян И.П. *Формирование социалистических наций // Строительство коммунизма и развитие общественных отношений*. М., 1966. С. 248; Агаев А.Г. *Нация, ее сущность и самосознание // Вопросы истории*. 1967. №7. С. 92; Табалдиев А., Нурова С. *О типологии исторических форм этнической общности в СССР // О некоторых понятиях теории нации*. Фрунзе, 1968. С. 106; Нурова С.С. *Закономерности развития народности в условиях социализма*. Автореферат дис... канд. филос. наук. Фрунзе, 1969. С. 7; Джунусов М.С. *Введение в марксистско-ленинскую теорию наций*. Ашхабад, 1988. С. 366; Арутюнян С.М. *Нация и ее психический склад*. Автореферат дис... докт. ист. наук. М., 1969. С. 20; Чания В.К. *О двух тенденциях в развитии социалистических наций // Ленинский этап в развитии научного коммунизма*. Киев, 1969. С. 233; Цамерян И.П. *Некоторые теоретические вопросы образования и развития советского многонационального государства // Актуальные вопросы национальных отношений в свете решений XXIV съезда КПСС*. М., 1972. С. 8; Цамерян И.П. *Нации и национальные отношения в развитом социалистическом обществе*. М., 1979. С. 103; Тавадов Г.Т. *Интернациональное единство советского народа: (Теоретические и методологические проблемы)*. Дис... докт. филос. наук. М., 1984. С. 110; Тавадов Г.Т. *Национальная структура советского народа в современных условиях // Научные доклады высшей школы: Научный коммунизм*. 1985. №6. С. 6; Болотоков В.Х. *Советский народ как новая социально-историческая общность людей и его роль в совершенствовании национальных отноше-*

³⁵ Там же. С. 57.

³⁶ Там же. С. 60, 63.

³⁷ Там же. С. 61, 64.

³⁸ Декларация прав народов России // В.И. Ленин, КПСС о Советском многонациональном государстве. М., 1981. С. 100.

реализации своих жизненных интересов имели народы «титulyные» и «нетитulyные», национальные большинства и меньшинства.

Территориальный принцип национально-государственного устройства СССР с течением времени обнаруживал все большее противоречие с растущей интернационализацией состава населения «национальных» образований. Наглядным примером являлась Российская Федерация. В ней в 1989 г. проживало 51,5% всего населения СССР. Общее число российских народов чаще всего обозначалось неопределенным выражением: «Более ста».

Республика имела сложную иерархическую систему национально-государственного и административного устройства. В ее состав входило 31 национально-государственное и национально-территориальное образование (16 автономных республик, 5 автономных областей и 10 автономных округов). Народов-эпонимов (именем которых названы автономные образования) было 31. При этом в четырех автономных образованиях имелось по два «титulyных» народа (в Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкесии, в Ханты-Мансийском автономном округе). У бурят и ненцев было по три автономных образования, у осетин — два (одно в России, другое в Грузии). Дагестанскую АССР населяли 26 коренных народов. Другие этносы своих территориальных нацио-

нальных образований не имели. Наряду с автономными национальными образованиями РФ включала «русские» края и области, не имеющие официального национального статуса. При такой ситуации среди разных народов естественным образом возникали движения за выравнивание и повышение своего «государственного» статуса или за обретение такового.

Народы, проживавшие в СССР в рассматриваемый период, существенно отличались друг от друга по темпам роста своей численности. Например, численность народов, каждый из которых насчитывал в 1989 г. более миллиона человек, с 1959 г. изменилась следующим образом. Количество латышей и эстонцев увеличилось на 3 и 4%; украинцев и белорусов — на 18 и 26%; русских и литовцев — на 27 и 30%; киргизов, грузин, молдаван — на 50–64%; казахов, азербайджанцев, киргизов — на 125–150%; а узбеков и таджиков — на 176 и 200%. Все это создавало естественную озабоченность отдельных народов демографической ситуацией, которая усугублялась нерегулируемой миграцией населения.

Парадоксальная для правового государства ситуация заключалась и в том, что 50% территории России официально объявлялись «территориями своей государственности» для 7% российских граждан. Другие народы, в том числе и русский, составлявший более 80% населения, никакого политико-правового статуса не имели. Система национально-территориальных автономий не решала и проблем «титulyных» этносов. Все народы, имевшие в 1989 г. свои автономные образования, вместе взятые, насчитывали 17,7 млн. человек (12% населения РФ). Из них в пределах своих автономных образований проживало 10,3 млн. человек, что и составляло 7% от общей численности населения России. Лишь 6 «титulyных» этносов составляли большинство населения в своих автономиях.

По существу, народы, давшие на-

ний социалистического общества. Нальчик, 1985. С. 30; *Вольтер Г.А.* Логике и разуму вопреки (или как на Западе извращают национальные отношения в СССР). Фрунзе, 1988. С. 8; *Росенко М.Н.* Единство и дружба. Л., 1988. С. 61; *Тадевосян Э.В.* XXVII съезд КПСС о современном этапе развития национальных отношений. М., 1987. С. 4; См.: Информационный бюллетень Госкомстата. М., 1996. С. 31–32; Российский статистический ежегодник. Стат. сборник. М., 1997. С. 72–77.

звание большинству российских автономий, являлись в них «титულными» меньшинствами. Многие этносы в значительной части проживали за пределами своих этнотерриториальных образований: 99,4% евреев, 73% мордвы, 73% татар, 52% марийцев, 51% чувашей, 44% осетин, 40% башкир, 40% карел и т.д. 30 национальных групп общей численностью 1,3 млн. человек составляли в РФ народы, основная масса которых живет за пределами СССР и имеет там свою государственность (от немцев, корейцев, поляков, греков, финнов, болгар, насчитывавших сотни и десятки тысяч человек, до французов, австрийцев, англичан и американцев, исчисляемых сотнями человек). Экстерриториальную автономию (национально-персональную, национально-культурную) советская власть отвергала, полагая, что она противоречит принципу интернационализма и консервирует «утонченный национализм».

Российская федерация сохраняет главное противоречие советской федерации — деление народов по негласному принципу: большим — республику, малым — национально-культурную автономию. Законов, по которым первые отличались бы от вторых, как не существовало, так и не существует.

Национальные возмущения и конфликты в «развитом социализме»

Противоречия в национальной сфере довольно часто выходили из латентного состояния на поверхность общественной жизни. Так, на протяжении всего рассматриваемого периода давали о себе знать движения советских немцев и крымских татар, утративших в годы Великой Отечественной войны свои автономии, за восстановление национально-территориальных образований. Другие репрессированные ранее народы требовали разрешения

возвратиться к местам прежнего жительства (турки-месхетинцы, греки и др.). Недовольство условиями жизни в СССР порождало среди ряда народов (евреи, немцы, греки) движения за право эмигрировать на «историческую родину». Протестные движения, эксцессы и другие акты недовольства национальной политикой возникали и по другим поводам. Можно отметить целый ряд из них в соответствии с хронологией событий.

24 апреля 1965 г. в связи с 50-летием геноцида армян в Турции состоялось несанкционированное стотысячное траурное шествие в Ереване. Студенты и присоединившиеся к ним рабочие и служащие многих организаций шли к центру города с лозунгом «Справедливо решить армянский вопрос!». С полудня на площади Ленина начались митинги. К вечеру толпа окружила здание оперы, где проходило официальное «собрание общественности» в связи с годовщиной трагедии. В окна полетели камни. После этого демонстранты были разогнаны с использованием пожарных машин.

П.Е. Шелест в книге воспоминаний «...Да не судимы будете» отмечает, что 2 сентября 1965 г. на заседании Президиума ЦК при обсуждении его записки в ЦК по внешнеполитическим вопросам делались упреки, что на Украине якобы слабо ведется борьба с проявлениями буржуазного национализма, пропаганда дружбы народов и интернациональное воспитание поставлены плохо. Проявление национализма видели также и в том, что на Украине очень чтят Т.Г. Шевченко, что в республике «слишком много говорят на украинском языке»⁴¹. В частности, отмечалось, что «Севастополь-де — город русской славы, а в нем есть надписи на украинском языке»⁴². «И вообще

⁴¹ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена политбюро ЦК КПСС. М., 1994. С. 249.

⁴² Там же. С. 250.

дошли некоторые до того, — писал далее Шелест, — что объявили украинский язык искаженным русским языком. Во всем этом проявился самый оголтелый шовинизм, и в особенности это было в выступлениях Шелепина, Сулова, Демичева, Косыгина»⁴³. «Брежнев непростительно издевательски высказался об украинском языке, а это значит, о культуре и украинском народе»⁴⁴.

В этой же книге отмечено, что 3 января 1966 г. Шелесту был представлен доклад о письме И. Дзюбы на 214 страницах, которое вскоре было переправлено за границу и использовалось для разжигания антисоветизма и искажения национальной политики в СССР⁴⁵. В этой связи лидер украинских коммунистов заметил: «Надо было принимать срочные и решительные меры... Явно было видно, что кое-где поднимают голову националистические элементы»⁴⁶. По заказу П.Е. Шелеста в связи с «письмом» И. Дзюбы в 1969 г. подготовлена книга «Что и как отстаивает Дзюба», которая носила «острый, критический, разоблачающий характер» и вскоре была издана под псевдонимом «Богдан Стенчук»⁴⁷. В 1973 г. «письмо» Дзюбы было опубликовано отдельной книгой в Амстердаме⁴⁸.

8 октября 1966 г. прошли митинги крымских татар в узбекских городах Андижане и Бекабаде. 18 октября они митинговали по случаю 45-летия об-

разования Крымской АССР в Фергане, Куvasae, Ташкенте, Чирчике, Самарканде, Коканде, Янгикургане, Учкудуке. Многие митинги разогнаны. При этом только в Ангрене и Бекабаде были задержаны более 65 человек, 17 из них осуждены за участие в «массовых беспорядках». При разгонах митингов в этих двух городах милицией использовались брандспойты, дымовые шашки и дубинки.

В марте 1967 г. в течение двух недель продолжались «Абхазские события», участники которых требовали узаконения абхазской топонимики по всей республике, предоставления привилегий представителям абхазской национальности в трудоустройстве и поступлении в высшие учебные заведения, изучения абхазского языка во всех неабхазских школах республики и даже выделения Абхазии из состава Грузии со статусом союзной республики в составе СССР. По ночам окрашивались грузинские надписи на вывесках, дорожных знаках и указателях. В сентябре 1967 г. в Москву прибыла группа деятелей культуры из Абхазии с требованием изъять из обращения изданную в Тбилиси книгу, автор которой пытался доказать, что «абхазской национальности вообще не существует; абхазы — это грузины, принявшие когда-то мусульманство». В результате секретарь обкома и председатель правительства Абхазии были освобождены от должностей и на их место были рекомендованы абхазы. Грузинские названия и вывески на грузинском языке заменены абхазскими. В Тбилисском университете были открыты отделения абхазского языка и литературы.

22 мая 1967 г. во время традиционного собрания и возложения цветов к памятнику Тараса Шевченко в Киеве были задержаны за участие в несанкционированном мероприятии несколько человек. Возмущенные люди обступили милицию и скандировали «Позор!». Позднее 200–300 участни-

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 250–251.

⁴⁵ Там же. С. 505.

⁴⁶ Там же. С. 257.

⁴⁷ См.: *Стенчук Б.* Що і як обстоює І Дзюба. Київ, 1969; *Панченко В.* Меч Щербицького против «Меча Арєя». Эпизоды истории украинской литературы начала 1970-х годов // *День.* Ежедневная всеукраинская газета. 2004. 14 февраля: <http://www.day.kiev.ua/26818/>

⁴⁸ *Дзюба И.* Интернационализм или русификация? Амстердам, 1973. 308 с.

ков собрания направились к зданию ЦК, чтобы выразить протест и добиться освобождения арестованных. Власти пытались остановить движение колонны водой из пожарных машин. Министр охраны общественного порядка республики был вынужден освободить задержанных.

2 сентября 1967 г. милиция разогнала в Ташкенте многотысячную демонстрацию крымских татар, протестующих против разгона 27 августа двухтысячного собрания-встречи с представителями крымско-татарского народа, возвратившимися из Москвы после приема их 21 июня Ю.В. Андроповым, Н.А. Щелоковым, секретарем Президиума Верховного Совета СССР М.П. Георгадзе, генеральным прокурором Р.А. Руденко. При этом были задержаны 160 человек, 10 из них осуждены. 5 сентября 1967 г. был издан указ Президиума ВС СССР, снимающий с крымских татар обвинения в предательстве. Им возвращались гражданские права. Татарская молодежь получала право учиться в вузах Москвы и Ленинграда, но татарские семьи не могли приезжать и селиться в Крыму.

«Крымские татары получили политическую реабилитацию без права возврата в Крым. Против их возвращения возражали партизаны Крыма, но главная причина состояла в том, что Крым к тому времени был “подарен” Н.С. Хрущевым Украине... Последнее обстоятельство более всего осложнило положение крымских татар. Не будь этого широкого жеста, они уже давно спокойно жили бы в Крыму», — писал в этой связи Ф.Д. Бобков в книге «КГБ и власть». По его мнению, ничто не противоречило праву крымских татар вернуться на свою историческую родину. «Подобное желание все сильней и сильней подогревалось дискриминационным решением, которое было принято в отношении крымских татар, но не коснулось других переселенцев, получивших право на восстановление

автономии»⁴⁹. Этим объясняется и то, что «некоторые средства массовой информации утверждали, будто такой национальности вообще не существует. Пытались закрыть издание литературы на крымско-татарском языке и газету на этом языке, выходившую в Узбекистане, нет, мол, такого языка. И всем этим занимались серьезные люди, обязанные решить столь важный государственный вопрос. Мне помнится заседание по проблеме крымских татар у секретаря ЦК КПСС И.В. Капитонова... Участники совещания не скрывали симпатий к татарам, но очень активно возражали представители Украины. Неожиданно мне в голову пришел аргумент в пользу признания крымских татар как этнической единицы, а подсказало мне его мое школьное увлечение филателией. Я вспомнил, что до войны вышла серия почтовых марок “Народы СССР”, и среди них была марка “Татары Крыма”. Вопрос о закрытии газеты на крымско-татарском языке был снят»⁵⁰.

Ф.Д. Бобков пишет далее, что заниматься проблемой крымских татар ему пришлось в 1967 г., чуть ли не с первого дня работы в 5-м Управлении КГБ. В Москву тогда прибыло несколько сотен крымских татар с требованием к руководству страны и партии разрешить возвратиться в родные места. Управление предложило план постепенного возвращения татар путем организованного набора рабочей силы. Ю.В. Андропов, которому было поручено встретиться с представителями движения, решение это одобрил. Однако второй участник встречи, министр внутренних дел СССР Н.А. Щелоков, вел иную линию: ничего конкретного посланцам крымских татар не обещать. Под большим нажимом Украина все-таки согласилась принимать в год двести-триста татарских семей. Но

⁴⁹ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 300.

⁵⁰ Там же. С. 301.

вскоре начались звонки из Краснодарского края: через Керченский пролив на пароме татар вновь насильно вывозят из Крыма. Это делалось по решению руководства Украины. События получили свое дальнейшее развитие после того, как «лидеры экстремистского крыла... обратились за помощью к сотрудникам американского посольства. А те немедленно использовали этот повод и развернули шумную кампанию в зарубежной печати»⁵¹.

Длительного времени потребовало преодоление последствий столкновения между узбекской и русской молодежью, произошедшего во время и после футбольного матча между командами «Пахтакор» (Ташкент) и «Крылья Советов» (Куйбышев) 27 сентября 1969 г. на ташкентском стадионе, вмещающем более 100 тысяч человек. Неприязнь местного населения к русским была вызвана отрицательными чертами (пьянство, хулиганство, воровство, проституция), которые якобы были принесены русскими, во множестве прибывшими в 1920-х гг. преимущественно из Поволжья, особенно из Самары. Презрительное прозвище «Самарские» с тех пор укоренилось среди узбеков и было перенесено на всех русских.

Конфликт возник в середине матча, когда судья не засчитал забитый «Пахтакором» гол в ворота куйбышевской (самарской) команды. В двадцати местах стадиона были подняты заранее заготовленные плакаты с надписями: «Самарские, убирайтесь домой!». Попытки вырвать плакаты из рук узбеков привели к дракам. Милиция не смогла справиться с беспорядками. Матч прекратился, и толпы зрителей устремились к выходам. Предвидя это, узбекская молодежь выстроилась вдоль выходов со стадиона, пропуская «сквозь строй» и избивая людей со славянской внешностью. Столкновения продолжались на улицах города.

Несколько дней после этого инцидента русские опасались ездить в городском транспорте, разбушевавшаяся молодежь выбрасывала их из автобусов и троллейбусов. В результате более тысячи человек были арестованы.

Вместо придания огласке этих случаев и принятия мер, чтобы не допустить в будущем подобных эксцессов, руководители республики пытались свести к минимуму информацию о масштабах происшедшего. Понимая всю неприглядность случая, особенно на фоне помощи Ташкенту РСФСР и других союзных республик после разрушительного землетрясения 1966 г., Ш.Р. Рашидов не хотел, чтобы инцидент расценивался как узбекский национализм, и сделал все, чтобы скрыть его от Москвы.

Период 1960–1980-х гг. характеризуется значительным усилением сионистских настроений среди советских евреев, инспирируемых зарубежными сионистскими центрами. Следствием «пробуждения у молодежи еврейского сознания» был рост эмиграционных настроений. По переписи населения, проведенной в январе 1970 г., в СССР насчитывалось 2 151 тысяча евреев. Но эта цифра не включала так называемых скрытых евреев, общее число которых по некоторым оценкам составляло до 10 млн. человек⁵². Сионизм и сопутствующий ему как протест против этой идеологии антисемитизм стали серьезной проблемой во многих городах СССР.

В целях опровержения обвинений в том, что в СССР якобы проводится политика государственного антисемитизма, издательством АПН была выпущена официозная брошюра «Советские евреи: Мифы и действительность». В ней были представлены факты, показывающие надуманность подобных суждений. В частности указывалась, что, по данным переписи

⁵¹ Там же. С. 303.

⁵² Платонов О.А. Государственная измена. Заговор против России. М., 2004. С. 211.

1970 г., в СССР евреи составляли менее 1% от общего количества населения всей страны⁵³. В то же время из 844 лауреатов Ленинской премии было 96 (11,4%) евреев, 564 (66,8%) русских, 184 (21,8%) представителя других национальностей. Высшее почетное звание Героя Социалистического Труда получили 55 человек еврейской национальности, дважды этого звания удостоены — 4 еврея, трижды — три представителя этой национальности⁵⁴. В 1941–1942 гг. из прифронтовой полосы (западные районы страны, где евреи жили сравнительно компактным населением) было отправлено в глубокий тыл около 2 млн. граждан еврейской национальности⁵⁵ (13,3% от 15 млн. всех эвакуированных), что при политике государственного антисемитизма было бы вряд ли возможно. Подчеркивалось также, что «советский паспорт является важным средством национальной идентификации, указание в нем национальности — дань уважения к нации его владельца»⁵⁶.

В 1972 г., когда в Грузии произошла смена на посту первого секретаря ЦК Компартии республики, открылась возможность для пересмотра отношения руководства республики к национальной проблеме месхетинских турок. В.П. Мжаванадзе, в бытность первым секретарем ЦК (1953–1972), считал невозможным их возвращение. «Во-первых, — говорил он, — земли месхетинцев уже заняты другими, а во-вторых, рядом граница, месхи же занимаются контрабандой, и поэтому пограничники возражают против их возвращения»⁵⁷.

Попытки одного из руководителей КГБ Ф.Д. Бобкова убедить, что

это неверная информация, что такого же мнения придерживается и командующий погранвойсками генерал В.А. Матросов, не возымели никакого действия. Не принималось во внимание и то, что несколько сотен месхетинцев, перебравшихся в соседний Азербайджан, преспокойно живут в пограничных районах. Э.А. Шеварднадзе, когда стал первым секретарем ЦК, «также поддерживал лживую версию, будто против переселения месхетинцев в Грузию возражают пограничники»⁵⁸. В результате в Грузию могли вернуться лишь немногие из тех месхетинцев, кто решил изменить свою национальность и стал по паспорту грузином.

В том же 1972 г., 30 марта, в Политбюро ЦК КПСС обсуждался доклад Ю.В. Андропова «О враждебной пропаганде и ее влиянии, об обострении классово-идеологической борьбы»⁵⁹. При этом обращалось внимание на книгу члена Политбюро П.Е. Шелеста «Украина наша советская», изданную на украинском языке в Киеве в 1971 г. Л.И. Брежнев подал несколько реплик по поводу этой книги, что «мол, в этой книге воспеваются казачество, пропагандируется архаизм»⁶⁰. М.С. Соломенцев заметил: «На Украине много вывесок и объявлений на украинском языке. А чем он отличается от русского? Только искажением последнего. Так зачем же это делать»⁶¹. «Договорился! — возмущался в этой связи П.Е. Шелест. — Проявил великорусский шовинизм, и все сходит». Соломенцев выступил также против установления гербов городов, против экскурсий и туризма по старинным городам и памятным местам. «Какой позор, — откомментировал Шелест, — отказываться от сво-

⁵³ Советские евреи: Мифы и действительность. М., 1972. С. 18.

⁵⁴ Там же. С. 41.

⁵⁵ Там же. С. 21.

⁵⁶ Там же. С. 48.

⁵⁷ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 310.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете: Дневниковые записи, воспоминания члена политбюро ЦК КПСС. М., 1994. С. 503.

⁶⁰ Там же. С. 505.

⁶¹ Там же. С. 506.

ей вековой культуре! Чего можно ждать хорошего от такого рода “деятелей”?»⁶²

В выступлении А.Н. Косыгина прозвучало: «Создание в свое время совнархозов тоже было проявлением национализма... Непонятно, почему на Украине в школах должны изучать украинский язык?.. Севастополь испокон веков русский город. Почему и зачем там имеются вывески и витрины на украинском языке?» «Тут, надо сказать, — записал Шелест, — Косыгин совсем договорился до отъявленного великодержавного шовинизма»⁶³.

Однако критике за национализм официально подвергся не кто иной, как лидер украинских коммунистов. В журнале «Коммунист Украины» (Киев, 1973. № 4) была опубликована редакционная статья «О серьезных недостатках одной книги». Было дано указание обсудить эту статью и книгу Шелеста на всех городских и областных активах. Книгу изъяли из продажи.

Шелест пытался переубедить Брежнева: «В части национальной политики я всегда был и остаюсь интернационалистом, но от своего народа, от своей принадлежности к нации, ее культуре, истории, никогда не откажусь: ведь я не Фома безродный»⁶⁴. «Я и сейчас утверждаю, — говорил он о своей книге, — что в ней все вопросы изложены правильно, с классовых, идеологических интернациональных и исторических позиций... Зачем же ее было изымать и критиковать в журнале “Коммунист Украины”?»⁶⁵.

Объяснения не получилось. 27 апреля 1973 г. по решению Пленума ЦК КПСС автор книги «пошел на отдых по состоянию здоровья», хотя и считал себя в составе Политбюро «здоровее всех их вместе взятых»⁶⁶. Что

касается своей руководящей работы, Шелест остался при убеждении: «Когда я был в Киеве, там проводилась “украинизация”»⁶⁷.

В 1972 г. большой резонанс вызвали похороны Ромаса Каланты, восемнадцатилетнего юноши из Каунаса, совершившего 14 мая самосожжение в знак протеста против «советской оккупации Литвы». Похороны переросли в масштабную манифестацию национального протеста. После попыток властей помешать собравшимся принять участие в похоронах молодые литовцы направились к месту самосожжения в центр города, скандируя «Свобода!», «Литва!». Произошли столкновения с милицией. На следующий день (19 мая) манифестация возобновилась. В город вошли воинские части. Собравшиеся разошлись после обращения к ним властей и родителей Каланты. Было задержано около 400 человек, 8 участников демонстрации осуждены за участие в «уличных беспорядках».

«В прибалтийских республиках распространению антирусских настроений способствовали местные партийные власти, которые совершенно отчетливо проводили политику на обособление групп населения по национальному признаку. В Эстонии, например, оно начиналось с детских садов, которые делились на эстонские и русские, школа строилась по такому же признаку. Даже отдельные предприятия и рабочие коллективы были либо русскоязычные, либо эстонские»⁶⁸.

В 1973 г. обострилась ситуация вокруг Пригородного района Северной Осетии. 16–19 января тысячи ингушей съехались в Грозный, требуя от властей решения проблемы этого района. В заявлении, переданном властям, перечислялись факты дискриминации ингушского населения в Осетии,

⁶² Там же. С. 506.

⁶³ Там же. С. 510.

⁶⁴ Там же. С. 556.

⁶⁵ Там же. С. 556–557.

⁶⁶ Там же. С. 577.

⁶⁷ Там же. С. 579.

⁶⁸ Платонов О.А. История русского народа в XX веке. М., 2009. С. 935.

главным образом при приеме на работу. Ингуши просили обеспечить им на территории спорного района равные с осетинами права. Демонстрации и митинги продолжались несколько дней. Люди несли портреты Ленина и Брежнев, лозунги с высказываниями вождей об интернационализме и дружбе народов. Демонстранты организовали собственную «службу порядка» и не допускали «антисоветских высказываний». После прибытия М.С. Соломенцева было решено рассмотреть вопрос и не подвергать репрессиям участников выступления. Однако несколько сот молодых ингушей, отказавшихся отправиться домой на предоставленных митингующим автобусах, были разогнаны водой из брандспойтов и милицейскими дубинками.

В 1976 г. открылась возможность решения проблемы советских немцев, высланных в годы войны из мест своего жительства. С тех пор история их злоключений обросла многими попытками восстановить справедливость. Вот как пишет об этом Ф.Д. Бобков. «С началом Великой Отечественной войны всех немцев переселили на Восток — в Сибирь и Казахстан. Трудно было объяснить, почему их права не были восстановлены после войны... В ФРГ появились центры, которые поддерживали эмиграционные настроения советских немцев... Мы же вели страусову политику, делая вид, будто проблемы вообще не существует. Дело доходило до абсурда. Например, в Казахстане проживало около миллиона немцев, изгнанных с обжитой земли в Поволжье, и этот факт пытались скрыть от советской и мировой общественности. В энциклопедии Казахстана немцы даже не упоминались как национальность в составе населения республики. Там же писалось, что в Акмолинске издается на немецком языке газета “Фройндшафт” (“Дружба”) и работает немецкий театр. Странно!.. Но вот Москву собрался посетить канцлер ФРГ Аденauer. В ЦК КПСС засуетились, пони-

мая, что советские немцы непременно будут апеллировать к нему. И тогда было принято поистине соломоново решение: из многих тысяч желающих уехать в ФРГ разрешение на выезд получили... около трехсот семей. Точно так же поступали и потом, при посещении СССР другими высокопоставленными лицами из обоих немецких государств»⁶⁹.

5-е Управление КГБ, возглавляемое Ф.Д. Бобковым, вошло в ЦК КПСС с предложением воссоздать немецкую автономию и разрешить немцам выезд на родину. «Вопрос об автономии повис в воздухе, а выезд все-таки разрешили. Немцы стали выезжать. Что здесь началось! “Как же так? Люди уезжают из страны социализма! Уезжают из районов, где есть закрытые предприятия!” (А где их у нас нет?)». Управление КГБ предложило еще одно решение: «Создать немецкую автономную область на территории Казахстана... Потому что в противном случае возникла угроза оголить целинный край, который давал хорошие урожаи. Решение Политбюро ЦК КПСС было принято в 1976 году. И тут возникли новые препятствия. В Казахстане инспирировали протест студентов Целиноградского педагогического института, их поддержали ЦК компартии и правительство Казахстана, хотя сами принимали участие в подготовке создания автономии и определили ее административные границы. Дело осложнилось, а выход никто не хотел искать. А он был: восстановить автономию в Поволжье. Руководители Саратовской области охотно шли навстречу, ибо пустовало немало земель. Несколько тысяч немцев уже возвратились в те места. Но ЦК КПСС на такой вариант не пошел. Решить дело подобным образом — значит поссориться с первым секретарем компартии Казахстана Д.А. Кунаевым: ведь если немцы уедут

⁶⁹ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 303–305.

с целины, эта область лишится рабочих рук. Так и замариновали вопрос... На этой почве у меня произошла стычка с Кунаевым. Он бросил фразу: «Сами немцы не хотят автономии, а вы им ее навязываете!» Тогда я обратил внимание на то, что даже в Целинограде студенты выступали не против немецкой автономии вообще, а против ее создания именно в Казахстане»⁷⁰.

В январе 1977 г. произошел случай террора на национальной почве. Трое армян — Степанян, Багдасарян и Затибян, являвшиеся членами подпольной националистической партии, приехали в Москву с целью нелегальной борьбы против русских людей. В субботу, 8 января, во время школьных каникул ими были взорваны три бомбы — в вагоне метро, в продмаге и неподалеку от ГУМа на улице 25 Октября. Результатом было 37 погибших и раненых. После неудавшейся попытки взорвать три заряда на Курском вокзале накануне 7 ноября 1977 г. преступники были раскрыты.

Характерно, что и в этом случае, чтобы не «компрометировать армянский народ в глазах русских», по указанию первого секретаря ЦК компартии Армении К.С. Демирчяна ни одна газета, выходившая на армянском языке, не опубликовала сообщения о террористическом акте. Документальный фильм о процессе над Затибяном и его сообщниками, снятый во время заседания Верховного суда, было запрещено показывать. Когда же в «Известиях» появилось выступление академика А.Д. Сахарова, который протестовал против якобы незаконного ареста армян (он отказывался верить, что трое террористов могли приехать в Москву совершать убийства), Демирчян бурно возмущался: как смел Сахаров разглашать фамилии преступников, кто дал разрешение редакции печатать этот материал!⁷¹

На принятую новую Конституцию СССР одними из первых откликнулись футбольные болельщики в Вильнюсе. 7 октября 1977 г., после победы «Жальгириса» над витебской «Двиной», несколько сот зрителей футбольного матча двинулись по улицам города, выкрикивая: «Долой конституцию оккупантов!», «Свободу Литве!», «Русские, убирайтесь вон!» Литовская молодежь срывала плакаты к 60-летию Октября, била витрины с наглядной агитацией. Инцидент закончился с задержанием 17 участников такой своеобразной демонстрации.

Через три дня аналогичные события произошли после футбольного матча между «Жальгирисом» и смоленской «Искрой». Теперь уже более десяти тысяч зрителей направились в центр Вильнюса, выкрикивая лозунги против советской оккупации. По ходу движения к ним присоединились еще около 500 человек. Демонстранты прорвали заслон милиции и внутренних войск и вышли на проспект Ленина. Второй, более мощный заслон остановил их движение. Результатом беспорядков стали выбитые стекла в здании ЦК КП Литвы, разбитые витрины с политическими плакатами, госпитализация нескольких милиционеров, задержание 44 человек, исключения студентов из вузов.

После принятия Конституции ситуация в межнациональных отношениях не менялась к лучшему и в других регионах страны. «Отток ресурсов Русского народа в национальные регионы СССР сильно ослабил главную нацию, резко ухудшил ее материальное положение. Вместо строительства фабрик и заводов, дорог и телефонных станций, школ, музеев, театров в Центральной России ценности, созданные руками русских, обеспечивали условия для преимущественного развития других народов (и прежде всего их правящих слоев). В результате в национальных республиках возникает значительное количество людей, живущих на не-

⁷⁰ Там же. С. 305–306.

⁷¹ Там же. С. 291.

трудовые доходы, за счет спекуляций и махинаций ресурсами Русского народа. Именно в этой среде постепенно формируются и переплетаются между собой мафиозные кланы, “опекающие” разного рода “теневики” и “цеховики”, и националистические организации (всегда связанные с западными спецслужбами). Весьма характерно, что чем больше та или иная национальная республика неоправданно потребляла за счет ресурсов Русского народа, тем сильнее были ее мафиозные и националистические организации (Грузия, Армения, Азербайджан, Таджикистан, Эстония). В Грузии мафиозные и националистические организации, тесно переплетенные между собой, стали влиятельной силой общества, а их лидеры — образцом для подражания молодежи, особенно студенческой... Не лучшее положение сложилось и в Армении. Здесь мафиозно-националистические кланы уделяли особое внимание “воспитанию” молодежи. Армянским детям и подросткам с малых лет внушали идеи об исключительности армянской нации. Многие армяне к зрелому возрасту становились убежденными националистами, причем с антирусской направленностью, которую они получали не без помощи широко разветвленной подпольной националистической организации дашнаков, руководящие центры организации находились в США и финансировались ЦРУ»⁷².

Противоречия в национальной сфере проявились при принятии в 1978 г. на основе Конституции СССР новых республиканских конституций. Чтобы отразить процесс «сближения» наций, из проектов конституций закавказских союзных республик по предложению центра исключили статьи о государственном языке, которые были в прежних конституциях. Эта «новация» вызвала волну открытого протеста

со стороны студенчества и интеллигенции в Грузии. Статьи пришлось сохранить и в конституциях Азербайджана и Армении, невзирая на то, что в союзной конституции аналогичной записи не было, не было таких статей и в конституциях всех остальных союзных республик.

Волнения по поводу государственного языка начались в Грузии. Проект новой Конституции республики не содержал записи о грузинском языке как государственном. И как только сессия Верховного Совета Грузии приняла 14 марта 1978 г. соответствующую статью Конституции в новой редакции, в Тбилиси были немедленно организованы демонстрация и митинг с требованием сохранения записи о государственном статусе грузинского языка. Перед Домом правительства, окруженном войсками, собралось более десяти тысяч человек, в основном студентов. К митингующим вышел Э.А. Шеварднадзе и пообещал удовлетворить их требование. Под давлением митинга чрезвычайная сессия Верховного Совета республики приняла решение оставить статью о языке «без изменений». В тексте опубликованной Конституции слова о русском языке были вычеркнуты, а грузинский объявлялся единственным государственным языком.

Отказ грузин признать равноправными государственными языками грузинский и русский вызвал немедленную националистическую реакцию и в Армении. Несмотря на то что эта статья Конституции была уже принята, армяне, по примеру Грузии, дали обратный ход и признали государственным только армянский язык.

Весной 1978 г. состоялись митинги абхазов в различных населенных пунктах автономной республики с требованиями придания государственного статуса абхазскому языку, прекращения миграции в республику грузин, отделения от Грузии и вхождения в состав РСФСР. Уступкой требованиям

абхазов стало включение в конституцию автономной республики положения о введении в Абхазии трех государственных языков: абхазского, русского и грузинского.

В декабре 1978 г. прошла демонстрация немцев-«отказников» в Душанбе с требованием разрешить им покинуть страну. Демонстранты прошли от гостиницы «Таджикистан» до здания Верховного Совета с плакатом «Отпустите нас на родину». Перед собравшимися выступил первый секретарь горкома и пообещал увеличить число разрешений на выезд. Обещание было выполнено.

Весной 1979 г. достигли пика автономистские настроения немцев в Казахстане. Руководители республики обещали решить вопрос. Была определена территория будущей автономии, названа ее столица (г. Ерментау, на востоке Целиноградской области), выбрано здание обкома, намечен его состав, оставалось лишь провозгласить образование автономной области, намеченное на 15 мая 1979 г. Однако утром этого дня в Целинограде состоялась манифестация казахского населения против решения властей в Москве и Алма-Ате о создании в Казахстане немецкой автономии. Манифестация проходила под лозунгами: «Казахстан неделим!», «Нет немецкой автономии!» Пришлось просить активистов автономистского движения «подождать» с провозглашением их национально-территориального образования. Казахских участников демонстрации первый секретарь обкома успокоил сообщением о том, что автономии никто не собирается учреждать, вопрос о ней никогда даже и не стоял. Выступления студентов негласно поддерживались республиканским руководством.

Лишь спустя многие годы, в июле 1987 г., при обсуждении в ЦК КПСС вопроса «О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотиче-

скому воспитанию трудящихся» было сказано: «Серьезные ошибки и просчеты в работе партийных комитетов республики привели к росту националистических проявлений, которые своевременно не пресекались, более того, замалчивались как обычное хулиганство. Даже имевшим место в 1979 году в г. Целинограде националистическим выступлениям ЦК Компартии Казахстана не дал острой политической оценки. Проявлением казахского национализма были и беспорядки в декабре прошлого года в Алма-Ате»⁷³.

Осень 1980 г. стала временем молодежных беспорядков в Эстонии. 22 сентября, после отмены выступления молодежного поп-оркестра «Пропеллер», назначенного на таллинском стадионе после футбольного матча, около тысячи эстонских школьников вышли на улицы с протестом против этого решения. Концерт был отменен в связи с обнаружением в текстах песен «Пропеллера» «националистических мотивов». Демонстрация была разогнана милицией, несколько старшеклассников исключены из школ. 1 и 3 октября милиции пришлось разгонять более чем тысячную демонстрацию протеста против исключений из школ. Демонстранты размахивали флажками независимой Эстонии, выкрикивали лозунги «Свободу Эстонии!», «Русские — вон из Эстонии!». 7 и 8 октября последовали новые демонстрации протеста в Таллине (несколько сот участников), а 10 октября — молодежные демонстрации в Тарту и Пярну. Среди прочих выдвигалось требование отставки русского министра образования Эстонии. 11 октября министр внутренних дел республики предостерег от продолжения выступлений. По школам были проведены родительские собрания, родителям «бунтовщиков» грозили увольнением с работы. В результате всех этих событий из школ было исключено около 100 уча-

⁷³ Правда. 1987. 16 июля.

щихся, несколько человек были осуждены за «хулиганство».

Осенью 1981 г. произошли крупные беспорядки в столице Северной Осетии. Волнения начались 24 октября во время похорон в Орджоникидзе убитого двумя ингушами таксиста-осетина. Его убийцы были выпущены на свободу через три дня после преступления за выкуп в миллион рублей. Участники похоронной процессии организовали митинг и захватили здание обкома. К вечеру порядок на площади был восстановлен силами курсантов местного военного училища. На следующий день более десяти тысяч человек вновь заполнили площадь перед обкомом. Митинг с участием прибывших из Москвы руководителей быстро вышел из-под контроля. В здании МВД выбили стекла. Против митингующих были брошены воинские части с бронетранспортерами и слезоточивым газом. Столкновения и рукопашные схватки продолжались до вечера, позднее они распространились по всему городу, несколько человек погибли. Несмотря на прибытие частей специального назначения, столкновения продолжались весь следующий день, и лишь к вечеру сопротивление было сломлено. За три дня беспорядков были задержаны более 800 человек, 40 из них были осуждены. Первый секретарь обкома Б.Е. Кабалоев был снят со своего поста.

К концу рассматриваемого периода после нескольких довольно спокойных лет произошло крупное волнение на этнической почве в столице Таджикистана Душанбе.

Весной 1985 г. вновь фиксируются давно забытые беспорядки в воинских эшелонах с призывниками в Советскую Армию. В течение двух дней разгоряченные алкоголем призывники-мусульмане выясняли отношения с немусульманами. Этим событием открывалась череда эксцессов на националистической подоплеке в наступившей «эпохе перестройки». События на

Северном Кавказе удостоились специального рассмотрения на заседании Секретариата ЦК КПСС. Причина неблагополучия в национальной сфере усматривалась, как и ранее, в изъянах нравственного и интернационального воспитания, в тлетворном влиянии религии. ЦК, как и ранее, призвал строить воспитание таким образом, чтобы советский человек ощущал себя в первую очередь гражданином СССР, а уж потом представителем той или иной нации.

Учебник «Обществоведение», служивший основой для формирования мировоззрения многих поколений выпускников средних школ и призывников Советской Армии (в 1983 году он был издан 21-м изданием), заканчивался на сверхоптимистической ноте: «Теперь мы не предсказываем наступления золотых времен человеческой истории, а говорим об этом со всей уверенностью, какую дают марксистско-ленинская наука и общественная практика. Уже теперь в СССР границы между республиками утратили былое значение, и когда мы путешествуем из конца в конец нашей необъятной Родины, кому приходит в голову отмечать, сколько пересечено границ? Постепенно сотрутся и национальные различия, и разве только имена останутся напоминанием о прошлом. Объединенное в одну братскую семью человечество достигнет вершин своего могущества, осуществит дерзновенные замыслы покорения природы»⁷⁴.

Однако уже через несколько лет прошлое напомнило о себе вовсе не так, как все ожидали, а в головы руководителей СССР пришли совершенно непредсказуемые «перестроечные» мысли, приведшие великую страну к неожиданному краху.

* * *

На протяжении 1930–1950-х гг. взгляды на наднациональную общность

⁷⁴ Обществоведение. М., 1983.

людей в СССР претерпели большие изменения⁷⁵. Не успев оформить в сколько-нибудь целостную систему представлений о мировой социалистической общности, в 1930-х годах они начали конкретизироваться во взглядах на советский народ как новую социальную и интернациональную общность. Одна из попыток создать развернутую систему представлений об этой общности принадлежит Н.И. Бухарину, автору концепции о «героическом советском народе», выступающем на смену традиционным нациям и народностям. Исторические корни этой общности автор не видел глубже пластов 1917 года; в этой общности не обнаруживалось каких-либо общих черт с русским народом, она рассматривалась скорее как антипод ему.

В таких представлениях, на наш взгляд, оживали, хотя и в превращенном виде, дореволюционные взгляды на «официальную народность». Она, как известно, тоже не отождествлялась ни с великороссами, ни с русскими в широком смысле понятия. Царская власть относилась к несанкционированному русскому национализму с таким же подозрением, как и к национализму нерусских народов.

В знаменитой триаде «самодержавие, православие, народность» последняя понималась «туманно, отнюдь не в этнографическом смысле, а больше как умонастроение, — писал известный историк Русского зарубежья Н.И. Ульянов в 1962 г. в своей работе «Исторический опыт России». — К ней относилось все преданное престолу, независимо от национального обличья и веры». Власть же усматривала свой долг не в удовлетворении национальных претензий, а в попечении о «благоденствии» подданных. Нацио-

нальности угнетались «не потому, что они были иноплеменные, а потому, что они были “общество”, которое должно было иметь только один долг — повиноваться». Выполнение такого долга требовалось в первую очередь от русского народа. Ульянов считал истинным суждение В.А. Маклакова о том, что «чистое самодержавие» не понимало смысла национальной проблемы по причине равенства в его глазах всех национальностей⁷⁶. С еще большим основанием эти положения можно отнести к «новой исторической общности», формируемой Советской властью из многоэтнического населения России после Октябрьской революции.

Наиболее жизненной при этом является интерпретация советской общности людей не как антипода русскому и другим народам бывшей царской России, а как результата развития и объединения лучших черт советских наций, и прежде всего наиболее многочисленного русского народа. Зародыши таких представлений о новой общности содержит сталинское теоретическое наследие. Во многом они были своеобразной производной от результатов национальной политики 1930–1940-х гг., приведшей к относительному выравниванию уровней социально-экономического и культурно-политического развития народов СССР и признания особой роли русского народа не только в социалистических преобразованиях, но и в дореволюционной отечественной истории. Эти факторы во многом обусловили переформирование национального состава политической, научной и творческой элит советского общества (в 1940-е годы и позже происходило относительное сокращение доли граждан еврейской национальности в составе элитных слоев новой общности).

Незавершенность процессов объ-

⁷⁵ Вдовин А.И., Корецкий В.А. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России // Российское государство и общество. XX век. М., 1999. С. 322–365.

⁷⁶ Ульянов Н.И. Исторический опыт России. Нью-Йорк, 1962. С. 20, 21.

единения советских людей в новой общности, отсутствие действенной политико-воспитательной работы по утверждению в сознании широких народных масс преимуществ общесоветского единства и общенациональных ценностей как ценностей, сопоставимых по значимости с национальными, плохо укрепляли преграду на пути нарастания центробежных тенденций и развала Союза ССР.

Отлаженная при Сталине система национальных отношений препятствовала возникновению в национальных регионах самодостаточных и самовоспроизводящихся местных элит, способных выключить свои народы из интеграционных процессов, перевести их на путь автаркии, а тем более сепаратизма. Это достигалось посредством школьного образования, политического воспитания, подготовки, постоянной ротации руководящих кадров и, не в последнюю очередь, — репрессиями в отношении реальных и потенциальных лидеров национальных центростремительных движений. С десталинизацией национальной политики новую, более эффективную систему, обеспечивающую интеграционные процессы в многонациональном обществе, создать не удалось. Контроль за местными элитами был ослаблен, их самостоятельность и властные полномочия с переходом к новой управленческой системе через совнархозы резко расширились.

Интеграционные процессы, шедшие в 1960–1980-е гг., развивались скорее по инерции прежних лет и со временем замедлялись. При Брежневе контроль над ситуацией в республиках был почти полностью утрачен. Местные руководители и их окружение начали создавать в национальных регионах свои особые и только им известные порядки. Клятвы о единстве и дружбе в период официального существования «новой исторической общности» утрачивали реальное содержание, все больше превращались в привычный ритуал.

Признав свершившимся становление новой исторической общности — советского народа (по сути, новой полиэтнической нации), Конституция СССР 1977 года тем не менее сохранила федерализм национально-государственных образований, возводивший этничность в один из главных принципов построения государства. Возможность перехода к территориальному федерализму, реально существовавшая и упущенная в 1945–1953 гг., была окончательно утрачена. Начавшаяся сразу же после смерти Сталина новая «коренизация» управленческих кадров в республиках обеспечивала преимущества лишь представителям «статусных» наций.

Процесс укрепления этнических элит (исключая русскую) при Брежневе зашел настолько далеко, что центр уже был не способен посягнуть на власть и интересы местных элит. С началом горбачевской «перестройки» это в полной мере выявили события в Алма-Ате в декабре 1986 г., когда попытка сменить на посту первого секретаря ЦК Компартии Казахстана казаха Д.А. Кунаева на русского Г.В. Колбина вызвала организованные выступления казахов с использованием насилия. Центр был вынужден отступить, демонстрируя полную неспособность провести в жизнь свое «интернационалистическое» решение.

На созванном в сентябре 1989 г. пленуме ЦК КПСС в качестве достижений национальной политики отмечалось ускоренное развитие национальных окраин, создание многоотраслевой структуры и сближение уровней социально-экономического развития национальных регионов страны. «Если в 1926 году, — говорил М.С. Горбачев, — максимальный разрыв по производству промышленной продукции на душу населения между старыми промышленными районами и национальными окраинами достигал 38 раз, то в 1941 году он сократился до 4,1 раза, а в настоящее время со-

ставляет примерно 2,3 раза. Если еще в конце 1950-х годов рабочие по численности преобладали только в РСФСР, Казахстане, Эстонии и Латвии, то в конце 1970-х годов так обстояло дело практически во всех республиках. Если перед войной многие народы не имели подготовленных кадров, то теперь положение изменилось коренным образом: все они располагают такими кадрами, включая специалистов высшей квалификации»⁷⁷.

Однако привычное восхваление «ленинской национальной политики» по существу не затрагивало реальных противоречий в национальной сфере жизни советского общества. Абстрактные призывы сделать полнокровной советскую федерацию, утверждать в межнациональном общении взаимное уважение исторических традиций и национальной специфики народов, совершенствовать культуру межнациональных отношений были явно недостаточны для разрешения накопившихся противоречий в этой сфере.

В период «перестройки» руково-

дящие республиканские элиты уже открыто обнаружили свое единство и помощь друг другу в разжигании сепаратизма, разрушении СССР и социалистического строя как такового. В постсоветский период они открыто проявили присущий им антидемократизм и шовинизм. Это обнаружилось в судорожном стремлении новых властей сохранить господство «своих» новых государств над оказавшимся в их пределах инонациональным населением и территорией его проживания (например, в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье). В этом кроется основная причина межнациональных конфликтов и войн постсоветской эпохи.

В нынешней России, также не избежавшей разрушительного воздействия национализма и сепаратизма (например, в Чечне), начался поиск идей и механизмов, способных уберечь государство от распада и успешно выполнять объединительные функции в жизни общества. Взоры политиков и исследователей при этом все чаще обращаются к роли, которую в этом смогут сыграть исторические традиции русского народа, русская и (или) российская национальные идеи.

---

⁷⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19–20 сентября 1989 г. М., 1989. С. 19–20.

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

ЗАКОНЕН ЛИ РОСПУСК СССР?

Распад Советского Союза был оформлен соглашениями, достигнутыми в Беловежской пуще. 8 декабря 1991 г. президент РСФСР Борис Ельцин, президент Украины Леонид Кравчук и председатель Верховного совета Белоруссии Станислав Шушкевич встретились в селе Вискули (Белоруссия). Они подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. 12 декабря Верховный совет РСФСР денонсировал Договор о создании СССР 1922 г. Два дня ранее аналогичный акт принял и Верховный совет Республики Беларусь. При этом сам факт создания СНГ еще не означал автоматического роспуска СССР.

Следовательно, юридической основой для упразднения Советского Союза была именно денонсация Договора о его создании. На протяжении двадцати лет со дня гибели СССР не прекращается дискуссия о правомочности подобного решения.

Дело в том, что СССР был создан в соответствии с Договором о создании СССР. Но впоследствии текст Договора был включен в Конституцию СССР 1924 г. После принятия сталинской Конституции 1936 г. Договор перестает упоминаться в тексте Основного закона. Его статус для многих оставался неясным. То ли он продолжал действовать, то ли прекратил.

Горбачев и его окружение подорвали единство Советского Союза, сделав ставку на заключение нового Союзного договора. Таким образом, фактически было признано, что старый Союзный договор действует. А раз так, он может быть денонсирован республиками, его заключившими. Что и было сделано. Ведь Союзный договор (так мы для

краткости будем именовать Договор об образовании СССР) был заключен четырьмя суверенными советскими республиками — РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР. Последняя была федерацией Армении, Азербайджана и Грузии и к моменту распада СССР много лет как не существовала.

Поэтому для оценки законности роспуска СССР важно исследовать, каков был статус Союзного договора 1922 г. и действовал ли он в 1991 г.

* * *

Процесс создания Советского Союза имел сложный и многоступенчатый характер. Победившие в Гражданской войне большевики нуждались в упрочении своей власти на пространстве бывшей Российской империи. Поэтому дискуссия шла как внутри партии, так и между Центром (в качестве которого выступала РСФСР и ее большевистское руководство) и национальными республиками. Как известно, столкнулись два проекта — сталинский план «автономизации», то есть вхождения будущих союзных республик в состав РСФСР на правах автономий, и ленинский план создания союзного государства как федерации равноправных республик, имеющих право на сецессию (отделение). В результате Ленин победил. Предложенная им форма государственного устройства была взята на вооружение.

Нас, однако, в рамках данного текста интересует не политический, а юридический аспект создания СССР.

29 декабря 1922 г. Конференция полномочных представителей республик (РСФСР, БССР, УССР, ЗСФСР) приняла Договор об образовании

СССР. На следующее утро члены делегаций подписали его. В тот же день, то есть 30 декабря 1922 г., 1-й съезд народных депутатов СССР утвердил Договор, который таким образом вступил в силу.

Многие исследователи, обсуждающие проблему Союзного договора 1922 г., приходят на основании вышеизложенного к мысли о том, что Советский Союз как федерация носил договорный характер. Договор об образовании СССР как международно-правовой акт должен иметь более высокий ранг, чем последующие решения общесоюзных органов власти. На этом основании делается вывод, что денонсация Договора была правомерной, так как он действовал по состоянию на 1991 г.

Однако данный ход мысли является ошибочным. Для того чтобы понять, где ошибка, придется заглянуть в сам текст. Статья 25 Договора об образовании СССР гласит: «Утверждение, изменение и дополнение Союзного договора подлежат исключительному ведению съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик».

Сам съезд Советов как институт учреждается тем же Договором, но статьей 2. О чем это говорит? Это говорит о том, что четыре республики не просто создали СССР, но и передали съезду Советов СССР функции Учредительного собрания. Орган власти, который обладает правом утвердить или не утвердить тот или иной документ, естественным образом контролирует его содержание, может менять его по своему усмотрению. Что и подтверждается ст. 25. Ведь именно съезду с момента принятия Договора переданы функции по утверждению, изменению и дополнению последнего.

В результате с момента утверждения Союзного договора 30 декабря 1922 г. стартует учредительный процесс, который завершается лишь в 1924 г. Что позволяет нам говорить об этом? Ответ содержится в тексте постановле-

ния 1-го съезда Советов. Поскольку оно важно для дальнейшего рассуждения, приведем его полностью:

«Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик, рассмотрев проект декларации об образовании Союза ССР и заключенный полномочными делегациями, избранными съездами советов РСФСР, УССР, ЗСФСР и БССР, союзный договор, постановляет:

1. Декларацию и союзный договор в основном утвердить.

2. Ввиду чрезвычайной важности принятой декларации и заключенного договора и желательности выслушать окончательные мнения всех входящих в Союз республик о тексте настоящего договора, передать декларацию и договор на дополнительное рассмотрение ЦИКов союзных республик с тем, чтобы отзывы союзных республик были представлены ЦИКу Союза ССР к ближайшей очередной его сессии.

3. Поручить ближайшей очередной сессии ЦИКа Союза ССР рассмотреть полученные отзывы, утвердить текст декларации и союзного договора и немедленно ввести его в действие.

4. Поручить ЦИКу Союза ССР подготовить ко 2-му съезду Советов Союза окончательный текст декларации и союзного договора и представить его на окончательное утверждение второго съезда».

Как видим, 1-й съезд Советов утвердил два документа — Союзный договор и Декларацию об образовании СССР. Поскольку Декларация является идеологическим, а не юридическим документом, она не является объектом нашего исследования. Отложим ее в сторону.

Вернемся снова к Договору. Итак, Договор об образовании СССР передал съезду Советов право утверждать, изменять и дополнять Союзный договор. 1-й съезд Советов не просто утвердил вышеозначенный договор, а утвердил «в основном», передав ЦИК СССР (избранному на том же съезде)

право рассмотреть мнения ЦИК союзных республик, принять окончательные варианты Декларации и Договора, а также предоставить их на рассмотрение 2-го съезда Советов.

Здесь все корректно. Республики дали съезду Советов права Учредительного собрания. В дальнейшем менять Договор мог только он. Подобная формулировка означает отказ от суверенитета в пользу общесоюзных органов власти.

Правда, республики зарезервировали за собой право на выход из состава СССР (ст. 26 Договора). На этом праве и поскользнулся Советский Союз.

1-й съезд Советов лишь запустил учредительный процесс. 27 апреля 1923 г. Президиум ЦИК СССР создает Конституционную комиссию в составе 25 человек. В нее вошли представители ЦИК всех союзных республик. В процессе обсуждения было решено принять Конституцию СССР вместо Союзного договора. Но что делать с Союзным договором? Прошло предложение наркома юстиции РСФСР Д.И. Курского — Декларация о создании СССР и Союзный договор должны были вместе составить Конституцию СССР.

Проект Конституции был одобрен пленумом ЦК РКП(б), а также властями союзных республик. 6 июля 1923 г. ЦИК СССР постановил принять Конституцию СССР со следующей формулировкой:

«Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик, торжественно провозглашая незыблемость основ Советской власти, во исполнение постановления съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик, а также на основании Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик, принятого на съезде Советов Союза Советских Социалистических Республик в городе Москве 30 декабря 1922 года, и принимая во внимание поправки и изменения, предложенные центральными ис-

полнительными комитетами союзных республик, постановляет: Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик составляют Основной Закон (Конституцию) Союза Советских Социалистических Республик».

31 января 1924 г. текст Конституции СССР был утвержден 2-м съездом Советов СССР и окончательно вступил в силу. Конституция действительно состояла из двух разделов: раздел первый назывался «Декларация о создании Союза Советских Социалистических республик», раздел второй — «Договор». Однако Договор вместо 26 изначальных статей теперь содержал 72.

Означает ли это, что союзные власти не выполнили решение 1-го съезда Советов? Нет, они выполнили его в точности. Напомним, что ст. 25 Договора передает съезду право утверждения, изменения и дополнения Договора. Тем самым республики этого права лишаются.

Действуя в режиме Учредительного собрания, 2-й съезд объединил Договор в один документ с Декларацией и назвал получившийся текст Конституцией СССР. Это решение не выходит за рамки положения изначального Договора о праве изменения и дополнения, так как там в нем не содержатся никакие ограничения прав съезда по данному вопросу. Если можно резко увеличить число статей документа, то почему нельзя его переименовать или слить с другим текстом?

Таким образом, мы получаем следующий результат нашего исследования. Съезд Советов получил от республик право любым образом изменять и дополнять Договор об образовании СССР. Сюда входит, естественно, и право изменять название и правила принятия документа.

Наш вывод состоит в том, что Договор об образовании СССР был из-

менен таким образом, что превратился в Конституцию СССР 1924 г. Тем самым Договор как отдельный документ прекратил свое существование. Точнее, между Договором и Конституцией СССР можно поставить знак равенства. Это подтверждается и постановлением 2-го съезда Советов, в котором сказано:

«Основной Закон (Конституцию) Союза Советских Социалистических Республик, представленный во исполнение резолюции I съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик на окончательное утверждение II съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик, утвердить».

Как видим, в документе идет ссылка на постановление 1-го съезда Советов. Очевидно, 2-й съезд счел, что, объединив Декларацию и Договор в рамках Конституции СССР, ЦИК выполнил данное ему поручение.

Право денонсации Договора республикам не предоставлялось и не могло быть использовано для обоснования выхода из состава СССР.

Правда, все советские Конституции сохранили положение о праве республик на свободный выход из состава СССР. Но РСФСР, Белоруссия и Украина этим правом не воспользовались.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно утверждать, что денонсация Союзного договора была незаконной, поскольку республики не были наделены правом денонсации в соответствии с Договором, а сам Договор был преобразован в Конституцию СССР.

* * *

Откуда же возникла идея, что необходимо заключить новый Союзный договор? Решение об этом продавил Михаил Горбачев. С его подачи Верховный Совет СССР 3 декабря 1990 г. принял постановление №1809–1 «Об общей концепции нового Союзного До-

говора и предлагаемом порядке его заключения». В ст. 1 постановления говорится: «Поддержать в основном общую концепцию нового Союзного Договора и предварительные предложения о порядке его заключения».

Легко заметить, что идея заключения нового Союзного договора означала, что старый действует. В условиях, когда союзные республики провозгласили свой суверенитет, они могли ссылаться на него в обоснование права денонсации Договора. Ибо, хотя по Договору 1922 г. права по его утверждению, изменению и дополнению и были переданы съезду Советов, провозглашение суверенитета могло рассматриваться как отзыв этого права.

В любом случае, конечно, политическая реальность первенствовала над юридической. Согласие Горбачева на подписание нового Союзного договора означало, что союзная власть признает суверенитет республик и их право отменить прежний Договор с помощью нового. А от этой идеи один шаг до денонсации Договора 1922 г., что и произошло.

Советская власть на протяжении всего периода своего существования халатно относилась к оформлению юридических документов, предпочитая решать вопросы не с помощью юридической казуистики, а грубой силы. Но право — результат общественного договора. И когда пришла пора воззвать к доброй воле людей, к их естественной законопослушности, выяснилось, что юридических оснований для этого нет или они слабы. Что Конституция СССР написана так, что любая республика может покинуть Союз в любой момент. А вопрос статуса Договора об образовании СССР решен столь сложным образом, что в нем путаются даже многоопытные юристы.

Конечно, не только наплевательское отношение к закону убило СССР. Но в частности и оно тоже.

Сергей Черняховский

МИФОЛОГЕМЫ РАЗРУШЕНИЯ

Одно из распространенных в последние десятилетия объяснений национально-территориальной катастрофы СССР и его раздела — та модель национально-государственной организации, которая была положена в его основу, все то, что принято называть «ленинской национальной политикой». И здесь обращается внимание на три основных момента. Первый — СССР был построен как союз национальных республик. То есть были потенциальные государственные разломы будущего раздела. Второе — на территории СССР существовали очаги бывшей или потенциальной государственности. Третий — в основе политики лежало признание права на самоопределение наций вплоть до отделения.

Если говорить об очагах протогосударственности — они существовали исторически и не могли ни исчезнуть, ни появиться в XX столетии. Они просто были, причем в царской России подчас в более «асимметричных формах», чем в СССР, — в форме Царств, Великих Княжеств, Эмиратов и т.д. Иногда вообще с особым законодательством.

Национально-государственные границы внутри СССР были как раз проведены так, чтобы максимально препятствовать импульсам выхода из состава единой страны, приводя, в случае раздела, к утрате родственной территории. То есть они скорее играли роль связок, своего рода якорей, препятствующих разделу, были ориентированы на то, чтобы раздел в случае своего осуществления порождал комплекс проблем, заведомо снижающих его ценность.

Вопрос права на самоопределение на самом деле при грамотном своем использовании разделу также препятствовал. Во-первых, потому, что субъектами такого права признавались исключительно нации. То есть при грамотном подходе всегда мог бы быть поставлен вопрос: кто собственно есть нация и есть ли намерение отделения — действительная воля нации. Во-вторых, потому, что право на самоопределение вообще подразумевало право на существование в объединенном государстве в неменьшей степени, чем право на отделение. Как в свое время писал сам Ленин в полемике с Розой Люксембург — право на развод не предполагает целесообразности развода.

Так что дело не в самих по себе ленинских принципах национальной политики, интернационализма и права наций на самоопределение, а в их мифологизации. На основании которой одни трактовали эти принципы как некое энтропийное начало, а другие превращали их в фактор разрушения. Естественное противостояние нацистскому лозунгу «Моя нация превыше всех иных» в определенных условиях оборачивается постулатом «Моя нация ничто по сравнению с другими».

* * *

Начнем с тезиса о «самоопределении вплоть до отделения». Именно с ним в значительной степени связывается трагедия раздела СССР.

Однако, *во-первых*, Ленин постулировал совсем иное. Он говорил о «праве наций на самоопределение вплоть до отделения». Но одновременно он говорил о том, что данное право ре-

гулируется вопросом целесообразности этого отделения, отмечал, что «мы всегда были, при прочих равных, за более крупное государство», более того, писал: «при прочих равных мы всегда против федерации, мы за унитарное государство».

С одной стороны, абсолютно ясно, что наличие того или иного права предполагает его ограничения на реализацию в правах и интересах других субъектов. «Мое право протянуть руку заканчивается там, где начинается нос другого человека». В этом отношении право любой нации на выделение из некоего государства заканчивается там, где начинаются права и интересы других народов этого же государства. Если его реализация означает разрушение их государства, это право одного народа на создание своего государства не может быть выше права других народов на обладание своим. Иначе уже они будут лишены того же самого права.

И тогда это вряд ли можно считать интернационализмом — ведь последний предполагает равенство прав разных наций. Тогда это означает признание превосходство одного народа над другими, то есть оборачивается тем же самым национализмом, только с другим вектором.

С другой стороны, реализация любого права предполагает ограничения разумностью его использования в данной ситуации. Право курить вовсе не означает права зажигать спички на бензозаправке. Право любого дееспособного человека вступать в брак не означает его обязанности на следующий день после обретения дееспособности бежать в ЗАГС с первым встречным партнером. Право его же на развод не означает необходимости разводиться на следующий день после бракосочетания.

Во-вторых, речь шла не о «праве на отделение», а о «праве на самоопределение вплоть до отделения». То есть отделение — лишь один из вариантов

этого самоопределения. Стало быть, реализация его предполагает осуществление некоего выбора. Который должен быть осознан. То есть — наличия выявленной воли нации. Однако нации неоднородны. В большинстве случаев право говорить от имени нации присваивает себе его элита и правящий класс. С точки зрения интернационализма, классовые идентификации действительно выше национальных. Тогда, если в некоем большом составном государстве есть класс, выступающий против разделения страны, а в его части господствует иной класс, желающий отделения, первый класс вправе любыми средствами поддержать ту классовую часть населения этой части, которая отделения не желает.

Что, собственно, и имело место в период ленинского правления, когда все провинции Империи, желавшие отделения, получили возможность такой реализации своего права, но когда значительная часть населения ряда из них выступила против этого отделения, им была оказана та необходимая помощь, как это было в случае с Украиной, Белоруссией, Грузией, Арменией, Азербайджаном и т.д., позволившая большинству народа настоять на такой форме своего самоопределения, которая отделения не предполагала.

Не говоря уже о том, что **наличие воли на выделение должно еще быть реально и процедурно выявлено, а не являться исключительно продуктом декларации узурпировавшей власть элиты.**

В-третьих, речь идет о праве именно «наций», а не любых иных общностей. Никто никогда не постулировал права на отделение этносов, народностей, племен или даже просто местного населения. То есть описываемый постулат предполагает, что субъект, проявивший волю к отделению, должен либо уже быть нацией, достичь данного исторического уровня развития, либо еще быть нацией, то есть еще не интегрироваться в более крупную

нацию. В противном случае пришлось бы признавать право любого населенного пункта на выделение из состава государства.

Здесь вообще возможны две абсолютно разные ситуации: ситуация существования многонационального государства и ситуация существования полиэтнической нации.

В первом случае мы имеем страну, где реально существуют различные части со своим национальным компактным населением. В разных частях этой страны люди не только различаются этнически, но обладают разной историей, говорят на разных языках, имеют различную культуру и обычаи, обладают разным экономическим укладом и относительно самодостаточной экономикой. **То есть разные области мало интегрированы и относительно чужды друг другу.**

Примерно это и было налицо в начале XX века в ряде старых империй, в частности в Австро-Венгрии и России. И ленинский принцип, включающий в себя, как вариант, и право на отделение, относился именно к этой ситуации. Речь шла тогда о реально существующих разных нациях в одном государственно-политическом пространстве. Здесь нации в основном обладали своей различной территорией, на которой и могли претендовать на создание национального государства.

Во втором случае мы имеем страну, где проживает много этносов, но в национальном плане они интегрированы друг с другом, обладают в целом общей культурой, связаны крупными вехами истории, говорят в основном на одном языке, тесно связаны между собой межэтническими родственными связями, существуют в едином экономическом пространстве. То есть либо сложилась, либо складывается новая, полиэтническая нация. Это ситуация, в частности, Советского Союза конца XX века. Здесь интегрированные бывшие нации в основном рассея-

ны по всей территории и в равной степени имеют право на всю территорию страны.

Выделение некоторой территории в отдельное государство не означает в данном случае осуществления права нации на «самоопределение вплоть до отделения» по двум основным причинам.

Во-первых, самоотделение некоторой территории, как бы она формально ни называлась, в самостоятельное государство означает не создание собственно национального либо даже этнического государства, а разделение на разорванные части некоего этноса, являющегося по традиции титульным для данной части страны, но в значительной части рассеянного и по другим территориям и родственно и культурно интегрированного с другими народами. То есть здесь мы имеем не осуществление, а ущемление «национального права».

Во-вторых, поскольку проживающие на территории страны этносы в основном (или полностью) интегрированы в новую полиэтническую нацию, правом на государственное самоопределение обладает именно она. **Причем обладает на всей территории своего проживания.**

Если даже предположить, что не все старые нации полностью прошли весь путь такой интеграции, что одновременно существует новая полиэтническая нация и некоторое количество остатков старых атрофирующихся наций, эти остаточные общества не могут обладать преимуществом ни перед своими наиболее развитыми интегрированными частями, ни перед всей новой нацией. Во-первых, потому, что часть нации не может обладать правом, имеющимся у целой нации, во-вторых, потому, что реализация подобного спорного права противоречила бы как национальным интересам интегрированных частей, так и национальному интересу всей полиэтнической нации.

В данной ситуации осуществление «права нации на самоопределение

вплоть до отделения» может означать только одно: **право полиэтнической нации на обладание своим государством на всей территории своего проживания.** И оно не может ущемляться остаточными частями старых наций, таковыми уже не являющихся. Если же в результате произвольных действий региональной элиты единое государство расчленено, а новая нация разделена, она имеет не меньше оснований на свое воссоединение, нежели в середине XIX века имели итальянцы или немцы.

То есть интернационализм как постулат, предполагающий **наднациональное объединение конкретных субъектов и равные права наций в этом процессе, предполагает не выделение частей страны в самостоятельные государства, не увековечивание раздробленности, прикрываемое псевдонациональными знаменами, а создание более крупного государства на основе уже достигнутой национальной интеграции.**

Действительно, должны ли мы придерживаться известных мифологем, согласно которым в СССР было 15 наций, оформленных в союзные республики и соответственно имеющих право на самоопределение вплоть до отделения, и энное количество народностей, оформленных в автономные республики, автономные области, национальные округа и т.п., такими правами не обладающих? Разве в Татарстане проживали только татары, в Казахстане — только казахи, а русские были сосредоточены исключительно в России и т.д.? Разве каждая союзная республика представляла единство людей, объединенных исторической территорией, особым языком, особой культурой, особой экономикой? Или все-таки за период существования союзного государства сложилась идентификация подавляющего большинства живущих в нем людей с одной территорией, одним государственным субъектом с общей

для всех историй, единым языком межнационального общения и единой экономикой?

На деле в стране возникла новая, условно говоря, «советская нация» — не в смысле «нации сторонников советской власти», а в смысле нации, образующей народ страны под названием Советский Союз. Разумеется, признание данного факта не отменяет того обстоятельства, что часть исторических этносов не полностью интегрировалась в новую нацию и что сама она безусловно была полиэтнической, впрочем, как и американцы или нынешние «россияне».

Если дело обстоит именно так, то не имела и не имеет ли данная — советская — нация право на самоопределение, право иметь собственное государство в границах своего исторического проживания, т.е. в границах СССР, предоставив, разумеется, неассимилировавшимся этносам нормальную культурно-национальную автономию? При этом речь идет не об отрицании права наций на самоопределение, а о его признании и утверждении, но применительно к реальной нации, а не к мифическим. И не стоит ли перед нами проблема осознания интересов советского национального единства, которые следует противопоставить, с одной стороны, интересам современных «первых сословий», с другой — интересам этнократических режимов, с третьей — «национальным интересам» тех государств, которые заинтересованы в том, чтобы единого государства на территории СССР не существовало и, соответственно, в том, чтобы в мире не появилась технотронная сверхдержава?

Подчеркиваю, что в данном случае я ставлю этот вопрос не в политико-идеологическом, а именно в научно-теоретическом плане. Ведь именно старые мифологемы о пятнадцати нациях придали видимость легитимности разделу Союза региональными элитами. Страна разделилась не столько по при-

чине отрицания старых мифов, сколько из-за некритичного следования им. Но если эти мифы действительно отринуть, исчезнет и единственное обоснование целесообразности раздела и его законности.

России прежде всего нужен и для неё значим национализм как *надэтнизм*, как представление о национальном единстве многих народов, живущих на ее территории, ощущение их одной, *единой многоэтнической нацией*. Такой нацией практически и почти стал в недавнем прошлом СССР, большая часть населения которого была «единой политической советской полиэтнической нацией». Обладавшей своим национальным государством — СССР. Вспоминая об этом на Госсовете, Путин был прав, указывая на связь этого единства с социалистической идеологией и отмечая это как пример позитивного решения национального вопроса. Только стоит заметить, что нация обычно и не существует без скрепляющего ее начала в виде некой идеологии либо комбинации идеологий. Точно так же он был прав, отмечая, что нынешняя общность «россиян» подобного дружественного единства не представляет.

В этом отношении роль классического объединительного национализма для России мог бы играть такой национализм, который и скреплял бы нацию изнутри, и восстанавливал ее единство с народами и образованиями, отколотыми от нее на предыдущем этапе. То есть национализм как представление о единстве всех народов пространства СССР — своего рода «советский национализм»: «Единый народ, единая нация, одна страна». России в этом отношении нужен либо свой Гарибальди, который восстановит ее территориальную целостность путем восстания снизу, либо свой Бисмарк, который восстановит ее сверху.

В той степени, в какой такой национализм актуален — он актуален:

1) как процесс осознания единства

одной нации, стоящей их многих этносов;

2) как государственная политика, направленная на поддержание и развитие экономики, производства, науки, образования и культуры России;

3) как усиление возможностей и ресурсов России для защиты своих национальных интересов в мировой политике;

4) а значит, как политика отказа от включения в мировые интеграционные и глобализационные процессы на чужих условиях, Россия может согласиться на роль субъекта глобализации или одного из субъектов — но не может соглашаться быть ее объектом;

5) при этом национализм, если использовать это слово, актуален для современной России как идеология, требующая восстановления исторического территориального единства страны на пространстве СССР, то есть как принцип «советского национального единства»;

и, наконец,

6) национализм не может быть позитивен, если не предложит свой проект социального развития, альтернативный существующим мировым, то есть — примет вызов, согласившись на построение Нового Мира.

Получилось шесть принципов. Возможны и уточнения, но это — основа. Стержень.

* * *

Большое полиэтническое федеративное государство для своего существования требует наличия нескольких базовых условий, скрепляющих его на фоне общей формальной независимости субъектов федерации федеральному центру.

Это:

1) наличие общей смысловой идентификации;

2) консолидированный характер элит, живущих по относительно общим правилам и нормам;

3) наличие общенациональных по-

литических структур гражданского общества, которые, даже соперничая между собой, соперничают за власть и влияние в целом и едином государстве;

4) исполнение государством своих основных функций: посредничества, управления, подавления.

Общая смысловая идентификация, среди прочего, отвечает людям, живущим в стране, почему они живут вместе — хотя по виду и во многом ином являются такими разными. Консолидированный характер элит и общность правил, по которым они живут, приводят их к идентификации себя как единого начала, единой корпорации, которая правит данной страной, несет за нее ответственность и связана с ней своей судьбой. Общенациональные партии (или партия) исходят из своего представления о стране как пространстве осуществления своего политического проекта, разделение страны воспринимая как удар по своему проекту и сокращение поля своего влияния. Исполнение государством своих функций потому и является их исполнением, что оно исполняет то, чего от государства ждут граждане, в силу чего они рассматривают государство как им нужное, выгодное и достойное того, чтобы ему подчиняться.

Разрушение в ходе перестройки значения коммунистической идеологии разрушало ответ на главный вопрос: зачем народам СССР существовать в одном государстве, которое существовало на тот момент? Совместное существование оправдывалось именно тем, что народы страны вместе совершали социалистическую революцию, вместе строили социализм и вместе строят коммунизм — то есть объединены общим делом, отличающим их от стран другого мира. Если при этом утверждался тезис, что социализм построен неправильно или напрасно, а коммунизм строить вообще не нужно и нереализуемо, то автоматически вопрос: «А зачем нам жить вместе?» — отказывался без ответа. Попытка же отве-

тить на него тезисом: «Теперь мы вместе вернемся в мировую цивилизацию, в цивилизованный мир и будет жить по рыночным законам» — как минимум не убеждал в том, что это нужно делать именно вместе — даже заманчивее казалось делать это порознь.

Одновременно разрушение и «лишение монополии на власть» КПСС означало разрушение единственной сложившейся общенациональной политической структуры гражданского общества. Новые партийные образования, создававшиеся в центре, сами не имели общенациональной структуры и не могли в республиках заменить своим партийным влиянием «Старую Добрую Партию». А структуры, конкурировавшие с КПСС в республиках, именно потому и конкурировали, что противопоставляли свою местную самоидентификацию ее общенациональной. То есть она ослабевала, но на ее место приходила не некая «Партия рыночного обновления СССР» и не «Партия возрождения монархии и православия в СССР», а организации, идентифицировавшие себя по этнонационалистическому основанию и готовности к выходу (или к его имитации) из состава единой страны.

Таким образом, противостояние КПСС выглядело в первую очередь как противостояние центру, а противостояние центру не могло не быть сепаратизмом. Тем более что подталкивание и поощрение национал-сепаратизма в республиках инициировалось и организовывалось частью центральной элиты, использовавшей его для ослабления своих элитных конкурентов.

Соответственно, республиканские элиты оказывались в противоречивом положении. Центральная власть все больше дискредитировала себя, а исходившие от нее инициативы пугали своей авантюристичностью и легко угадываемыми катастрофическими последствиями. Проводя их в жизнь, республиканские элиты дискредитировали себя в собственных республи-

ках — и невольно повышали популярность своих националистических противников на местах. Не проводя — они выглядели консерваторами и противниками перемен и теперь подвергались ударам как из центра, так и со стороны националистов, провозглашавших себя «защитниками перестройки».

Одновременно в центре в элиту пробивались люди, которые производили на представителей республиканской элиты впечатление выскочек и парвеню: нахальные, голодные и жадные проходимцы, с которыми нельзя иметь дело. Это означало, что о сохранении корпоративного единства элиты говорить уже не приходилось. И если раньше региональная элита хранила верность центральной власти потому, что в своей власти зависела от последней и потому, что лелеяла мечту самой подняться на тот уровень — теперь верность центру лишь несла угрозу потери своего положения, а шансы войти в его состав означали повышенные риски и включение в сумасшедшую игру без правил.

Более того, центр требовал от республиканских руководителей стабилизировать положение на местах, но запрещал использовать те инструменты, которыми положение можно было стабилизировать. А если разрешал, то при первых осложнениях отрекался и объявлял действия республиканских властей самовольными и осуждаемыми — как, среди прочего, это было и в 1989 году в Тбилиси, и в 1991 году в Вильнюсе.

В разделе страны оказывались заинтересованы уже не националисты — а поставленная центром власть, для которой отделение республик теперь оказывалось возможностью как уйти из-под удара националистов, так и вырваться из-под воздействия обезумевшей центральной власти.

В конфликтах, возникавших на местах — между теми или иными национальными образованиями, да и вообще между любыми силами — центральная

власть уходила от исполнения функции посредничества. То есть вместо того чтобы принять решение и объявить его как обязательное к исполнению, указать, кого она считает правым, а кого виноватым, вместо того чтобы выступить арбитром, оглашающим приговор, — центральная власть устраивала длительные дебаты, организовывала бесконечные слушания прений сторон и, называя это стремлением к диалогу и поиску взаимоприемлемых решений, оставляла вопрос для его урегулирования самими сторонами конфликта. Дело даже было не в том, что она его не решала, а подчас разжигала, — дело было в том, что она представляла себя как ненужную, как неспособную выполнять посреднические функции.

Создавалась ситуация, подобная той, когда конфликтующие стороны обращаются в суд, а судья в ответ предлагает им договориться между собой — и тогда он объявит это своим решением. То есть предлагает им решить вопрос без него, сам передает им свои полномочия. Власть, призывающая в такой ситуации к диалогу, вполне естественно оказывалась столь же дисфункциональна, бесполезна и не нужна, как и подобный судья.

Одновременно, внедряя установку на саморегулирование и развитие прямых связей между республиками и предприятиями, призывая решать вопросы на местах по своему усмотрению и «без ожидания инструкций», — власть уходила от исполнения функции управления. Она не направляла процессы — она лишь наблюдала за ними, в лучшем случае вместо указаний и приказов посылая намеки, советы и призывы. Экономике предлагалось действовать не в целях обеспечения приоритетов развития страны и удовлетворения потребностей общества, а в целях самоокупаемости и частной экономической эффективности, — но призывы и установки на развитие рыночных отношений (тем более

при отсутствии их инфраструктуры) означали уход государства и Союзного центра из управления экономическими процессами как раз на фоне их хаотизации.

Центр организовывал и интенсифицировал хаос — то есть не только не решал экономические проблемы и не приносил пользу стране и республикам, а приносил вред и все больше наращивал его количество.

Он становился с управленческой точки зрения бесполезным и вредным и не выполнял свою управленческую функцию — то, для чего он в значительной степени существовал.

То же самое происходило и с исполнением функции подавления. Государство в любом случае есть машина для подавления одних интересов во имя других. В зависимости от того, какие интересы подавляются и во имя каких — речь может идти о том, что это за государство. Но государство, не осуществляющее функцию подавления, — это несуществующее государство. Как писал Парето, «неспособность элит осуществлять подавление — свидетельство их деградации».

Ни в одном из национальных конфликтов, разоженных, среди всего прочего, властью Горбачева, — государство не смогло применить эффективное насилие. Единственное исключение — восстановление мирной жизни в Баку. Во всех остальных случаях принуждение либо не применялось вообще, либо применялось в недостаточных размерах, не гарантирующих подавление соответствующей стороны. Либо, когда в какой-то момент насилие и было применено с позитивным результатом, после возникающего скандала власть не только не пресекала этот скандал, но способствовала его развитию и затем отступала и отрекалась от собственных действий, тем самым рождая ощущение безнаказанности и уверенности в том, что главное — оказать большее давление и поднять при этом большой

шум, тогда тебе обязательно пойдут на уступки, а ответить на твое давление подавляющим давлением — не решатся.

Государство, не выполняющее функцию посредничества, не осуществляющее управление и неспособное принудить к исполнению своей воли, — это призрак. Оно требует полномочий, почестей и денег, которые элементарно не отработывает. А потому само провоцирует у тех или иных частей страны вопрос: зачем нужно жить под властью государства, которое не приносит тебе пользы и не выполняет своих функций?

И на всю эту утрату функциональности и эффективности накладывался уже не просто субъективный (все эти моменты были рождены субъективным фактором) — но и просто личный фактор — личная стилистика Горбачева.

Показателен, в частности, им же приводимый рассказ о его действиях в канун ратификации Беловежских соглашений. По его словам, он сделал все, чтобы не допустить ни распада страны, ни ратификации этих соглашений. Он, по его же словам, «даже» написал личное письмо каждому депутату каждого Верховного совета каждой Союзной республики, призывая не голосовать за ратификацию.

Горбачев говорит об этом как о некоем чуть ли не мужественном поступке, не понимая, что сам этот поступок может свидетельствовать лишь о его политической профнепригодности, непонимании природы политики — и просто элементарной глупости. Потому что получение такого письма могло только стимулировать колеблющихся к тому, чтобы голосовать за ратификацию Беловежья. Поскольку это с неизбежностью воспринималось не как довод, обращенный к разуму, а как свидетельство бессилия, свидетельство неспособности и неготовности доказать, что в стране существует власть и сила, способная принудить к исполнению закона — и сохранить страну.

Одно это письмо демонстрировало,

что союзная власть не может ни через посредничество между республиками решить вопрос сохранения Союзного государства, ни управлять экономическими и политическими процессами в нем, ни силой принудить к его сохранению.

Технология разрушения страны в конечном счете заключалась именно в субъективных и стилистических моментах существовавшего правления и проводимой политики, провоцировавшей центробежные тенденции и сепаратистские тренды.

Был обесмыслен и уничтожен смысловой ответ на то, зачем столь разнообразным народам нужно жить в одной стране. Уничтожен — причем без создания замещающего его нового. Была дискредитирована и уничтожена единственная существовавшая политическая структура гражданского общества, связывавшая воедино республики Союза. Элита была расколота и приведена в такое состояние, когда для ее республиканских компонентов разрыв с союзным центром и союзной элитой означал вопрос сохранения ее политического и статусного положения. Было остановлено исполнение государством своих основных функций. Не по тем или иным объективным причинам, а по субъективному решению высших носителей власти оно перестало осуществлять функции посредничества, ушло из сферы управления и отказалось от исполнения функции подавления, принуждения несогласных к соблюдению

Конституции, законов и общепринятых норм взаимного существования.

В СССР функционально перестала существовать власть — а отсутствие власти означает отсутствие государства.

* * *

Еще раз — то, о чем речь шла изначально.

Страну разрушило не признание права наций на самоопределение, а мифологизация понимания как самоопределения, так и «многонациональности».

Просто нужно признать честно — не было в стране пятнадцати наций и полутора сотен народностей.

В стране в основном сложилась одна нация: нация проживающих в единой стране с границами СССР, обладающих одной историей. Живущих в условиях единого хозяйственного комплекса, имеющих общее государство и право на него как на свое государственное самоопределение — и говорящих на русском советском языке.

И были остатки старых атрофирующихся и умирающих квазинаций. Не признающие этот язык родным, но находящиеся в меньшинстве в составе каждой из именных «социалистических наций».

И проблема была не в том, чтобы отрицать право нации на самоопределение. А в том, чтобы понять, кто в этот момент нацией *был* — а кто себя ею *провозглашал*.

Сергей Сергеев

РУССКОЕ И РУССКО-СОВЕТСКОЕ

ЗАМЕТКИ АНГАЖИРОВАННОГО ИСТОРИКА

Одна из характернейших черт современных дискуссий о наследии СССР — фантазийные ретроспекции, которым с одинаковым увлечением предаются как отрицатели, так и апологеты Красной империи. Первые уверенно доказывают, что все достижения «советской цивилизации» прекрасно были бы реализованы и без коммунистической революции с реками крови и тоталитарным режимом (а потому нечего по этим утраченным или утрачиваемым достижениям плакаться). Вторые — с неменьшей убедительностью разъясняют, что, увы, без указанных неприятных вещей никаких модернизационных прорывов Россия бы не совершила (а потому большевистские «перегибы» в целом следует признать оправданными; радикальный вариант — они и в будущем могут служить нам образцами мудрой государственной политики).

Сколь бы ни были эффектными и перспективными подобные дискурсивные практики, я, к сожалению, не могу к ним прибегнуть, ибо, как историк, привык рассуждать только о том, что *было*, а не о том, что *могло произойти* (впрочем, среди авторов, пробавающих фантазийными ретроспекциями, нередко попадаются и мои коллеги по цеху, но пускай это остаётся на их совести — интеллектуальной, разумеется). А потому в своих беглых заметках я намерен следовать *только фактам*.

***

Безусловно, Октябрь 1917 года — катастрофический срыв русского на-

циостроительства, которое активно развёртывалось в начале прошлого столетия. Да, надо признать, что ранее оно шло слишком медленными темпами, динамика его могла быть более быстрой. И в этом виноваты не только объективные обстоятельства, но и субъективные — прежде всего, позиция императорского Дома Романовых, который только с Александра Третьего стал всерьёз ставить себе целью создание в России собственно национального государства, да и позднее реализовывалась эта цель не слишком последовательно. Немалая доля вины лежала и на главном привилегированном сословии империи — дворянстве, которое, с одной стороны, русское нациостроительство инициировало, с другой — из-за своих узкокорыстных интересов — подрывало, препятствуя созданию массового слоя крестьян-собственников, а только последний и мог в тогдашней России стать гарантом успешного завершения этого процесса.

Тем не менее русский нацибилдинг шёл поступательно и в 1900-х гг. явно убыстрялся, о чём неопровержимо свидетельствуют такие знаковые преобразования как столыпинская земельная реформа и введение всеобщего начального образования в 1914 г.

Революция и Гражданская война раскололи русский этнос: на одной стороне оказалась социальная, политическая и культурная элита (всего несколько процентов — 5–10, не более), которая и аккумулировала в себе национальную идею, на другой — огромное море только-только

начинавших вовлекаться в нациостроительство социальных низов, стихийный бунт которых сумела оседлать интеллигентская секта радикальных марксистов-большевиков с сильным инородным (прежде всего еврейским) компонентом и отчётливым русофобским дискурсом. «Низы» не то что были сторонниками большевизма, но большевизм поддержали и приняли, ибо он дал им то, что они хотели больше всего, — мир и землю.

В своё время я сформулировал внешне парадоксально звучащий афоризм: наша Гражданская война — это *война нации и народа*. Но на самом деле парадоксального здесь не так уж много, если вспомнить, что слово «народ» в русской общественной мысли утвердилось преимущественно за низшими слоями населения, грубо говоря, плебсом. В результате победы «народа» и целенаправленной репрессивной политики большевиков «нация» была либо уничтожена, либо — эмигрировала, либо вынужденно мимикрировала при новом строе. В 20-х — первой пол. 30-х гг. в СССР из русских точно делали не нацию, а некое безнациональное орудие, специально предназначенное для создания и обслуживания совершенно нового мира, «новой исторической общности», в которой предполагалось «без России, без Латвий жить единым человечьим общежитьем» (эта политика касалась практически только русских, у большинства других народов Советского Союза национальное сознание, наоборот, целенаправленно конструировалось и культивировалось).

Антирусская политика правящего режима СССР той поры слишком хорошо известна, чтобы на ней подробно останавливаться¹. Но диалектика

¹ Приведу только одну показательную цитату из записных книжек 1926 г. известного советского литературоведа Лидии Гинзбург, человека из вполне «просоветского» круга Тынянова, Шкловского, Эйхенбаума:

истории — штука тонкая. И получилось так, что сугубые интернационалисты, мечтавшие «расплавить» даже памятник Минину и Пожарскому (такой призыв содержался в стихотворении 1930 г. пролетарского поэта Джека (Якова) Алтаузена), волею некоторых исторических обстоятельств внесли немалый вклад в русское нациостроительство.

О том, как это происходило, хорошо рассказал современный американский историк Д. Бранденбергер в своей основанной на тщательной работе с архивами монографии «Национал-большевизм», посвященной культурной политике Сталина 30-х гг.

Национал-большевистский поворот советского руководства к русскому патриотизму есть следствие неожиданного для вождей «первого в мире социалистического государства» зигзага истории. Первоначально сей поворот был делом тактики, а не стратегии. Дело в том, что в конце 20-х гг., когда возникла некая смутная угроза интервенции капиталистических держав против СССР, агентурные сводки секретных сотрудников давали совершенно чудовищные данные, что народ

«У нас сейчас допускаются всяческие национальные чувства, за исключением великороссийских. Даже еврейский национализм, разбитый революцией в лице сионистов и еврейских меньшевиков, начинает теперь возрождаться политикой нацменьшинств. Внутри Союза Украина, Грузия фигурируют как Украина, Грузия, но Россия — слово, не одобренное цензурой, о ней всегда нужно помнить, что она РСФСР. Это имеет свой хоть и не логический, но исторический смысл: великорусский национализм слишком связан с идеологией контрреволюции (патриотизм), но это жестоко оскорбляет нас в нашей преданности русской культуре».

Можно себе представить накал тогдашней русофобии на государственном уровне, если даже левых евреев-филологов, искренне лояльных «партии и правительству», от неё корбило...

не хочет воевать за советскую власть, что идут разговоры: мол, и прекрасно, если придут иностранцы и свергнут её, — и это практически всеобщее народное настроение. Таким образом, вся «пролеткультовская» культурная политика большевиков, направленная на создание у русских новой безнациональной идентичности советского человека, просто провалилась.

Это посеяло панику в головах большевистских вождей, и они стали разрабатывать новые культурные стратегии. Сначала попытались создать собственно советскую, пусть недлинную, историю (ранее историю, как таковую, упразднили ведь вовсе) — революция, Гражданская война с соответствующим пантеоном героев; а параллельно с этим — реабилитировать какую-то часть русского национального прошлого. Эти два процесса развивались одновременно, у Сталина и его помощников сперва не было намерения проводить слишком мощную русско-патриотическую компанию. Но затея по созданию пантеона героев революции и Гражданской войны зашла в тупик, ибо во второй половине 30-х гг. последних постоянно отстреливали как «врагов народа», и приходилось всё время что-то переписывать и переделывать. Только что издали определенный том, где прославлены Блюхер и Якир, и вот уже их нет, и нужно эти имена вымарывать! Зато реабилитация русского дореволюционного прошлого сработала очень эффективно (что с полной очевидностью доказывает, насколько национальное чувство естественно и насколько противоестественен интернационализм). В конце концов именно на неё и была сделана ставка.

Таким образом, совершенно не желая того, большевики создали некую старо-новую культурную идентичность — *русско-советскую*. И транслировали её в широкие народные массы, «от Москвы — до самых до окраин». Говоря афористически, в массовом русском сознании Пушкин стал вели-

ким национальным поэтом именно в 1937 г., благодаря празднованию его юбилея на государственном уровне, когда из каждого радиоприёмника, из каждого уличного репродуктора неслись пушкинские строки, а Александр Невский — великим национальным героем в 1938-м, благодаря всесоюзному прокату одноимённого фильма Сергея Эйзенштейна.

Посредством введения всеобщего среднего образования и активной просвещенческой политики в формально антинациональном (для русских) СССР культура русской элиты («нации») наконец-то стала достоянием низов («народа»). И это касалось не только литературы или истории, но даже и таких уж вовсе «элитарных» вещей, как классическая музыка (вспомним замечательный фильм 1940 г. с Сергеем Лемешевым «Музыкальная история», рассказывающий о том, как простой парень-таксист становится оперным певцом, приобщаясь к наследию Чайковского и Римского-Корсакова, — и ведь действительно было немало сходных реальных биографий).

Понятно, что большевики сильно купировали дореволюционную культуру, а дозволенное стремились интерпретировать в духе своей идеологии, но у культурной рецепции своя логика — Суворов, Толстой, Глинка или Суриков из-за своего масштаба не могли быть просто «инструментами» режима, они начинали «работать» самостоятельно.

Великая Отечественная война ещё более усилила эту тенденцию, поскольку было ясно, что для спасения страны нужно обращаться не к интернационалистским химерам, а к русскому патриотическому чувству². И как

² Чего хотя бы стоит знаменитое симоновское стихотворение 1941 г. «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...» с его каким-то сакрально-заклинательным и количественно просто зашкаливающим использованием слова «русский» и полным отсутствием слова

бы потом советская идеология ни пыталась отойти назад (при Хрущёве, например), «русоцентризм» (термин Бранденбергера) в ней сохранялся до самого конца СССР.

Итак, советская власть не была властью русской и не ставила себе целью создать русскую нацию, но она создала очень важный элемент нациостроительства, который и сегодня ещё не утерян, — русско-советскую культурную идентичность. Без этого элемента не было бы возможно появление и существование ни «русской партии», ни «почвеннических» литературных журналов 60–80-х гг., без чего, в свою очередь, не знаю, был бы возможен и современный русский национализм (хотя он во многом и построен на отрицании русско-советского наследия, но это обычная межпоколенческая диалектика)?

Кроме того, большевистская модернизация воленс-ноленс решила и другие задачи нацибилдинга для России: 1) отменила сословные перегородки и 2) создала социальную основу любой нации — обширный средний городской класс. Говоря словами Вадима Цымбурского, в России произошла «городская революция», которая «поставила на место общества аграрно-сословного... массовое общество “новой демократии”... материал, из которого за большевистские годы начинает сгущаться, оплотняться корпоративно-городской строй».

Да, всё это могло быть сделано другими (более чистыми) руками и другими (менее кровавыми) методами, но получилось так, как получилось. *Это факты.*

«советский». На мой взгляд, в самой строго избранной антологии русской националистической лирики это стихотворение должно быть. Или вспомнить фильм Ивана Пырьева «Секретарь райкома» (1942), где финальная схватка партизан с фашистами символически происходит в православном храме.

* * *

Но не менее факты и другое.

Русское нациостроительство для большевиков — на всех этапах их правления — было, образно говоря, незапланированным ребёнком, исторической (и не слишком желательной) случайностью. И любое поощрение русского чувства, мысли или дела «сверху» всегда преследовало исключительно прагматические, инструментальные цели. Было понятно, что с помощью только одного кнута всё время держать русских в положении главной рабочей лошадки СССР не получится, нужны и пряники, но не слишком много, а то как бы лошадка не захотела ездить сама, «по своей глупой воле». Поэтому русский фактор «использовался в той мере и в тех пределах, в которых это укрепляло базовые принципы режима (монополярная власть партии, коммунистическая идеология) и способствовало осуществлению главных государственных приоритетов...» (Татьяна и Валерий Соловыи).

Поэтому вовсе не случайно, а совершенно логично коммунисты, одной рукой создавая очень важные предпосылки русской нации, другой — под корень её подрывали. Именно они институционально создали украинскую и белорусскую нации, похоронив тем самым лелеемый несколькими поколениями русских националистов проект Большой (восточнославянской) русской нации. Но главное, большевистская политика самым радикальным образом лишила русских *собственности* и *политической субъектности*, без чего полноценной нации не может быть по определению.

Часто говорят, что большевики в своём инструментально-прагматическом отношении к русским просто пользовались рабочими схемами Романовых. Отчасти это так. СССР (в особенности послевоенный) никак нельзя назвать осуществлением чаяний классиков социал-демократии, зато Российской империи «первое в мире социалистиче-

ское государство» подражало (когда осознанно, а чаще — бессознательно) во многих отношениях³.

Основой Российской империи, унаследованной и преумноженной Советским Союзом, была система, суть которой блестяще определил В.О. Ключевский: «Государство пухло, народ хирел». Следует только уточнить — «хирел» *русский* народ, за счет которого государство и справляло свои геополитические и модернизационные триумфы. Хорошо известны цифры, подтверждающие этот тезис⁴.

Еще важнее то, что государство — и имперское, и коммунистическое — делало все возможное для уничтожения у русских даже намек на институты национального самоуправления. Русские должны подчиняться непосредственно государству, им не положено иного коллективизма, чем тот, который спускает сверху власть. У них, как у народа, на котором держится основание империи, вообще не может быть других интересов, кроме «державных».

³ Например, в опоре на этнокорпорации «нацменьшинств» в противовес русскому большинству, о чём я неоднократно писал на страницах «ВН». Недавно наткнулся на сходный вывод известного английского историка-русиста: в СССР 20–30-х гг. евреи «в известном смысле... заняли место немцев в царской администрации как этническая группа, обладающая влиянием, непропорциональным своей доле в составе населения, что стало возможным благодаря их более высокому уровню образования и сильной преданности правящей системе» (*Хоскинг Джеффри*. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М., 2012. С. 185).

⁴ Налогообложение великорусских губерний в Российской империи в сравнении с иногородскими окраинами было больше в среднем почти на 60 %. Даже на закате советской эпохи, занимая первое место по промышленному производству, РСФСР по душевому доходу стояла только на 10-м месте среди пятнадцати советских республик.

Но нужно, однако, чётко оговориться: такая массовая «этатизация» русских, которая была осуществлена в СССР, императорской России и не снилась даже в самые мрачные времена, — хотя бы потому, что она для неё была невозможна технически. А уж если говорить о начале XX в., то очевидно, что русское самоуправление и самодеятельность (в широком смысле слова) прогрессировало — Дума, земство, кооперативное движение, всевозможные научные и культурные общества... Всё это росло именно снизу, и бурно росло!

В результате же целенаправленной и систематической советской формовки наиболее распространенным типом русского человека сделался (и, в общем, остаётся таковым до сих пор) абсолютный этатист, который может совершать поистине чудеса трудолюбия, организованности и мужества, но только под чутким руководством строго начальства.

Так что, как ни крути, а за Путина и «путинизм» мы должны благодарить в первую очередь СССР, старательно давивший (и таки раздавивший) своей железной задницей любые проявления русской самоорганизации. В том числе, кстати, и собственно «советы», чьё имя присвоила убившая их власть, и настоящие, а не липовые рабочие профсоюзы.

Сегодня именно этатистская русско-советская идентичность заставляет миллионы русских людей (в основном) пассивно поддерживать политический режим, их же и уничтожающий. Грубо говоря, советское начальство ездило на русских, не давая им никакой свободы, но взамен «опекало» их, гарантировало им какой-никакой «порядок». Новое — также ездит на них и не даёт свободы, но вместо «порядка» гарантирует им только «организованный хаос», в котором атомизированные без государственной поддержки русские неизбежно проигрывают иноэтничным

кланам с многовековым опытом внутренней солидарности.

Путин и путинцы «как бы намекают», посылают сигналы русско-советским массам: дескать, потерпите ещё немного — и всё вернётся на круги своя. Ностальгия по СССР сегодня политически выгодна прежде всего правящему режиму, недаром его идеологическая обслуга типа Кургиняна её так активно подогревает, ибо единственной практической проекцией этой ностальгии является бесконечное инфантильное «ожидание Годо» — нового Отца народов, который придёт и «сделает как надо».

Пока у наших людей не наступит трезвое осознание того, что «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», пока они не поймут, что начальство в советском формате не вернётся *никогда*, так и будем сидеть в том прекрасном месте, в котором сидим. Поэтому современный русский этатизм возможен лишь как фарсовая имитация былой высокой трагедии. Чем, собственно, и пробавляются нынешние охранители...

* * *

У русских сегодня выбор небогаты: жить иллюзиями и потихоньку исчезать с лица своей земли, замещаясь «трудолюбивыми мигрантами», или переломить имперско-советскую традицию и самим создать себя заново как самостоятельный и самоуправляющийся субъект политики — русскую демократическую нацию. Для этого «коренником» русской тройки должен стать совсем иной тип русского человека, чем его русско-советский извод, тип, который било и истребляло, но все же не сумело извести под корень советское начальство — тип самостоятельного и деловитого, не нуждающегося в государственной указке *хозяина*. Но, конечно, без отталкивания от этатистского стержня русско-советской идентичности это невозможно.

Поэтому мне странно читать у не-

которых записных народолюбив притензии к националистам, «отвергающим ценности большинства своего народа». Что же теперь нам — вместе с этим большинством испытывать бесконечный оргазм по поводу сталинского «тоста за русский народ» при забвении того, что в 1951 г. колхозник в Смоленской области получал за трудодень 890 г зерна и 17 коп. денег, а в Таджикистане такой же колхозник — 2 кг 400 г зерна и 10 руб. 5 коп.; при забвении того, что через несколько лет после этого тоста будет «Ленинградское дело», в результате которого за робкие мечтания о равноправии России внутри СССР более двухсот русских коммунистов были расстреляны или посажены?..

Русско-советская идентичность, разумеется, не может быть просто отменена, ибо она базируется, во-первых, на привычках сознания, воспитанных десятилетиями, а во-вторых, на социально-экономическом, «бюджетном» бытии большинства русских. Эта идентичность никуда не денется и в гипотетическом Русском национальном государстве, но там она не может быть преваляющей по определению. *В любом случае с ней необходим серьёзный диалог*⁵.

Русско-национальные и русско-советские — *разные* русские, но и мы, и они — *русские*. Им, как людям тоталитарной закалки, вольно этого не понимать, нам, национал-демократам, стоящим на тезисе, что внутри нации возможны самые разные идеологические предпочтения, этого не

⁵ Хотя очевидно, что лёгким он не будет, причём не только по вине националистов. Вот как, например, откликнулся один активный пропагандист русско-советских ценностей на круглый стол в «Литературной газете» с участием Крылова, Севастьянова и автора этой статьи: «Авторы дали развернутый материал для русофобов... Спорить с авторами бесполезно: они чужие для советского русского человека» (<http://www.lgz.ru/article/16089/>).

понимать непростительно. Проблема крайне сложная: с одной стороны, националисты (во всяком случае, национал-демократы) не могут согласиться с основными постулатами русско-советской идеологии, с другой — именно как националисты они не имеют права игнорировать тот гигантский социальный слой, который эти постулаты разделяет.

Для националистов я вижу только один выход из этой тяжёлой дилеммы: *не отрицать огульно всё советское наследие*, тем более не заниматься пошлым зубоскальством, а попытаться переформатировать его «под себя», возможно, это поможет навести хоть какие-то мостики между *нами и ними*.

Во-первых, это, конечно, касается наличия социальных требований в наших программах, к которым русско-советские гораздо более чувствительны, чем к собственно национальным. Не обязательно облекать их в советскую фразеологию, суть дела, когда она изложена ясно, скажет сама за себя. А во-вторых, нельзя превращать историю СССР в сплошной мрак и ужас, в ней необходимо *«русифицировать» всё, что поддаётся «русификации»*.

Скажем, тот же «миф Победы», от которого воротят носы многие национал-демократы. Почему отдавать его власти и охранителям, ведь это же целая эпоха русской доблести! Как националист может отказаться от *такого* советского наследия? Неужели подвиги русских людей, совершённые на той войне, не восхищают вас как таковые, вне зависимости от того, что за власть тогда была в России? Если нет, тогда, может быть, с вашим национализмом что-то не так?⁶

⁶ Один мой коллега и товарищ 1978 г. рождения, вовсе не совпатриот, а, напротив, довольно радикальный «белый» националист, написал мне недавно: «...отторжения к истории после 1917 не было, т.к. был огромный интерес к Великой Отечественной войне. Она

Ибо воинская доблесть — одна из важнейших составляющих национальной идентичности любого народа. При каком бы режиме она не проявлялась. При желании можно развенчать и «миф 1812 года» (а действительно: произошла та война в конечном итоге из-за дурацкой внешней политики Александра I; результаты её ничего большинству русских не дали; Бородино — никакая не победа, в лучшем случае — ничья; вообще ни в одной битве Наполеона не разбили и т.д.). Или, тем более, чисто «престижную войну» — Семилетнюю, которая русским уж точно не была нужна. Но может ли человек называть себя русским националистом и не гордиться русской победой над непобедимыми доселе Наполеоном и Фридрихом Великим? И что же — нам теперь зачеркнуть подвиги русского воинства на «чеченских» войнах только потому, что они велись при Ельцине и Путине?

Война — только один (но самый показательный) пример возможности трансформации русско-советского в *собственно русское*.

Да, переформатирование русско-советского наследия — задача многотрудная, но, несомненно, — творческая и подлинно национальная. Националистам ли бояться нелёгких путей?

P.S. Нечто личное

Это *тоже факты*. Моей микроистории, которая некоторой своей частью также принадлежит к советскому наследию.

Наткнулся недавно на свой юношеский дневник, запись от 14 октября 1985 г. (т.е. мне 17 лет), где я пытаюсь — довольно беспомощно и наивно — сформулировать свои политические воззрения: «К партии и

воспринималась, как событие сугубо национальное. **Собственно образ русского в 1941, который погибает, но не сдаётся — тот национальный миф, который сделал из меня националиста»**.

правительству отношусь с недоверием и скептицизмом. Уверен, что коммунизм невозможен. Социализм же весьма ощутимо пахнет гнильцой. Кроме того, не удовлетворяет ущемление личности, стрижка под одну гребёнку и т.д. Коммунистов ненавижу всеми фибрами души. [Далее опускаю несколько резких выражений.] Большевики ошибались, когда шли на революцию. А сколько крови стоил наш гнилой социализм! Он такой цены не стоит!» Далее в пункте о философских взглядах отмечено: «Немарксист».

На самом деле «антисоветчиком» я стал ещё раньше, где-то году в 84-м, свидетельством чего является текст песни, обличающий ЦК КПСС, написанный мною для школьной рок-группы. Характерно, что мои товарищи его одобрили. А ведь мы были абсолютно далеки от диссидентских кругов, ребята из простых семей — дети рабочих, служащих и военных среднего звена. Мы не читали Солженицына (даже и не представляли, где его можно достать); «голоса», конечно, слушали, но «без фанатизма». Наши «антисоветские» настроения формировались прежде всего из жизненного опыта и разговоров взрослых.

А взрослые говорили много чего... Уже в самом нежном возрасте от своего дедушки по маме, простого русского рабочего Никиты Пафнутьевича Сердцева, я узнал, что «Йоська черножопый лучших людей расстрелял». Невозможно воспроизвести ту горестно-саркастическую интонацию, с которой дед говорил: «Грузи-и-ин! Правил русским народом!» (это к вопросу, что простые русские люди якобы всегда обожали Отца народов). От другого простого русского рабочего — Михаила Фёдоровича Сергеева, моего покойного отца, я узнал о полуголодной жизни в послевоенной рязанской деревни. Более того, отец вообще ненавидел коммунистов, воспринимая всю систему как глубоко несправедливую и тираническую. Своих

друзей, вступивших в КПСС, он при встречах обязательно обличал как приспособленцев и предателей. Так что уже в раннем детстве я понял, что быть коммунистом — стыдно.

Имелся и мой собственный — пусть и небольшой — жизненный опыт, который также не располагал к советофилии. Я был мальчик интровертный, любил в уединении книжки читать, а меня всё заталкивали в «общественную жизнь» (которая, конечно, никакой общественностью и не пахла, а была просто исполнением начальных указаний). Я считал, что с окончанием уроков начинается моё свободное время, но не тут-то было: то классный час, то политинформация, то школьный митинг в поддержку Луиса Корвалана, то какой-то нам не нужный и не интересный «смотр строя и песни», то сбор металлолома, то сбор макулатуры, то какая-нибудь экскурсия — у нас хотели отнять наше личное время по максимуму, и всё это, разумеется, «добровольно», т.е. здесь поражала ещё и беззастенчивая ложь. Это вмешательство в мою частную жизнь раздражало и настраивало против СССР куда больше, чем все разговоры деда и отца и сорока тысяч Солженицыных.

Невозможно было не стать хоть немного антисоветчиком при страшном избытке вранья вокруг. В конце 84-го — начале 85-го, при Черненко, я просто физически ощущал какую-то невероятную духоту повсюду, казалось ложь на лжи сидит и ложью погоняет. Особенно накрывало это ощущение при изучении учебника «Обществоведение», в котором, кажется, не было вообще ни одного слова правды. И как-то все подспудно чувствовали — и взрослые, и подростки, что скоро этому должен прийти конец, так жить нельзя.

А завершила мой курс молодого антикоммуниста русская классическая литература в лице Ф.М. Достоевского. В конце 10-го класса я сразу зал-

пом прочёл «Братьев Карамазовых», «Бесов» и «Записки из подполья» — там я нашёл аргументы, оформившие мои эмоции уже идеологически. (Но, кстати, изданы были эти произведения вполне официальным советским издательством — это к вопросу, удалось ли коммунистам полностью инструментализовать русскую классическую культуру...)

Но, с другой стороны, именно в СССР я выбрал свою профессию — историк — и начал реализовывать этот выбор. И надо честно признать, что первичные условия для этой реализации «в стране победившего социализма» имелись.

Хотя, похоже, сам этот выбор был некой формой эскапизма от окружающей действительности. Где-то от шести до шестнадцати лет меня современность вообще не интересовала, я (т.е. сам, по своей воле, а не по «программе» или «заданию») читал почти исключительно книжки по истории, но характерно, где для меня заканчивалась история и начиналась современность — в 1917 году. Это, разумеется, не было никаким сознательным диссидентством (до него я ещё не дорос), а неким бессознательным отторжением. То, что происходило после 17-го года, мне не нравилось *эстетически*. Кстати, это сохранилось и по сей день — я, как специалист, с удовольствием занимаюсь исключительно дореволюционной русской историей, а экскурсии в историю СССР делаю только по крайней необходимости и без большого желания (недавно в том же мне признался и Олег Неменский).

Но при всём при том в СССР моего детства подобный эскапизм был возможен, за что ему спасибо. Выходило гигантское количество книг о различных эпохах отечественной истории для детей и подростков самого разного возраста.

Скажем, можно было легко убеждать из современности в такую эстетически великолепную эпоху русского

прошлого как 1812 год. Прекрасная детская книжка Михаила Брагина с отличными иллюстрациями Павла Бунина «В грозную пору», подаренная мне родителями на семилетие, которую я читал и перечитывал, думаю, для формирования моей русской идентичности сделала не меньше, чем Достоевский. (Поэтому я был немало удивлён, услышав не так давно по ТВ слова известного современного писателя Алексея Варламова, старшего меня всего на несколько лет, что-де он русским осознал себя только в университете — как такое возможно?) Просмотр набора открыток с портретами героев 12-го года работы Джона Доу был одним из моих излюбленных занятий в возрасте 7–10 лет. Довольно средний фильм 1980 г. про Дениса Давыдова «Эскадрон гусар летучих» тем не менее по сравнению с нынешним историческим кино кажется шедевром, и я лично знаю одного человека, который ходил на него раз десять, выучил оттуда наизусть все романсы на стихи Давыдова и именно под влиянием этого фильма пошёл поступать в Суворовское училище.

Конечно, главную роль в том, что я стал читать историческую литературу, сыграли родители, сразу же заметившие моё увлечение, но ведь и *было что читать!*

И последнее, но не последнее по важности. Как профессионал я реализовывался уже в постсоветское время, трудно сказать, как бы моя судьба сложилась, если СССР продолжал бы существовать ещё лет двадцать, ибо темы, которыми я интересовался как учёный (та же история русского национализма) не слишком приветствовались в советском научном сообществе. Но, так или иначе, поступил я на истфак МГПИ (ныне МПГУ) в 1985 г., окончил — в 1990-м, т.е. моё формальное историческое образование, какое бы оно ни было, — *советское*, и от этого наследия СССР мне было бы грешно и глупо отрекаться.

Дмитрий Павлов

Уроки «Свободы»

28 октября 2012 г. состоялись очередные выборы в Верховную Раду Украины. На первый взгляд они мало чем отличались от предыдущих избирательных кампаний. Уже в третий раз подряд больше всего голосов (30%) набрала Партия регионов, поддерживающая президента Виктора Януковича. Как обычно, победу на выборах ей принесли в основном голоса русскоязычных избирателей индустриальных областей юго-востока страны, а электоральные предпочтения жителей различных частей страны по-прежнему остались антагонистичными. Донецк и Львов продолжают быть неприступными бастионами власти и оппозиции, где противник может рассчитывать на поддержку лишь в пределах статистической погрешности.

По мере продвижения с востока на запад процент сине-белых «регионалов» и их сателлитов-коммунистов постепенно снижается, уступая место различным «оранжевым» оппозиционным силам. Последние в прошедшую избирательную кампанию были представлены сразу тремя крупными политическими организациями — это «Батькивщина», которую возглавляет самая известная украинская заключенная, экс-премьер Юлия Тимошенко, партия «Удар» боксера-тяжеловеса Виталия Кличко, а также всеукраинское объединение «Свобода», ведомая националистом Олегом Тягнибоком.

Именно на «Свободу», неожиданно набравшую десять с половиной процентов голосов, хотелось бы обратить особое внимание. Ведь впервые в высшем законодательном органе молодого постсоветского государства, кото-

рое в России традиционно считается очень близким в цивилизационном, экономическом и культурном отношении, будет представлена полноценная фракция, целиком состоящая из убежденных националистов, в лучшем случае скептически, а часто и резко негативно воспринимающих многовековую историю взаимоотношений Украины с ее «северным соседом», выступавшим в разное время в облике Московского царства, Российской империи, Советского Союза и теперь Российской Федерации. Успех «Свободы» выглядит особенно впечатляюще, если учитывать ее более чем скромные результаты на предыдущих выборах — 0,36% в 2006 г. и 0,76% в 2007 г.

Пятнадцатикратный рост численности сторонников партии, возглавляемой львовским хирургом Олегом Тягнибоком, объясняется несколькими причинами. Во-первых, за этим ростом определенно стоят заслуги руководства, сумевшего за несколько лет превратить довольно маргинальную, даже по львовским меркам, организацию в дееспособную структуру с положительной репутацией, способную решать серьезные политические задачи. Во-вторых, успех националистов прямо коррелирует с процессом распространения и усвоения отдельной от русской украинской идентичности, в том числе и в регионах Левобережья Днепра, традиционно скептически воспринимавших «галицкую» концепцию украинства. В-третьих, очень часто галочка в бюллетене напротив «Свободы» служила формой протестного голосования той части граждан, которые разуверились в способности «старых» партий решать насущные проблемы

страны, являющейся одной из самых бедных стран Европы.

* * *

История «Свободы» насчитывает более двадцати лет и восходит еще к эпохе Перестройки. В октябре 1991 г. во Львове возникла Социально-национальная партия Украины (СНПУ, в 2004 г. переименована в «Свободу») — сравнительно небольшая организация, которая тем не менее сразу же противопоставила себя всем основным игрокам тогдашней украинской политической сцены — как условно просоветским, так и национально-демократическим, объединенным вокруг фигуры лидера «Народного Руха» Вячеслава Чорновола (Чорновила).

В своей программе новая партия прямо задекларировала свою бескомпромиссную позицию: «СНПУ — непримиримый противник коммунистической идеологии, а также политических партий и общественных движений, которые ее пропагандируют и реализуют... Все остальные политические силы СНПУ считает или национал-коллаборационистами — предателями украинской революции, или национал-романтиками — пустозвонками украинской революции». В целях максимально быстрого оздоровления общества предлагалось провести люстрацию, отстранив от власти номенклатуру КПСС и сотрудников КГБ.

Несмотря на столь глобальные задачи, партии не суждено было выбраться из западноукраинского гетто, где националистические настроения были традиционно сильными на протяжении всего XX столетия. Тем не менее именно в этих регионах активистам СНПУ удалось получить первый опыт участия в настоящей политике: несколько ее активистов были избраны депутатами Львовского областного совета. Среди них был и молодой выпускник Львовского государственного медицинского института Олег Тягнибок, который впоследствии станет главным фронт-

меном социал-националистов, ведущим их к новым успехам.

История семьи Тягнибока как нельзя лучше подходила будущему политику-националисту. Его прадед по матери Лонгин Цегельский был депутатом-украинофилом Сейма Австро-Венгрии, принимавшим активное участие в создании Западно-Украинской Народной республики — кратковременного государственного образования, просуществовавшего в Галичине с октября 1918 по июль 1919 г. Его деда — грекокатолического священника Артемия Цегельского — советские карательные органы отправили в ссылку в Сибирь за отказ присоединиться к РПЦ на Львовском соборе духовенства Греко-Католической церкви в 1946 г. Отец политика сумел сделать карьеру в советской спортивной медицине, не вступая в КПСС: в 1982 г. Ярослава Тягнибока назначили главным врачом сборной СССР по боксу.

Одновременно с участием в работе органов законодательной власти Олег Тягнибок принимал непосредственное участие в разработке идеологии СНПУ. В ее основу были положены труды одного из крупнейших теоретиков и практиков украинского национализма Ярослава Стецько, в первой половине 1940-х гг. занимавшего пост первого заместителя Организации Украинских Националистов Степана Бандеры, а впоследствии ставшего одним из лидеров украинской эмиграции на Западе. В частности, ключевое значение для новой партии имела книга Стецько «Две революции», в которой выдвигался тезис о том, что подлинная революция на Украине должна состоять не только в достижении национальной независимости от «московского коммунистического режима», но и обеспечении социальной справедливости для всех членов нации как единого организма.

«Наша революция — всенародная. Мы идем с народом, в котором тесно связаны дело социального освобож-

дения с делом национальной независимости», — писал Стецько. С этой точки зрения для него были неприемлемы крайние формы западного экономического либерализма «laissez faire», которые, по мнению лидера ОУН, являлись не меньшей опасностью для украинской нации, чем большевизм. Заложенная в программу партии компонента борьбы за социальную справедливость в сочетании с антиолигархической риторикой способствовали успехам партии, в том числе и на последних выборах.

Активность Тягнибока в роли общественного деятеля и идеолога обусловила рост его авторитета как внутри партии, так и среди избирателей. В 1998 г. он избирается по одномандатному округу в Верховную Раду Украины, где продолжает работать до 2006 г. Одновременно его избирают главой Киевского отделения СНПУ, а в 2004 г. съезд партии избирает Тягнибока единоличным лидером организации. По инициативе нового вождя, стремившегося к выходу за границы «галицийского гетто», проводится ребрендинг СНПУ: вместо вызывающего отторжение у массового избирателя названия, сочетавшего прилагательные «национальный» и «социальный», на знаменах организации стало фигурировать только одно слово — «Свобода». Именно с этим брендом в массовом сознании и стал ассоциироваться современный украинский политический национализм.

Во время событий «оранжевой революции» в ноябре–декабре 2004 г. «свободовцы» в составе широкой оппозиционной коалиции поддерживали Виктора Ющенко и принимали непосредственное участие в противостоянии на Майдане в центре Киева. После прихода к власти дуэта Ющенко–Тимошенко в январе 2005 г. Тягнибок решил воспользоваться теми возможностями, которые предоставляла ему демократизация политической системы, и двинуть собственную партию

в большую политику. На тот момент «Свобода» обладала целым рядом преимуществ по сравнению с другими националистическими организациями: яркий молодой лидер с опытом «большой политики», не запятанный в коррупционных скандалах, а также наличие хоть и небольшой, но в то же время активно работающей сети региональных отделений.

Поначалу партия практически ничем не выделялась на фоне остальных карликовых политических объединений — за исключением разве что радикальной антироссийской и антикоммунистической риторики. (Например, многие до сих пор помнят о расклеенных в общественном транспорте западноукраинских городов плакатах, на которых был изображен опустившийся алкоголик с подписью «Употребление мата превращает тебя в москаля»). Однако лидеры «Свободы» прекрасно понимали, что на голой пропаганде националистических идей далеко не уедешь, и потому активировали «социальную» компоненту своей идеологии. Ими была разработана и опубликована «Программа защиты украинцев», в которой давался перечень необходимых внутри- и внешнеполитических мер для создания достойных условий жизни жителей Украины. В руководстве организации появляются компетентные, успешно зарекомендовавшие себя в своей профессиональной области специалисты: управленцы, юристы, экономисты, представители академического сообщества. В итоге состав фронтменов «Свободы» приобрел респектабельность и привлекательность, важную для всякой серьезной политической силы.

Немало способствовал росту популярности Тягнибока и его команды смена формата деятельности: если до 2005 г. они занимались в основном идеологическими акциями, которые так или иначе были связаны с историей Украины и с прошлым национального движения, то теперь акцент был сме-

щен на решение актуальных проблем, волнующих простых граждан. Свободовцы организуют просветительские мероприятия, оказывают благотворительную помощь, устраивают спортивные соревнования для детей и взрослых, участвуют в общественных компаниях по решению насущных проблем в сфере ЖКХ, транспорта и экологии. По словам одного из лидеров киевского отделения партии Андрея Ильенко, с которым нам удалось побеседовать лично, только за 2011–2012 гг. его организация провела в столице Украины более двухсот «акций прямого действия», направленных на помощь гражданам в их противостоянии уплотнительной застройке или созданию вредных производств в районе их проживания. Интенсивная работа на местах, которая чаще всего никак не освещалась в центральных СМИ, позволяла завоевывать доверие граждан.

Укрепление репутации «Свободы» как структуры, занимающейся реальными делами, постепенно конвертировалось в значительную электоральную поддержку. В 2006 г., несмотря на крайне низкий результат парламентской кампании, партии удалось создать свою небольшую фракцию в Львовском областном совете. Спустя три года она совершила настоящий прорыв: на досрочных выборах в Тернопольский областной совет «Свобода» набрала 35% голосов, заняв примерно половину мест в региональном законодательном собрании. В 2010 г. партия уверенно победила на выборах в местные советы Львовской, Ивано-Франковской и той же Тернопольской областей, а также сумела выйти за пределы «галицкого гетто», получив представительство в Волинской, Ровенской, Винницкой и Киевской областях.

Перечисленные успехи привели к тому, что к «Свободе» с интересом стали относиться бизнесмены, недовольные засильем в экономике донецкого клана, оказавшегося в фаворе после

прихода к власти Виктора Януковича. У партии появились значительные финансовые возможности. Партнеры по оппозиции, объединявшиеся вокруг фигуры Юлии Тимошенко, все больше стали рассматривать Олега Тягнибока не просто как «пятое колесо» в своей телеге, а как полноценного партнера. Резко увеличивалось число сторонников. По всей Украине стали возникать дееспособные ячейки организации. По данным одного из ее ключевых лидеров, даже в Донецкой области, где идеи украинского национализма пока воспринимаются большинством в штыки, число активистов уже перевалило за 500 человек. Примерно в половине регионов страны местные ячейки стали настолько многочисленными и организационно сильными, что оказываются способными реально влиять на политику местных органов исполнительной власти.

* * *

Благодаря кропотливой повседневной работе своих членов в городах и селах по всей стране «Свободе» удалось превратиться в одну из самых узнаваемых политических партий. Был полностью преодолен имидж «маргиналов», «нацистов» и «проектспойлера». Проведенный автором этих строк в ноябре 2012 г. на улицах Киева мини-опрос нескольких десятков горожан разных возрастов, профессий и материального положения показал, что националисты выглядят в глазах рядовых граждан абсолютно респектабельной силой, которая, несмотря на некоторый радикализм, способна отстаивать их интересы и в принципе вполне достойна того, чтобы за нее голосовать. Что примечательно, ни один мой респондент не назвал «свободовцев» экстремистами или фашиствующими фанатиками.

Венцом многолетних усилий Тягнибока и его команды стал успех на парламентских выборах осени 2012 г. В результате прошедшие по партий-

ному списку в одномандатных округах кандидаты от «Свободы» образовали фракцию в Верховной Раде численностью 37 депутатов. Некоторые мандаты были получены в буквальном смысле в бою с представителями провластного олигархического бизнеса.

Например, в одном из избирательных округов Киева основным претендентом на место в Верховной Раде была секретарь городского Совета, миллионерша и владелица крупной сети супермаркетов Галина Герега. Ей противостоял молодой 25-летний активист из партии «Свобода» Андрей Ильенко. Денег у него особых не было — зато была большая команда единомышленников, помогавших вести агитацию среди местных жителей.

И произошла сенсация: молодой националист взял верх над мини-олигархом из чиновничьей номенклатуры. Как установила участковая избирательная комиссия, Ильенко занял первое место, опередив свою соперницу всего на 191 голос — это примерно 0,2%. Успех, однако, достался ему нелегко: за каждый бюллетень в прямом смысле шли настоящие бои. Когда наблюдатели сообщили о готовящихся фальсификациях в пользу провластного кандидата, оппозиционер призвал своих сторонников прийти к зданию, где располагалась избирательная комиссия.

По сообщениям СМИ, противостояние на участке длилось более суток. К окружному в итоге прибыло око-

ло двухсот человек — сторонников Ильенко, однако сюда же подтянули и 3 автобуса с бойцами «Беркута», которые заблокировали здание, куда пытались прорваться «свободовцы».

Драки между националистами и правоохранителями продолжались до позднего вечера. Главный киевский «свободовец» Андрей Мохник пригрозил, что, получив мандат депутата Верховной Рады, будет инициировать отставку командира «Беркута» без денежного довольствия — и комиссия наконец дрогнула: голоса пересчитали. В итоге было зафиксировано микроскопическое преимущество Ильенко. Его, впрочем, хватило, чтобы этот молодой политик смог занять кресло депутата высшего законодательного органа Украины.

Заслуживающим внимания является и тот факт, что «Свобода» преодолела пятипроцентный барьер во всех городах Восточной Украины, кроме городов Донбасса и Крыма. В столице государства, где проживает наиболее образованная часть общества, результат был и вовсе феноменальным — почти 18%. Это вдвое больше, чем ожидали сами националисты накануне выборов. Столь очевидные успехи националистической партии в постсоветской стране, очень похожей по социальным, культурным и ментальным особенностям на Российскую Федерацию, на наш взгляд, делают ее опыт чрезвычайно интересным и для различных течений русского национального движения.

ВСЕВОЛОД ШИМОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПАНРУСИЗМА

Важным элементом становления идентичности любой нации является определение собственных территориальных пределов, разграничение «своих» и «чужих» территорий. Это порождает многочисленные коллизии, когда на одну и ту же территорию претендует сразу две или более формирующихся наций либо на какой-то территории, которую нация считает «своей», вдруг вспыхивает сепаратистское движение, стремящееся к национальному обособлению.

Русское самосознание как раз переживает такую драму, связанную с утратой территорий, которые воспринимались как «исконно русские», но были «отвоеваны» новыми национал-сепаратистскими движениями. Речь идет об Украине и Белоруссии. Еще столет назад формирование национального проекта, включающего весь этнический ареал восточных славян (Олег Неменский придумал для этого проекта очень удачное определение «панрусизм»; им мы и будем пользоваться в дальнейшем), выглядело вполне реальным. Исторические пертурбации XX в. внесли свои коррективы: в понятие «русские» стало включаться только коренное восточнославянское население Российской Федерации, Белоруссия и Украина обрели суверенитет как национальные государства отдельных славянских народов. Но это еще вовсе не означает окончательного торжества белорусского и украинского национальных проектов, антирусских в своей основе, и ставить точку в истории панрусизма определен-

но рано. Однако прежде всего нелишне разобраться в причинах его предшествующих исторических неудач.

Разорванная Русь, раздробленная русскость

Представления о великорусах, малорусах и белорусах как частях единого русского народа основаны на предании о Киевской Руси как источнике государственной, религиозной и культурно-языковой традиции, общей для всех восточных славян. В основе русскости в этом понимании лежит мифология, связанная с государственной и церковной традицией, заложенной княжеским домом св. Владимира. Русская культура как сложный и многогранный феномен формировалась на основе «русской веры» — заимствованной Рюриковичами византийской версии христианства, адаптированной к местным реалиям (использование церковнославянского в качестве богослужебного языка, формирование корпуса местночтимых святых и связанных с ними преданий, резко выделяющих «русскую веру» среди других разновидностей православия).

Русская вера и связанная с ней культурная традиция стала тем плавильным тиглем, который постепенно преобразовывал конгломерат разношерстных славянских племен в единое политическое, конфессиональное и культурно-языковое сообщество — Русь. Рождается Русский Миф в его изначальном виде — достаточно централизованный

и унифицированный: общая государственность (здесь важна не реальная Киевская Русь с ее княжескими междоусобицами, а миф, предание о Русской Земле как общем отечестве), единая династия, единая церковь, общий «высокий» язык, Киев как сакральная столица.

Однако процесс этнокультурной консолидации восточных славян Киевской Русью завершен не был. Разгром Древней Руси татарами обусловил растаскивание ее частей между новыми центрами силы, что привело к «разбеганию» осколков Руси, вызреванию новых региональных культурно-языковых традиций на их основе. Этноязыковые различия, существовавшие между различными группами восточных славян и не стертые в древнерусский период, получили возможность оформиться и закрепиться. Важным фактором стали и внешние влияния, весьма разнородные для разных частей Руси.

С этой точки зрения Русь разделилась на два больших пространства — восточное и западное. Восточная Русь, политически консолидируемая и культурно унифицируемая Москвой, формируется в условиях длительного татарского господства и относительной изоляции от Европы. Степень и характер влияния этих факторов по-прежнему остаются предметом жарких споров, однако их значимость для формирования России представляется бесспорной.

Западная Русь, напротив, развивается в условиях все возрастающей экспансии западноевропейской культуры в ее польской редакции. Со своей стороны, это пространство со временем также делится на две половины — северную и южную. Северная окажется в политическом симбиозе с Литвой и станет прообразом Белоруссии. Южная — остатки исторического ядра Древней Руси и обломки сильного Галицко-Волинского княжества, — преобразуется в пограничную с Диким

Подем окраину (Украину) сначала литовского, затем польского государства.

Тем не менее, несмотря на мощные дезинтеграционные процессы, русская идентичность, заложенная в киевский период, никуда не исчезла и продолжала развиваться. Население — по крайней мере, образованные слои, обладающие навыком письменной культуры, — по разные стороны границ, расколовших Русь, продолжают идентифицировать себя как русских, а свой язык — как русский. Однако это была вовсе не однородная и относительно унифицированная «русскость», а набор региональных видоизменений, напластованных на древнерусский фундамент. Так, понятие «русский язык» включало в себя целый веер родственных, но все же разных языковых традиций — наддиалектных письменных койне, разговорных просторечий и т.п. То же самое произошло и с «русской верой». Первоначально единая Русская Церковь в XV в. разделилась на Московскую и Киевскую митрополии, между которыми со временем накопилось немало различий. Позднее к этому добавилась и уния, также презентовавшая себя как «русская вера» и продолжательница киевских церковных традиций. Таким образом, русскими себя называли носители родственных, но далеко не тождественных, а иногда и враждебных друг другу идентичностей (как те же православные и униаты в Речи Посполитой).

В донациональную эпоху подобная пестрота и терминологическая расплывчатость была в порядке вещей. «Русскость» существовала как набор практик, имеющих общее культурологическое основание, но лишенных строгого, унифицированного канона.

Подобный канон потребовался с вступлением восточных славян в эпоху национализма, поскольку национальное строительство предполагает высокую степень культурно-языковой унификации. По сути дела, конфликт

между панрусизмом, с одной стороны, и белорусским и украинским национализмом — с другой, сводится к вопросу, возможен ли такой единый (общерусский) канон для всех восточных славян или нет.

Структурирование русскости в национальную эпоху

Национальная эпоха потребовала упорядочивания и структурирования самого понятия «русскости», а также установления четкой системы взаимоотношений между разными группами восточных славян — «русских». В итоге возник ряд альтернативных проектов, которые можно условно разделить на три «идеальных типа».

1. Москвоцентричный панрусизм. К середине XIX в., когда в восточнославянском мире запускаются процессы национального генезиса, баланс потенциалов между Западной и Восточной Русью отчетливо сместился в пользу последней. Российская империя, выросшая из Московского царства, была на тот момент самым успешным как политическим, так и культурным проектом. Именно с высокой культурой Российской империи начинают ассоциироваться «канонические» представления о русскости.

Напротив, Западная Русь фактически не выдержала конкуренции с польской культурой в рамках Речи Посполитой. Аристократические слои — носители «высокой» культуры — были здесь тотально ополочены, «русскость» постепенно низведена на уровень «попа и холопа». Однако польское влияние на Западную Русь нельзя воспринимать сугубо негативно. В XVI–XVII вв. в Речи Посполитой наблюдался взлет западнорусской культуры, чему немало поспособствовало и польское влияние. «Польша 15–17 века представляла такой пример развития школы, ученых и литературных

интересов, какого не бывало в русских землях: ни в Москве или Новгороде, ни в Киеве, ни в Вильне. Россия 16 в. едва выступала из мрака, принесенного татарским игом; образованным иноземцам она казалась страной варварской и по нравам, и по отсутствию ученых школ, о котором почти неизменно упоминают иностранные путешественники того времени. Польша в этом отношении, напротив, шла в уровень с западной Европой: она приняла деятельное участие в движении гуманизма, в истории которого имела своих знаменитых представителей; в нее перешло и то религиозно-научное возбуждение, какое сопровождало реформацию»¹.

Влияние более сильной польской культуры, а также ее привилегированное политическое положение в конечном счете погубили западнорусскую традицию, однако в XVI–XVII вв. она все же получает мощный импульс для своего развития, заимствуя польские и — шире — западноевропейские культурные формы. Эта «вестернизированная» западнорусская культура в XVII–XVIII вв. в значительной степени повлияла на процессы, происходившие в России. Притеснения западнорусского православного населения в Речи Посполитой побуждали многих западнорусских деятелей эмигрировать в Москву. Западнорусские влияния в значительной мере подготовили реформаторскую деятельность Петра I и определили культурный облик пореформенной России.

«Известно, что русская юго-западная (т.е. западнорусская. — В.Ш.) школа получила, наконец, большое влияние в самой Москве, несмотря на подозрительность московских руководящих людей ко всему, что носило какой-то западный, действительно или мнимо латинский оттенок, — и впоследствии это влияние отразилось видной полосой в ходе нашего образо-

¹ *Пытин А.Н.* История русской этнографии. Минск, 2005. С. 16.

вания в 18 веке: наша духовная школа сохраняла почти до наших дней следы своего юго-западнорусского источника в латинском духе. В конце 17 века, накануне Петровской реформы, в жизни московской России несомненно готовилось и частью совершалось своего рода преобразование под влиянием этой юго-западной школы, — преобразование, затертое и заслоненное потом более широкой и радикальной реформой Петра, но давшее и самому Петру подготовку и многих исполнителей для его планов»².

Таким образом, «новая» русская культура, сложившаяся в петровской России, не была чисто великорусской по своему генезису, получив мощную западнорусскую прививку. Это позволило многим национальным деятелям Западной Руси провозгласить ее продуктом совместного творчества всех частей Руси, а значит, общерусской. Характерно, что такое понимание русскости получило распространение не только на восточнославянских землях в составе России, но и в Галичине и Карпатской Руси, находившихся под властью Австро-Венгрии, где в XIX в. развивается довольно сильное «москвофильское» движение.

Однако новая русская культура, несмотря на свое синтетическое происхождение, оставалась все же московско- и петербургоцентричной, основанной на историческом мифе России, ведущей свой генезис от Московского царства. Понятие «русского» в этой традиции ассоциировалось прежде всего с Великороссией, а традиции Западной Руси не получали должной артикуляции и осмысления в общерусском контексте, маргинализировались и вытеснялись на периферию русского сознания.

2. Панрусский регионализм. Как реакция на москвоцентризм в Западной Руси развиваются регионалистские тенденции. Первоначально

западнорусский регионализм не ставил под сомнение идею единого русского народа и русскую «московско-петербургскую» культуру как основу национальной консолидации. Однако регионалисты стремились артикулировать западнорусское своеобразие, сделать присутствие западнорусского компонента более значимым в общерусском национальном поле. Эту тему подробно рассматривает на примере раннего украинофильства Олег Неменский³.

В аналогичном русле, однако с гораздо менее выраженными в сравнении с украинофильством автономистскими тенденциями, развивалось западнорусское движение в Белоруссии⁴. В рамках этих движений осуществлялось активное изучение этнографического, языкового и культурно-исторического своеобразия белорусско-украинских земель. Под влиянием региональных движений формируется представление о русском народе как о национальном триединстве велико-, мало- и белорусов. Эта формула получила официальное признание и была, в частности, зафиксирована во Всероссийской переписи 1897 г., где русские были разделены на три языковые группы — великорусов, малорусов и белорусов.

Белорусский и украинский (малорусский) языки воспринимались как провинциальные региональные вари-

³ Неменский Олег. «Чтобы быть Руси без Руси» // Вопросы национализма. 2011. № 5. С. 79–94.

⁴ Западнорусизм как термин обычно используется для обозначения регионального русского движения в Белоруссии. Само понятие «Западная Русь» может истолковываться двояко. В широком смысле Западная Русь — вся совокупность исторических русских земель, находившихся под властью Литвы и Польши, т.е. земли современных Белоруссии и Украины (без Новороссии). В узком смысле Западная Русь — это только Белоруссия, противопоставляемая Украине как Южной или Юго-Западной Руси.

анты общерусского языка, литературным общенациональным стандартом которого считался «новый» русский литературный язык, рассматриваемый как продукт совместного творчества «трех русских племен». При этом, однако, вполне допускалось развитие провинциальных литератур на местных наречиях.

Вот как, в частности, формулировал свой взгляд на соотношение белорусского и русского литературного языков западнорусский лингвист и этнограф Е.Ф. Карский: «Литература белорусская, отличающаяся жизненностью, как провинциальная, будет существовать и развиваться. Что же касается белорусского языка, которым говорит простой народ, то, желая ему всякого процветания в будущем даже до мирового значения, я по вопросу о введении его сейчас в науку как языка высшего и даже среднего преподавания держусь приблизительно такого же взгляда, какой был высказан в последнее время и одним беспристрастным поляком (проф. И.А. Бодуэном-де-Куртенэ), именно, “что белорусский язык столь близок к языку великорусскому, что ему вряд ли удастся удержаться рядом с этим последним. Для нужд изящной литературы и для нужд науки белорусы будут, вероятно, пользоваться и впредь языком, выросшим на великорусской почве” — прибавим от себя — не без участия других русских наречий, в том числе и белорусского»⁵.

Таким образом, русская идентичность постулировалась регионалистами как двухуровневая, где на верхнем (общенациональном) уровне доминировали «высокие» русская культура и язык, а на региональном сохранялись многие местные этноязыковые особенности. Субъектность отдельных этнических групп восточных славян, таким образом, не уничтожалась, а включа-

лась в общенациональное поле при сохранении некоторой степени автономности.

Однако регионализм подготовил почву для появления более смелых проектов автономизации западнорусских народностей.

3. Белорусский и украинский национализм. Общерусская «москвоцентричная» модель, скорректированная западнорусским регионализмом, в XIX — начале XX в. была, безусловно, наиболее сильной и привлекательной моделью национальной консолидации исторической Руси.

Однако реализация русского национального проекта в Российской империи запаздывала. Прежде всего это было связано с медленной модернизацией и урбанизацией России и, как следствие, запаздывающей национальной централизацией и унификацией, которая обеспечивала бы закрепление общерусского языка, самосознания и форм культуры на массовом уровне. Как следствие, русское пространство продолжало существовать в виде относительно обособленных аграрных регионов, не интегрированных в высокую русскую культуру, которая оставалась атрибутом тонкого слоя городской интеллигенции. Еще одним следствием этого была консервация этнографической пестроты, диалектного и этнографического разнообразия русских регионов.

Плавильный котел общерусского национального строительства так и не удалось полноценно запустить вплоть до 1917 г. Ассимиляционные процессы, конечно, шли, особенно в крупных городах вроде Киева, Харькова и Одессы или динамичных индустриальных регионах, как Новороссия. Однако в целом они были медленными, относительная обособленность русских регионов, консервирующая этнолингвистические различия между ними, продолжала воспроизводиться.

Как следствие, западнорусские ре-

⁵ Карский Е.Ф. Белорусы. Т. 3. Кн. 2. Минск, 2007. С. 648–649.

гиональные идеологии получили неожиданное направление в развитии. Консервация деревенских укладов со всем их этнографическим своеобразием породила у части западнорусской интеллигенции стремление к созданию отдельных национальных культур на белорусско-украинской сельской этнографической основе⁶.

Первоначально эти тенденции развивались в русской парадигме, которая, однако, обретала все более децентрализованный характер. Зазвучали мысли о возможности нескольких форм русскости — нескольких русских народов, нескольких русских языков и литератур и т.п. В качестве примеров рассуждений такого рода можно привести известную статью Н.И. Костомарова «О двух русских народностях», «Историю Украины» А.Я. Ефименко⁷; о существовании трех русских народов высказывался белорусский поэт М. Богданович⁸. В этой системе координат белорусы и украинцы еще рассматривались как русские, но обладающие особой формой русскости, имеющей право на самостоятельное национальное развитие. Белорусский и украинский — языки русского корня, но способные развиваться самостоятельно, наравне с русским литературным.

Реконструкция в Западной Руси форм русскости, альтернативных общерусскому «москвоцентричному» канону, неизбежно вскрывала проблему не только различий между разными частями Руси, но и нередко конфликтного характера взаимоотношений между ними. Вот как, например, описывал взаимоотношения между «западными» и «восточными» формами русско-

сти А.Н. Пыпин: «В 17 столетии тип юго-западного человека носил свои определенные черты, которые видимо отличали его от человека московского. На юге долгими историческими судьбами сложилась целая особая народность, которая для северных русских казалась столь чуждой, что могла даже называться “черкасской”; русские западные люди были “литовские люди”: руководствуясь непосредственным соображением, что русское может быть только такое, какое оно было в Москве, московские люди не думали о том, что это западное русское издавна жило особняком от восточной Руси и тем самым могло приобрести свои несходные черты. <...> Известно, какими недоразумениями и недоверием сопровождалась первые встречи московских людей с учеными киевлянами и белорусами, <...> эти недоразумения являлись и при встречах на месте с населением западного края, напр., в походах царя Алексея Михайловича в “Литву”»⁹.

Рефлексия над застарелыми историческими конфликтами и обидами, реальными или мнимыми (очевидно, что из такой рефлексии зародился, в частности, украинский культ Мазепы), культивирование местных особенностей в противовес доминирующей русской «высокой» культуре — все это формировало предпосылки для полного национального отмежевания белорусов и украинцев от великороссов.

Свою реализацию эти предпосылки находят в контексте российского революционного движения. Революционное отрицание тогдашней российской государственности трансформировалось у части белорусско-украинской интеллигенции в отрицание ассоциировавшейся с империей Романовых русской культуры. В противовес им формируются идеи белорусской и украинской государственности, основанных на местных этноязыковых

⁶ *Неменский Олег*. Национализм городской и сельский // Вопросы национализма. 2010. № 1. С. 49–56.

⁷ *Ефименко А.Я.* История Украины и ее народа. СПб., 1907.

⁸ *Мельник В.* Славянская семья // Беларусь думка. 2004. № 10. С. 146.

⁹ *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 20.

традициях и исторических преданиях, разумеется, противопоставляемых «Москве». Таким образом, если панрусизм рассматривал общерусскую культуру и региональные этноязыковые традиции в качестве взаимодополняющих элементов в рамках двухуровневой системы идентичности, революционные белорусский и украинский национализмы видели в них два взаимоиключающих начала. Местные говоры в глазах белорусских и украинских национал-революционеров превращаются из региональных наречий русского языка в языки народов, угнетаемых империей. Рассуждать о национальном единстве велико-, мало- и белорусов в такой системе координат, очевидно, не имело смысла.

Белоруссия и католический фактор

Среди прочих факторов, способствовавших конституированию белорусского и украинского национализма, следует отметить внешние влияния; о польском и австрийском следе в истории украинского и белорусского движения написано достаточно, поэтому здесь мы на этой теме задерживаться не будем.

Особо следует остановиться на характере польского влияния в Белоруссии, которое имело ряд специфических особенностей. Белоруссия — единственная восточнославянская страна, где имеется заметная католическая диаспора (по разным оценкам, от 15 до 20% населения). Этим Белоруссия отличается от России, где абсолютно доминирует православная церковь, и Украины, где конкурируют несколько форм православия, а также существует униатская церковь, однако все это, по большому счету, является разновидностями и мутациями изначальной «русской веры».

Наличие в Белоруссии большой католической диаспоры, как правило,

объясняют польским влиянием. Действительно, основная масса католического населения проживает в северо-западных районах страны, пограничных с Литвой и Польшей, так что их более высокая полонизация выглядит вроде бы закономерной. Однако возникает вопрос: почему в западных областях Украины, находившихся примерно в тех же культурно-исторических условиях, отсутствует аналогичная диаспора украинцев-католиков (подчеркиваю, речь идет не об униатах, а о католиках латинского обряда)?

Дело в том, что в этническом плане белорусские католики представляют собой специфическую группу, отличную от основной массы белорусов. Исторически северо-западные районы Белоруссии не принадлежали Руси, будучи преимущественно балтскими по этническому составу (об этом свидетельствует и местная топонимика, и фамилии местных жителей)¹⁰ и воспринимавшиеся как часть Литвы. Однако соседство с более развитой и густонаселенной Русью вело к постепенной языковой ассимиляции местного населения. Помимо славянского языка, сюда начинало проникать и православие, однако закрепиться не успело, поэтому при крещении Литвы местное население было в основном обращено в католицизм, очень быстро принявший польский характер. Таким образом, сложилась специфическая этническая группа: балтская (или славяно-балтская) в этнической основе, по языку тяготеющая к белорусам, по конфессии — к полякам.

Именно конфессиональная идентичность долгое время была здесь доминирующей. Местная шляхта стала органической частью польского политического класса и внесла немалый вклад в развитие польской культу-

¹⁰ Весьма распространенными здесь являются фамилии и топонимы с корнем -гуд-. Гудами литовцы называли своих соседей — восточных славян.

ры и государственности. В то же время она имела выраженную региональную идентичность по формуле «рода литовского, нации польской»; местная польская (польско-литвинская) литературная традиция (А. Мицкевич, В. Сырокомля) хорошо отражала этноязыковое и историческое своеобразие региона. Конфессиональная идентификация доминировала и на уровне простого народа: местные католики обычно считали себя поляками, а свой язык — разговорной разновидностью польского. Такая ситуация сохранялась еще в начале XX в. Как отмечал Е.Ф. Карский в 1903 г.: «на вопрос: кто ты? простолюдин отвечает: — русский, а если он католик, то называет себя либо католиком, либо поляком»¹¹.

Таким образом, носители белорусских говоров не рассматривались как единое сообщество и в зависимости от исповедания относились либо к русским, либо к полякам. Однако закрепиться этому национально-конфессиональному разделению не удалось, и его постепенно вытесняют представления о белорусах как единой этноязыковой общности вне зависимости от конфессии. Подобные представления имели несколько источников. С одной стороны, их появлению способствовали российские власти и местные русофилы, которые, борясь с польским присутствием в крае, начали активно распространять представления о местных католиках как об ополяченных русских, аргументируя это их языковой общностью с православными. Так, по переписи 1897 г. 56% проживавших в Виленской губернии католиков были отнесены к белорусам на основании языкового критерия¹². Этнограф Е. Карский также определял белорусов как языковую общность не-

зависимо от веры. Таким образом, концепция белорусов-католиков в ее русофильском прочтении была направлена на «пробуждение» у местных католиков русского самосознания и отрыв их от Польши.

С другой стороны, представления о белорусах как этноязыковой общности поверх конфессиональных границ получили поддержку среди части местной католической шляхты. Как представляется, это стало результатом кризиса и распада местной польско-литвинской традиции. Разрушение Речи Посполитой, усиление деполонизаторских мер и русское присутствие способствовали ослаблению связей местной католической общности с польской культурой. В первую очередь это касается мелкой безземельной или малоземельной шляхты, которая находилась в тесной связи с местной крестьянской «почвой».

Мелкая шляхта, формально числясь «благородным сословием», по своему реальному статусу мало чем отличалась от крестьянства, в связи с чем не могла не испытывать комплекс неполноценности по отношению к крупным помещикам-землевладельцам, олицетворявшим в наиболее чистом виде «польское начало» в крае. Противопоставляя себя крупным землевладельцам в социальном плане, со временем многие из шляхтичей пришли и к национальному противопоставлению. Этому немало поспособствовали и распространяемые российскими властями и русофилами представления о том, что говорящие на «простой мове» католики — не поляки, а белорусы, составляющие единую народность с православными. Усвоив представления о своей «белорусскости», шляхтичи-католики вместе с тем сохранили истинно польские предубеждения против России и русских.

Полонизированные шляхтичи составили значительную часть кадрового резерва белорусских националистов. Этим белорусский национализм за-

¹¹ Карский Е.Ф. Белорусы. Т. 1. Минск, 2006. С. 114.

¹² Шимов В. Виленский край: этноконфессиональная проблема // Беларуская думка. 2011. № 1. С. 72–82.

метно отличается от украинского, где осознавшие себя украинцами польские шляхтичи также встречались, но это были единичные случаи.

Сильная католическая составляющая определила то, что белорусский национализм был во многом ориентирован на области с преобладающим католическим населением (т.н. Виленский край) и формировался в основном на этнографическом материале этих областей. Белорусский литературный язык был кодифицирован преимущественно на основе виленских говоров, находившихся под сильным польским влиянием.

«Белорусское национальное движение, хотя и провозглашало объединение всех белорусов, независимо от веры, но в первую очередь все же рассчитывало на католическую часть крестьянства. Это можно подтвердить предисловием одной из авторов “Нашей нивы” (главный печатный орган белорусского национального движения. — В.Ш.) Тётки¹³ к своей книге “Скрыпка беларуская”. Она от имени Гаврилы из Полоцка спрашивает, местное население это поляки или литовцы. Поскольку и те и другие были католиками и четко отличались от православных, то призыв к тому, чтобы население становилось белорусами, был обращен именно к католикам, так как православный не определял себя ни как поляк, ни как литовец. Еще одним подтверждением этого может являться стихотворение “Восень”, в котором при перечислении некоторых мест нахождения крестьянина указывается костел»¹⁴.

Появление концепта белорусов-католиков в конечном счете при-

вело к тому, что при советском национально-государственном размежевании в состав Белоруссии были включены земли с преобладающим католическим населением. Представления о «белорусскости» этих земель возникли достаточно поздно, на рубеже XIX–XX вв.

Национальное строительство по-советски

К 1917 г. процессы национального генезиса у восточных славян находились на весьма ранней стадии. Массового запроса на национализм не было в силу все еще глубокой архаичности общества: основная масса восточнославянского населения проживала в селе и находилась на донациональном уровне сознания. Споры между поборниками разных версий идентичности велись в узком кругу городской интеллигенции. Можно сказать, что национальный вопрос у восточных славян в тот период находился на этапе даже не решения, а только постановки. Решение же в «естественных» условиях, очевидно, заняло бы не одно десятилетие.

Этим ситуация в Российской империи значительно отличалась от, например, Австро-Венгрии, в недрах которой к началу Первой мировой войны уже вызрело несколько вполне развитых наций.

Ситуация резко изменилась в результате крушения империи и прихода к власти большевиков, которые запустили программу форсированного национального строительства. Причем за основу национального строительства у восточных славян большевиками был взят вариант национального сепарирования белорусов и украинцев от великороссов, за которыми, собственно, и закреплялся этноним «русские». До революции этот сценарий представлялся наименее вероятным, поскольку и украинский, и особенно белорусский

¹³ Псевдоним белорусской национальной активистки Алоизы Пашкевич.

¹⁴ Гронский А. Национальный вопрос на страницах газеты «Наша Ніва» (1910 г.) // Западная Русь. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/73-1-ir-1910-.html>

национализм по своему потенциалу и привлекательности очевидно проигрывали панрусизму, за которым стояла мощная культурная традиция вполне европейского уровня. Однако большевики, заклеив панрусизм как «русский великодержавный шовинизм», объявили его своим врагом, призвав в союзники немногочисленных, но пассионарных белорусских и украинских националистов.

Таким образом, резкое усиление белорусского и украинского национализма произошло не в силу естественных национально-генетических процессов, а благодаря политическому волюнтаризму большевиков. Белорусская и украинская идентичность насаждалась сверху методами административного нажима в 1920–1930-х гг. в рамках политики «коренизации». Однако искусственность и слабость обоих национальных проектов привели к тому, что они так полноценно и не прижились. Интенсивные урбанизационные и модернизационные процессы, протекавшие в рамках СССР, так и не привели к созданию полноценной белорусской и украинской национальной городской культуры. Становление городской культуры происходило на базе преимущественно русского языка. Это стало наглядным подтверждением того, что устойчивую языковую идентичность белорусам и украинцам привить так и не удалось, и в процессе перемещения в города они быстро и легко отказывались от своих деревенских говоров в пользу более престижного русского языка.

Белорусский и украинский языки, само существование которых поддерживалось замкнутостью и изолированностью сельского образа жизни, стремительно утрачивали почву в условиях урбанистической цивилизации, жившей в ритме Большого культурного пространства. Эту печальную для себя ситуацию вынуждены были признавать и многие белорусско-украинские националисты. Вот что, в частности,

писал «корифей» белорусской литературы Василь Быков о судьбе белорусского языка: «Будучи рожденным на сельских, лесных просторах, многие столетия выражавший душу и дух белорусского крестьянства, этот язык плохо адаптируется к новым, далеко не крестьянским условиям. Великолепно приспособленный к сельской природе, крестьянскому быту, он оказался чужим среди каменных громад города, в бензиновом чаду урбанизированного общества»¹⁵.

Русский язык стал абсолютно преобладающим в сильно урбанизированных областях Белоруссии и Украины, где доля городского населения к концу советской эпохи составляла 70% и выше. В таких местностях городская культура активно влияет и на село, т.к. сельские жители оказываются тесно связанными с городами: у большинства в городах живут дети, многие часто ездят в город за покупками, на заработки и т.п. В итоге сельский язык быстро растворяется в городском, оставляя свой след лишь в речи городских низов и немногочисленных сельчан (феномен смешанных белорусско-русских и украинско-русских просторечий, известных как трасянка и суржик). В зоне подобного типа урбанизации оказалась вся территория Белоруссии¹⁶ и юго-восточные области Украины.

¹⁵ Цит. по: *Коряков Ю.* Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций. Электронный ресурс. Режим доступа: http://lingvarium.org/ling_geo/belarus/LSB-4.shtml

¹⁶ Любопытно, что культурно-языковая русификация в Белоруссии примерно в равной степени затронула как православных, так и католиков. Как представляется, связано это было с внерелигиозным характером советизированной русской культуры: русскость, ассоциированная с православием, скорее всего вызвала бы в этой среде сильное отторжение и спровоцировала национальную мобилизацию.

В центральных областях Украины доля городского населения колеблется в районе 50–60%, и здесь возникает контраст между преимущественно русскоязычными крупными городами и украиноязычной сельской местностью и малыми городами. Влияние города на село здесь меньше, сельская местность продолжает «вариться в собственном соку», со своей стороны, влияя на малые и средние города.

Наконец, в большинстве западно-украинских городов доля городского населения менее половины, и русскоязычная городская культура здесь так и не сложилась. До присоединения этих областей к СССР города были преимущественно польско-еврейскими; также шло формирование и конкуренция русофильской и украинской традиций. После войны польско-еврейская и русофильская традиции были ликвидированы, города заполнились сельским населением, а нишу интеллектуальной элиты монополично заняли украинские националисты.

* * *

Таким образом, национальные процессы в Белоруссии и на Украине остаются незавершенными. Панрусизм как идеология национального

строительства за советский период был дискредитирован и табуирован. В обоих государствах сложились сплоченные и хорошо организованные националистические сообщества, которые сегодня во многом и задают информационно-идеологический тон (на Украине в большей степени, в Белоруссии — в меньшей).

В то же время большинство населения Белоруссии и значительная часть населения Украины русскоязычны в быту и не испытывают потребности противопоставлять себя русским из России. Русского самосознания русскоязычные белорусы и украинцы в большинстве случаев не имеют, их представления о национальной идентичности неясны и смутны, однако можно говорить о т.н. «бытовом русофильстве» — стихийном, без национальной рефлексии выборе в пользу русского языка и культуры. Носители общерусского сознания немногочисленны и плохо организованы, но тем не менее они есть. Так, в Белоруссии около двух лет назад начал работу сайт «Западная Русь», вокруг которого группируются местные панрусисты. Исходя из этих предпосылок, можно заключить, что новая волна русского возрождения на исторических землях Западной Руси вполне возможна.

Сергей Бирюков, Андрей Коваленко

Правоконсервативное лицо Восточной Европы

«Евроскептицизм с востока»: исходная ситуация

Современные споры о судьбах «Большой Европы» вкрупне с масштабными дискуссиями о путях спасения «зоны Евро» и создании нового общеевропейского «финансово-политического» механизма всколыхнули общественное мнение стран Европы. На фоне этих дискуссий все более явным становится углубляющийся разрыв между устремлениями европейских элит и гражданских обществ европейских стран. Если сложившаяся на сегодняшний день «элита ЕС» все более склоняется к усилению элементов централизации в управлении общеевропейской экономикой и финансами, то среди значительной части населения европейских стран распространяются настроения в духе евроскептицизма. Применительно к общеевропейской политике есть основания говорить о комплексном политическом кризисе, проявлениями которого являются кризис доверия, кризис легитимности (прежде всего общеевропейских институтов и элит), кризис участия (свидетельством чего являются проявления абсентеизма на общеевропейских выборах) и кризис проникновения (в связи с затрудненностью реализации общеевропейских идей и проектов). В более широком контексте имеет место быть как кризис общеевропейской идеи и идентичности, так и кризис общеевропейских институтов и механизмов. В этой связи с особой актуальностью и остротой встает вопрос о судьбе Восточной Ев-

ропы и ее возможной роли в контексте общеевропейского кризиса.

У Восточной Европы нет до сих пор устоявшейся международной дефиниции и четких географических границ. Как полагают авторы, Восточная Европа — это прежде всего единство судьбы, истории, менталитета и традиций, особое геополитическое пространство, волею судеб до сегодняшнего дня так и не обретшее полноценную геополитическую субъектность. Следует отметить, что проекты интеграции Восточной (Центральной) Европы в некое единое политическое образование для отстаивания совместных интересов выдвигались достаточно давно. В идейном отношении эти проекты противостояли панъевропеизму, приверженцами которого выступали некоторые представители элиты образовавшихся в рамках Версальской системы новых независимых государств. Достаточно вспомнить книгу одного из «отцов-основателей» Чехословакии Т. Масарика¹ «Новая Европа», навеянную знаменитыми «14 пунктами» В. Вильсона.

И вовсе не было случайностью, что движение за возрождение «Центральной Европы» началось в 80-е годы минувшего века в Чехии и в Венгрии, где исторически было сильно сознание принадлежности к Центральной Европе. Дискуссии о Центральной Европе были реакцией на разделение Европы, на иллюзорный мир, существовавший

¹См.: Geier W. Europabilder. Begriffe, Ideen, Projekte aus 2500 Jahren. Wien Promedia, 2009. S. 141–145.

в тени ядерных вооружений, а также на перманентную конфронтацию двух европейских «миров», разделенных по идеологическому признаку.

Падение Берлинской стены, выход восточноевропейских государств из сферы влияния Советского Союза и их почти «триумфальное» возвращение в Европу на время отодвинули эту проблематику на второй план. Однако крушение многих надежд, связанных со стремительным вступлением стран Центральной и Восточной Европы в ЕС и НАТО, снова сделало ее актуальной. С середины 2000-х гг. страны Восточной Европы вошли в эпоху «политической турбулентности». Разнообразные проявления политической нестабильности охватили все его государства.

К началу 2000-х годов восточноевропейские общества достигли в своем развитии известного «потолка модернизации», когда первая волна либеральных реформ 1990-х гг. исчерпала свои эффекты, не принеся многим восточноевропейским государствам ожидавшегося благосостояния. В то время дефицит ресурсов для дальнейшего реформирования и рост разочарования в обществе фактически делают маловероятным новый этап либеральных преобразований. В результате элиты восточноевропейских государств всё осторожнее идут на проведение дальнейших рыночных реформ, зато всё большую популярность приобретают призывы вернуться назад, к пересмотру всей стратегии социально-экономического развития. К власти приходят силы, утверждающие, что Центральная Европа совершила ошибки при выборе стратегии реформирования экономик, на невыгодных и неравноправных условиях вступила в ЕС и НАТО, а интересы ее стран не представлены должным образом в руководящих институтах ЕС.

Выдвигаемые в этом контексте геополитические проекты «восточноевропейской правой», таким образом,

руководствуются рядом принципиальных мотивов:

1. Геополитические проекты «Великой Польши», «Великой Румынии», «Великой Венгрии», «Великой Литвы» — компенсация за второстепенный статус и экономическую слабость этих стран, за неудачу во Второй мировой войне (большинство из них были сторонниками фашистской Германии), за неоднозначные результаты государственного строительства в XIX–XX вв., за неудачи попыток «полноценной интеграции» в «Объединенную Европу».

2. Одновременно проявляется историческая традиция «империй в миниатюре», в «усеченном виде».

3. Очевидное стремление создать собственный вариант «Большого пространства» или «Жизненного пространства», довести до конца проект по созданию этнически и лингвистически «гомогенных» наций, начатый в XIX в.

4. Подобные устремления стран ЦВЕ направлены против процессов европейской интеграции и становления «Европы регионов», и шире — против глобализации с ее негативными последствиями для национальных государств.

5. Одновременно в этих проектах проявляется стремление восточноевропейских народов и элит отстоять свои «новоприобретенные» национальные государства, «обретенные» в 1990-е годы после падения коммунизма.

В итоге геополитика «малых имперских проектов» для стран ЦВЕ является логическим завершением процесса восстановления «единства исторической нации», без чего последний не будет принципиально завершенным, а многочисленные «разрывы» в ходе национальной истории не будут преодолены. «Сообщество судьбы», считающее условными утвержденные в результате двух мировых войн государственные границы и желающее расширить свое «жизненное пространство», неизбежно нуждается в территориаль-

ной экспансии. Подобные устремления все более явно бросают вызов проекту «Единой Европы» и общеевропейским ценностям, а также стратегиям, заявленным формирующейся «общеевропейской элитой».

«Малые имперские проекты»: популизм и геополитика

Рассмотрим указанные политические процессы на примере конкретных стран и партий.

Один из таких проектов — проект «Великая Венгрия». В сегодняшней Венгрии в продаже появляются карты, на которых изображается территория нынешней Республики Венгрии и земли, отторгнутые от нее после поражения в Первой мировой войне «загребущими руками» Чехословакии, Румынии и Югославии. Майки с этими картами пользуются популярностью среди венгерской молодежи, воодушевленной идеей «Великой Венгрии 64 жупаний».

Смушает связь проекта «Великой Венгрии» с наследием режима Хорти — верного сателлита Третьего рейха, который участвовал во Второй мировой войне на стороне нацистов, рассчитывая получить территориальные приобретения за счет территорий Румынии, Словакии и Украины. Напомним, что именно адмирал Хорти был активным сторонником «великовенгерской» идеологии и придал ей в годы Второй мировой войны официальный статус в своем государстве. Поддерживали идею «Великой Венгрии» и доктринальные венгерские фашисты из объединения «Скрещенные стрелы» Салаша.

В современной ситуации проект воссоздания «Великой Венгрии» поддерживают такие крайне националистические организации, как «Венгерская партия справедливости и жизни» скандально известного писателя и драматурга И. Чурки, равно как и «ев-

роскептики» из активно использующей антицыганскую, антисемитскую и антииммигрантскую риторику партии «За лучшую Венгрию» («Йоббик»), сумевшей добиться в 2010 г. представительства в венгерском парламенте². Партия Чурки имеет немалый вес в венгерской политике. Ей свойственен сильный «реваншистский крен»: она выступает за возвращение Венгрии принадлежавших ей до Второй мировой войны земель. Сегодня в одного из адептов великовенгерской идеи превращается доминирующая в правящей коалиции партия ФИДЕС (Венгерский гражданский союз) действующего премьера В. Орбана, которая за годы его лидерства совершила очевидный «дрейф» с классических либеральных на правоконсервативные позиции, находящиеся на грани «системной правой»³.

В условиях нарастания в Венгрии «правых» и «реваншистских» настроений официальными властями предпринимаются и практические шаги по реализации проекта «Великая Венгрия». Так, 1 января 2011 г. в Венгрии вступило в действие новое законодательство о предоставлении второго венгерского гражданства, существенно упрощающее процедуру получения гражданства этой страны представителям диаспоры. Эта инициатива напрямую затрагивает Закарпатскую область Украины, где по официальным украинским данным компактно проживает более 150 тыс. венгров. До Первой мировой войны Закарпатье принадлежало Австро-Венгрии, которая в этой войне потерпела поражение.

18 ноября 2010 г. в венгерском парламенте состоялось открытое заседание специальной парламентской комиссии по иностранным делам, посвященное обсуждению проблем вен-

² Мальцев В. Возвращение «Венгерской гвардии» // Независимая газета. 21.04.2010.

³ Hockenos P. Central Europe's rightward slide // Global Post. 16.04.2010.

герских национальных меньшинств, на котором государственный секретарь по иностранным делам Венгрии Ж. Немет заявил о необходимости автономий для венгров Трансильвании, Словакии, Сербии и Украины. Как полагают восточноевропейские эксперты, заявляя подобные претензии, Венгрия стремится стать региональным лидером не только в Карпатском регионе, но и вообще в Центральной Европе. В разработанной национальной идее — уже упомянутом проекте «Великая Венгрия» — рассматривается распространение ее влияния на регионы, где компактно проживают представители венгерской диаспоры: Южную Словакию, Трансильванию (Румыния), Воеводину (Сербия) и Закарпатскую область. Таким образом, так называемый «бой за Потисскую долину», фактически объявленный нынешним Будапештом, ведется со все большей активностью.

Действующий венгерский премьер В. Орбан надеется, что программа укрепления этнических границ вокруг Венгрии должна охватить пять миллионов венгров вне пределов страны. Этнические венгры составляют примерно 10% от 5,4 миллиона граждан Словакии. Всего в соседних с Венгрией Словакии и Румынии проживают более трех миллионов венгров. Здесь стоило бы отметить, что для Будапешта характерно завышение данных по венграм в диаспоре: в частности, принято считать, что в Румынии живет до 2,5 млн. граждан венгерского происхождения (румыны приводят данные в 1,7 млн.); для Закарпатья цифра достигает 400 тыс. венгров, зато по украинским данным — лишь 150 тыс. В Словакии венгры насчитали до 600 тыс. соотечественников, зато, по словацким данным, их насчитывается не менее 520 тысяч.

В свою очередь, премьер-министр Словакии Р. Фицо в ответ на инициативы и претензии Будапешта объявил Венгрию «экстремистской

страной, которая распространяет вокруг коричневую заразу». По словам Фицо, Венгрия ведет себя так, «как будто ее северного соседа Словакии вообще не существует». В ответ на инициативу венгерского парламента Словакия намерена лишить своего гражданства всех этнических венгров, которые воспользуются возможностью получения двойного гражданства.

В Румынии в 2000-е гг. также имел место сдвиг прежних либералов и демократов «вправо» и в направлении «радикальной геополитики». Румынская Демократическая партия (ДП), возникшая в результате раскола в конце марта 1992 г. Фронта национального спасения (ставшего у власти после свержения Чаушеску), была сформирована сторонниками радикальных реформ во главе с П. Романом. Заявив о себе как левоцентристской партии с социал-демократической доктриной, она была принята в Социал-терн. В июле 1993 г. по инициативе ДП в результате объединения сил с «исторической» СДПР был создан Социал-демократический альянс, но и он вскоре распался. СДПР после этого перешла из лагеря противников коммунистов — Партии социальной демократии Илиеску — в стан их союзников, а затем объединилась с ним в новую партию.

Здесь мы можем наблюдать характерный популистский «правый маневр». Демократическая партия, не найдя возможной ниши для конкуренции с посткоммунистами, начала искать пути правого обходного маневра. В 2001 г. новым лидером ДП стал Траян Бэеску, получивший на партийном съезде вдвое больше голосов, чем ее основатель П. Роман. Сразу же после этого партия объединилась в блок с правоцентристской Национал-либеральной партией Румынии, которая относит себя к числу так называемых «исторических» — довоенных партий и входит в Либеральный интер-

национал и соответствующую фракцию в Европарламенте. Следуя запросу масс, в 2004 г. Бэеску был избран президентом страны. Однако в 2005 г. уклон вправо решила совершить уже Демократическая партия, покинувшая Социнтерн, чтобы вступить в Европейскую народную партию.

Распри между румынскими правыми длились до 2007 г., когда отколовшаяся от национал-либералов группа во главе с Столожаном образовала Демократическую либеральную партию, которая в декабре 2007 г. объявила о намерении объединиться с Демократической партией. В результате 15 декабря 2007 г. путем слияния Демократической и Либерально-демократической партий появилась Демократическая либеральная партия (рум. *Partidul Democrat-Liberal — PD-L*). В декабре 2009 г., получив 10 мест на выборах в Европарламент из 33 для Румынии, премьер-министром стал лидер партии Эмиль Бок. Новая партия в свою очередь поддержала нынешнего президента Румынии Траяна Бэеску — автора ряда на шумевших геополитических инициатив реваншистского толка, явно выходящих за рамки «либерально-демократических идеологем».

Один из таких проектов — проект «Великой Румынии», активно продвигаемый нынешним главой государства Траяном Бэеску. Напомним, что в свое время идеологами «великорумынского проекта» были маршал Антонеску и лидер румынских фашистов из организации «Железная гвардия» капитан Корнелиу Зея Кодряну. В современных условиях «наследие» Антонеску и Кодряну стало актуальным для целого ряда видных румынских политиков.

В самой Румынии подобные геополитические проекты ранее активно выдвигали национал-радикальные объединения, среди которых особое место занимает партия Корнелия Вадима Тудора «Великая Румыния», придерживающаяся антиевропейских пози-

ций и жестко противостоящая расширению прав нацменьшинств. На президентских выборах в 2000 г. ее лидер получил 33% голосов, заняв второе место, а его партия на парламентских выборах 2000 г. получила 19,6% голосов, что дало ей около четверти мандатов. «Великая Румыния» по количеству мандатов стала второй по влиятельности силой в обеих палатах румынского парламента. На выборах 2005 и 2006 гг. она, правда, сократила процент своей поддержки почти вдвое, откатившись на третье место. На парламентских выборах 2008 г. партия получила лишь 3,15% голосов и не преодолела пятипроцентный барьер. Однако по соцопросам «Великая Румыния» и сегодня пользуется симпатиями примерно 37% румын.

Впоследствии эстафету от «Великой Румынии» успешно принял действующий президент Румынии Траян Бэеску, который шокировал румынскую и европейскую политическую публику рядом откровенно провокационных геополитических инициатив. Так, 30 ноября 2010 г. в интервью румынскому изданию *Romania Libera* Бэеску заявил, что через 25 лет граница ЕС будет проходить по Днестру, а Бессарабия объединится с Румынией в рамках ЕС. «Граница ЕС будет установлена по Днестру, а демократическое развитие в регионе послужит стимулом и для других стран — таких как Украина — устремиться в ЕС», — заявил румынский лидер. При этом Бэеску заявил, что Румыния испытывает дискомфорт от пребывания российских войск в Приднестровье и Черноморского флота РФ в Севастополе. «Если Россия так дружелюбно смотрит на черноморский регион, зачем ей такой большой флот в таком маленьком море?» — заявил «бухарестский мечтатель».

Несмотря на декларируемый либеральный характер своей политики, ДЛП во всем поддерживала жесткую и порой агрессивную внешнюю политику Бэеску. Так, в июне 2011 г. утверж-

дения Бэеску о том, что на месте фашистского маршала Антонеску он отдал бы в 1941 г. точно такой же приказ — «Перейти Прут!», разожгли настоящий дипломатический скандал между Россией и Румынией. Широко известны также публичные высказывание президента по поводу нежелательности базирования Черноморского флота РФ в Черном море. Это вызывает еще большие опасения, если обратить внимание на то, что в военной доктрине Бухареста Россия обозначена как враг №1, а в самой Румынии размещены элементы американской системы ПРО.

Несомненно, проект румынского ревизионизма (известный также под названием «Великая Румыния») имеет некоторых сторонников среди западной политической элиты (в частности, среди американских республиканцев), но полноценной поддержкой Брюсселя или другой западноевропейской столицы похвастать не может. Однако в самой Румынии отсутствует реальный консенсус в отношении объединительных целей, выдвигаемых политической элитой, хотя в целом панрумынская идея остаётся довольно востребованной румынским обществом.

Впрочем, первой жертвой румынских территориальных притязаний может стать не Россия, а Украина. Проиграв Бухаресту судебную тяжбу о правах на о. Змеиный и кусок собственной акватории общей площадью 12 000 кв. км в Чёрном море, Киев услышал от Румынии новые претензии — на пять малых островов в Дунае (Ермаков, Майкан, Малый Татару, Большой и Малый Даллер). Эти острова обладают немаловажным стратегическим значением, поскольку позволяют контролировать судоходный Дунай. Кроме того, согласно международному праву, государственная граница между странами, если она пролегает по реке, должна идти по фарватеру. Сейчас суда ходят между о. Майкан и украинским берегом, что дало румынам теоретиче-

ское право требовать переноса границы и признания над о. Майканом румынской юрисдикции.

Цель Бухареста — добиться монополии на транзит судов через Дунай. Украинско-румынские споры уже негативно отразились на инвестиционном климате в регионе украинского Придунавья. Теперь это один из депрессивных регионов страны, в то время как румынский порт Констанца официально признан Брюсселем главными восточными воротами ЕС в Черноморском регионе, что имеет самые негативные последствия для портов Украины (Одесса, Южный и Ильичевск), которые создавались как южные морские ворота России и СССР.

Таким образом, венгерский и румынский проекты представляют собой своеобразную версию «регионального ирредентизма» для ряда территорий сопредельных государств с включением последнего в собственное «большое пространство». В то же время польские геостратеги пытаются распространять свое влияние на сопредельные государства через культурно-политический «soft power».

Куда более масштабными и содержательными представляются геополитические прожекты Польши, которая, в отличие от большинства своих соседей по ЦВЕ, имеет собственную имперскую традицию и позиционирует себя в качестве гегемона некоторых «малых наций» Восточной Европы, ощущая в то же время уязвимость собственных позиций вследствие территориального расположения между Германией и Россией.

Согласно Станиславу Буковецкому, политика Польши определяется ее географическим положением между Россией и Германией: «Польша находится и будет находиться в состоянии угрозы утраты собственных границ и прав, а ее независимость всегда будет оставаться под угрозой вследствие устремлений соседних государств, и прежде

всего Германии и России»⁴. Как указывал другой видный представитель польской национал-демократии рубежа XIX–XX веков Роман Дмовский: «Освобождение польских областей от германского господства означает для этих земель отрицание исторических усилий Фридриха Великого, подлинного автора разделов Польши»⁵. Тем самым доминирующая парадигма польской историософии и геополитики была связана с идеей угрозы со стороны Германии и России, которая требовала мобилизации сил и ресурсов для противостояния возможной агрессии как с Востока, так и с Запада. Местоположение Польши в конечном итоге трансформировалось в определенную геополитическую миссию.

Теоретические концепции польской геополитики вне институциональных партийных рамок исторически определяются двумя полноценными позициями. Они называются по основным польским королевским династиям времен Средневековья — пястовская и ягеллонская. Первая ориентирована в первую очередь на Запад Европы, где основные внешнеполитические амбиции страны связаны скорее с Германией, а претензии на «дикий» Восток практически отсутствуют. Ягеллонская же позиция манифестирует открытую экспансию (политическую, экономическую и культурную) на восток. Из нее непосредственно логически вытекает современная доктрина «ULB» (Украина–Литва–Беларусь). Впервые она была сформулирована в парижской эмиграции в 70-е годы XX века политологом Юлиушем Мерошевским на страницах журнала Ежи Гедройца «Культура». В современной польской геополитике данную концепцию принято называть «доктриной Гедройца–Мерошевского». Суть ее

сводится к тому, что в интересах Польши добиться хотя бы *de jure* независимости Украины, Литвы и Белоруссии. Центральное значение придавалось украинскому независимому государству как лимитрофному образованию под контролем внешних сил.

Не забыт в кругах польской интеллигенции проект, выдвинутый в 1920-х гг. Юзефом Пилсудским. Известен он под названием «Междуморье» и подразумевает создание конфедеративного государства, которое включало бы Польшу, Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, Молдавию, Венгрию, Румынию, Югославию, Чехословакию, а также, возможно, Финляндию, и простиралось бы от Чёрного до Балтийского моря. Стратегия господства или, по крайней мере, лидерства в восточноевропейском регионе определяет на данный момент внешнеполитическую активность Польши.

Тема польской геополитики достойна отдельной статьи, но здесь можно отметить некоторые принципиальные моменты для понимания общей диспозиции интеллектуальных и политических сил в польском обществе.

Отличительной чертой региона и Польши в частности является настойчивое стремление к реализации казавшихся еще недавно утопией стратегий в актуальной внешней политике стран Восточной Европы, что стало возможным благодаря приходу к власти относительно радикальных правых партий на фоне общественного запроса на реализацию национально ориентированной внешней политики. Такими партиями, борющимися последние несколько лет за власть в Польше, являются «Право и справедливость» (ПиС) братьев Качиньских и «Гражданская платформа» (ГП) премьера Дональда Туска и президента Бронислава Комаровского. Соответственно, две эти партии отражают два принципиальных подхода к внешнеполитической стратегии страны.

ГП по сравнению со своим конку-

⁴ *Bukowiecki S.* Polityka Polski niepodległej. Warszawa, 1922. S. 27.

⁵ *Dmowski R.* Polityka polska i odrodzenie państwa. Warszawa, 1926. S. 433–440.

рентом более «еврооптимистична» и пытается наладить соответствующие отношения с Евросоюзом, взяв на себя ответственность за проведение восточной политики ЕС и пытаясь сгладить германофобские настроения в определенных кругах польской политической элиты (посетив, по приглашению Туска, Польшу, канцлер Германии Ангела Меркель обещала, что интересы Польши будут учитываться в проведении новой немецкой восточной политики). В частности, Туск и Комаровский считают, что с Россией необходимо разговаривать уважительно, но опираясь при этом на военный потенциал НАТО. «Членство в НАТО и в ЕС позволяет нам чувствовать себя безопасно. Это даёт также возможность определения совершенно новой и лишённой старых комплексов и стереотипов “российской политики” Варшавы», — заявил еще в бытность свою министром обороны Польши Комаровский⁶.

Иной взгляд на это у Ярослава Качиньского и оставшейся ему после смерти брата партии. Им четко осознается, что заставить «плясать Брюссель под польскую дудку» не удастся. Франция и Германия, с точки зрения Качиньского, объявляются «русофильскими» странами, которые никогда не поймут специфики польской «исторической политики» на востоке и не станут ее полноценными союзниками. В связи с этим указывается на необходимость сохранения определенной автономности польской внешней политики, чтобы Варшава не была вынуждена участвовать в слишком пророссийской политике ЕС и имела свободные руки на востоке. Характерно также и то, что ГП в Европарламенте входит во фракцию Европейской народной партии, считающейся основным локомотивом дальнейшей интеграции, а ПиС (вместе с партией «Польша — превыше всего») яв-

ляется членом консервативной фракции евроскептиков-антифедералистов «Европейские консерваторы и реформисты» (в нее же входит Венгерский демократический форум, чешская Гражданская демократическая партия и Избирательная акция поляков Литвы).

Относительно восточной политики Польши доподлинно известно, что открыто русофильских позиций в польском политическом истеблишменте не высказывает почти никто. Например, нынешний премьер-министр Польши Дональд Туск, которого считают у себя на родине почти «русофилом», неоднократно высказывал мнение о необходимости продолжения внешнеполитической линии Юзефа Пилсудского, которого никак нельзя заподозрить в проведении добрососедской политики с тогдашней Россией. Если у действующего премьера внешнеполитические взгляды проявляются латентно и скорее являются декларативной фигурой речи для поддержания имиджа польского патриота и либерала (готовность к диалогу с Россией премьер показал после трагических событий апреля 2010 г., когда пошел навстречу российскому руководству и инициировал широкий диалог по поводу аварии), то брат-близнец погибшего Леха Качиньского Ярослав хранит национально-католические, антироссийские и антигерманские политические традиции польского посткоммунистического истеблишмента.

Во время известных событий августа 2008 г. в Южной Осетии тогдашний президент Лех Качиньский выступил в Тбилиси с крайне неоднозначной и антироссийской речью, вызвавшей негативную реакцию как в России, так и в самой Польше. Дональд Туск считал нужным тогда заявить, что президент сказал в Грузии «несколько лишних слов», а в польской прессе с иронией писали о «звездной ночи» президента (имея в виду ночь с 12 на 13 сентября, когда Качиньский выступил на

⁶Gazeta Wyborcza. 19.09.05.

митинге в Тбилиси с пламенной речью об опасности русского империализма) и претензиях на роль арбитра в споре, решение которого явно не под силу Польше.

В связи с этим известный польский публицист Сквечиньский написал буквально следующее: «...Складывается впечатление, что единственным действием российского правительства, которое было бы признано поляками удовлетворительным, было бы провозглашение роспуска собственного государства и призыв соотечественников к коллективному самоубийству. Тогда бы на берегах Вислы все были бы довольны. Хотя и это, наверное, стало бы поводом для комментариев о российских саморазрушительных традициях, завершении дела Дзержинского и Сталина...»⁷.

Такой позицией польского руководства активно пользуются США для превращения Восточной Европы в своеобразный «санитарный кордон», разделяющий Россию и остальную Европу, где можно размещать противоракетные установки и базы НАТО. Однако позиция действующего президента Польши Бронислава Комаровского заметно отличается от стратегий его предшественника. Являясь представителями одного политического лагеря, Комаровский с Туском не стали обвинять в свое время в авиакатастрофе российскую сторону, а напротив, выразили свою благодарность за помощь и сочувствие. Благодаря этому две страны избежали громкого международного скандала. Сомнений в том, что новый лидер Польши рассматривает Россию как дружественную страну, не возникало ни у кого. На празднование 65-летия Великой Победы Комаровский даже прилетал в Москву.

* * *

Каким же образом ближайшим сосе-

дям восточноевропейских стран лучше всего реагировать на правопопулистские и праворадикальные внешнеполитические маневры стран региона? Здесь мы вплотную подходим к ключевому для нас вопросу об идентичности. Ведь во многом от выбора собственной региональной, цивилизационной и национальной идентичности зависит дальнейшее позиционирование этих государств на международной арене и относительно меньшинств у себя на родине. На взгляд авторов, настойчивое оперирование с концептом Восточной Европы, например, в американской политической мысли (З. Бжезинский, Г. Киссинджер и т.д.) конституирует специфические патрон-клиентные отношения со странами региона, в которых обобщенно «Запад» выступает в роли ментора и наставника по отношению к европейскому «Востоку».

Столь же абсурдным может быть аналогичное отношение к странам Восточной Европы со стороны России, если она претендует на прямое культурное и/или политическое влияние в регионе. Наиболее радикальные представители «имперской партии» в России до сих пор высказывают планы возвращения России в Восточную Европу, однако такая позиция даже в среде русских «патриотов» остается весьма маргинальной.

В свою очередь, фобии периода холодной войны со стороны политического истеблишмента Польши, Румынии или Латвии лишь в сотый раз будоражат фантомную боль по отношению к государству, которого уже 20 лет как нет. Бесконечные политические спекуляции вокруг темы «русского империализма» не ведут при этом к кристаллизации собственной региональной идентичности, но лишь обостряют отношения с Российской Федерацией и странами Старой Европы. Непреодолимая боль собственной «восточности» в этом случае умело канализируется в противостояние с современной Россией как косвенной

виновницей «отсталости» стран региона. Все это лишь подчеркивает необходимость нахождения конструктивной альтернативы подобным радикальным подходам.

Какова же, на взгляд авторов, конструктивная альтернатива реваншистской и изоляционистской геополитике? И в каком направлении ее следует искать?

Как представляется, странам ЦВЕ следует отказаться от неконструктивных форм «евроскептицизма» и «политической идентичности», заявив конструктивную альтернативу современной модели евроинтеграции, обнаруживающей свой кризис.

В этом контексте необходимо вернуться к истолкованной в новом ключе концепции «больших пространств», которая оказалась в значительной степени дискредитированной из-за одностороннего характера ее изначального толкования. В то же время возможно и иное, плюралистическое прочтение этой доктрины, рассматривающее «большие пространства» как добровольное и естественное объединение народов и стран в единые культурные, экономические и политические сообщества на основе существующих многовековых связей. Именно такое «большое пространство» на основе принципов равноправия конституирующих субъектов и модели «многоуровневой идентичности» и могут попытаться создать сегодня страны Восточной Европы. Это стало бы достойным ответом на вызовы евроскептицизма, демодернизации, национализма и изоляционизма⁸, позволив странам ЦВЕ выйти из состояния «бес-субъектности» и превратиться в своеобразный «геополитический мост», связывающий Восток и Запад.

Таким образом, ЦВЕ перестанет позиционировать себя как некая «пе-

риферия» или «антипод» «Большой Европы», но сможет осознать и реализовать себя как полноценный геополитический макрорегион, являющийся неотъемлемой частью общеевропейского цивилизационного пространства.

Новая позитивная модель геополитики для Восточной Европы, на наш взгляд, могла бы опереться на следующие основные принципы:

- отказ от изоляционизма и теории «самодостаточных малых наций»;
- отказ от национализма и конфликтогенных «малых имперских проектов», от создания замкнутых «геополитических» и «геоэкономических» пространств;
- отказ от германофобии и русофобии;
- вместо изоляционистского «антиевропеизма» — конструктивный «альтеревропеизм».

Политические элиты стран «Старой Европы», чрезмерно увлекшись решением социально-экономических проблем и продвигая проект общеевропейской федерации с централизованным управлением финансовой сферы (Германия и Франция), не отдают себе в полной мере отчет в том, насколько глубокой становится «фрагментация» общеевропейского политического и идеологического поля на восточноевропейском «фланге». Многие страны Восточной Европы, не преуспевшие на пути социально-экономических преобразований либерального толка, очевидным образом сопротивляются проекту «иерархической Европы» с централизованным экономическим управлением, в котором они усматривают новый механизм дискриминации в отношении себя. Дальнейшее игнорирование «особых позиций» и «особого взгляда» восточноевропейских государств, равно как и недооценка деструктивного потенциала выдвигаемых ими геополитических проектов, на взгляд авторов, может создать проблемы для продвижения проекта «евро-

⁸ Riedel S. EU-Minderheitspolitik als Instrument der Integration // OSTEUROPA, 4/2002. S. 502–511.

пейской интеграции» уже в обозримом будущем.

В конечном итоге все будет зависеть от позиции стран «Старой Европы», взявших сегодня на себя ответственность за дальнейшую судьбу «общеевропейского проекта» — прежде всего Германии и Франции. И особенно — от их способности найти новые ценностные основания для общеевропейского проекта, предложить и сформировать новые политические и социально-экономические механизмы недискриминационного характера, которые бы сделали реинтеграцию восточноевропейских стран в общеевропейское политическое, правовое и культурное пространство естественной и возможной. Для чего, на наш взгляд, необходима «консервативная рефлексия» со стороны элит стран Восточной Европы, способная обеспечить «ценностное» и политическое наполнение будущего европейского единства, не сводя его только к социально-экономическим

и «техническим» проблемам. Необходим возврат на современном историческом витке к понимаемой в современном ключе модели «Европы ста государств и ста флагов», то есть союза, разделяющего общие ценности и уважающего суверенитет отдельных национальных государств.

Заявившая сегодня о себе (в крайней своей форме) через «правоконсервативные» внутри- и геополитические проекты восточноевропейская идентичность должна быть переосмыслена именно как составная часть идентичности общеевропейской, что невозможно, на наш взгляд, без диалога элит «Старой» и «Новой» Европы, без рефлексии по поводу общеевропейских ценностей. Иначе, в конечном итоге, едва ли будут успешными любые общеевропейские экономические и политические проекты, а равно и преодоление «системного кризиса», который переживает ныне Объединенная Европа.

Открылся сайт журнала «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА»: <http://vnatio.org/>

На сайте:

- Выпуски предыдущих номеров журнала, избранные статьи
  - Анонсы новых материалов
  - Интервью с авторами, статьи и рецензии
  - Ориентировка для читателя: где приобрести новые выпуски журнала
- Кроме того:

- Новостная лента, ориентированная на читателя, интересующегося национальным вопросом в России и русским движением
- Библиотечка «ВН»: книги наших авторов
- Сообщество читателей журнала
- Путеводитель по Сети: коллекция ссылок на ресурсы русского движения и мировые националистические ресурсы

АЗАДЕХ ЗАМИРИРАД

ПОЛИТИКА УЛИЦЫ

После того как Мухаммед Буазизи 17 декабря 2010 г. совершил самоожжение перед резиденцией губернатора города Сиди Бузид, он привел в движение лавину, которая через его родной Тунис достигла улиц стран арабского мира. Десятилетиями накапливавшееся недовольство большей части населения от Магриба до Персидского залива возгорелось не в простой политический памфлет, политическое воззвание или внешнюю интервенцию. Оно вылилось во взрыв отчаяния молодых людей, которые перешли к сопротивлению в том месте, на котором встречаются все части общества: на улице. Улицы традиционно являлись символом протеста и сопротивления, тем местом, на котором можно было увидеть и услышать друг друга так, чтобы вас не слышали посторонние. В городских агломерациях стран Ближнего и Среднего Востока улицы и прилегающие к ним площади являются тем неизменным пространством, на котором молодые и старые встречаются для беседы, которая нередко затягивается на часы. И неслучайно лауреат Нобелевской премии по литературе Нагиб Махфуз в своей «Каирской трилогии» вынес улицу в название своего произведения. Равно как и в его знаменитом романе «Улочка Мидак» улица выступает как своеобразный микрокосм египетского общества, как зеркальное отражение восточного образа жизни.

В современной теории авторитар-

ного режима улица как «место политического» играет сугубо подчиненную роль. В отсутствие некоторой мобилизующей массы идеологии авторитарная система опирается главным образом на политическую апатию и «деполитизированное» общество¹. Однако мобилизация существует в рамках не одного только тоталитарного режима. Так или иначе, все авторитарные режимы проходят через стадию «мобилизации», главным образом в период своего становления и консолидации. Таким же образом и на ранней стадии развития Исламской Республики новая политическая элита первоначально была заинтересована в вовлечении общества в политику. При этом призыв к активному политическому участию адресовался не только молодым мужчинам. Со стороны духовенства женщинам отныне также отводилась активная роль «в борьбе». Активное и пассивное избирательные права были им, таким образом, гарантированы. Выборы как классическое средство мобилизации имели в Исламской Республике со времен первого референдума 1979 г. особое значение и стали рассматриваться как значимый момент легитимации. Массовая мобилизация отразилась прежде всего в установлении новых праздничных дней — таких как «Кудс» (Иерусалим) и «День солидарности» с палестинским народом. Подобные поводы способствовали усвоению массами опыта собственной идентичности и признанию самой Исламской Респу-

Печатается по изданию: *Zamirirad A. Politik der Strasse // Zamirirad A. (Hrsg.) Das politische System Irans. WeltTrends e.V., 2011. S. 94–104. Перевод Сергея Бирюкова. (Ред.)*

¹ *Linz H. Totalit re und autorit re Regime. Potsdamer Textbücher Band 4. Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, Berlin, 2000. S. 138f.*

блики в качестве определенной «идеологической ценности». Идеологическая окраска «ранней» фазы революции по окончании отрезвляющей войны с Ираком постоянно усиливалась. Это зримо проявилось также в отказе «экспорта революции», который не слишком долго являлся «максимой» для иранской внешней политики. Как указывает Х. Чехаби, осуществляемые авторитарным режимом массовые мероприятия имеют сегодня сугубо ритуальный характер². Тем не менее в современном Иране о «деполитизированном обществе» не может быть и речи. Напротив, после фазы политического разочарования — а именно после разочаровывающего периода нахождения у власти мусульманских реформаторов в 1990-е гг. — проявило себя в повторяющихся «волнах возмущения» неизменное стремление к участию в политике, и в последний раз — в рамках «Зеленого движения» 2009 г.

За рамками официальной режимной сферы сформировалось новое политическое пространство, которое само исключило себя из сферы влияния государства. Социальные ниши при авторитарном режиме служат в качестве необходимого «вентиля». Определенного рода «нишей» является, например, иранский «черный рынок», в отношении которого (власти) проявляют известное терпение. Доступ к запрещенным развлечениям, и в том числе к музыкальным записям и фильмам, был сознательно позволен. Авторитарная система использовала социальные ниши как важный инструмент канализации общественного недовольства. Этот инструмент также служил целям деполитизации общества. Деполитизация при этом не стояла в «повестке дня» Ирана. По-

сле того как всеохватывающие идеологизация и мобилизация страны не удалась, политические элиты сделали ставку на «раздвоение» общественно-политической сферы. С этого момента были мобилизованы и активно вовлечены в общественно-политическую жизнь сторонники Исламской республики — как, например, хезболлахи (hezbollahi) (члены «Партии Бога») или басиджи (basiji) (милиция). Они использовались во время массовых мероприятий с целью «самозащиты» режима как внутри страны, так и во вне ее. В стороне от лояльных сторонников режима существовала вторая сфера, деполитизация которой с точки зрения режима представлялась желательной. «Раздвоение» политической системы осуществлялось на фоне ограниченной политической инфраструктуры. Политическое участие за пределами **Велайят-е факиха** (принцип приоритета религии над политикой, положенный в основу Исламской Республики. — *Прим. переводчика*) было предотвращено. Партий не существовало. Запрет доступа к политическим каналам как внутри, так и во вне политического аппарата стимулировали к переходу на новые альтернативные политического пространства. Все это укладывалось в рамки традиций, сложившихся за многолетнюю историю политического протеста.

Сопроотивление как норма

Новая история Ирана с 1891 по 1979 г. знает 4 крупных восстания и революции, которые опирались на широкую массовую базу. Во время «табачного восстания» 1891 г. базар и духовенство заключили союз, направленный против концессионной политики династии Каджаров. Почти два десятилетия спустя возникло новое социальное движение, ставившее своей целью упразднение абсолютной

² Chehabi H.E. Das Politische System der Islamischen Republik Iran // Zamirirad A. (Hrsg.). Das politische System Irans. WeltTrends e.V., 2011. S. 33–52.

монархии в пользу конституционной. Благодаря конституционной революции 1906 г. Иран впервые обрел свои конституцию и парламент. Стремление к национализации нефтяной промышленности Мухаммедом Мосаддыком в начале 1950-х гг. получило широкую поддержку иранского народа. Многотысячные демонстрации были направлены против отказа шаха поддержать эти устремления и на время принесли успех. До сегодняшнего дня наиболее радикальным воплощением иранского сопротивления является Исламская революция 1979 г., охватившая представителей различных гендерных, этнических и социальных слоев. Национальное сопротивление в XX веке в Иране имело глубокую традицию, которая была вызвана к жизни за не слишком долгий период существования современной Республики. Улица при этом всегда являлась главным центром событий. Рядом с формальной «сферой политического» развилось широкое политическое пространство, которое сохраняет свое значение вплоть до сегодняшнего дня. В качестве такого пространства можно рассматривать и базар, где торговцы и духовенство, не в последнюю очередь благодаря их пространственной близости, заключили между собой исторический альянс³. Мечеть также являлась своего рода политическим пространством. Праздничные молитвы и религиозные траурные церемонии создавали возможность для собраний и координации дальнейших шагов — той тактики, которая успешно применялась в борьбе с шахом⁴. Значимым «местом политического» также является уни-

верситет. Он выступает как место сбора молодых интеллектуалов, которые находят здесь пространство для дискуссий и для обмена мнениями. С приходом в Иран Интернета эта среда также превратилась в дополнительное «пространство политического», которое используется как средство политического участия.

От двери к двери — женщины как актеры улицы

Женщины принадлежат к числу важнейших актеров улицы. В новой истории Ирана они являлись ключевым элементом общественного сопротивления. Они массово участвовали во всех крупных социальных движениях Ирана, равно как и в «конституционной революции» 1905 г. В ходе начавшегося процесса национализации речь, таким образом, шла об эмансипации, обеспечении равноправия как предпосылки для модернизации и прогресса⁵. Вклад женщин в массовое общественное движение не получил никакого правового закрепления в Конституции 1906 г. Во времена династии Пехлеви женщины также были вынуждены твердо отстаивать свои права. В радикальных программах модернизации династии Пехлеви «женский вопрос» стал «сугубо государственным делом». Лозунг о возвращении женщин к политической активности был написан на знаменах Исламской Республики. Выступая в своей религиозной школе Кум в марте 1979 г., аятолла Хомейни обратился к группе женщин со следующими словами:

«Эра угнетения стремилась превратить наших борющихся женщин в угнетенных существ <...>. Они хотели обращаться с женщиной как с предме-

³ Babar M. Der Bazar von Teheran — Sozialer und kultureller Wandel in Iran // Zamirirad A. (Hrsg.) Das politische System Irans. WeltTrends e.V., 2011. S. 84–93.

⁴ Keddie N. Modern Iran — Roots and Results of Revolution. New Heaven: Yale University Press, 2006. P. 226.

⁵ Paidar P. Women and the Political Process in Twentieth-Century Iran. Cambridge University Press, 1995. P. 356.

том, как с товаром. Но ислам вовлекал и вовлекает женщин, как и мужчин, во все аспекты жизни. Все иранцы, как мужчины, так и женщины, должны восстанавливать те руины, которые они оставили»⁶.

Впоследствии Хомейни призвал женщин участвовать в уличных маршах и присоединяться к добровольным союзам, которые были призваны более активно формировать публичную сферу страны⁷. В своей книге «Право женщины в законодательстве Ирана» Ширин Эбуади утверждает, что Исламская революция была бы невозможна без активного участия женщин⁸. Это обстоятельство принимается во внимание в разделе Конституции «Гнев нации» (Преамбула). Здесь в частности говорилось:

«Далеко идущая солидарность мужчин и женщин всех слоев, религиозных и политических групп имела решающее значение в борьбе. Женщины в особенности самоотверженно и активно участвовали во всех областях этой борьбы. Сцены, подобные той, когда та или иная мать спешила к месту схватки с ребенком на руках, перед стволами винтовок, являются свидетельством решающего вклада, который внесла в борьбу большая часть общества».

Признание общественной значимости женщин, равно как и их мобилизация — как само собой разумеющийся акт их «освобождения» — сопровождалось далеко идущими ограничениями их прав. С другой стороны, строгий порядок в отношении одежды, законодательно предписывавший

ношение головных уборов, другие законодательные изменения не вели, однако, к маргинализации женщин. Их признанное, значительное участие в Революции, равно как и их мобилизация для целей режима, затрудняли ограничение их прав. Несмотря на свой гендерный статус, женщины не были исключены из публичной сферы. Во время празднования Женского дня в 1979 г. Хомейни призвал их в дальнейшем носить хиджабы, тысячи женщин протестовали против этого на улицах Тегерана. Однако процесс исламизации уже не мог быть приостановлен. Сегодня иранские женщины ищут новые пути политического протеста. В качестве одной из наиболее значительных акций последних лет может рассматриваться кампания 2006 г. по сбору 1 млн. подписей. Кампания за отмену в Иране дискриминирующих женщин законов, также известная как «Перемены ради равноправия», провозгласила своей целью сбор 1 миллиона подписей. Это должно было заставить провести парламентские дебаты о дискриминирующих женщин законах. Участники организованной на принципах децентрализации кампании напрямую обращались к иранским гражданам, равно как и к гражданам, и перемещались от двери к двери с целью собрать подписи.

В своих официальных заявлениях участники кампании указывали на существование многочисленных дискриминирующих женщин законов: девушки могли начиная уже с 9 лет нести судебную ответственность и с 13 лет — быть выданы замуж с согласия суда. Полигамия была разрешена. Мужчины в любой момент имели право разводиться со своими женами без объявления причин. С точки зрения мусульманского права женщина обладала лишь половиной тех прав, которыми обладал мужчина. При этом не принимался во внимание сам тот факт, что количество женщин

⁶ Цит. по: *Tabari A., Yeganeh N.* In the shadow of Islam: the women's movement in Iran. London: Zed Press, 1982. P. 99.

⁷ *Babramitash R.* (2003). Islamic fundamentalism and women's economic role: The case of Iran // *International Journal of Politics, Culture and Society*, 16(4). P. 565.

⁸ *Ebadi Sh.* Hoqouq-e Zan dar Qavanin-e Jomhourī Eslami Iran. Teheran, 2002. P. 35.

в университетах составляло около 60%, что создавало ощутимый разрыв между законодательством и реалиями современного Ирана. Законодательство должно всегда идти на шаг вперед по отношению к культуре страны. В этом смысле иранских законодателей призывали покончить с правовым неравноправием женщин⁹. Собрать необходимое количество подписных листов, очевидно, не удалось. До сегодняшнего дня так и не удалось собрать даже приблизительно миллион подписей, и кампания фактически началась сначала, сделав акцент прежде всего на расширение информации и формирование общественного сознания.

Кампания была в том числе инициирована активистом-правозащитницей Ширин Эбади. При объяснении обездоленного положения женщин Ширин Эбади не апеллирует к исламу. Основопологающей проблемой считается иранский патриархат. Другие активные женщины, определяющие себя как исламские феминистки, исключают религию из «фокуса критики». Ислам изначально не является враждебным по отношению к женщинам, однако в течение долгого времени он толковался почти исключительно мужчинами. Добиться права интерпретации и вернуть «женский вопрос» в рамки исламского дискурса — являлось главным требованием¹⁰. С целью изучения «подлинного положения женщины в исламе» мусульманские феминистки обучаются в мусульманских духовных школах, рассматривая многочисленные мусульманские практики как патриархальные интерпретации Корана, и требуют новых радикальных интерпретаций¹¹. Таким

образом, пространство религиозных школ становится тем местом, где востребовано социальное участие.

Университет как пространство протеста — студенты как актеры улицы

Не только теологические институты, но и другие высшие учебные заведения могут все больше рассматриваться как пространство политического. Студенты, женщины и мужчины активно участвовали во всех основных этапах протестного движения в иранской истории. В День студентов (*rouz-e daneshjou*) вплоть до сегодняшнего дня отдают дань памяти трем студентам, которые отдали свои жизни 7 декабря (16. azar) 1953 г. в ходе столкновений, вызванных борьбой за национализацию нефтяной отрасли¹². Начиная с 1978 г. вузы таких городов, как Тегеран, Шираз и Исфахан, стали важными центрами сопротивления, когда в них делались доклады, распространялась и интенсивно обсуждалась запрещенная литература¹³.

В новосозданной Исламской республике студенты с самого начала играли выдающуюся роль. Именно студенты захватили в 1979 г. американское посольство, взяв в заложники американских дипломатов, и дали тем самым решающий толчок процессу «идеологической исламизации». Во времена иранской «культурной революции», к которой всех призвал в 1980 г. Хомейни, студенты оказались в центре событий. Университеты были закрыты, некоторые учащиеся вузов отчислены,

⁹ Campaignforequality.info/IMG/pdf/bayan-iyeye-fardi.pdf/02.03.2011

¹⁰ *Mir-Hosseini Z.* Islam and Gender: The Religious Debate in Contemporary Iran. London: I. B. Tauris, 2000. P. 277.

¹¹ *Ramazani N.* Women in Iran: The Revolu-

tionary Ebb and Flow. *Middle East Journal* 47 (1993) (3). P. 424.

¹² Годовщины и движения часто получают названия по дате первоначального события.

¹³ *Schirasi A.* Bastion der Freiheit. Die Studentenbewegung im Iran // *iz3w*. 2009. Nr. 311. Maerz/April. S. 23.

посажены под арест либо отданы под суд. Университеты были исламизированы и реорганизованы. Для слома сопротивления студентов-критиков властью были мобилизованы сторонники из числа самих же студентов. **Хезболлахи** считались особо лояльными сторонниками Хомейни и использовались для силового подавления протестов. До сегодняшнего дня хезболлахи являются непременными участниками уличных сражений. Они рассматриваются, таким образом, как и парамилитарные басиджи, в качестве боевой группы, которая специально предназначена для политического пространства улицы. Значение улицы было признано Хомейни с самого начала. Через создание парамилитарных соединений и милиции он стремился к доминированию над теми пространствами, которые долгое время существовали в стороне от официальной политико-религиозной сферы. Контроль за этими пространствами не мог осуществляться только с помощью полиции. На место «униформированного» государственного насилия ставилось насилие со стороны парамилитарных групп, целью которых являлось исключение государства в качестве агрессора из сферы общественного внимания. Благодаря этому имели место не кровавые столкновения между полицией и демонстрантами, как часто бывало ранее, но столкновения между самоорганизующимися защитниками порядка и протестующими.

Брутальность образа действий проявилась в ходе студенческих протестов конца 1990-х гг. 8 июля 1999 г. (18. tîr) студенты вышли на спонтанные протестные марши против закрытия либеральной газеты «Салам». Они провели мирную демонстрацию против цензуры и ограничения свободы прессы. Реакция на это была вооруженной. Хезболлахи штурмовали студенческие общежития, подожгли их, студенты были избиты дубин-

ками. Произошедшее насилие вызвало дальнейшие студенческие протесты. Главным образом на улицах Тегерана произошли уличные бои с милицией. Кровавые столкновения принесли множество раненых и привели к смерти одного студента. Некоторые их участники были арестованы¹⁴. Силовое подавление протестов, однако, не заставило молчать активных студентов. Протесты, как и ранее, продолжали опираться на многообразные социальные сети и были хорошо организованы. Студенческие объединения включали в себя все стороны политического спектра. Одной из наиболее значимых организаций является «Бюро укрепления единства» (Daftar-e tahkim-e vahdat), которое включает в себя различные политические «крылья» и стоит сегодня наиболее близко к лагерю реформаторов.

Попытка создания структур определенного политического типа, которым отводилось весьма ограниченное «пространство» действия, столкнулась с многочисленными ограничениями. Тем не менее иранское студенчество вполне успешно формируется в качестве политической силы. В авторитарных государствах, в которых отсутствуют такие структуры участия, как партии или профсоюзы, именно массовые университеты создают альтернативное политическое пространство. Они создают возможности для встреч, общения, и прежде всего — для формирования сетей. Немаловажно и то, что студенты на президентских выборах 2009 г. были на переднем краю борьбы — причем не только на улицах. Наряду с многочисленными блогами существуют многочисленные социальные сети — например, Twitter и Facebook, которые использовались для налаживания коммуникации и дальнейшего расширения сетей. Сотовые телефоны использовались как фотоаппараты с последующей рас-

¹⁴ Schirasi A. (2009), a.a.O., S. 24.

сылкой фотографий, свидетельствующих о происходящих событиях прямо с места. Студенты были изначально нацелены на глобальное политическое пространство, с самого начала демонстрируя плакаты-слоганы на английском языке. Интернет использовался как дополнительный передатчик медиасланий. Глобальная сеть в Исламской Республике стремительно превратилась в ключевой вид медиа. Иран вслед за Израилем стал второй страной Ближнего и Среднего Востока, получившей доступ ко всемирной сети. Рынок, который первоначально был ограничен для исследовательских учреждений, рос с ошеломляющей скоростью¹⁵. По данным TCI, иранской компании в сфере коммуникаций, в 2011 г. в Иране насчитывалось 27,5 миллиона пользователей Интернета¹⁶. Это составило не менее 40% от общего населения страны. Это число является значительным. Последнее способствовало тому, что широко распространенное восприятие «зеленого движения» 2009 г. как интернет-революции, по крайней мере, заслуживает рассмотрения.

Хотя Интернет используется как важная опора протеста, это не делает его тем медиа, которое охватывает своим вещанием всех иранцев. Он прежде всего значим как средство коммуникации с внешним миром, которое в то же время (сами власти. — *Прим. переводчика*) пытались использовать как средство презентации режима; того самого режима, который, с точки зрения протестующих, неправомерно позиционировал себя в качестве представителя иранского народа. Виртуальное пространство уже не впервые после 2009 г. выступает как пространство политического. Уже в течение ряда лет иранские

пользователи Интернета вовлечены во всемирную блогосферу. В 2005 г. насчитывалось 700 000 персоязычных блогов¹⁷. Персидский принадлежит к числу чаще всего используемых в блогосфере языков. «Блогостан» становится общепринятым обозначением для Ирана¹⁸. Темы блогов достаточно многообразны. В нем часто обсуждаются социальные, но также и политические вопросы. Под прикрытием анонимности подобные обсуждения выполняют роль «социального вентилля». Эта анонимность, однако, не является гарантированной. Цензура и блокада интернет-сайтов являются в Иране обычным делом. В 2010 г. организация «Репортеры без границ» внесла страну в список «крупнейших врагов Интернета»¹⁹. Расширение числа пользователей было так или иначе приостановлено. Это в долгосрочной перспективе способствовало продолжению социально-политических столкновений. Виртуальное пространство, таким образом, больше не рассматривается как инициатор политического протеста. Его главным образом дополняют улица и другие «политические пространства».

Пространство будет зеленым

Протесты и проявления возмущения вовсе не являются табу, они скорее становятся частью социально-политической идентичности страны. Исламская Республика, как и ранее, осознает себя в качестве революционной. Революционное понимание

¹⁷ <http://www.blogherald.com/2005/10/10/the-blog-herald-blog-count-october-2005/01.03.2011>.

¹⁸ Sreberny A., *Khiabany Gh*. Blogistan. The Internet and Politics in Iran. London: I.B. Tauris, 2010.

¹⁹ http://www.reporter-ohne-grenzen.de/fileadmin/rte/docs/2010/Feinde_des_Internets.pdf/14.03.2011.

¹⁵ Nasser A. *Internet und Gesellschaft in Iran*. Berlin: Frank & Timme, 2007. S. 82.

¹⁶ <http://www.tci.ir/s.40/page5.aspx?lang=-Fa/02.03.2011>.

государства ведет к необходимости признания сформировавшихся уличных масс в качестве полноценного субъекта политической системы. Легитимация улицы необходима для самопонимания республики. Это объясняет ту высокую значимость, которую приобрели выборы в этом государстве. Под влиянием иранского духовенства «неписанным законом» стало положение, согласно которому Исламская республика имеет своим источником народные массы. После 2005 г. показатель участия в выборах снизился до 60%, что вызвало определенную реакцию политического руководства. 2009 г. стал годом широкой мобилизации. Избирательная кампания нашла свое место на ТВ в форме публичных дебатов между действующим президентом М. Ахмадинежадом и его оппонентами. Результат поразили многих. Такие табуированные темы, как коррупция среди высших государственных служащих, впервые стали темой открытого обсуждения. Дискуссия показала наступательно-радостных участников, которые позволяли себе сильные упреки в отношении друг друга. В итоге в поле зрения оказались не только президент и его оппоненты, но и многочисленные имена представителей политического истеблишмента, которые были затронуты в нелестном для них контексте. Элиты страны набросились друг на друга, и каждый мог это наблюдать. Кампания по мобилизации оказалась успешной. Вместо политической апатии эпохи «после Хатами» разбуженные массы развили свою собственную динамику. Духи, которые были вызваны, не хотели больше попускать что-либо режиму.

В июне 2009 г. разбуженная нация нетерпеливо ждала результатов президентских выборов, и после объявления Ахмадинежада победителем произошел всплеск негодования. Многие граждане надеялись на победу Мир-Хосейна Мусави или, по

крайней мере, на более конкурентный исход выборов. Возмущение было огромным. Протесты приобрели невиданную со времени революции 1979 г. динамику. Сотни тысяч людей, среди которых было множество студентов, вышли на улицы, и не только в Тегеране. Басиджи применили насилие против демонстрантов. Снова были раненые и убитые. О массовом применении политического насилия речь, однако, не шла. Это позволило медленно угаснуть протесту, который все более уходил в сторону от изначально «главных» фигур Мусави и Мехди Коруби. С того момента со стороны протестующих предпринимались многочисленные попытки снова вывести массы на улицу. Во время траурной церемонии в декабре 2009 г. главный духовный критик режима аятолла Хоссейн Али Монтазери снова собрал тысячи людей на улицах. Однако новой волны протеста не последовало. Попытки разжечь «огонь сопротивления» в памятный день *16.azar* не принесли особого успеха. Наконец, намеченная на 14 февраля 2011 г. (*25.bahman*) акция солидарности с восставшими в арабском мире не смогла возродить угасший протестный потенциал в стране. Даже ночной арест Мусави и Коруби не вызвал новой волны возмущения. С одной стороны, первоначальный момент был давно упущен. С другой стороны, иранское государство умело не допустило массового скопления людей. С целью избежать «иранского Тахрира» был предусмотрительно заблокирован доступ к важнейшим улицам и площадям. Натиск, позволивший египетским протестантам превратить Тахрир в постоянное место выступлений, был нейтрализован иранскими службами безопасности. Массового скопления людей удалось не допустить.

Расценивать «отзвуки» протестов как конец общественного сопротивления было бы преждевременным. Главным образом померк только цвет,

кратковременно окрасивший в зеленое политическое пространство страны. Стремление к политическому участию, однако, долго не исчезало. Обуюдоострая политика частичной мобилизации и терпеливого выстраивания «ниш» во времена Исламской республики в конечном итоге не принесла ожидаемого результата. Место разделенной, деполитизированной сферы занимает альтернативное политическое пространство, в рамках которого поддерживается политическое участие, и некоторые способы такого участия уже практикуются. В стороне от политического пространства Вилайят-е факих создаются разно-

образные политические «островки». Участие и вовлечение в политику получили здесь дальнейшую поддержку. В университете ли, на базаре ли, в окрестностях духовных школ и мечетей, во всемирной сети или просто на улице, которая способна соединить все эти «островки» физически или виртуально, — повсюду заявляют о себе политически ангажированные социальные сегменты, действующие в стороне от установленного порядка. Борьба за улицу продолжается. История Ирана показывает: кто контролирует улицы, тот контролирует ход событий. Сегодня улицу контролирует исламский режим.

Открылся сайт
Национально-
демократической партии:
<http://rosndp.org/>

Сергей Беляков

ЛЕВ ГУМИЛЁВ И КРАХ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Имя Льва Николаевича Гумилёва в сознании большинства наших современников связано прежде всего с евразийством. Правда, евразийство Гумилёва было не политической идеологией (как у основоположников этого учения — Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и др.), а скорее образом мысли, и проявлялось оно в последовательном и совершенно иррациональном тюркомонголофильстве.

Как есть русские англофилы или германофилы, так и Гумилёв был русским тюркофилом. В старости вместо своей обычной подписи «L» или «Leon» Гумилёв даже подписывался «Арслан», «Арслан-бей», «Арслан-бек». Своё приветствие Всемирному конгрессу татар Гумилёв подписал так: «Арсланбек (Лев) Гумилёв».

Разумеется, это «евразийство» не могло не сказаться и на исследованиях Гумилёва, тем более что Лев Николаевич относился к героям своих книг скорее как художник, чем как беспристрастный исследователь. Особенно это свойство проявлялось в Гумилёве, когда он начинал писать о столкновении монголов и тюрков с другими народами и с богатыми, цивилизованными странами вроде Китая, Персии и даже Руси. Он почти всегда старался стать на защиту степняков, превращаясь из ученого в какого-то странного историка-адвоката. Особенно это будет характерно для его послед-

них книг — «Древняя Русь и Великая степь», «От Руси до России».

Между тем симпатия к тюркским и монгольским народам не могла не вступить в конфликт с долгом исследователя. На рубеже восьмидесятых и девяностых престарелый ученый, утомленный славой и напуганный подъемом национализма во всех союзных республиках, назовет Тюркский каганат VI–VIII вв. предшественником государства российского¹ и будет доказывать, как благотворно для всех народов Евразии было объединение под властью каганов из рода Ашина, ханов из династии Чингисхана и царей династии Романовых.

Но в лучших исследованиях Гумилёва ученый брал верх над природным тюркофилом. В докторской диссертации Гумилёва, посвященной как раз истории Тюркского каганата (точнее, каганатов — первого тюркского, западно-тюркского и восточно-тюркского) все иначе. Нет книги более разрушительной для евразийской идеи, чем «Древние тюрки». Гумилёв убедительнее других исследователей показал, что тюркский Вечный Эль был создан «длинным копьем и острой саблей»² и скреплен почти исключительно военной силой тюрков, заставлявшей «головы склониться, а колени согнуться».

¹ Гумилёв Л.Н. От Руси до России. СПб.: ЮНА. С. 255.

² Он же. Древние тюрки. М., 1993. С. 57.

Правда, в Западном каганате немногочисленные тюрки вынуждены были искать общий язык и с воинственными кочевниками, и с жителями богатой Согдианы. На востоке же Срединной Азии, на территории нынешней Монголии и Забайкалья, а также и в Западном крае (Восточном Туркестане) тюрки оставались жестокими и жадными паразитами: «Жестокая эксплуататорская власть тюркютов не могла привлечь симпатии новых подданных, и сепаратистские тенденции не угасали ни на минуту. Восстания против династии Ашина вспыхивали то тут, то там вплоть до гибели державы»³.

Гумилёв восхищается военной доблестью тюрков. Глава о восстании Кутлуга (679–673 гг.), возродившем Восточный каганат, одна из самых захватывающих, драматичных. Она намного интереснее исторического романа. Но Гумилёв и не скрывает, что для вольных степных народов — уйгуров, карлуков, кыргызов — тюрки оставались паразитами, отношения между народами, по крайней мере в Восточном каганате, складывались как отношения между грабителями и жертвами грабежа. Поэтому Гумилёв называет Тюркский каганат — «государством-хищником», «некоторым подобием Спарты, но во много раз сильнее и больше»⁴. Объединение Великой степи под властью тюркского рода Ашина было для большинства народов большой бедой.

* * *

В 1974 г. в издательстве «Наука» под грифом Института востоковедения АН СССР вышла новая книга Гумилёва — «Хунны в Китае». История создания этой книги и ее место в научном наследии Гумилёва не вполне ясны даже его читателям.

С одной стороны, «Хунны в Китае» — прямое продолжение «Хунну».

Гумилёв начинает там, где остановился в 1960 г.: раскол хуннов во II в. нашей эры, победы сяньбийцев над хуннами и упадок древнего Китая, который так и не смог насладиться плодами победы над врагом, пятьсот лет угрожавшим его границам.

Окончание «Хуннов в Китае» — прямой переход к «Древним тюркам». Гибель химерной империи Тоба-Вэй — конец древнего Китая и конец древнего кочевого мира — освободила сцену для новой исторической трагедии. Исчезли старые декорации, погибли почти все герои, появилось пространство для новых. Вскользь сказано даже о героях будущей «пьесы»: Туфа Фань увел группу сяньбийцев в Тибет, где они примут участие в этногенезе тибетцев, которые в VII в. создадут великое государство. Другой сяньбиец, полумифический Ашина, откочевал с отрядом соплеменников на Алтай. Его потомки создадут Тюркский каганат.

«Хунны в Китае» написаны позже других частей степной тетралогии («Хунну», «Древние тюрки», «Поиски вымышленного царства», «Хунны в Китае»), хотя Гумилёв начал собирать материал для будущей книги еще в своем последнем лагере. 30 июля 1955 г. он писал своей подруге Эмме Герштейн, что довел историю Срединной Азии до X в. нашей эры⁵. Значит, события IV–V вв. (время действия «Хуннов в Китае») в лагерных черновиках хотя бы отчасти отражены, но в середине пятидесятых в распоряжении Гумилёва не было его этнологической теории, да и многие данные предстояло еще перепроверить.

По словам самого Гумилёва, за «Хуннов в Китае» он взялся после «Поисков вымышленного царства», то есть в 1970 г. Работал он тогда очень быстро и писал очень много, но книга надолго застряла в издательстве. Редактор В.В. Кунин несколько раз за-

³ Там же.

⁴ Там же. С. 64.

⁵ Герштейн Э. Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998. С. 364.

ставлял Гумилёва переделывать книгу. Наталья Викторовна Симоновская-Гумилёва и много лет спустя вспоминала, как «издевался» над ее мужем проклятый редактор⁶, а сам Лев Николаевич жаловался: «Очень трудно мне было ее печатать, потому что редактор Востокиздата, которого мне дали, — Кунин такой был — он издевался надо мной так, как редактора могут издеваться, чувствуя свою полную безопасность»⁷.

Лев Николаевич вообще не любил редактуру. В конце восьмидесятых Гумилёв говорил: «Я сам себе редактор!», и друзья делали так, чтобы редактор только значился в выходных данных книги, но в текст не вмешивался. Но и в шестидесятые годы Гумилёв, видимо, не привык к строгой редакции. Кроме того, Лев Николаевич искренне считал себя «гонимым» ученым, а потому и в работе добросовестного редактора видел происки каких-то своих врагов. Хотя в начале семидесятых Гумилёв был уже преуспевающим доктором наук, его книги выходили в издательстве «Наука», с отказами он почти не сталкивался.

На мой взгляд, правка книгу не испортила, что признал и сам Гумилёв в предисловии к «Хуннам в Китае»: «новый образ книги радует сердце автора». Радует, признаюсь, и сердце читателей.

«Хунны в Китае» интересны не только востоковедам. Это первая монография Гумилёва, посвященная межэтническим контактам и этническим химерам. Научное значение книги выше, чем у «Хунну» или «Географии этноса в исторический период», а для современной России она намного интереснее, чем «Древняя Русь и Великая

степь» или «От Руси до России». Надо вчитаться, чтобы понять эту увлекательную и очень страшную книгу.

* * *

Если «Поиски вымышленного царства» были историческим детективом, то «Хунны в Китае» — античная трагедия, где роль безжалостного и неумолимого рока исполняют открытые Гумилёвым закономерности.

Верный своему географическому подходу, Гумилёв сначала описывает природу страны, где развернется действие, — от оазисов китайского Западного края до Кореи, от Селенги до Янцзы.

Стиль, как всегда, выдает в Гумилёве не только ученого, но и поэта: «Схватка тибетского яка с сяньюбийским тигром весьма благоприятствовала китайскому дракону, но этот неуклюжий ящер опять все прозевал»⁸. В основе композиции развернутая метафора пожара: «Тление», «Вспышка», «Костер», «Пожар», «Накал», «Польмия», «Три цвета пламени», «Зарево», «Огни гаснут», «Угли остывают», «Пепел».

Речь о пожаре межэтнической войны, продолжавшейся больше двух веков. В истории Китая эта эпоха называется «Шестнадцать варварских царств».

Все началось с массовой миграции кочевых племен. Французский тюрколог Рене Груссе сравнивал ее с Великим переселением народов, погубившим Римскую империю. Гумилёв считал, что миграция степняков была вынужденной: в III в. Центральную Азию поразила засуха, и кочевники, чтобы не умереть от голода и жажды, поселились на северной окраине Китая. Китайцы их приняли кисло, но хуннам и переселившимся позднее сяньюбйцам-муюнам (древним монголам) деваться было некуда. Китайские чиновники обижали мигрантов, даже

⁶ Гумилёва Н.В. Воспоминания // Лев Гумилёв. Судьба и идеи. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 473.

⁷ Гумилёв Л.Н. Автонекролог // Лев Гумилёв: Судьба и идеи. М.: Айрис-Пресс, 2008. С. 27.

⁸ Гумилёв Л.Н. Хунну. Хунны в Китае. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 443.

продавали в рабство (чего церемониться с северными варварами?). Зато знатные хунны получали китайское образование и приобщались к величайшей культуре Восточной Азии. Но китайцами они так и не стали, китайцев своими не считали. Китайский сановник Цзян Тун писал, что варвары, переселившиеся в Китай, «пропитаны духом ненависти до мозга костей»⁹. Кочевники до поры до времени терпели, ждали своего часа.

В конце концов хунны выбрали себе шаньюя (правителя) и восстали. Обстоятельства складывались благоприятно — великий Китай слабел от внутренних смут, дворцовых интриг и коррупции, всегдашней спутницы бюрократических империй. Китайцы в то время были народом многочисленным, но сравнительно инертным и не воинственным. Хунны победили и стали хозяевами огромной страны, и вот тут уж они дали волю своей ненависти: «Опьяненные победами, они выместили на китайском населении свои обиды и принесли ему столько горя, что установление мира между народами, населявшими Срединную равнину, стало не только невозможным, но и неприемлемым для обеих враждующих сторон»¹⁰.

Предводитель восставших хуннов Лю Юань не хотел резни, он сам получил китайское образование, был не только доблестным, но и культурным человеком. Лю Юань хотел мира между китайцами и хуннами, говоря, что воюет не против китайского народа, а только против дурного правительства¹¹. Но его подданные рвались истреблять китайцев: «Эту армию не надо было подталкивать и воодушевлять на бой — ее просто было невозможно удержать»¹².

Победоносные хунны создали хищное хунно-китайское государство,

а сам Лю Юань принял китайский титул вана (правителя), а затем объявил себя императором.

Потомки мигрантов стали оккупантами. Ради развлечения знатных хуннов поля китайских земледельцев превращались в охотничьи угодья. Чиновник-хунн мог потребовать у китайца красавицу-дочь, быка или лошадь, если тот отказывал, то китайца всегда можно было обвинить в каком-нибудь уголовном деле и примерно наказать.

Потомки Лю Юаня правили страной недолго. Вскоре хунны растеряли свою пассионарность, а с нею и свою древнюю доблесть, но не обрели мудрости и трудолюбия китайцев. Через два поколения жизни в чужом климате, в чужом ландшафте, в окружении побежденного, но многочисленного и крайне неприятного для хуннов народа, этническая традиция хуннов разрушалась. Они уже не пасли скот, а жили за счет китайского населения.

Моральные нормы были отброшены. Шла стремительная деградация народа. Примером умственного и нравственного уродства был наследный принц Ши Суй. Случалось, что он приглашал на пир свою наложницу, «которая пела, играла на лютне или плясала перед гостями, после чего их угощали... ее мясом, украшенным ее отрезанной головой»¹³. Ни Китай до переселения хуннов, ни кочевья Великой степи не знали ничего подобного. Царевич в конце концов попытался убить отца, но его вовремя разоблачили и казнили.

Гумилёв всегда хуннам симпатизировал, оправдывал их, превозносил их заслуги перед человечеством — от избречения штанов до спасения западных стран от китайской угрозы. Но здесь и Гумилёв вынужден признать: «Хуннские мечи и голод превратили богатую долину р. Вэй, житницу Северного Китая, в обширное кладбище»¹⁴.

⁹ Там же. С. 351.

¹⁰ Там же. С. 388.

¹¹ Там же. С. 373.

¹² Там же. С. 372.

¹³ Там же. С. 408.

¹⁴ Там же. С. 379.

В конце концов возмутились даже терпеливые китайцы. В 350 г., сорок шесть лет спустя после восстания Лю Юаня, приемный сын императора, китаец Жань Минь произвел переворот и позволил китайцам истребить хуннов и кулов (цзэ, цзэлу). Китайцы взялись за дело с таким энтузиазмом, что во время геноцида «погибло множество китайцев с возвышенными носами»¹⁵. Жань Минь пошел навстречу своему народу, а у китайцев в то время была одна цель — изгнать северных варваров, оккупировавших Поднебесную.

Но гибель южных хуннов не положила конец войне. На место хуннов и кулов явились свирепые муюны, с запада в страну вторгались тибетцы, собственную империю попытались создать тангуты. Наконец, из Сибири пришли племена тоба (табгачи), родственные муюнам, но находившиеся под влиянием вовсе экзотичной для Срединной империи тунгусской культуры (они даже носили косы, как тунгусы). Табгачи держались дольше других, потому что дольше сохраняли свое этническое своеобразие. Но и они в конце концов начали терять свою этническую традицию и деградировать: «Перестали обращаться к своим родовым духам и заполнили возникшую в психике пустоту... пьянством. Этот порок поразил больше всего их, не имевших повода бунтовать против своего хана...»¹⁶.

В конце V в. табгачи все больше теряли свои обычаи и перенимали китайские: «Императрица Фэн установила при своем дворе китайские моды. <...> Для детей знатных табгачей учредили школу с китайскими учителями»¹⁷. Табгачское государство становилось китайским. Процесс ускорил император Тоба-Хун II. В 495 г. он запретил родной язык, одежду, прическу. Вместо них вводились китайский язык,

одежда, прическа. Табгачские имена менялись на китайские, табгачам даже запретили браки с соплеменниками. Покойников запретили хоронить в степи¹⁸. В сущности, тоба-табгачи повторили судьбу хуннов, кулов и муюнов — они исчезли как народ, пусть и не так мучительно, как те же хунны.

* * *

Кто же виноват в этом кровавом кошмаре, продолжавшемся дольше двух веков? «...Ответственность за разорение Северного Китая и гибель южных хуннов стоит возложить на Лю Юаня, который, увлекшись гуманистическими иллюзиями, не ведал, что творил»¹⁹, — пишет Гумилёв.

Лю Юань был уверен, что китайцы и хунны могут жить в мире, стоит только установить разумный и справедливый порядок. Точно так же считал тангутский правитель Фу Цзянь II. В его империи жили тангуты, сяньбийцы, китайцы и еще многие, не столь известные и многочисленные народы: «Фу Цзянь II сказал своим приближенным в духе либерального гуманизма: “Китайцы и варвары — все мои дети. Будем обращаться с ними хорошо, и не возникнет никакого зла”»²⁰.

Иноплеменников Фу Цзянь II пытался задобрить, «привязать к себе милостью и материальной заинтересованностью». И все было хорошо до первого серьезного испытания. В 383 г. Фу Цзянь II начал войну с южнокитайской империей Цзинь, слабой и нежизнеспособной. Казалось, исход войны предопределен. Но огромная армия Фу Цзяня состояла в основном из мобилизованных китайцев, которые после первой же неудачи просто дезертировали — разбежались (битва на реке Фэй). Боеспособность сохраняли немногочисленные тангуты и сяньбийцы, но когда сяньбийцы восстали,

¹⁵ Там же. С. 422–423.

¹⁶ Там же. С. 523.

¹⁷ Там же. С. 533.

¹⁸ Там же. С. 536.

¹⁹ Там же. С. 429.

²⁰ Там же. С. 445.

Фу Цзянь II отправил подавлять восстание сяньбийского же офицера, который тут же перешел на сторону повстанцев. Лоскутная империя распалась, а Фу Цзянь II, древнекитайский или, точнее, древнетангутский сторонник интернационализма и мультикультурализма, погиб в 385 г.

Но в чем же ошибки этих умных, талантливых, справедливых правителей? Современный европейский или российский политик, попав в такое же положение, как хуннский шаньюй или тангутский император, наверняка пошел бы их дорогой. Почему древнекитайский мультикультурализм окончился катастрофой?

«...Идея торжествует лишь в том случае, если она верна. — замечает Гумилёв. — Осуществление неверной идеи влечет за собой тяжелые последствия, особенно когда оно проводится последовательно. Фу Цзянь II был человеком по тому времени образованным, но не профессиональным ученым. Это значит, что он был дилетантом. Ему были близки логические построения, а не иррациональная действительность, и он уверовал в то, что этническая принадлежность — рудимент, неактуальный в его просвещенном государстве»²¹.

Но этнос не рудимент первобытности, не миф, не выдумка и даже не социальное положение (наподобие сословия), которое можно, в конце концов, сменить. Не только этногенез, но и межэтнические контакты определяются объективными законами, а не доброй или злой волей политиков, дипломатов, военных: «Когда астрономы наблюдают близкое прохождение большой планеты и малого метеора, то их не удивляет, что последний, подчиняясь силе тяжести, либо падает на планету, либо становится ее спутником. И ни планета, ни метеор, ни законы тяготения не виноваты, потому что в природе нет места понятию вины. Но

когда соприкасаются разные по быту и культуре этнические и суперэтнические целостности, разве может быть иначе? Воля и настроенность отдельных людей растворяются в статистических закономерностях этногенеза, отличающихся от законов природы только меньшей изученностью»²².

Хунны, муюны, кулы и даже табгачи были несовместимы с китайцами. Разница стереотипов поведения вызвала в лучшем случае непонимание, а в худшем — отвращение. Например, у хуннов и вообще у всех степняков Центральной Азии того времени был обычай: после смерти старшего брата его жены переходили к младшему брату, а жены и наложницы отца после его смерти переходили к сыну (кроме, разумеется, матери). Китайцев такой обычай шокировал, они считали это легализованным инцестом.

Когда молодой хуннский шаньюй и, по совместительству, китайский император начал посещать гарем своего отца, первый министр империи, китаец Цзин Чжун объявил, что император живет с «собственными матерями», и поднял китайских патриотов на борьбу с потерявшим стыд варваром. Императора убили, его семью истребили²³.

* * *

Степняки и китайцы жили, как нервные, раздражительные и абсолютно чуждые друг другу соседи по коммуналке; только контакт на уровне этническом намного масштабнее и страшнее персонального уровня коммунальных споров.

Жизнь двух и более враждебных друг другу этносов на одной и той же территории превращает государство и общество в химеру, образование нестойкое и опасное для людей, в него входящих.

Сам термин «химера», «химерная целостность», «химерная конструк-

²¹ Там же. С. 452–453.

²² Там же. С. 350.

²³ Там же. С. 392, 393.

ция» Гумилёв заимствовал из... паразитологии. В этой науке «химерной конструкцией» называется сосуществование паразита и хозяина. Вероятно, сравнение все-таки не вполне удачное. Не обязательно один этнос эксплуатирует другой. Народы могут быть равноправны, как нации и национальности в бывшей Югославии, но положение этнической химеры от этого не станет прочным.

Точнее будет античное значение слова «химера»: сочетание несочетаемого. Огнедышащее чудовище с головой льва, телом козы и хвостом дракона. Создание мрачное, злобное и нежизнеспособное.

Химеры обычно появляются на границах суперэтносов, когда не только в одной стране, в одном государстве (это еще куда ни шло), но в одном регионе и даже, бывает, в одном селении живут представители народов, друг с другом несовместимых. Жизнь в химерном государстве не обязательно тяжела. Например, в Югославии при Тито жили богаче, чем в соседней Болгарии и тем более — в Албании, но страну раздирали межнациональные противоречия, которые и привели к развалу государства и кровавым столкновениям в Хорватии, Боснии, Косове и Метохии.

Вообще-то отношения даже дружественных этносов могут быть конфликтны, ведь сами различия между людьми — уже повод для ссоры. «Вначале все эти “не так” даже милы, а потом начинают раздражать: “Что за черт, все не по-русски!”», — писал Гумилёву из восточной Германии биолог Н.В. Глотов, с которым Лев Николаевич одно время сотрудничал²⁴.

К счастью, химера — не единственная форма межэтнических контактов. Возможны и другие варианты. Ассимиляция — поглощение одного этноса другим, как правило, происходит при

неконфликтном этническом контакте, но возможна ассимиляция даже в этнической химере — поглощение тех же табгачей в V в. китайцами.

Наконец, Гумилёв выделил еще две формы межэтнических контактов, при которых этносы не сливаются, но и не враждуют. Ксения (т.е. «гостья») и симбиоз. Ксения — нейтральная форма: народы живут рядом, не сливаясь, но и не мешая друг другу, как шведы и финны в современной Финляндии, валлийцы и англичане в Уэльсе, русские и башкиры в Уфе. При симбиозе, положительной форме межэтнических контактов, возникают отношения дружественные, когда этносы не соперничают, а взаимно дополняют друг друга. Гумилёву представлялось, что симбиоз и ксения совершенно различны, хотя на самом деле их разделение — научная проблема, Гумилёвым до конца не решенная.

Более того, Гумилёв допустил здесь логическую ошибку. Характер межэтнического контакта при химере или ксении определяется комплиментарностью, но симбиоз, помимо положительной комплиментарности, связан еще и с «разделением труда»: негры-банту обеспечивают пигмеев железом, а пигмеи помогают банту ориентироваться в тропическом лесу. Земледельцы-русичи продают кочевникам-половцам зерно и покупают у них мясо и т.д. Но при чем здесь комплиментарность? Это же нормальный товарообмен. А торговля преодолевает любые границы. Если следовать логике, то своеобразный симбиоз был даже у китайцев с хуннами: китайцы поставляли хуннам просо, а сами покупали у них лошадей. Между тем комплиментарность у этих народов была как раз отрицательной, что Гумилёв и доказал.

Вообще сама идея гумилёвского симбиоза очень напоминает «комменсализм» из сочинения русского этнографа С.М. Широкогорова: «Хотя каждый из комменсалистов может

²⁴ Письмо Н.В. Глотова Л.Н. Гумилёву. 20 октября 1968 // Музей Ахматовой. Документы и автографы. Фонд 21.

быть независим один от другого, но они могут видеть и взаимную выгоду, — охотник может быть обеспечен продуктами земледелия в случае временной голодовки, а земледелец может иметь некоторые продукты охоты, — мясо, меха, кожи и т.д. Примером таких отношений могут быть русские поселенцы Сибири и местные аборигены, а также этносы Южной Америки, уживающиеся на одной территории, — земледельцы и охотники Бразилии»²⁵.

Если есть этносы враждебные друг другу, а есть дружественные или, по крайней мере, нейтральные, значит, надо найти, что же именно возбуждает ненависть между народами. Межнациональная ненависть иррациональна, значит, бессмысленно искать ее причины в экономических интересах коммерсантов и политических амбициях государственных деятелей. В двухвковой войне на Хуанхэ не были заинтересованы ни «северные варвары», ни китайцы, однако война шла и кровь лилась.

Гумилёв объяснял конфликт китайцев и степняков несовместимостью их стереотипов поведения, их этнических традиций: «Одних защищал от врага род, других — государство. Сообразно всему накопленному и передаваемому из поколения в поколение опыту кочевники и китайцы сложились в разные, не похожие друг на друга суперэтносы, с разными стереотипами поведения и разными системами отсчета повседневных идеологических понятий. Произносятся такие слова, как верность, честность, дружба, благо-

дарность и т.п., хунн вкладывал в них один смысл, а китаец — другой»²⁶.

Гумилёв прав. Даже семьи различаются между собой, что же говорить о народах?! Это явление, характерное и для древнего Китая, и для современной России, и, допустим, для Европы XIX в. В декабре 1867 г. Федор Михайлович Достоевский с возмущением писал своему другу Аполлону Николаевичу Майкову о порядках и образе жизни в Германии и Швейцарии: «Нравы дикие, о если б Вы знали, что они считают хорошим и что дурным»²⁷.

Гумилёв в своих статьях и в трактате «Этногенез и биосфера Земли» приводил множество примеров несовместимости стереотипов поведения. Греки презирали скифов за пьянство, а скифам были отвратительны греческие вакханалии. Крестоносцев возмущало многоженство арабов, арабы считали европейских женщин бесстыдницами, потому что те не закрывали свои лица чадрой. Чужие обычаи раздражают, оскорбляют, но еще хуже другое: различаются сами понятия хорошего и дурного, приемлемого и невозможного. И чем дальше этносы друг от друга (не географически, а этнопсихологически), тем хуже должны быть отношения между ними. Поэтому Гумилёв и пишет, что контакты между суперэтноссами чаще всего приводят к возникновению химер.

Эпоха варварских царств не была исключением. Северные варвары не раз появлялись в Поднебесной, то как завоеватели, то как наемники или даже союзники. Но всегда их отношения с китайцами оканчивались плохо.

Империя слишком дорого обходилась китайскому народу. Лояльность кочевых племен покупалась кусками китайского шелка, который служил универсальной и весьма твердой валю-

²⁵ Шифокорогов С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. [Электронный ресурс] // Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН [сайт]. URL: <http://www.kunstkamera.ru:8081/siberia/ShirokogorovEthnos.html> (дата обращения 08.08.2011).

²⁶ Гумилёв Л.Н. Хунну. Хунны в Китае. С. 389.

²⁷ Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 28. Кн. 2. С. 243.

той. Но китайцам все меньше и меньше хотелось отдавать шелк жестоким варварам, которые вообще вели себя довольно нагло.

Одно время уйгурам, вступившим в союз с Китаем, было разрешено жить в столице за казенный счет. Уйгурам это очень понравилось, и они с удовольствием сели на шею китайскому народу. Когда император наконец выслал их на родину, уйгуры хотели увезти в своих дорожных мешках китайских девочек. Китайский чиновник это обнаружил и казнил «гостей», но императору пришлось извиняться и прятать чиновника от гнева уйгурского хана²⁸. Как похожи все слабеющие империи, как много у них общих черт!

Даже удачный, на первый взгляд, опыт первых ста лет империи Тан привел Китай к беде, что и описано Гумилёвым в лучших главах его монографии «Древние тюрки». Основоположники династии Тан, Ли Юань (император Гаоцзун) и его сын Ли Ши-минь (император Тайцзун) умели находить общий язык с северными варварами и привлекали боеспособных степняков в китайскую армию. Центральная Азия превратилась в «резервуар великолепной боевой силы», из которого императоры Тан черпали наемников для бесконечных войн с тибетцами, корейцами, голубыми тюрками и уйгурами. Но нет для государства большей опасности, чем армия, укомплектованная инородцами. Для китайцев тюркские головорезы были ничем не лучше обычных варваров, а тюрки вели себя с мирным китайским населением, как с чужаками.

Имперская гвардия, как говорят,
Быть может, и очень храбра
на войне,

Но грубое варварство этих солдат
С туфанами может сравниться
вполне.

Я слышу народа китайского стон.

Плывут мертвецы по великой реке,

А женщин и девушек, взятых
в полон,
Терзают от их деревень вдалеке.
(Ду Фу)

Степняки были недовольны, что образованные китайцы не дают им продвинуться по службе, и в 575 г. взбунтовался танский военачальник тюркского происхождения Ань Лушань. Он занял обе столицы танского Китая, Лоян и Чаньань, а его солдатня зверствовала над беззащитными китайцами. Война быстро превратилась в межэтническую: «Солдаты знали, что они идут к захвату власти для защиты своих прав; китайцы понимали, что идут варвары — ху, которых надо истреблять. Единство империи лопнуло по шву»²⁹.

Своими силами подавить восстание не удалось, и китайцы вынуждены были пригласить для борьбы с повстанцами своего злейшего врага — уйгурского хана, так что «лекарство» оказалось таким же страшным, как и сама «болезнь». Победа над мятежниками стоила Китаю огромных жертв, а еще одно великое многонациональное государство доказало свою нежизнеспособность: «Распался железный обруч империи Тан, и народы, полтора столетия скованные им, разошлись, и каждый стал на свой путь развития»³⁰.

* * *

Но можно ли доверять востоковеду Гумилёву, ведь синологи не раз попрекали его незнанием китайского и вольной интерпретацией источников? Слово специалистам.

В 1976 г. журнал «Природа» напечатал две рецензии на «Хуннов в Китае». Одну, исключительно положительную, почти восторженную, написал доктор географических наук М.П. Петров.

²⁹ Там же. С. 388.

³⁰ Там же. С. 398.

Другую рецензию написал известный московский синолог А.С. Васильев.

Васильев был к Гумилёву строже. Он критиковал его за отказ считаться с традициями классической синологии, нежелание разобрать историографию проблемы, за незнание китайского языка. Кроме того, Гумилёв, желая оживить текст и сделать его более читаемым, писал о китайской жизни, используя привычные европейские понятия: «бенефиций», «латифундия», «помещик». Профессиональному Китаисту Васильеву это претило. Но, перечислив все недостатки книги, Леонид Сергеевич неожиданно заключил: «Это отнюдь не означает, что все в построениях Л.Н. Гумилёва сомнительно и недостоверно. Как раз напротив, очень многое схвачено вполне точно, изложено достаточно убедительно и в принципе соответствует тому, как это реально протекало»³¹.

В переводе с научно-дипломатического это означало: хотя Гумилёв в синологии дилетант, но его выводы данным науки не противоречат.

Васильев совершенно признал и главную идею книги: «...столкновение двух культур, двух традиций, кочевой и оседло-земледельческой, трагично для обеих: несовместимость их слишком очевидна, что и приводит к катаклизмам, к своеобразной аннигиляции этносов. В принципе эта идея **справедлива...** (выделено мною. — С.Б.)»³².

Леонид Сергеевич, видимо, так же вжился в историю китайского народа, как Гумилёв в историю евразийских кочевников, и судил со своей, китайской точки зрения. Поэтому он сделал оговорку: Гумилёв неверно понял суть трагедии. Трагедия — это «проникно-

вание инородного тела в социальный организм», то есть сама миграция кочевников. Их гибель или ассимиляция в Китае вовсе не трагедия, а неизбежный результат столкновения несовместимых традиций.

«Хуннов в Китае» знают намного меньше, чем другие книги Гумилёва. У многих просто не доходят до нее руки, ведь все спешат прочитать «самое главное», то есть «Этногенез и биосферу», «самое интересное», то есть «Древнюю Русь и Великую степь». Даже «Хунну», кажется, больше привлекает внимание, хотя бы как первая книга Гумилёва. Сергей Лавров, первый биограф Гумилёва, едва упоминает «Хуннов в Китае», разумеется, рядом с «Хунну». Обе книги показались ему «отчаянно трудными»³³ из-за бесконечного потока совершенно незнакомых имен: Ван Ман, Цзун Ай, Тоба Гуй, Муюн Цзюнь, Юй Лян, Фу Цзянь, Хоу Фэй-ди, Лю Юань, которого ни в коем случае нельзя путать с Ли Юанем, и еще десятки, если не сотни. В глазах европейца или русского все они сливаются в общий поток, кажутся неразличимыми, как лица самих китайцев.

Не добрались до «Хуннов в Китае» и многие гумилёвцы и так называемые «неоевразийцы». А если бы они и прочитали книгу, то удалось бы им ее понять? — вот вопрос. Они так привыкли повторять фразу из позднего интервью Гумилёва, — о спасении России через евразийство, — что могут и не заметить очевидного. Слишком многое в истории Китая эпохи варварских царств напоминает реалии нашего дня, но реалии эти как-то уж очень далеки от евразийских фантазий.

³¹ *Васильев А.С.* Природа и история в книге Л.Н. Гумилёва [Хунны в Китае. М.: Наука, 1974]. С точки зрения сиолога...// Природа. 1976. № 4. С. 155.

³² Там же. С. 154–155.

³³ *Лавров С.Б.* Лев Гумилёв. Судьба и идеи. М.: Сварог и К, 2000. С. 179.

ИВАН РУСАКОВ

КАВКАЗ И «МАЛЬТУЗИАНСКАЯ ЛОВУШКА»

Мы все являемся современниками процесса, когда за последнее десятилетие, буквально на наших глазах, благодаря целенаправленной политике лично г-на Путина на Северном Кавказе были воссозданы и даже во многом воскрешены институты традиционного общества, казалось бы, канувшие в вечность за советские времена. Для этого, конечно же, существует множество объективных предпосылок, но пример того, как в Чечне была сознательно создана территория, на которую совершенно открыто не распространяются современные (не самые продвинутые) российские законы и социальные практики, просто поразителен. Местный политический класс публично и демонстративно воссоздает традиции мюридов XIX века, а лично Кадыров наверняка с благословения своего «верховного» патрона стал эдаким всекавказским Хомейни. В том же фарватере стремительно следует и сегодняшний Дагестан с Кабардой.

Конечно же, этот пример является очень заразительным для кавказских правящих кланов — способом канализировать недовольство и протестные настроения «кавказской улицы» в сторону от предъявления счетов «себе любимым» за распад общественной ткани местных институтов, погребенных под грузом чудовищной коррупции и роста населения.

Хотелось бы подчеркнуть: единственный способ удержать власть кавказскими элитами, легитимизируя и оправдывая свое положение в глазах местного населения, — это обращение

к общественной архаике институтов исламского традиционализма. Чуть ниже мы опишем и объясним этот механизм. С местными баями — все понятно, но Москве-то это зачем, для чего это нужно лично Путину?

* * *

Ответ не так уж сложен, электоральная легитимность Путина в определяющей степени зависит от лояльности элит Северного Кавказа и электората некоторых поволжских мусульманских, преимущественно сельских территорий. В современной российской социологии появилось уже такое выражение — «непрозрачные территории», где явка избирателей и результаты голосований резко отличаются не только от столичных округов Москвы и Петербурга, но и от всех остальных, в среднем, русских территорий. На этих «непрозрачных» территориях проживает около 12 млн. избирателей, что составляет примерно 15% от всех избирателей нашей страны, а дальше, господа — главный секрет. Если на русских территориях явка на любого рода выборы составляет в лучшем случае 60–65%, то на «непрозрачных» — практически 95–98%, что автоматически повышает долю проголосовавших до 20%, и голосуют они всегда солидарно, т.е. как надо Путину и местным кавказским и мусульманским элитам.

К примеру, на последних президентских выборах в Чечне за Путина проголосовало 99,8% избирателей; такое ощущение, что голосовали во времена даже не Брежнева или Хрущева,

а особо «ценимого» чеченцами Сталина. Таким образом в копилке того политика, который сегодня называет себя президентом России, почти четверть избирателей (12 млн. из 45 млн. голосовавших) из «непрозрачных» и в основном мусульманских территорий. Если следовать классической теории о тождестве принципов политического и товарного маркетинга, то контроль четверти товарного или политического рынка является определяющим и доминирующим, одномоментное изменение хотя бы пятипроцентной доли способно разбалансировать ситуацию и стать ключевым на любом этапе маркетинговой войны. Что последние декабрьские и мартовские выборы прекрасно продемонстрировали, несмотря на всю разновекторность общественной и политической ситуации и разность преследуемых целей.

Теперь понятно, откуда рождаются мысли о различного рода Евразийских союзах и стремительном предоставлении гражданства России жителям Киргизии и Таджикистана. Конечно же, от недостатка политической легитимности лидера современного политического класса — Путина В.В. — на исконно русских территориях, и эта проблема не текущей политической конъюнктуры, она фундаментальна и необратима.

На русских территориях вектор общественного развития, ориентиры культурного доминирования, стереотипы поведения, несмотря на все ухищрения нашего «чекистского» правящего класса и на весь предшествующий советский социальный опыт, стремятся на Запад, в Европу, но никак не на мусульманский Восток.

Как вы думаете, почему в течение многих лет на исконных русских территориях власти лояльно и сквозь пальцы смотрели на различного рода «стреляющие свадьбы», демонстративное исполнения лезгинок, публичные и кровавые жертвоприношения домашних животных в общественных

местах, почему все эти дикости стали возможны в русских городах? Мы же все помним, началось это чужебесие не при Горбачеве и не при Ельцина, какими бы для нас они ни были неоднозначными политическими фигурами. Началось все это стремительно, как по команде, в последние десять лет, никак не раньше — во времена президентства Путина.

Почему это вдруг мусульмане Северного Кавказа, особенно молодежь, всегда организованная на общинно-полисных принципах централизованного землячества, вдруг стала вести себя на улицах городов так агрессивно? Словно поступил приказ. Ладно, это бы было понятно, когда шла война на Кавказе и когда в основном русские солдаты принуждали к «миру» вооруженные кавказские кланы, но тогда этих проблем в таком вызывающем виде не существовало, а затем официально была объявлена Победа.

Видимо, именно тогда и был заключен этот неформальный договор — «голоса в обмен на архаику», голоса в обмен на право восстановления на территориях Северного Кавказа традиционалистских практик и ментальных общественных моделей, основанных на исламских принципах. Впрочем, кроме родоплеменных и советских, иных никогда на этих территориях и не было, и этот общественный микст, состоящий из племенного сознания, мусульманской ментальности и советского общественного опыта, был «выплеснут» на русские территории.

Боевые действия на кавказских территориях, рост автохтонного населения, тотальная коррупция правящих кланов и, в связи с этим, массовая безработица местного населения — все эти факторы способствуют тому, что кавказцы все активнее покидают традиционные места своего проживания и устремляются в русскую Россию. Где они организуются уже не только по этническому принципу: это надэтнические объединения мужчин-кавказцев,

отличающихся повышенной агрессивностью, социальной мобильностью и спаянностью профессиональными или деловыми интересами. В этих объединениях, в отличие от традиционноплеменных, им легче проявлять свою индивидуальность и личные способности. Именно в этой среде, растет **новое качество** традиционных племенных алгоритмов адаптации к окружающей среде — с упором на **общемусульманскую** идентичность, основанную на исламской глобализации, в том числе и в форме салафизма.

Справка из Википедии: «Салафия — (предки, предшественники) — направление в исламе, объединяющее мусульманских религиозных деятелей, которые в разные периоды истории ислама выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины...». Ключевая, в контексте имеющего отношения к нам — русским — идея салафизма звучит примерно так: салафиты ориентируются на идеи и образ жизни своих ранних праведных предков, и все более поздние нововведения в Коране, особенно привнесенные туда благодаря контактам с еще средневековым Западом, являются еретическими. Салафиты объявляют себя находящимися в состоянии непрерывного джихада, и целью этого движения является построение всемирного государства и общества, абсолютно несовместимого ни с какими европейскими понятиями об общественном, культурном и цивилизационном существовании и социальном развитии. Многие, наверное, помнят интервью, взятые в Москве во время празднования мусульманского праздника Байрам, где граждане азиатской и кавказской наружности, несколько не смущаясь, заявляли о том, что земля принадлежит Аллаху и, следовательно, Москва тоже часть его владения, поэтому, исходя из такого немудреного посыла, они, как последователи Аллаха, тоже имеют право на русскую столицу.

Теперь понятно, почему кавказцы так агрессивно ведут себя на улицах наших городов? Либералы говорят: «это эхо прошедшей войны», единороссы налегают на отсутствие бытовой культуры и «стрессы большого города». Ничего подобного: всё они понимают и всё они знают про бытовую культуру, как минимум, у себя дома они же себя так не ведут. Просто они **хотят так себя вести и так и ведут**. Они же в джихаде. Им разрешил Путин, они же вместе с ним борются с «коварным Западом» и строят евразийскую империю.

Недавно опубликованы итоги переписи населения 2010 г. по Северо-Кавказскому федеральному округу. В округе проживает 9,42 млн. человек, рост населения зафиксирован практически во всех регионах Северного Кавказа, наибольший рост — в Чечне (+15%), Дагестане (+13%), Карачаеве (+8.7%). Коренные народы Кавказа продолжают размножаться, несмотря на высокую безработицу — ее уровень доходит в той же Чечне до 40%, в Ингушетии до 42%. Как показала перепись, Кавказ установил еще один рекорд, крайне важный для нас в понимании складывающейся обстановки: почти 40% населения назвали главным источником дохода — иждивение, а пособия по безработице еще 25% жителей (в русской России таких 28% и 9% соответственно). Итого: более 60% кавказцев формируют свои доходы не занимаясь производительным трудом.

* * *

Еще раз хотелось бы обратить внимание: социальную базу салафитов или формально им противостоящих приверженцев традиционных архаических моделей устройства общества, основанных на исламской морали (пример — Чечня), представляют преимущественно выходцы из нижних страт средних слоев населения «кавказской улицы»: мелкие и средние служащие, ремесленники и сезонные ра-

бочие, безработные, розничные торговцы, студенты, интеллигенция, разочарованная в возможном прогрессе мусульман на основе западных ценностей. Успех идей салафитов накрепко связан с антитезой европейскому пути общественного и культурного развития, социальной модернизации в западном понимании этого термина, с прямым осуждением ценностей общества потребления и неприятия институтов частной собственности, с поддержкой идеи приоритета коллективистских начал над индивидуализмом и т.д. Собственно, салафитство и немодернизированный ислам и являются идеологической базой этой антитезы.

Как известно, христианство практически внесоциально и, в отличие от ислама, делает упор на нравственных, духовных и, конечно же, мистических категориях. В Коране же, в том числе, заложены и **обязательные нормы** социальной справедливости с требованием неукоснительного их исполнения. Поэтому никогда и не скрывалось, с самых ранних большевиков, что ислам и социализм — союзники, и поэтому арабистика в Советском Союзе была на мировом уровне. Так что доктрины «арабского социализма» выросли не на «пустом месте», и именно в тех странах, где эти доктрины развивались, салафизм наиболее органично вписался в текущую действительность (вспомним современный Египет). И произошло это, в том числе, и благодаря предшествующему социальному опыту.

Это не скрывается и сейчас, посмотрите на форумах, о чем пишут местные доморощенные коммунисты (не мусульмане). «Салафиты, они социалисты по определению, они считают, что истинными мусульманами были только три поколения после Пророка, что все остальное было принесено, по их мнению, в Ислам извне, то, что у нас на Кавказе вообще не Ислам, там, куда приходил Ислам, там цвела наука, справедливость, по сути

там везде формировался социализм... они не вешать, а помогать мне будут», — пишет очередной правочерный коммунист и почему-то в блоге на форуме Пермского губернатора (<http://basargin.livejournal.com/4598.html?thread=310006>). А всякого рода левые гуру в лице Валлерстайна, видимо, в отчаянии от провала мировой левой идеи, после развала Варшавского договора и Советского Союза, вообще объявляют современным угнетенным пролетариатом европейских арабских безработных.

В принципе, в этом что-то есть. Как известно, мусульмане в Европе не создают своих конфессиональных партий, хотя это разрешено законом. Зато они голосуют одинаково во всех странах — и поголовно за левых. По данным опросов, во втором туре выборов президента Франции более 90% французских мусульман голосовало за левого социалиста Олланда (конечно же, после его предложения повысить пособия), и если бы не эта исламская мобилизация, вряд ли он победил вообще, так как разрыв между ним и Саркози был не более 3%. Вот еще один урок для России, вот еще одна мина, заложенная лично Путиным под фундаментом благосостояния русских регионов нашей страны.

Мы уже говорили о вовлеченности мусульманского населения Северного Кавказа в мировой исламский контекст, в те фундаментальные сдвиги, которые происходят в мусульманской цивилизации. Нахождение этих территорий формально в рамках государственных границ России, через систему дотаций, ретуширует некие глобальные социальные и экономические характеристики, общие для всех мусульманских территорий, и не только арабских. Российский Северный Кавказ, как и весь глобальный мусульманский мир (за исключением коренных жителей нефтяных арабских княжеств), давно уже находится в так называемой «мальтузианской ловушке».

Википедия: «Мальтузианская ловушка» (англ. Malthusian trap) — типичная для доиндустриальных обществ периодически повторяющаяся ситуация, в результате которой рост населения, в конечном счете, обгоняет рост производства продуктов питания. Поэтому в долгосрочной перспективе не происходит ни роста производства продуктов питания на душу населения, ни улучшения условий существования подавляющего большинства населения, а напротив — оно остается на уровне, близком к уровню голодного выживания. Более того, при достижении критической плотности населения, как правило, разряжается катастрофическими депопуляциями — вроде войн, эпидемий или голода...».

Если говорить об условиях для нахождения в «мальтузианской ловушке», то необходимо сразу отметить — они не имеют никакого религиозного, культурного или цивилизационного контекста, исключительно — социальный. Из этой «ловушки» мучительно выходили практически все крупные страны Запада, в ней была Россия в конце XIX и начале XX века (и мы знаем цену этому выходу), современный Китай по-своему ответил на этот вызов — диктаторски установив границы размеров семьи... Итак, указанные условия таковы:

1. Доля населения сельского населения должна быть не менее половины населения страны.

2. Доля молодежи должна составлять не менее 25%, доля молодежи среди безработных — не менее 30%

3. В структуре экономики, на политэкономическом уровне должны доминировать доиндустриальные принципы

4. Динамика развития экономики должна позволять находиться в режиме т.н. переядания (отсутствия на социологическом уровне смертного голода).

Кавказе составляет: Дагестан, Ингушетия, Карачаево — более 57%, Чечня — 65%; доля молодежи: Чечня — 33%, Ингушетия — 29%, Дагестан — 26%; доля безработных в возрасте до 30 лет — как раз треть. Вряд ли кто будет сомневаться, что на этих территориях нет голода, а экономика в этих регионах, после того как эти края системно покинули русские, — утратила всякого рода остаточного-индустриальные черты. Не прививаются в этих областях и постиндустриальные сегменты глобальной экономики: сетевой торговый ритейл, современные логистические центры, it-услуги и т.д.

Данным характеристикам соответствуют и все страны Магриба и Ближнего Востока, где уже давно нет смертей от недоедания, а уровень безработицы среди молодежи составляет более 50%, все то же самое, только в более радикальных формах и пропорциях, что, по большому счету, и породило феномен «арабской весны», но никак не всемирный «американский заговор», если уж пытаться по-«взрослому» найти первопричины такой революционной волны, процесса, кстати, довольно редкого в мировой истории. Молодежь всегда играла ключевую роль в политическом и военном насилии во всей письменной истории человечества, и сегодняшние времена тому не исключение... все еще впереди.

Современная западная экономическая наука научилась описывать эти процессы, когда уровень простого воспроизводства не поспевает за ростом уровня населения. Учеными установлено, что в мире начиная с XVI в. (не только на Западе, но и в Китае, Индии, Османской империи) мальтузианский режим роста содержит один политэкономический феномен повсеместной фиксации — **низкое доходное неравенство** и рост этого неравенства только в случае роста доли населения ниже черты прожиточного уровня. По-русски говоря, еще в XVI в. и в Европе, и в Азии, и на Ближнем Востоке

доля богатых или просто обеспеченных людей была настолько мала, что никак не влияла на общий уровень неравенства, и увеличение этого разрыва могло происходить не путем увеличения обеспеченных или богатых, а продолжающимся обнищанием и так бедных (тот самый смертный голод).

Далее, и в Европе, и на Ближнем Востоке и Азии низкое неравенство обеспечивали коллективистские институты, интегрированные в сельские общины и городские цеховые структуры, а также государство и религиозные организации, руководствующиеся преобладанием интересов социальных коллективов над интересами индивидуумов. Многим, наверное, покажется странным, но еще во времена Реформации цены на хлеб купцы на ярмарках согласовывали с местными католическими и протестантскими приходами, а установление справедливой нормы кредитования вообще было прерогативой Западной Церкви еще с раннего Средневековья. И пресловутые евреи были прямыми конкурентами Папы в столь интимных таинствах рождения ссудного процента (в Русской Церкви все было так же), видимо, в том числе и оттуда родились не менее пресловутые антиеврейские гонения.

Низкое неравенство порождало низкую норму сбережения, массовая бедность не позволяла скапливать деньги и отдавать их в рост через банковские системы (говоря по-простому, из-за нищеты не было не только «Сбербанка», но даже советских «сберкасс»), а это означало не менее низкую норму инвестиций, их просто не на что было делать, не было денег. Даже если по какой-то причине, в большинстве случаев во время удачной войны, увеличивались доходы населения, они тут же нивелировались ростом населения.

Западной Европе удалось вырваться из «мальтузианской ловушки», по словам нобелевского лауреата Роберта Солоу, только после того, когда верховенство права, гарантии прав соб-

ственности, свободные рынки уменьшили состояние глобальной **неопределенности** вокруг сбережений, инвестиций и предпринимательской активности и повысили стимулы для активных людей заниматься экономической деятельностью, а не военными грабежами и молитвами. Вот именно тогда, когда были выполнены эти условия, — и произошла Промышленная революция в Англии и Голландии, вот именно тогда наступил капитализм и время Модерна.

Именно этот процесс запускает траектории, не всегда линейные и не такие уж быстрые, разрыва состояния низкого неравенства не в сторону смертного голода, а в сторону появления сначала «новых богатых», а затем все расширяющего сословия обеспеченных людей, городских и сельских мещан — будущего среднего класса. Например, во времена огораживания, так оболганного Марксом («овцы съели людей»), этой процедуре подвергались только разорившиеся сельские общины, и что поразительно: каждый такой факт утверждался парламентом. Во времена первоначального накопления капитала доля сбережений и инвестиций в ВВП увеличилась с 6% в 1760 г. до 12% в 1831 г. Да, по современным меркам жизненных стандартов работа на мануфактуре — это что-то несовместимое с жизнью, но в те времена даже такая работа спасала от настоящего социального ада, который был за фабричными воротами.

Вам в очередной раз покажется странным, но еще в XV в. уровень жизни в турецком Египте был выше, чем в Англии, и только в XVIII в. Европа догнала Китай по уровню общего благосостояния, и произошло это не только (и не столько) благодаря Великим географическим открытиям. Определяющими были — общественные институты, и прежде всего институты частной собственности.

«Кардинальное перераспределение собственности (земли) в Англии и от-

сутствие такого перераспределения в Китае доказывают данные о величине фермерских хозяйств: в Британии их средний размер вырос с 14 акров в XIII веке до 75 акров в 1600–1700 годах и до 151 акра в 1800-м, тогда как в Китае он снизился с 4 акров в 1400 году до 3,4 акра в 1650-м и до 2,5 в 1800-м (в дельте Янцзы — с 4 в 1400-м до 2 в 1600–1700 годах и до 1 в 1800-м). В Китае растущему сельскому населению предоставлялась земля за счет существующих владельцев; в Англии, напротив, фермеры сгонялись с земли и превращались в пролетариев. Доля городского населения в Англии повысилась с 6% в 1600 году до 13% в 1700-м и 24% в 1800-м, тогда как в Китае она сократилась более чем с 20% в XIII веке всего лишь до 5% (!) в начале XIX.

В XVI–XVIII веках, таким образом, Европа и Китай (да и весь Юг) разошлись не столько в динамике потребления, сколько в динамике имущественного и доходного неравенства, сбережений и инвестиций. В Англии к 1800 году уже две трети работников были пролетариями (работающими по найму), а в Китае — только 10%» (журнал «Эксперт». 2012. № 19).

Переход всей экономической «машинерии» Европы, а в дальнейшем и колоний Северной Америки, с моделей простого потребления на механизмы расширенного накопления стала крупнейшей социальной революцией в истории человечества, этот переход можно сравнить по своему эффекту с неолитической революцией первых времен. Столетиями — и во времена блистательной Греции и Рима, всех китайских императорских времен, Великих Моголов и империй майя, Крестовых походов и расцвета Византийской империи и Киевской державы — темпы роста доли сбережений и инвестиций не поднимались выше 5% в год, что было едва достаточным для возмещения изношенного основного капитала.

К сожалению, большая часть человеческой истории всегда повторяла

одну и ту же модель — более сложные социальные системы не выдерживали военной конкуренции с системами более примитивными, к которым всегда относились азиатские и арабские кочевые сообщества. Разрушения, нанесенные кочевыми дикарями более высокой материальной и духовной культуре, практически никогда невозможно было восстановить. Только Китай и Московская Русь путем немыслимого витального напряжения, нескольких веков сопротивления, смогли сломить кочевые орды язычников и мусульман и сохранить собственное цивилизационное своеобразие. Вряд ли когда-нибудь утихнут споры о том блистательном прорыве, который совершила Западная Европа — зависел ли он от объективных факторов или содержал ряд выдающихся исторических случайностей, — но есть объективный исторический факт: на территорию ядра западной цивилизации никогда не падала тень азиатской цивилизационной чумы. Визуальное представление о том, что это представляло собой, показано в прекрасном изобразительном ряде не самого выдающегося исторического фильма режиссера Прошкина «Орда», и от этой «саманной чумы» мировую христианскую цивилизацию спасла именно наша страна, а если быть последовательным до конца — именно мы, русские, остановили пределы распространения мировой дикости.

«Запад, таким образом, вырвался из мальтузианской ловушки не столько благодаря своей изобретательности, рожденной свободными университетами и правовыми гарантиями, сколько благодаря жестокости в переделе собственности, который позволил повысить норму сбережений, затрачивать больше средств на изобретения и реализовать эти изобретения “в металле” через возросшие инвестиции» (журнал «Эксперт». 2012. № 19).

В том числе и по этим причинам наша страна не смогла преодолеть

«мальтузианское проклятие» в начале XX в.: к 1905 г. в нашей стране на полном праве частной собственности находилось не менее 25% товарной земли, остальные земли были в государственной и общинной собственности. Но еще худшим было другое. Согласно тогдашним законам, русские крестьяне не имели юридических прав на владения своей надельной землей на частном праве, которую они выкупили у дворян согласно Реформе Александра II. Текст того знаменитого Манифеста гласил: «... Помещики, сохраняя право собственности на все принадлежащие им земли, предоставляют крестьянам за установленные повинности в постоянное пользование усадебную их оседлость и сверх того, для обеспечения быта их и исполнения обязанностей их пред правительством, определенное в положениях количество полевой земли и других угодий.

...Вместе с тем им (крестьянам. — *И.Р.*) дается право выкупать усадебную их оседлость и другие угодья, отведенные им в постоянное пользование. С таковым приобретением в собственность определенного количества земли крестьяне освободятся от обязанности к помещикам по выкупной земле и вступят в решительное состояние свободных крестьян-собственников».

К сожалению, указ Великого Царя-Освободителя не был выполнен и фактически перестал выполняться уже во времена его сына, когда больше половины выкупных сумм было выплачено и, по сути, было ясно: через каких-то 5–8 лет в России появятся миллионы крестьян-собственников. В это время главным советником Александра III, Великим охранителем тех времен, эдаким М. Суловым того времени — К.П. Победоносцевым было принято решение, что русскому народу вредна частная собственность, что она опасна для монархии, а органическая миссия России состоит в развитии общинного труда. Кстати, вот классический пример **цены политиче-**

ского охранительства — отсутствие будущего для страны, это же касается и нынешних времен. Для того чтобы правильно понимать, что произошло и какой негативный эффект это вызвало среди русских крестьян, стоит только пофантазировать: если сегодня все квартиры, приватизированные гражданами нашей страны, вдруг снова объявят государственными — вот так просто, одним указом, в целях так сказать духовного развития российских граждан — то интересно, какой это вызовет сдвиг сознания нынешних россиян.

Именно после принятия этого судьбоносного решения и было произнесено бывшим министром финансов России И.А. Вышнеградским знаменитые слова: «Сие решение поколебало основы частной собственности в представлении русского крестьянина», и к пресловутому 1913 году в России частной земельной собственностью владело всего 4% крестьян и 1/3 дворян, все остальное было сосредоточено или в крупных латифундиях, или в условном крестьянском пользовании. Как известно, Столыпину просто не хватило исторического времени на свои реформы... и в дальнейшем за Мальтуса все решали Троцкие, Ленины и Сталины, Гражданская война, Голодомор, коллективизация и та проклятая война... а параллельно — финансирование мирового коммунистического движения, национальные республики и алкоголь... и «ловушка» исчерпала сама себя естественным способом: через «русский крест».

* * *

На Северном Кавказе социальная история еще хуже российской: институты частной собственности здесь исторически не существовали даже среди племенной аристократии, опыт советской модернизации (технический и социальный) сегодня признан не соответствующим нормам ислама и искореняется тотально. Вспомним запрещение появляться без головного убо-

ра на улицах Грозного местным женщинам, возникновение и параллельное существование шариатских судов, тотальная борьба с празднованием классического Нового года и т.д. и т.п. Северный Кавказ из территории, где хотя бы в городах совсем еще недавно чувствовался, пусть советский, но европеизированный тип жизни, стремительно опускается до стиля жизни египетских, ливийских, иракских городов, а горные селения скоро будут неотличимы от афганских кишлаков.

Скажите, пожалуйста, чем сегодня радикально отличается общественная ситуация, с точки зрения политического и религиозного насилия, в современном Дагестане от Египта и Ливии? Не правда ли, только масштабом? И этот уровень регулируется только денежными вливаниями, отрываемыми от русских территорий, и количеством русских солдат и офицеров, ведущих антитеррористическую борьбу на Кавказе. Стоит только приостановить этот налог русскими деньгами и русской кровью, введенный нынешним антирусским (несоветским) правящим режимом, как Северный Кавказ накроют мальтузианские страсти, которые в данный момент всего лишь загнаны внутрь, в рамках модели — «голоса в обмен за архаику» — эта проблема не решается в принципе.

Есть ли какой-то пример в современном мусульманском мире, есть ли какая-то страна, которой удалось преодолеть эти противоречия одновременно с общественным развитием и сохранением собственного цивилизационного своеобразия? Мы не будем брать малые нефтяные княжества Аравийского полуострова, этот пример нехарактерный — слишком мало населения и слишком много нефти, но, оказывается, кроме этих стран, есть еще одно государство, современная история которого полна драматизма и в то же время небывалого общественного и экономического роста, и называется она — Турция. В каждом горо-

де этого государства стоят памятники Ататюрку.

Википедия: «Возглавив после поражения (октябрь 1918) Османской империи в Первой мировой войне национально-революционное движение и “войну за независимость” в Анатолии, добился ликвидации марионеточного правительства султана и оккупационного режима, создал новое, основанное на национализме (“суверенитете нации”), республиканское государство, провёл ряд серьёзных политических, социальных и культурных реформ, таких как: ликвидация султаната (1 ноября 1922), провозглашение республики (29 октября 1923), упразднение халифата (3 марта 1924), введение светского обучения, закрытие дервишских орденов, реформа одежды (1925), принятие нового уголовного и гражданского кодексов по европейскому образцу (1926), латинизация алфавита, отделение религии от государства (1928), предоставление избирательных прав женщинам, отмена титулов и феодальных форм обращения, введение фамилий (1934), создание национальных банков и национальной промышленности...

...По мнению российского тюрколога В.Г. Киреева, военная победа над интервентами позволила кемалистам, которых он считает “национальными, патриотическими силами молодой республики”, обеспечить стране право на дальнейшее преобразование и модернизацию турецкого общества и государства. Чем больше кемалисты упрочивали свои позиции, тем чаще они заявляли о необходимости европеизации и секуляризации. Первым условием модернизации было создание светского государства. 29 февраля 1924 г. состоялась последняя традиционная церемония пятничного посещения последним халифом Турции мечети в Стамбуле. На следующий день, открывая очередное заседания ВНСТ, Мустафа Кемаль произнёс обвинительную речь по поводу веково-

го использования исламской религии в качестве политического инструмента, потребовал вернуть её “истинному предназначению”, срочно и самым решительным образом спасти “священные религиозные ценности” от разного рода “тёмных целей и вожделений”. 3 марта на заседании ВНСТ под председательством М. Кемаля были приняты, среди других, законы об отмене в Турции шариатского судопроизводства...

...В 1926 году был принят новый Гражданский кодекс, где устанавливались либеральные светские принципы гражданского права, определялись понятия собственности, владения недвижимого имущества — частного, совместного и т.д. Кодекс был переписан с текста швейцарского гражданского кодекса, тогда — самого передового в Европе. Таким образом, ушёл в прошлое Меджелле — свод османских законов, а также Земельный кодекс 1858 года...

...В аграрной политике государство распределяло среди безземельных и малоземельных крестьян национализированную вакуфную собственность, государственную и земли покинувших или умерших христиан»

Даже беглый просмотр такой незамысловатой энциклопедии, как Википедия, по вопросам реформ Ататюрка в Турции показывает: господин Путин и его верные «кавказские янычары» в лице Кадырова и Магомедова совсем не тем путем ведут свои народы, они его ведут в тупик — вернее, в кровавую баню «мальтузианских ловушек», восстанавливая на подвластной им территории институциональные принципы общественного поведения и социальных практик, основанных на архаике мусульманских традиций.

Ататюрк много экспериментировал, многому подражал, но благодаря ему политическая элита Турции усвоила самое важное: если хочешь своему народу и своей стране общественного прогресса — ориентируйся на За-

пад, эмансипируй женщин, дай европейское образование среднему классу, вырасти собственную буржуазию. И уже после его смерти, в середине 40-х годов, к власти пришла через демократические выборы (насколько это было возможно в Турции, так как это было впервые в истории мусульманской цивилизации) и власть после выборов взяла националистическая, буржуазная партия. Называлась она просто — Демократическая партия. Собственно, с ее правления Турция и стала той страной, которой мы ее знаем сегодня, и как любая буржуазная националистическая партия, она начала с земельной реформы.

С 1947 г., когда реформа только начала практически претворяться в жизнь, и до государственного переворота 1960 г. всего крестьянам было передано на условиях выкупа (по умеренным ценам в течение двадцати лет) 1937 тыс. га из числа пустовавших и бесхозных земель. Кроме того, в общее пользование деревень поступило 1440 тыс. га пастбищ и лугов. Эти в значительной степени малоудобные земли, для освоения которых требовались большой труд и средства, получили 368 650 семей (около 12% всех земледельческих семей). Это очень скромный результат, если учесть число безземельных и малоземельных крестьян (по переписи 1952 г., две трети сельского населения), но именно с этого все и началось, медленно и неторопливо, как это бывает всегда в мусульманской традиции. Затем уже торговый и мелкий аграрный капитал стал постепенно к 70–80-м годам трансформироваться в промышленный: переработка хлопка и сельхозпродукции, текстильная промышленность, обувная и швейная, товары массового потребления и с конца 80-х — начала 90-х стал развиваться массовый туризм. На сегодняшний день в Турции действует закон о взаимности признаваемых условий, по которому даже иностранцы могут приобретать недвижимость в любой фор-

ме: здание, сооружение и любые земельные участки, но только в том случае, если подобные условия действуют для турецких граждан в их странах.

Страна без нефти и газа стала ведущим и сильнейшим, в том числе и в военном отношении, неарабским государством в мусульманском мире, и именно в те времена, когда другая неарабская страна с правоверными муллами и самим Хомейни впереди «сжигала» себя, по классическим мальтузианским критериям, в войне с другой мусульманской страной. И в обе эти стороны «Большой и Малый Сатана» (Америка и СССР) поставляли оружие за хорошие деньги (кстати, Ирак одна из немногих стран, которая реально рассчитывалась с СССР конвертированной валютой). Лично меня такое положение будет устраивать, при определенных обстоятельствах, и дальше: в любом случае большая война на Ближнем Востоке неминуема. Какое будущее выберут для себя лидеры мусульманских стран... и северокавказских республик?... Русским в любом случае надо быть в стороне, но в состоянии **вооруженного нейтралитета**.

* * *

Русские территории РФ стремятся к общественной модернизации, на российском Кавказе — явственное погружение в традиционное общество. Именно эти взаимоисключающие тренды разных ментальных общественных установок и образов — общественно-модерна и традиции — и **взорвут территориальное единство РФ**, а не пресловутая межнациональная рознь или «тень Манежки» с призывами «не кормить Кавказ». Надо только крепко помнить имя автора **настоящего**, а не мифического развала РФ и не дать себя обмануть при очередной попытке Кавказской войны как части Большой Ближневосточной войны.

Кстати, вот вопрос, правда, находящийся за рамками данной статьи: **а что такое собственно развал России** — не

с формальной стороны: изменение границ, свертывание флага, вывод войск... там все понятно; то есть не на уровне геополитических понятий, а на уровне цивилизационных ценностей, ценностей сбережения русского народа и обустройства его исторической территории. Вот, например, отпадение Урала или Сибири от Центральной России: вряд ли у кого-то вызовет сомнения, что это и есть распад России, и это действительно в отличие от известной сентенции будет геополитической трагедией, и этого допустить нельзя (я не встречал человека, кто думал бы по-другому). А отпадение Северного Кавказа... это есть развал России, а отпадение Алжира от Франции — это развал Франции, а отпадение Индии — это развал Великобритании, а отпадение Конго от Бельгии — это развал Бельгии?..

Так вот, для сведения убежденных имперцев, «нашистов»-путинистов, коммунистов, государственников и прочих любителей «единых и неделимых территорий»: чтобы удержать Северный Кавказ в составе РФ, необходимо демонтировать «кадыровщину» как систему общественных отношений и постоянно подтягивать уровень модернизации кавказского общества хотя бы до уровня провинциального — среднероссийского. Например, по мнению руководителя центра социально-экономических исследований регионов Ramcom Д. Соколова (газета «Ведомости» от 15.09.10), приватизация земли должна стать пусковым комплексом реформ на Северном Кавказе: «Земля — основной и дефицитный ресурс на Северном Кавказе. Для формирования частной собственности и создания залоговой базы в регионе необходимо оперативно провести разграничение государственной собственности на землю, границы опубликовать; определить принципы приватизации земли для каждого муниципального поселения. Согласовать их на сельских сходах и опубликовать. Отменить мо-

раторий на приватизацию земель сельскохозяйственного назначения и провести эту приватизацию... Земля, введенная в оборот, позволит преодолеть дефицит финансирования экономики республик и заменит госгарантии».

Канализировать общественную энергию **внутри самого Кавказа** можно только сгенерировав процессы, которые захватят всю «кавказскую улицу», которые станут настоящим **модернизационным потрясением** для Кавказа, ибо на этой территории никогда, как мы уже упоминали, даже среди правящего класса, частная собственность как законченный институт не существовала во все исторические времена.

Сложно не согласиться и с таким мнением Д. Соколова: «Действующий на Кавказе мораторий на приватизацию земли прикрывает свершившийся земельный передел в интересах чиновников, и это **минное поле** (выделено

мною. — *И.Р.*)». Пусть на этом «минном поле» рвутся горячие кавказские ребята, это их земля, это их судьба, к русским делам это не имеет никакого отношения. В конце концов, что каждый из нас хочет выбрать: условную Турцию у границ русских земель (без относительности современной госграницы РФ) или условную Ливию с Йеменом. Если кому-то хочется в этом поучаствовать, я думаю можно набирать добровольцев из числа «нашистов», а если это сорвется, я думаю, сыновья членов «Единой России», возглавляемые своими отцами, заложат на Северном Кавказе основание фундамента построения Евразийского союза (с дальнейшей эмиграцией на эту благословленную землю, оставив нас, сирых, один на один с «агрессивным блоком НАТО»). Все иные социальные практики противоречат русским национальным интересам.

**Издательская группа «Скимень»
выпустила в свет книгу
Константина Крылова «Прогнать чертей»**

Константин Крылов — признанный интеллектуальный лидер русского национального движения. Последовательный националист, радикальный критик российской политической и культурной реальности, продолжатель традиций классической публицистики — и блестящий мыслитель, чье творчество стало одним из самых ярких явлений интеллектуальной жизни России «нулевых».

Запрещенный в официальных СМИ, он сумел завоевать популярность и внимание читателей благодаря электронным сетям. Личный интернет-дневник www.krylov.livejournal.com — один из самых популярных блогов Рунета.

В сборнике представлены тексты, посвященные общественно-политическим темам: начиная с устройства современного российского государства и кончая положением русского народа.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-551-49-54, kkrylov@mail.ru (Константин Крылов); 8-964-580-19-12, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

Максим Жих

Народ и власть в Киевской Руси (с начала XII в. до монгольского нашествия)

Как было показано в предыдущей статье¹, уже в XI в. всю территорию Руси охватил процесс становления самоуправляющихся социально-политических структур — городских вечевых общин. В XII–XIII вв. их развитие продолжалось. Повсеместно «люди градские» Древней Руси выступают активной и самостоятельной общественно-политической силой, которая успешно борется за приоритет с княжеской властью. Именно борьба городских вечевых общин за свои права с княжеской властью и их столкновения друг с другом (в первую очередь — борьба одних городов за независимость от других) стала важнейшим фактором социально-политического развития домонгольской Руси. В то же время в условиях нарастающей социальной стратификации в рамках древнерусской городской общины в XII–XIII вв. её жизнь начинает осложняться элементами социального противостояния. В такой ситуации именно широкие массы свободного населения Древней Руси начинают борьбу за окончательное торжество принципов гражданской политической общины, близкой к античному полису, в частности, за ликвидацию в древнерусском обществе «внутреннего» долгового рабства и за сохране-

ние права всем свободным людям принимать участие в политической жизни, быть её деятельным субъектом.

* * *

В правление киевского князя Святополка Изяславича (1093–1113) положение простого народа существенно ухудшилось. С одной стороны, он стремился сосредоточить всю власть в своих руках, не считаясь с вечем, а с другой — покровительствовал ростовщикам, в том числе и еврейским, которые навязывали людям кабальные проценты и порабощали их за долги, будучи и сам не прочь нажиться, например, на спекуляциях солью. Растущая социальная дифференциация древнерусского общества и сопровождающий её рост разных форм зависимости одних людей от других, в первую очередь — развитие системы долгового рабства, подрывали единство городской общины. При этом правительство Святополка Изяславича никак не препятствовало соответствующим процессам, возможно, именно потому, что ослабление общины обеспечивало укрепление княжеской власти.

Должники — *закупы* — были почти полностью бесправны. Они должны были или очень долго, а то и вечно, платить своему кредитору² (преиму-

¹ Жих М. Народ и власть в Киевской Руси (до конца XI века) // Вопросы национализма. 2012. № 10.

² Б.А. Рыбаков поясняет, как работала тогда на Руси выплата долгов: «Предположим, что какой-то крестьянин занял у боярина

щественно в городе) или отрабатывать долг с процентами работой в господской вотчине (преимущественно в деревне), что могло длиться долгие годы, так как ставки по кредитам были очень большими. Попытка закупа уйти от своего кредитора даже с целью заработать где-то на стороне деньги и выплатить долг или пожаловаться князю на произвол с его стороны наказывалась превращением закупа и его потомков в полноценных рабов, *холопов*, навсегда. Фактически должник-закуп мало чем отличался от раба-холопа: он не мог быть свидетелем в суде, не отвечал за похищенное господское имущество (даже если не была доказана его причастность к краже), мог быть практически как угодно наказан господином и т.д. Почти любой кредит приводил к закабалению свободного человека.

Киев оказался примерно в том же положении, что и Афины накануне реформ Солона или Урук накануне реформ Урукагины: рост имущественного и социального неравенства, обогащение меньшинства и обеднение большинства, рост долгового рабства и порабощение одних людей другими (в отличие от Афин, в Киеве положение было осложнено тем, что среди ростовщиков играл важную роль иноэтничный элемент — евреи, против которых, как увидим, был в значительной мере направлен гнев киевлян, что привело к осложнению социального протеста национальным фактором),

---

в тяжёлую годину 6 гривен серебра. По существовавшим тогда высоким нормам годового процента (50%) он ежегодно должен был вносить боярину 3 гривны процентов (а это равнялось стоимости трёх волов). И если должник не в силах был, кроме процентов, выплатить и самый долг, то он должен был нескончаемое количество лет выплачивать эти ростовщические проценты, попадая в кабалу к своему заимодавцу» (*Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 450–451).

грозили городской общине, как социальному организму, гибелью. Чтобы остановить этот процесс, требовались чрезвычайные меры, направленные на укрепление единства городской общины и сглаживание социальных противоречий внутри неё, аналогичные тем, которые были осуществлены двумя помянутыми реформаторами. На Руси роль такого «социального посредника» сыграл Владимир Мономах³, а инициатором социальных реформ выступили широкие демократические массы свободного населения Киева, вынудившие социальную элиту пойти на серьёзные уступки в интересах всего народа.

После смерти непопулярного Святополка в Киеве произошли следующие события:

Наутрѣя же, в семы на 10 день, светъ створиша кияне, послаша к Володимеру, глаголюще: «пойди, княже, на столъ отенъ и деденъ». Се слышавъ Володимеръ плакася велми и не поиде, жаля си по брате. Кияни же разграбиша дворъ Путятинъ, тысячьско-го, идоша на жиды и разграбиша я. И послашася наки кияне к Володимеру, глаголюще: «Пойди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то веси, яко много зла уздвигнешься, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцьскихъ, но и жиды грабите, и наки ти пойдуть на ятровъ твою, и на бояры, и на монастыри, и будеши ответъ имель, княже, оже ти монастыре разграбятъ». Се же слышавъ Володимеръ, поиде в Киевъ»⁴.

---

³ Курбатов Г.А., Фролов Э.А., Фроянов И.Я. Заключение // Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство. Л., 1986. С. 334; Жих М.И. К вопросу о месте городов-государств Древней Руси в типологическом ряду первичных политий. Города-государства Шумера, античного мира и Древней Руси: опыт типологического сопоставления: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/1612>

⁴ПСРА. Т. II. Стб. 275–276.

Как видим, город был охвачен мощными социальными волнениями, простой люд не собирался больше мириться со сложившейся ситуацией своего прогрессирующего бесправия. Разрешить накопившиеся противоречия и не допустить эскалации конфликта мог только князь, обладавший большим авторитетом, каковым и был Владимир Мономах. Вероятно, в первый раз инициировала его приглашение на киевский стол вся городская вечевая община, а во второй раз обратились к нему, с разрешения всего народа, преимущественно представители общественных верхов, напуганные размахом народных выступлений⁵ и готовые пойти на уступки, чтобы не потерять всё. Это подтверждается «Сказанием о чудесах святых Романа и Давида», где сказано, что по смерти Святополка

Многоу мятежю и крамоле бывъши в людѣхъ и мѣлве не мале, и тѣгда съвѣкупивъше ся вси людие, наче же большии и нарочитии моужи, шедъше причѣтѣмъ всехъ людии и моляхоу Володимира, да въшедѣ оуставитъ крамолоу соущую въ людѣхъ. И въшѣдѣ оутоли мятежь и гѣлкоу въ людѣхъ⁶.

Здесь уже прямо сказано о том, что Владимира киевляне, в особенности верхушка общества, пригласили в качестве «социального посредника» — правителя, который должен был разрешить накопившиеся социальные противоречия и прекратить противостояние «низов» и «верхов» киевского общества. Очевидно, что элита согласилась на проведение реформ под нажимом простого народа и вынуждена была просить на княжение того пра-

вителя, которого любил и которому доверял весь народ. Таким образом, фактически Мономах был приглашён на княжение всей общиной, и под давлением основной части общества элита согласилась дать ему право на проведение реформ в общенародных интересах. Причём достался Мономаху киевский престол в обход представлений Рюриковичей о династическом старшинстве, с которым не посчиталась городская община как политический суверен.

Что же сделал Владимир Мономах для укрепления социально-политического единства киевского социума? В первую очередь он поставил серьёзные границы порабощению свободных людей своими согражданами. Были введены жёсткие ограничения процента по долговым выплатам, превышать который ростовщик не имел права⁷. Отыне выплата по кредиту стала делом вполне реальным и больше не обрекала человека на длительную унижительную зависимость. Было существенно облегчено положение сельских закупов, отработывавших долг работой на господском поле: они получили право уходить от своего заимодавца на более выгодный заработок, который позволял им быстрее расплатиться с долгом и жаловаться князю на произвол с его стороны. Больше это не считалось бегством. Защищены были и иные права закупов, а также их человеческое достоинство как свободных людей: «обида», нанесённая закупу, жестокое обращение с ним теперь карались штрафом. Закуп был освобождён и от

⁵ Очевидно, что охватывали они и сам Киев и прилегающую к нему сельскую местность: Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 138.

⁶ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 69.

⁷ «По новому уставу срок взимания процентов ограничивался тремя годами — за три года должник выплачивал 9 гривен процентов, что в полтора раза превышало сумму первоначального долга. Мономах разрешил на этом и прекращать выплаты, так как в эти 9 гривен входил и долг (“исто”) — 6 гривен — и 3 гривны “роста”. Долг погашался» (Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. С. 451).

ответственности за похищенное кем-то господское имущество, если только не было доказано, что именно он его украл, а также получил право свидетельствовать в суде по некоторым делам. Попытка кредитора превратить закупа в раба-холопа и продать его наказывалась большим штрафом (12 гривен). При этом, если было доказано, что заимодавец нарушил какие-либо права закупа, то это автоматически означало полное списание долга. Всё это стало огромным завоеванием народа⁸.

Отныне закабалению одних русских людей другими были положены некоторые пределы. Личная свобода и достоинство человека были надёжно защищены. Это привело к существенному снижению остроты социальных проблем в Киеве, к укреплению социально-политического единства общины, остановило её деструкцию. Киевская городская община укрепила свой гражданский статус: рабство одних киевлян у других хотя и не было ликвидировано полностью, но стало отныне гораздо более редким явлением⁹. Именно «равенство в свободе» — важнейшая черта, отличающая суверенную городскую гражданскую общину античного мира. И городская община Руси вплотную приблизилась к ней по этому показателю.

Вообще интересно, что по таким признакам, как «равенство в свободе» и участие всех свободных людей (за исключением женщин и молодёжи) в политической жизни, античная полисная община приближается к гражданским

политическим нациям Нового времени, представляя собой фактически «протонацию». И такие «протонации» существовали и у нас на Руси, а формирование её стало итогом деятельных усилий широких демократических масс свободного населения Киева, их борьбы за свои социальные, экономические и политические права.

Важно подчеркнуть, что принятые Владимиром Мономахом (1113–1125) законы, хотя и были следствием давления со стороны прежде всего киевского «демоса», но распространялись на всю Русь, которую Мономах объединил под своей властью.

* * *

После событий 1113 г. киевская вечевая община прочно берёт в свои руки судьбы княжеского стола¹⁰. В 1125 г., после смерти Владимира Мономаха, киевским князем стал его сын Мстислав (1125–1132). Каким конкретно образом произошло его вокняжение, сообщает Новгородская первая летопись, по словам которой

Преставися Володимиръ великийи Кыеве, сынъ Всеволожь; а сына его Мъстислава посадиша на столе отци¹¹.

То есть Мстислав не просто так занял киевский стол, а его на него «посадиша» киевляне, очевидно, по решению веча. Даже такие сильные и могущественные князья-воители, как Владимир Мономах и Мстислав, вынуждены были считаться с волей князя,

⁸ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. С. 451.

⁹ Владимир Мономах чётко прописал источники «внутреннего» рабства: самопродажа в холопство, женитьба на холопке без заключения специального договора (*ряда*), оговаривавшего свободу жениха, поступление на службу в тиуны без заключения *ряда*. Все иные возможности похолопления свободных людей были пресечены.

¹⁰ Первую такую попытку, окончившуюся из-за польской интервенции неудачей, она предприняла ещё в 1068 г.: Фроянов И.Я. Политический переворот 1068 г. в Киеве // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М., 2001; Жих М.И. Народ и власть в Киевской Руси (до конца XI века). С. 164–166.

¹¹ ПСРА. Т. III (репринт издания НПЛ, подготовленного в 1950 г. А.Н. Насоновым). С. 21, 205.

бывших не только вечниками, но и воинами, без которых невозможно было проведение никакой серьёзной военной кампании¹².

Рельефно жизнь киевской вечевой общины и её взаимоотношения с княжеской властью предстают перед нами в летописных известиях 1146–1147 гг., которые, по справедливым словам М.Н. Покровского, «являются одним из самых ценных образчиков вечевой практики, какие мы только имеем»¹³. То же самое утверждал и М.Н. Тихомиров, подчёркивая, что «свидетельства о киевском вече 1147 г. представляют собой нечто совершенно исключительное в наших летописях»¹⁴. Это побуждает нас подробно рассмотреть данный сюжет.

В 1146 г., возвращаясь в Киев из военного похода, князь Всеволод Ольгович заболел и остановился под Вышгородом. Чувствуя, что умирает, князь

призва к себе кияне (очевидно, посланцев киевского веча. — М.Ж.) и нача молвити: «Азъ есми велми боленъ, а се вы братъ мои, Игорьъ, мнитесь по нь». Они же рекоша: «Княже! Ради, ся имемъ». И пояша Игоря в Киевъ: иде с ними под Угорьское и сзва кияне вси. Они же вси целоваша к нему крестъ рекуче: «Ты намъ князь» и яша ся по нь лъстью. Заутрии же день еха Игорьъ Вышегороду, и целоваша к нему крестъ вышегородъце. В утрии же день преставися Всеволод, месяца августа в 1 день, и спрятавшие тело его, и положиша у церкви святого мученику»¹⁵.

¹² Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории // Фроянов И.Я. Начала русской истории. С. 658–686; Жих М.И. Народ и власть в Киевской Руси (до конца XI века). С. 168.

¹³ Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. I. М., 1966. С. 147.

¹⁴ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 224.

¹⁵ ПСРА. Т. II. Стб. 320–321.

То есть киевляне и вышгородцы признали наследником престола Игоря Ольговича, но очень скоро выяснится, что они лукавили и вели свою игру, что отметил летописец, указав на их «лесть». После смерти Всеволода состоялось окончательное утверждение Игоря на киевском столе «по всей воле» киевлян:

Игорь же еха Киеву и созва кияне вси на гору, на Ярославль дворъ, и целоваша к нему крестъ. И пакы скопишася вси кияне у Туровы божьнице и послаша по Игоря рекуче: «Княже! поеди к намъ». Игорьъ же, поемъ брата своего, Святослава, и еха к ним, и ста с дружиною своею, а брата своего Святослава, посла к нимъ у вече. И почаша кияне складывати вину на тиуна на Всеволожа, на Ратьшу, и на другого тивуна на вышегородъскаго, на Тудора, рекуче: «Ратша ны пагуби Киев, а Тудор — Вышегород; а ныне, княже Святославе, целуй намъ крестъ и с братомъ своимъ: аще комунась будетъ обида, то ты прави». Святослав же рече им: «Аз целую крестъ с братомъ своимъ, яко не будетъ вы насилья ни котораго же, а се вамъ и тиунъ, а по вашей воли». Святославъ же, сседъ с коня, и на том целова крестъ к нимъ у вечи. Кияне же вси, сседше с конь, начаша молвити: «Братъ твой князь и ты», и на том целоваша вси кияне крестъ и с детьми, оже под Игорем не лъстити и подъ Святославомъ. И Святославъ пойма лутшеи муже, кияне, и еха с ними къ брату своему, Игореву, и рече: «Брате! На томъ азъ целовалъ к нимъ крестъ, оже ти я имети в правду и любити». Игорьъ же, сседъ с коня, и целова къ нимъ крестъ на всеи их воли и на братьни, еха на обедъ»¹⁶.

Игорь и его брат вынуждены были выполнить все условия киевлян, в первую очередь согласиться самим лично, а не через тиунов, осуществлять суд.

¹⁶ Там же. Стб. 321–322.

Крестоцелование было делом взаимным: и князь и народ принимали на себя определённые обязательства, оно отнюдь не имело характера односторонней присяги подданных самовластному государю. Более того, летописец специально подчёркивает приоритет *княи* над князем, который правит не по своему разумению, а по «всей их воле», то есть не может принять никакого важного решения без санкции веча. Интересно и то, что в этих летописных известиях мы снова, как и в описаниях вечевых акций XI в.¹⁷, не видим социального антагонизма внутри городской общины, выступающей как единое целое со своими единими интересами. «Лучшие мужи» представляют собой лишь часть людей, собравшихся на вече, и действуют они в единстве со всей вечевой общиной, а не самостоятельно по отношению к ней и уж тем более — не против неё.

Удержаться на престоле, однако, Игорь не смог. Киевляне не любили династию черниговских Ольговичей¹⁸, предпочитая ей Мономашичей — потомков своих любимцев Владимира Мономаха и Мстислава — и воспользовались случаем, чтобы передать им власть. Недовольство киевлян правлением Всеволода ясно звучит в их требованиях к Игорю, которые созвучны требованиям 1113 г., — в первую очередь запретить княжеским тиунам «продавать» людей. Видимо, социальный антагонизм к тому времени вновь начал набирать обороты, и проблема закабаления свободных людей в разные формы зависимости за долги или какие-то провинности вновь стала актуальной. И опять киевская община выразила решительный протест против этих негативных социальных тенденций, заставив князя покончить с несправедливыми порядками. При

этом сейчас община уже не нуждалась в услугах князя-«посредника», будучи способна самостоятельно осуществить мероприятия, направленные на поддержание социального мира внутри себя, что свидетельствует о её укреплении. Представители администрации Всеволода, виновные в злоупотреблениях, по решению веча были сурово наказаны — их дворы подверглись разграблению¹⁹, бывшему в те времена традиционной формой наказания (*поток и разграбление*), которое вече могло определить человеку, виновному перед городской общиной. Как увидим ниже, вече могло подвергнуть такому наказанию даже князя.

Поначалу Изяслав Мстиславич, будучи союзником Всеволода Ольговича, подтвердил свой отказ от киевского стола в пользу Игоря, но затем, после его смерти, Изяслав уклонился от ответа и задержал Игореву посла²⁰, очевидно, уже войдя в контакт с киевлянами. Вскоре обнаружилось, что «не угодень бысть киянамъ Игорю», после чего они

послашася к Переяславлю к Изяславу, рекуче: «Пойди, княже, къ намъ, хочемъ тебе». Изяславъ же, се слышавъ, совкупи воя своя, поиде на нь изъ Переяславля... И поиде Изяславъ к Дерновому, и ту... прислашася к нему белгородьчи и василевци такоже рекуче: «Поиди, ты нашъ князь, поеди, Ольговичъ не хочемъ». Томъ месте приехаша от киянь мужи, нарекуче: «Ты нашъ князь, поеди; а у Ольговичъ не хочемъ быти акы в задничи; где узримъ стягъ твои, ту и мы с тобою готови есмь»²¹.

Невозможно точно сказать, изначально ли киевляне обманывали Игоря, целуя ему крест, или потом изменили своё решение, сговорившись с Изяславом, но ясно, кто был хозяином Киева — народ. Он мог легко сместить

¹⁷ Жих М.И. Народ и власть в Киевской Руси (до конца XI века). С. 158–167.

¹⁸ Не случайны их весьма жёсткие условия, выставленные Игорю.

¹⁹ ПСРА. Т. II. Стб. 322.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Стб. 322–323.

со стола одного князя и возвести на него другого по «всей своей воле», даже без всяких видимых (для нас, во всяком случае) причин, просто захотев передать власть более симпатичному для него князю. Это ярчайшее свидетельство подчинённого положения княжеской власти по отношению к власти народной, вечевой.

Возможно, князь начал нарушать свои обязательства перед киевлянами²², а возможно, в качестве князя Игорь ещё и не успел их «рассердить», просто воспринимался ими как преемник ненавистного Всеволода, при котором начали вновь набирать силу негативные социальные явления, развитие которых было остановлено Мономахом. В любом случае нет ничего удивительного, что киевляне решили передать власть внуку князя, укрепившего киевскую общину, лишив её наследника того, при ком община начала вновь терять своё социальное единство. И у летописца такая ситуация не вызывает ни малейших вопросов в плане правомочности действий киевлян, единственное, что он осуждает — это их «льстивое» крестоцелование. В остальном они были полностью в своём праве.

Дружина Игоря была разбита, сам он был пойман людьми Изяслава и заточён в тюрьму («поруб») в Переяславле²³, после чего Изяслав (1146–1154) «с великою славою и честью», при стечении ликующего народа въехал в Киев²⁴. Всё «имение» Игоря и его брата Святослава, а также их приближённых, было пущено на поток и разграбление и нещадно разграблено киевлянами и людьми Изяслава²⁵.

²² Об этом прямо говорит Московский свод 1479 г.: ПСРА. Т. XXV. С. 37.

²³ Затем его постригли в монахи в монастыре св. Федора, а в 1147 г. он, по решению веча, был убит киевлянами, опасавшимися интриг с его стороны с целью возвращения стола (ПСРА. Т. I. Стб. 316–317; Т. II. Стб. 349).

²⁴ ПСРА. Т. II. Стб. 327.

²⁵ Там же. Стб. 328.

Изяслав по всем важным вопросам советовался с киевлянами. Так, в 1147 г., собравшись в поход на Юрия Долгорукого, он

созва бояры своя и дружину всю и кияне, и рече им: «Се есмь съ братиею своею сгадалъ, съ Володимеромъ и съ Изяславомъ Давидовичами и съ Всеволодичемъ Святославомъ, хочемъ поити на Юрия, на стрья своего, и на Святослава к Суздалю, зане же приялъ ворога моего, Святослава Олговича. А брат Ростиславъ тамо ся с нами соиметь, ать идетъ ко мне съ смолянны и съ новгородци». Кияне же слышавше рекоша: «Княже! Не ходи с Ростиславомъ на стрья своего, лепле ся с нимъ улади; Ольговичемъ веры не ими, ни съ ними ходи въ путь». Изяславъ же рече имъ: «Целовали ко мне хрестъ, а думу еси съ ними думалъ, а всяко сего пути нехочю отложити; а вы доспевайте». Кияне же рекоша: «Княже! Ты ся на насъ не гневай, не можемъ на Володимире племя руки взяти; оля же Ольгович хотя и с детми». Изяславъ же рече имъ: «А тотъ добръ, кто по мне поидетъ». И то рекъ, свкупи множество вои и поиде²⁶.

Как видим, именно народное войско было основной военной силой Киевской земли, причём оно отнюдь не находилось в полном подчинении князя, а действовало в соответствии со своими общинными интересами и имело собственную военную организацию. И даже такой популярный среди киевлян князь как Изяслав не сумел убедить всех киевских вечников-воинов организованно поддержать свою военную акцию (ведь не княжеские же дружинники отказались идти с ним в поход), хотя и набрал среди них немало добровольцев, готовых отправиться с ним в поход, но, так сказать, в индивидуальном порядке.

Кияне в своих предостережениях

²⁶ Там же. Стб. 344.

оказались совершенно правы — союзники предали Изяслава, и его положение стало тяжёлым. Тогда он послал гонцов в Киев, призывая киевские войска на помощь:

Изяславъ же, передъ собою посла къ брату Киеву, къ Владимиру, и къ Лазареву тысяцкому два мужа, Добрынку и Радила, рекъ: «Брате! еди къ митрополиту, и сзоби кыяны вся, ать молвита си мужа лествъ черниговскихъ князии». И еха Володимеръ к митрополиту, поваоя кыяны. И придоша кыяи много множество народа, и седоша у святое Софьи. И рече Володимеръ къ митрополиту: «Се прислалъ братъ мои два мужа кыянины, ато молвятъ братье своей». И выступи Добрынка и Радила и рекоста: «Целовалъ ты братъ, а митрополиту ся поклонялъ и Лазаря целовалъ и кыяны все». Рекоша кыяне: «Молвита, с чимъ васъ князь прислалъ». Онъ же рекоста: «Тако молвитъ князь. Целовала ко мне крестъ Давыдовича и Святославъ Всеволодичъ, ему же аз много добра створихъ, а ноне хотели мя убити лествю, но Богъ заступилъ меня и крестъ честныи, его же суть ко мне целовали. А ныне, братья, поидета по мне къ Чернигову, кто имеетъ конь, ли не имеетъ кто, ино в лодье, ти бо суть не мене единого хотели убити, но и васъ искоренити»²⁷.

Рассказ Ипатьевской летописи несколько отличается²⁸, в частности, там сказано, что кыяне собрались на вече «от мало и до велика». Именно это сообщение от Изяслава побудило киевлян немедленно расправиться с Игорем, несмотря даже на то, что брат Изяслава, Владимир, пытался помешать расправе — столь велика была ненависть киевлян к этому князю и к династии черниговских Ольговичей в целом.

²⁷ ПСРА. Т. I. Стб. 316.

²⁸ ПСРА. Т. II. Стб. 347–349.

Данные летописные известия имеют важнейшее значение, так как, во-первых, детально описывают порядок проведения веча, который (по крайней мере, если оно собиралось не в чрезвычайных условиях) был вполне определённым. Во-вторых, они наглядно показывают, что вопреки мнению многих исследователей, вече было не собиравшимся от случая к случаю по разным поводам собранием горожан, которые только в чрезвычайной ситуации могли стать политической силой, не периодическим фактором социально-политической истории²⁹, а именно политическим институтом. Институтом вполне оформленным, с определённой организацией, порядком проведения и структурой, а равно и с вполне определёнными полномочиями, в которые входило фактически решение любых актуальных проблем. Институтом, имевшим своё определённое место дислокации — двор св. Софии³⁰, где, очевидно и проходили все обычные «не чрезвычайные» вечевые собрания («чрезвычайные» веча могли собираться в любом подходящем месте в зависимости от обстоятельств). Сравнение рассказов об этом вече в Лав-

²⁹ В новейшей историографии мнение о том, что вече постоянно действующим политическим институтом не было, последовательно отстаивают с разных позиций Ю. Гранберг, П.В. Лукин и Т.А. Вилкул: Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: Функции и терминология // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г. Политические институты Древней Руси. М., 2006; Лукин П.В. 1) Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // Средневековая Русь. Вып. 4. М., 2004; 2) Вече: социальный состав // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008; Вилкул Т.А. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009.

³⁰ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 224.

рентьевской и Ипатьевской летописях позволило М.Н. Тихомирову сделать заключение о «существовании протокольных записей вечевых решений»³¹, имевших, вероятно, важное юридическое значение.

В летописных рассказах о киевском вече 1147 г. перед нами предстаёт отнюдь не хаотическое сборище случайных лиц, а вполне организованный народ, обладавший достаточно высокой политической культурой. Не толпа, слушающая крикунов, а организованное собрание с определённым порядком выступающих и процедурой принятия решений. Люди приходят заранее, возможно, даже рассаживаются на специальные скамьи, и ждут начала официального вечевого собрания, которым руководят князь, тысяцкий и митрополит. Послы, в соответствии с установленными правилами дипломатического этикета, приветствуют сначала князя (в период отсутствия Изяслава князем в Киеве был его младший брат Владимир), потом митрополита и тысяцкого, а затем и всех киевлян. Эти обстоятельства позволяют присоединиться к мнению И.Я. Фроянова о «наличии в Киеве XII в. более или менее сложившихся приёмов ведения веча»³², что ясно говорит об институционализированном характере данного общественного явления.

Подводя итог рассмотрению данных о вечевых собраниях в Киеве 1146–1147 гг., можно заключить, что они наглядно продемонстрировали и закрепили политическую суверенность городской вечевой общины Киева, окончательно превратившуюся в самостоятельного политического игрока, закрепившего свой приоритет над князем, правившим отныне «по всей воле» киевлян и никак иначе. Основой независимости киевской общины была её

мощная военная организация, независимая по отношению к князю³³ и придававшая общине военные мускулы, гораздо более мощные в сравнении с небольшой княжеской дружиной. Стержнем её была сотенная система, охватывавшая как город, так и сельскую местность, состоявшая из военных единиц — *сотен*, возглавляемых сотскими, которые в совокупности составляли *тысячу* во главе с тысяцким³⁴. Эта система позволяла в случае необходимости провести быструю организованную мобилизацию всей «силы киевской»³⁵. Вооружённый народ, решающий все ключевые вопросы своей жизни на народном собрании — вот как предстают перед нами киевляне середины XII в. Учитывая то, что в результате борьбы широких демократических масс городского и сельского населения долговое рабство было сведено к минимуму, *перед нами социально-политический организм, близкий к полисным общинам античного мира*. Основное различие состояло в том, что если в античности основой экономики был труд рабовиноземцев, то на Руси основой экономики был труд свободных городских и сельских общинников.

В античном мире к консолидации полисной общины привела необходимость держать в повиновении массы иноземных рабов, с которыми крупнейшие рабовладельцы не смогли бы справиться, если бы не вооружённый народ в лице их сограждан, каждый из которых при этом тоже владел каким-то количеством рабов. На Руси этот фактор тоже имел значение, но не первостепенное, так как рабовиноплеменников было на порядок меньше, чем в античных обществах.

³³ В летописях имеются примеры независимых по отношению к князю действий войск той или иной земли: ПСРА. Т. III. С. 23, 24, 25, 27.

³⁴ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 678–683.

³⁵ ПСРА. Т. II. Стб. 162.

³¹ Там же.

³² Фроянов И.Я. Вечевые собрания 1146–1147 гг. в Киеве // Фроянов И.Я. Начала русской истории. С. 880.

Что же консолидировало городские общины Руси?

Во-первых, борьба с внешними врагами, требовавшая мощных военных сил в лице народного войска. Во-вторых, постоянная борьба разных городов друг с другом: «старейшие» города боролись за сохранение власти над пригородами, а пригороды — за независимость. В-третьих, борьба городской общины с княжеской властью, в коей общине было не выстоять, не располагая она серьёзной военной силой и организационно-политическим единством. В-четвёртых, в условиях неразвитости вертикальных управленческих структур только консолидированная община могла обеспечить реальное проведение в жизнь любых решений и просто банальный общественный порядок.

Решение общины было обязательным для всех её членов и неукоснительно воплощалось в жизнь, так как, по справедливому мнению А.В. Майорова, на Руси «общегородские и общеземские интересы всегда стоят выше интересов отдельных группировок, какими бы они ни были»³⁶. Это, однако, не исключает возможности расколов и столкновений между разными частями общины в зависимости от их позиции по тем или иным вопросам, но если уж некое решение было принято законным вечевым собранием, то оно исполнялось всеми вечниками. Наконец, как и в античной Греции, на Руси важнейшим фактором, не допустившим деструкции городской общины, её разделения на антагонистические социальные группы, была демократическая борьба широких слоёв народа за свои права и свободы, против эгоистических устремлений князя и социальной элиты.

В дальнейшем киевская община ещё

не раз покажет свою силу и власть. В 1150 г. в ходе борьбы за Киев между Изяславом Мстиславичем, Юрием Долгоруким и Вячеславом именно позиция киевлян оказалась решающим фактором, обеспечившим победу Изяслава³⁷, традиционно поддерживаемого киевской общиной.

Важной демонстрацией единства князя и народа, городской вечевой общины, были устраиваемые для всего люда князем пиры, которые неоднократно упоминаются на страницах летописи³⁸. Пирь эти имели важную социальную функцию, так как, с одной стороны, показывали щедрость князя, его любовь и уважение к народу, а с другой — были важным местом прямого общения князя с *людьми градскими*.

После смерти Изяслава киевляне посадили на столе его брата Ростислава:

*И посадиша в Киеве Ростислава кияне, рекуче ему: «яко же и братъ твои Изяславъ честил Вячеслава, такоже и ты чести. А до твоего живота Киевъ твои»*³⁹.

Здесь киевляне открыто заявляют о своём полном праве избирать себе князей. Правящий князь самостоятельно не мог назначить себе наследника, он мог только предложить киевлянам некую кандидатуру, а соглашаться с ней или нет — это было их дело.

В 1169 г., после смерти Ростислава, киевляне призвали на княжеский стол Мстислава Изяславича, который по прибытии в Киев «възма ряд с братьею, и с дружиною, и с кияны»⁴⁰. Вторично вокняжившись в Киеве в 1172 г., он снова заключает *ряд* — договор с киевской вечевой общиной⁴¹. Не заклю-

³⁷ ПСРА. Т. II. Стб. 396–398.

³⁸ См. например: ПСРА. Т. II. Стб. 416, 418–419, 634, 682.

³⁹ Там же. Стб. 471.

⁴⁰ Там же. Стб. 534.

⁴¹ Там же. Стб. 548.

³⁶ Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 263.

читать с *людьми градскими* договор в представлениях людей того времени для князя было совершенно невыносимо. Так, например, когда по смерти своего дяди и соправителя Вячеслава Ростислав, не заключив *ряд* с киевлянами, собрался в поход на Чернигов, советники сказали ему: «Богъ пояль строя (дядю. — М.Ж.) твоего Вячеслава, а ты ся еси еще с людьми Киеве не утвердиль, а поеди лепле в Киевъ, же с людьми утвердися»⁴².

Таким образом, постепенно княжеская власть эволюционирует отнюдь не в сторону становления монархии, а скорее в сторону превращения князя в выборного чиновника, подотчётного городской общине.

Князь проигрывает городской вечековой общине борьбу за верховную власть. Отдельные князья могли подминать общину под себя, но это только озлобляло *людей градских* и в конечном счете приводило к социальному взрыву, в результате которого княжеская власть только ещё больше ослабевала. Непростая система между княжеских отношений осложнялась постоянным вмешательством городских общин в вопросы наследования столов, а то и просто изгонявших неугодных князей и приглашавших новых по своему усмотрению. На Руси существовала не только (и даже не столько) иерархия князей, сколько иерархия городских вечековых общин, городов-государств, состоявших из главного города, пригородов и сельской округи. Правда, практика вечековых изгнаний/призваний князей имела и оборотную сторону: нередко тот или иной князь утверждался в каком-либо городе насильно, опираясь или на другой город, или на внешнюю силу (венгров, поляков, половцев) и насильно же удерживал власть, но, как правило, такая навязанная *людям градским* власть была очень непрочной.

Один из киевских князей второй

половины XII в., Изяслав Давыдович, так описывал природу своей власти: «посадили мя кыяне»⁴³. По договору с киевлянами занимают киевский стол князья в 1160, 1169, 1172 гг.⁴⁴, они оказывают влияние на ход междукняжеской борьбы 1208 г., впустив в Киев князя Романа с его галицко-волынским войском⁴⁵, однако в конце XII — начале XIII в. мощь Киева стала ослабевать. Усилились его соседи (Черниговская, Галицко-Волынская, Ростово-Суздальская и др. земли), в соперничестве которых стала всё более определённо решаться судьба киевского стола, что просто не оставляло места для политической активности местной вечековой общины, сила которой была подорвана рядом военных неудач. Чем дальше, тем больше киевский стол превращался в разменную монету в соперничестве разных земель Руси и их князей⁴⁶. Окончательно подорвало Киевскую землю и её политическую субъектность монгольское разорение 1240 г.

* * *

Одновременно с Киевом полным ходом шёл процесс становления города-государства в Новгороде. Здесь он на первом этапе был отмечен борьбой за независимость от Киева. Поскольку новгородцы вынуждены были принимать на княжение сыновей киевского князя, что лишало их систематической возможности самостоятельного выбора князей⁴⁷, они уже в конце XI в. нашли своеобразную лазейку, создав

⁴³ Там же. Стб. 478.

⁴⁴ Там же. Стб. 504, 532, 548.

⁴⁵ Там же. Стб. 417.

⁴⁶ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 77–83.

⁴⁷ Тем не менее уже во второй половине XI в. они при каждом удобном случае изгоняли неугодных князей и призывали угодных: Жих М.И. Народ и власть в Киевской Руси (до конца XI века). С. 163–164.

институт вечевого посадничества⁴⁸. Посадник избирался новгородским вечем и выступал в качестве главы новгородской общины, независимого по отношению к княжеской власти⁴⁹. Но этого новгородцам было мало, и уже в начале XII в. они начинают активную борьбу за выход из-под контроля Киева и право «по всей своей воле» распоряжаться княжеским столом.

В 1102 г. новгородцы отказались принять сына Святополка Изяславича и призвали на княжение сына Владимира Мономаха Мстислава:

Прииде Мстиславъ, сынъ Володимеръ, с новгородци, бе бо Святополкъ с Володимером рядъ имеле, яко Новгороду бы ти Святополчю и посадити сынъ свои в немъ, а Володимеру посадити сынъ свои в Володимери. И приде Мстиславъ Киеву, и седоша в-ызбе, и реша мужи Володимери: «Се приславъ Володимеръ сына своего, да се седятъ новгородци, да поимше сына твоего, и идутъ Новгороду, а Мъстиславъ да идетъ Володимерю». И реша новгородци Святополку: «Се мы, княже, прислани к тебе, и ркли ны тако: не хотим Святополка, ни сына его. Аще ли 2 главе имеетъ сынъ твои, то пошли и. Сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы себе князь, а ты еси шелъ от насъ». И Святополкъ же многу проумевъ с ними, онем же не хотевшим, поимше Мстислава, придоша Новгороду⁵⁰.

⁴⁸ Янин В.А. Новгородские посадники. М., 2003. С. 78–88; Журавель А.В. О возникновении новгородского посадничества // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). М., 2003.

⁴⁹ Киев почувствовал опасность независимого новгородского посадничества и впоследствии периодически пытался навязать новгородцам своих посадников: ПСРА. Т. III. С. 21, 205, 22, 206. Эти попытки не имели успеха, общим правилом стало вечевое избрание посадника.

⁵⁰ ПСРА. Т. I. Стб. 275–276.

Вопреки заключённому князьями Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем договору, новгородцы не пожелали быть пассивным объектом в их дипломатических играх и сказали своё веское слово, отказавшись принять сына Святополка и оставив на новгородском столе Мстислава Владимировича, «воскормленного» ими и выражавшего, соответственно, их интересы. Обращает на себя внимание то, что новгородцы действуют здесь как единое целое, видимо, желание сбросить власть Киева объединяло их и было выше противоречий между разными частями новгородского общества. Новгородцы помянули Святополку, что некогда он, прокняжив 10 лет в Новгороде, бросил его, чтобы перебраться в Туров. Очевидно, что новгородцев не устраивало такое положение, при котором князья рассматривали их город лишь как трамплин для занятия какого-то более престижного стола, и они стремились заполучить себе постоянного князя, который не мечтал бы никуда перебраться и отстаивал интересы Новгорода, прежде всего в деле достижения его независимости. Однако и Мстислав, прокняживший в Новгороде около 30 лет, в 1117 г. был переведён Владимиром Мономахом на юг, в Киевскую землю, получив от отца Белгород. Вероятно, это не вызвало одобрения у новгородцев. Надежды, которые они с ним связывали, не оправдались: став впоследствии киевским князем, Мстислав, как и его отец, Владимир Мономах, жёстко отстаивал единство Руси, означавшее подчинение всех её земель, в том числе и Новгородской, Киеву.

В 1125 г. умер Владимир Мономах, Мстислав стал киевским князем, а новгородцы «посадиша на столе» его сына Всеволода⁵¹. Учитывая то, что в 1117 г., уезжая на юг, Мстислав сам посадил в Новгороде Всеволода⁵², а о лишении его между этими датами

⁵¹ ПСРА. Т. III. С. 21, 205.

⁵² Там же. С. 20, 204.

новгородского княжения ничего не известно, данное событие означало изменение правовых основ княжеской власти в Новгороде и важный шаг в деле создания в этом городе самостоятельного княжеского стола, которым распоряжалась бы местная община. Видимо, смерть Мономаха дала новгородцам удобный повод добиться повышения статуса в своих отношениях с Киевом.

Всеволод был последним князем, выполнявшим функции киевского наместника в Новгороде, и последним самостоятельным по отношению к вечевой общине новгородским князем. После смерти Мстислава в 1132 г. занявший киевский стол дядя Всеволода Ярополк решил перевести племянника на юг в Переяславль, где он не удержался в ходе княжеской усобицы и вынужден был вернуться в Новгород. Появление в городе князя, предавшего новгородцев, вызвало возмущение с их стороны. Новгородцы изгнали было Всеволода, но поразмыслив, всё-таки вернули его⁵³. Вскоре Ярополк направил в Новгород своих эмиссаров для того, чтобы получить от новгородцев «печерскую дань», собираемую ими с финно-угорского населения северо-востока, что вызвало недовольство с их стороны и обострило неприязнь к Киеву⁵⁴. Желая посадить в Суздале своего брата Изяслава, Всеволод организовал два похода на этот город, окончившихся неудачей, да к тому же проявил трусость в бою, что усилило недовольство новгородцев своим князем⁵⁵.

Итогом стал произведённый новгородцами политический переворот 1136 г., в ходе которого они изгнали Всеволода из города:

Новгородьци призваша пльсковиче и ладожаны, и сдумаша яко изгониати князя своего Всеволода, и въсадиша въ епископлъ дворѣ, съ женою и съ детьми, и съ тѣщею, месяца маия в 28, и стражѣ стрежаху день и ноцъ с оружием, 30 мужъ на день. И седе 2 месяца, и пустиша изъ города июля в 15, а Володимира сына его прияша, а се вины его творяху: 1. не блюдетъ смердѣ; 2. чему хотел еси сести Переяславли; 3. ехалъ еси с пълку переди всехъ, а на то много на початыи, велевъ ны, рече, к Всеволоду приступити, а пакы отступити велить. Не пустиша его, донеле же ин князь приде⁵⁶.

Таким образом, новгородцы были недовольны тем, что князь предал их и ушёл княжить в Переяславль, первым бежал с поля боя, был непоследователен в отношениях с южными князьями и что не заботился об упрочении власти Новгорода над данниками-смердами и расширении податных территорий. Отмечен в летописи широкий состав осудившего Всеволода веча: в нём принимали участие не только новгородцы без различия их социального положения, но и делегаты от Пскова и Ладоги. Приглашение делегатов из пригородов — важный атрибут вечевых собраний, принимавших решения по ключевым вопросам.

События 1136 г. стали важнейшим этапом на пути утверждения политической суверенности новгородской общины. Если до этого изгнания и приглашения новгородцами князей носили нерегулярный характер, перемежась с подчинением воле киевских князей, то теперь они становятся прочной системой. При этом, в отличие от большинства других древнерусских

⁵³ Там же. С. 22–23, 207.

⁵⁴ Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 192.

⁵⁵ Там же. С. 192–193.

⁵⁶ ПСРА. Т. III. С. 24, 209. Никоновская летопись указывает и другие провинности князя, в частности то, что он вместо того, чтобы заниматься делами управления, проводил время на охоте и в забавах (ПСРА. Т. IX. С. 159).

земель, в Новгороде не было собственной династии⁵⁷: если в других городах обычно правили представители определённых династий, и в большинстве случаев, даже изгоняя одного князя и призывая другого, горожане всё-таки делали выбор в рамках данной династии, то новгородцы могли призвать на княжение любого князя, хотя бывало и такое, что, опираясь на военную мощь других городов-государств, какие-то князья подчиняли Новгород своей воле.

Не имея возможности осветить в этой статье детально бурную политическую историю Новгорода второй половины XII — первой половины XIII вв.⁵⁸, отмечу лишь, что как констатируют авторы известного учебника по истории России, «князья недолго задерживались на новгородском столе. За 200 с небольшим лет, с 1095 по 1304 г., на новгородском престоле побывало около 40 человек из трёх княжеских ветвей Рюриковичей — суздальской, смоленской и черниговской [а также волынской — М.Ж.]. Некоторые князья занимали престол не по одному разу, и всего смена княжеской власти произошла за это время 58 раз»⁵⁹. Столь же частой нередко была и смена посадников. Падение зависимости от Киева открыло дорогу внутренней борьбе в рамках новгородской общины, бывшей сложной федерацией кончанских общин, которая стала од-

ним из основных факторов социально-политической истории этого города⁶⁰.

* * *

Из повествования о Киеве уже было вполне ясно, что вопреки существующему в современной историографии и общественном сознании стереотипу, отнюдь не только в Новгороде шёл в домонгольский период процесс становления города-государства, суверенной вечевой общины. Он охватывал всю Русь, все её земли без какого-либо исключения⁶¹, хотя, естественно, их социально-политическое развитие не было однородным, везде имелись свои более или менее выраженные особенности. Как справедливо отметил А.В. Журавель, «волостной строй древней Руси XII–XIII вв. стадийно соответствовал раннему, а не классическому античному полису. То есть сопоставлять его надо не с афинским полисом времён Перикла, а с архаической

⁶⁰ Янин В.А. Новгородские посадники; Петров А.В. От язычества к Святой Руси.

⁶¹ Фроянов И.Я. 1) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 624–657, 687–712; 2) Мятёжный Новгород; 3) Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси; Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского: Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). СПб., 1993; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2003; Петров А.В. От язычества к Святой Руси; Кривошеев М.В. Муромо-Рязанская земля: Очерки социально-политической истории XI — начала XIII вв. по материалам повестей. Гатчина, 2003; Пузанов В.В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007; Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв. М., 2007. С. 143–265.

⁵⁷ В ходе бурных усобиц второй половины XII — начала XIII вв. её не стало также и в Киеве.

⁵⁸ О ней см.: Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. С. 208–280; Янин В.А. 1) Новгородские посадники. С. 136–212; 2) Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 57–144; Петров А.В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. С. 129–209.

⁵⁹ Павленко Н.И., Андреев И.А., Кобрин В.Б., Федоров В.А. История России с древнейших времён до 1861 г. М., 2000. С. 75.

Грецией VII–VI вв. до н.э., для которой характерно огромное разнообразие политических форм — от монархии до демократии»⁶²; «в древнерусских волостях так же, как в архаической Греции, проявляли себя различные политические тенденции — монархические, олигархические и демократические»⁶³.

М.Н. Покровский в своё время верно констатировал, что «давно уже прошли те времена, когда вечевой строй считался специфической особенностью некоторых городских общин, которые так и были прозваны “вечевыми” — Новгорода, Пскова и Вятки»⁶⁴. Вечевые общины стали представлять собой исключение из общего правила лишь тогда, когда само это правило уже вымирало: это были последние представительницы того уклада, который до XIII в. был общерусским»⁶⁵. В силу ряда причин непосредственно продолжить традиции домонгольско-

го социально-политического развития смогли лишь Новгород и Псков»⁶⁶. Северо-Восточная Русь в условиях монгольского ига пережила глубокую социально-политическую трансформацию⁶⁷, а западные и юго-западные земли Руси оказались в составе Великого Княжества Литовского, а впоследствии — Речи Посполитой. Монгольское нашествие и последовавшее за ним иго обескровили Русь⁶⁸, разорвали связи между разными её частями, нарушили ход их естественного развития и деформировали его как прямо, так и косвенно.

Не имея возможности рассмотреть здесь подробно огромный массив данных о вечевой деятельности и разнообразных коллективных социально-политических акциях древнерусских горожан предмонгольской эпохи в разных русских землях, приведём некоторые характерные примеры таких действий:

— Смоленский князь Ростислав жалует учреждённой в Смоленске епископии⁶⁹ десятину, «сдумав с людьми своими»⁷⁰, то есть решив этот вопрос на вече⁷¹. В 1229 г. договор между Ригой и Смоленском заключается от лица смолян⁷², то есть смоленской

⁶² Журавель А.В. «Аки молния в день дождя». Кн. 1: Куликовская битва и её след в истории. М., 2010. С. 181–182.

⁶³ Там же. С. 183.

⁶⁴ То, что было общим местом в русской исторической науке второй половины XIX — начала XX вв. (см., например, работы И.Д. Беляева, В.И. Сергеевича, М.А. Дьяконова, М.Ф. Владимирского-Буданова, В.О. Ключевского, А.Е. Преснякова, Г.В. Вернадского и многих других учёных), ныне очень медленно и с большим сопротивлением, преодолевая сложившиеся в советское время стереотипы, которых и ныне придерживаются многие историки, возвращается в научный дискурс.

⁶⁵ Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. I. С. 146–147. Ср. слова современного историка А.В. Петрова: «на примере Новгородской республики можно до конца XV в. следить за той *исконной* русской исторической судьбой, которая явилась бы судьбой всей страны, не будь исторического “вызова”, брошенного Руси нашествием монголов, и русского “ответа” на него, выраженного в московской централизации (курсив А.В. Петрова. — М.Ж.)» (От язычества к Святой Руси. С. 14).

⁶⁶ Петров А.В. От язычества к Святой Руси. С. 210–294.

⁶⁷ Журавель А.В. «Аки молния в день дождя». С. 194–276.

⁶⁸ Жих М.И. Древняя Русь и Великая Степь: симбиоз или противостояние? Размышления о концепциях Л.Н. Гумилёва и В.В. Кожинова // Вопросы национализма. 2012. № 11. С. 58–65.

⁶⁹ Создание в городе епископии было важным знаком усиления суверенности и могущества города-государства.

⁷⁰ Памятники русского права. Вып. II. С. 46.

⁷¹ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. С. 193; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 639.

⁷² Памятники русского права. Вып. II. С. 57.

вечевого общины⁷³, ведавшей не только финансово-экономическими, но и внешнеполитическими вопросами и вообще всеми важными для Смоленской земли делами⁷⁴;

— в 1159 г. полочане разбили княжескую дружину и изгнали из города князя Ростислава, призвав на стол Роговолода⁷⁵. Как и в других городах, княжеским столом в Полоцке распоряжалось вече⁷⁶;

— в 1157 г. вопреки завещанию Юрия Долгорукого, передавшего Ростово-Суздальскую землю младшим своим сыновьям Михалке и Всеволоду, ростовцы и суздальцы посадили «на отни столе» его старшего сына Андрея, который нравился им больше⁷⁷. После гибели Андрея Боголюбского вновь вечевая община решает, кого пригласить на княжение⁷⁸. В 1176 г. владимирцы, не считаясь с мнением суздальцев и ростовцев, пригласили в город собственного князя⁷⁹, произведя настоящий политический переворот в Северо-Восточной Руси, после которого бывший пригород стал её столицей.

В Северо-Восточной Руси в домонгольское время также были сильны вечевые порядки, княжеская власть даже в этом регионе не утвердилась ещё как монархическая, хотя в сравнении, к

примеру, с Новгородом или с Киевом здесь она обладала большей силой. По словам А.Н. Насонова, в Ростово-Суздальской земле существовали «бытовые черты старой вечевого Киевской Руси, в основе своей общие укладу жизни всех волостей того времени, получавшие в различных волостях лишь различную степень и форму выражения в зависимости от местных индивидуальных условий волостной жизни»⁸⁰.

Таким образом, мы видим, что вечевые порядки утверждаются в домонгольскую эпоху на Руси повсюду. По словам летописца, «новгородцы бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане, и вся власти, якож на думу, на вече сходятся»⁸¹. Это была эпоха бурной социально-политической жизни, в ходе которой народ был отнюдь не «калужским тестом» из которого социальные верхи крутили любые крендели, а деятельным субъектом истории, её творцом⁸². Именно борьба широких демократических слоёв населения русского города и деревни домонгольской эпохи за свои права и свободы привела к утверждению на Руси основных принципов гражданской городской общины и формированию того социального организма, который несколько условно можно назвать гражданской «протонацией».

⁷³ По верному замечанию М.Н. Тихомирова, «договор был составлен по соглашению князя с вечем» (Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. С. 193–194).

⁷⁴ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. С. 192–197; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 207–222.

⁷⁵ ПСРА. Т. II. Стб. 495–496.

⁷⁶ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. С. 184–192; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 196–207.

⁷⁷ ПСРА. Т. I. Стб. 348.

⁷⁸ Там же. Стб. 371–372.

⁷⁹ Там же. Стб. 377–378.

⁸⁰ Насонов А.Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле // Века. 1924. Вып. 1. С. 27. О вечевых порядках в домонгольской Северо-Восточной Руси см.: Насонов А.Н. Князь и город в Ростово-Суздальской земле; Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 117–149; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 223–252; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. С. 4–83.

⁸¹ ПСРА. Т. I. Стб. 377.

⁸² Ср.: Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 487–488.

ОЛЕГ КИЛЬДЮШОВ

РУССО И НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ВЕРСИЯ КАРЛА ШМИТТА

При чем здесь Шмитт?

Вначале хочу поделиться одним наблюдением.

В год 300-летнего юбилея Жан-Жака Руссо, а также 250-летнего юбилея выхода его самого знаменитого сочинения — «Общественного договора» — на Западе появилось множество работ, посвященных этим датам; только во Франции — 287 новых публикаций. При изучении реакции немецких интеллектуалов на это событие в глаза мне бросился один факт: практически в каждой газетной или журнальной публикации к данной дате рядом с виновником торжества, знаменитым женецем, неизменно фигурировала тень великого и ужасного Карла Шмитта. От прочтения подобных текстов даже могло возникнуть впечатление, что Шмитт и есть главный душеприказчик и главный интерпретатор Руссо в XX веке!

Сохраняющаяся острота вопроса связана именно с тем, что в Веймарской республике критики плюралистической репрезентативной демократии, и Карл Шмитт в их числе, прямо ссылались на Жан-Жака Руссо, когда приписывали плебисцитарным процедурам и всенародно избранному рейхспрезиденту более высокую степень демократической легитимности, нежели погрязшему в межпартийных схватках рейхстагу и зависимому от него правительству...

Более того, сам шмиттовский идеал «государственного авторитета» на основе плебисцитарной легитимности восходит к *volonté générale* и утопии «абсолютистской демократии» Руссо.

Теория демократии Руссо как угроза и вызов

Среди нормативных теорий демократии восходящая к Руссо идентитарная теория демократии, или теория демократической тождества, сегодня считается самой политически сомнительной, поскольку в ней постулируется необходимость идентичности или тождества отдельных волей и общей воли как базового условия для упразднения различия между господствующими и подчиненными. В этом смысле демократия у Руссо как власть народа тождественна абсолютному народному суверенитету, что вызывало и продолжает вызывать подозрение у многих теоретиков демократии.

Несмотря на все — следует признать, часто вполне обоснованные — возражения и сомнения, именно сформулированная Жан-Жаком Руссо 300 лет назад идея *volonté générale*, «общей воли» народа, не просто навсегда вошла в историю теории демократии, но и продолжает оказывать свое амбивалентное влияние на последующие поиски обоснования для самого свободного и справедливого политического

порядка. Так, по мнению Мишеля Соэтарта (Michel Soëtar), «Общественный договор» является поворотным пунктом в политической мысли Запада, заложившим теоретические основания грядущей Великой французской революции. В частности, с этим обычно связывают интерес Маркса (как и Ленина) к руссоистскому идеалу общественного единства. Впрочем, с основным трудом Руссо тем или иным образом соотносятся почти все политические и идеологические течения Современности — традиционалисты и реформаторы, революционеры и реакционеры и, конечно же, националисты.

Источником подобной популярности является то, что для Руссо — в отличие от многих его мнимых последователей — обобществление индивидов, т.е. сама конструкция социального, основывается на их демократическом и свободном решении, которому затем все подчиняются. Именно это решение и образует впервые политическое тело — т.е. суверена как коллективную сущность.

Наиболее спорной в данной конструкции является сама идея общей воли, лежащая в основе всего «Общественного договора»: *volonté générale*, как ориентированную на достижение всеобщего благо, Руссо концептуально отличает от «воли всех» (*volonté de tous*), ориентированной на частные интересы и являющейся лишь суммой индивидуальных волей, что также не могло не способствовать возникновению обоснованных вопросов и сомнений в осмысленности такого рода различий. Хотя сам Руссо не перестает объяснять в «Общественном договоре», что общая воля — это не просто воля большинства, но опирается на разум, который освобождает человека от его инстинктов и интуиций, заменяя их моральными обязательствами и правом. Лишь с этого момента человек является для Руссо прирученным, социализированным, цивилизованным...

Итак, главную опасность критики Руссо видят именно в абсолютизации им «общей воли», что может представлять угрозу для либеральной демократии, которая (якобы) помещает в центр политики индивида и его свободы. Их не устраивает та откровенность, с которой Руссо напоминает об условии существования всякого сообщества — о признании структурной зависимости индивида от рамочного социального порядка, превращающего «каждого индивидуума, который сам по себе есть некое замкнутое и изолированное целое, в часть более крупного целого, от которого этот индивидуум в известном смысле получает свою жизнь и свое бытие» (Жан-Жак Руссо. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права. Кн. 2, гл. VIII).

Еще меньше теоретикам политического плюрализма и культурной гетерогенности (мульти-культи) могут понравиться пассажи Руссо вроде этого: «Чем больше согласия в собраниях, т.е. чем ближе мнения к полному единодушию, тем явственнее господствует общая воля; но долгие споры, разногласия, шумные перебранки говорят о преобладании частных интересов и об упадке Государства» (Там же. Кн. 4, гл. II). Ведь для него все это признак кризиса единства сообщества.

Соответственно в «Общественном договоре» единственно правильная политика — это всегда следствие *volonté générale*, поскольку лишь «обобществление» индивида посредством акта договора и его подчинение общей воле делают возможной политику в подлинном смысле слова — как действие в интересах сообщества, и в т.ч. ради большей меры свободы для индивида. При этом действие лишь в частных интересах не является для Руссо собственно политическим действием. «Индивид слеп к политическому», — скажет позже Карл Шмитт. Так что в этом пункте также можно обнаружить важнейшую содержательную связь между «тоталитарным республикан-

цем» Руссо и «демократическим неабсолютистом» Шмиттом.

Понятие политического единства и подчинения частных интересов общей воле является сквозной для всего творчества Карла Шмитта. При этом его интересует не столько нормативный генезис политического сообщества, сколько единство политического как такового. Поэтому неудивительно, что идея *volonté générale* была использована Карлом Шмиттом в рамках его попыток обоснования диктатуры всенародно избранного президента как выражения чистой народной воли, которая освобождается от частных (партийных) интересов, проявляется в аккламации и, тем самым, впервые действительно демократизируется...

Гомогенность, равенство, тождество

В своих работах периода Веймарской республики Шмитт выступает как радикальный интерпретатор демократии тождества Руссо. Для него осуществление принципа тождества правящих и подчиняющихся означает тенденцию к минимуму правительства и персонального руководства: ведь «чем сильнее реализуется этот принцип, тем более ведение политических дел осуществляется само по себе, благодаря максимуму естественно данной и исторически сложившейся гомогенности. Это есть идеальное состояние демократии, как его предполагает Руссо в «Общественном договоре»».

В данном случае Шмитта не смущает, что речь идет о непосредственной или чистой демократии, поскольку, как говорит он, существует только непосредственная демократия, а опосредованность возникает уже в результате «примешивания репрезентативных элементов». Его идеал гомогенной демократии выглядит так: «Там, где все совпадает, решение должно находиться само по себе, без дискуссий и

существенных конфликтов интересов, поскольку все желают того же самого» (здесь и далее цит. по: *Карл Шмитт, Учение о конституции*). Понятно, что это состояние следует рассматривать скорее как мыслительную идеальную конструкцию, нежели как историческую и политическую действительность.

Интересна и актуальна мысль Шмитта об антидемократической тенденции при расширении репрезентативного принципа, в ущерб прямой демократии: «максимум репрезентации означал бы максимум правительства»; именно он позволяет обходиться минимумом гомогенности народа, образуя из национально, конфессионально или классово различных групп людей фиктивное политическое единство. Опасность этого состояния заключается в том, что игнорируется субъект политического единства — народ, ведь в таком случае лишается своего содержания государство, которое есть не что-то иное, как народ в состоянии политического единства. Тогда, заключает Шмитт, «это было бы государством без народа (*respopuli* без *populus*)».

В шмиттовской интерпретации учения Руссо об «общественном договоре» подлинным основанием демократического государства является полная однородность народа. Говоря словами Руссо, необходимо «превеликое равенство в общественном и имущественном положении, без чего не смогло бы надолго сохраниться равенство в правах и в обладании властью» (кн. 3, гл. IV. «О демократии»). Лишь в этом случае возможна ситуация, когда все желают одного. А если кто-то и оказывается в меньшинстве, то это означает лишь то, что он заблуждался относительно своей истинной и наилучшей воли. В таком случае индивид готов подчиниться большинству не оттого, что это большинство, а потому что субстанциальная однородность народа настолько велика, что исходя

из подобной субстанции все желают того же самого, что и он.

Итак, по Шмитту, подлинная демократия основана не на договоре, а на гомогенности, приводящей к тождеству народа с самим собой. Для него эта идея есть наиболее сильное и последовательное выражение демократической мысли. Поэтому он настаивает на том, что невозможно последовательное признание всеобщего равенства людей в сфере публичной жизни и публичного права, поскольку тем самым демократическое государство лишило бы себя своей субстанции. На основании принципа демократической гомогенности народа Шмитт выявляет структурное противоречие между демократией как принципом организации политического и либеральными идеями свободы и равенства всех со всеми.

Итак, если сущность демократического равенства заключается в субстанциальной однородности народа, то центральное понятие демократии — народ, а не человечество. Ведь любая реализованная демократия вообще может существовать лишь только как демократия определенного народа, а не как демократия всего человечества. Лишь в рамках конкретной народной гомогенности возможно реализовать тождество господствующего и подданного, правящего и подчиненного, приказывающего и повинующегося.

Эта дефиниция Шмитта вытекает из субстанциального равенства, которое является сущностной предпосылкой демократии у Руссо, исключающей различие внутри демократического государства господства и подчинения, правления и повиновения. В демократии господство и правление не может опираться на неравенство, то есть на превосходство господствующих и правящих, на то, что правящие являются чем-то качественно лучшим, чем подчиненные, поскольку «в соответствии со своей субстанцией они должны

оставаться в рамках демократического равенства и гомогенности».

Как говорит Шмитт, из-за того что некто правит в демократии, он не выходит из всеобщего тождества, оставаясь в рамках гомогенного народа. Именно поэтому «власть или авторитет тех, кто господствует или правит, не может основываться на каких-либо высших, недоступных народу качествах, но лишь на воле, поручении и доверии тех, кто подчиняется или повинуетя и кто, таким образом, в действительности правит сам». Лишь в рамках такой конструкции политического выражение «демократия есть правление народа над самим собой» имеет смысл.

Стремлением максимально осуществить тождество между правящими и подчиненными Шмитт объясняет такие демократические меры и тенденции, как расширение равноправия в определенных сферах, всеобщие избирательные права и постоянное расширение избирательных прав для мужчин и женщин, снижение избирательного возраста, сокращение длительности легислатур и т.д.

Итак, Шмитт выявляет условие возможности функционирования демократии Руссо: *«Демократия в целом и в любой частности своего политического существования предполагает однородный в себе народ, обладающий волей к политическому существованию. При соблюдении этой предпосылки вполне верно, как говорит Руссо, что то, чего желает народ, всегда есть благо».*

Однако тезис Руссо верен не из-за какой-то нормативности «Общественного договора», а из-за гомогенного бытия народа: «Слово “тождество” применимо к дефиниции демократии, поскольку оно обозначает обширное тождество гомогенного народа, то есть включающее правящих и подчиняющихся, и отрицает различие между правящими и подчиняющимися, существующее в иных государственных формах».

Государственная власть в демократии исходит от народа, поэтому важно не допустить возникновения качественно различного статуса правящих и подчиняющихся, поскольку тот, кто правит в демократии, делает это не из-за обладания свойствами верхнего слоя, качественно лучшего по сравнению с неполноценным низшим слоем, — само это представление взорвало бы демократическую гомогенность и тождество правящих и подчиняющихся.

Шмитт формулирует эту дилемму следующим образом: если народ наделяет властью самых лучших и способных, то — тем лучше для него, «однако этот род выбора и отбора никогда не должен в демократии приводить к тому, что образуется особый слой, который угрожает качественному и субстанциальному равенству всех, то есть тотальной предпосылке любой демократии». Здесь Шмитт вспоминает упрек, который Сийес в 1789 г. бросил дворянству: согласно Руссо, правящие отличаются народом, а не от народа, тогда как французское первое сословие отличалось не согражданами, а от сограждан.

Итак, демократическое тождество в конструкции Руссо основано на представлении о том, что все, что относится внутри государства к деятельности государственной власти и правительства, остается внутри субстанциальной однородности: «Вся демократическая мысль с ясной необходимостью двигается внутри представлений об имманенции. Любой выход из имманенции означал бы отрицание тождества. Любой вид трансценденции, вводимой в политическую жизнь народа, приводит к качественным различиям высокого и низкого, высшего и низшего, отборного и неотборного и т.д., тогда как в демократии государственная власть должна исходить от народа, а не от лица или органа, стоящего вне народа и над ним».

С этим Шмитт связывает тезис Рус-

со о том, что народ невозможно репрезентировать: он не может быть репрезентированным, поскольку он всегда имманентно присутствует, тогда как репрезентировать можно только нечто отсутствующее.

При этом в идеальной демократии Руссо тождество и гомогенность народа столь велики, что даже судья и стороны процесса желают одного и того же (кн. 2, гл. IV). *Volonté générale* обеспечивает здесь столь «чудесное согласие» интереса и справедливости, что норма судьи становится тождественной нормам сторон. Это место является прекрасным примером того, что в демократии Руссо все различия и трудности снимаются в общем тождестве и гомогенности.

Для Шмитта это ясный признак того, что абсолютное тождество и гомогенность невозможны, а конструкция Руссо находится в тавтологическом круге: «при абсолютном тождестве всех со всеми и пользы со справедливостью никто уже не будет нуждаться в проведении процессов. Если все желают одного и того же, исчезает не только различие судьи и стороны (о котором говорит Руссо), но также различие истца и ответчика. Далее и это различие также становится тождественным, и проблема юстиции решена, поскольку больше нет никаких процессов»...

Несмотря на эти и ряд других трудностей, идея гомогенно структурированного общества Руссо как условия возможности демократического тождества правящих и подчиненных до сих пор сохраняет свою притягательность и является для многих нормативной моделью демократии *par excellence*.

От гомогенного народа — к нации

Как постоянно подчеркивает Руссо, индивид присутствует в государстве не в своей природной данности как от-

дельный человек, а как *citoyen*, т.е. как гражданин, объединенный с другими посредством договора: «Что до членов ассоциации, то они в совокупности получают имя народа, а в отдельности называются гражданами как участвующие в верховной власти, и подданными как подчиняющиеся законам Государства» (кн. 1, гл. VI).

Речь здесь у Руссо опять-таки идет о субстанциальном равенстве: «ибо, во-первых, если каждый отдает себя всецело, то создаются условия, равные для всех; а раз условия равны для всех, то никто не заинтересован в том, чтобы делать их обременительными для других». То есть заключенное «общественное соглашение устанавливает между гражданами такого рода равенство, при котором все они принимают на себя обязательства на одних и тех же условиях и все должны пользоваться одинаковыми правами. Таким образом, по самой природе этого соглашения, всякий акт суверенитета, т.е. всякий подлинный акт общей воли, налагает обязательства на всех граждан или дает преимущества всем в равной мере; так что суверен знает лишь Nation как целое» (кн. 2, гл. IV).

Шмитт поясняет, что «по сравнению с общим понятием народа нация означает народ, индивидуализированный посредством особого политического сознания. Единству нации и сознанию этого единства могут способствовать многие различные элементы: общий язык, общие исторические судьбы, традиции и воспоминания, общие политические цели и надежды».

Итак, здесь от абстрактной демократии мы переходим к демократии национальной, ставшей политической судьбой для народов западного Модерна. Обращаясь к наследию Французской революции, Шмитт обращает внимание на то, что, несмотря на идеи о «человечестве и всеобщем братстве народов», революционеры предполагали существование французской нации как исторически данной величины.

Так, ее конституции стали соединением принципов буржуазного правового государства с демократическим принципом законодательной власти конкретного народа. Теперь субстанция равенства заключается в национальном тождестве, а предпосылкой этого рода демократии является национальная гомогенность:

«Если нация понимается как субстанция демократического равенства, то отсюда вытекают практические последствия особого рода. Демократическое государство, находящее предпосылки своей демократии в национальной однородности своих граждан, соответствует так называемому признаку национальности, согласно которому одна нация образует одно государство, а одно государство охватывает одну нацию. В таком случае национально гомогенное государство выступает в качестве чего-то нормального».

Стоит ли говорить, что подобный содержательный сдвиг по линии национация вызвал резкую реакцию у многих политических оппонентов. Одной из них была Ханна Арендт, которую в концепте нации Французской революции смущало то обстоятельство, что акцент смещается к конкретному случаю национального тождества, вытесняя тем самым принцип свободы принципом национального единства. По ее мнению, тем самым был дезавуирован универсализм провозглашенных прав, поскольку они проявляются как особые права конкретного народа, образующего в результате их достижения особое национальное тождество. Для Ханны Арендт, как и для многих других критиков, признание высших универсальных прав отменяется одновременным объявлением суверенной народной воли, поскольку в таком случае осуществление принципа народного суверенитета оказывается не чем иным, как появлением конкретной суверенной нации.

Шмитта же это не только не сму-

щает, но, напротив, он подчеркивает, что если в политической действительности национальная гомогенность отсутствует — например, ввиду того что государство состоит из различных наций или имеет национальные меньшинства, — то это неизбежно означает или противостояние с последующим отделением, или же их постепенную, мирную ассимиляцию среди господствующей нации.

«Всякая подлинная демократия основана на том, что не только с равными обращаются равно, но и с неравными неравно. Демократия, таким образом, требует, во-первых, гомогенности, а во-вторых, в случае необходимости, исключения или уничтожения гетерогенного» (Карл Шмитт. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) к: Духовно-историческое состояние современного парламентаризма, 1926).

Именно с необходимостью сохранения национальной гомогенности Шмитт связывает существующие в современных национальных государствах меры, вытекающие из принципа демократии тождества: подавление гетерогенного населения; его депортация; контроль над притоком и высылка нежелательных элементов

посредством иммиграционного законодательства; законы против засилья чужеродных элементов; защита национальной индустрии; защита от экономического и социального господства чужого капитала; национализация земли и полезных ископаемых; практика в праве о гражданстве, позволяющая лишать гражданства (денатурализация) и т. д.

В завершение добавим, что, говоря о существующей международно-правовой защите меньшинств, Шмитт подчеркивает, что национальное меньшинство охраняется не как нация, поскольку в этом случае оно в качестве нации будет обладать политическими правами в противовес господствующей нации, и тем самым будет нарушен принцип самого демократического государства: в таком случае меньшинство само становится новой нацией, которая неизбежно будет претендовать на свой собственный полный суверенитет...

Стоит ли говорить, что последнее обстоятельство должно представлять особый интерес для тех, кто всерьез надеется сохранить целостность РФ в долгосрочной перспективе, сохраняя в ее составе национальные государства нерусских народов в виде республик-этнократий.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ВИЗАНТИЙСКАЯ АГОНИЯ:

УРОК ДЛЯ РОССИИ

К 1150-ЛЕТИЮ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

История засорена обломками государств, которые пытались совместить различные этнические, лингвистические либо религиозные группы в пределах одной верховной власти.

Артур Шлезингер-младший

Нация и Государство — вот коренной вопрос, который в первую очередь встает в раздумьях о византийском опыте. Сама история поставила поистине бесценный эксперимент длиной в тысячу лет, призванный его разрешить.

Но, собственно, в чем данный вопрос состоит?

Я хочу предложить его в такой постановке, которая больше всего должна бы волновать русское общество после распада Советского Союза. А именно: сохранимся ли мы, русские, как нация, сохранив при этом свое государство? Не повторим ли мы злую и печальную судьбу ромеев, потерявших и государство, и судьбу? Отжили ли мы уже как этнос отмеренный нам исторический век и готовимся сойти со сцены — или у нас есть еще шанс продлить свое существование, не попав притом под чуждое владычество, как это произошло со многими народами Византийской империи?

Своеобразный историк и историософ Лев Гумилев полагал, будто весь процесс от зарождения до гибели эт-

носа (он называл почему-то этот процесс этногенезом) занимает в среднем 1200–1400 лет. Этот период он объявил нормой. Однако, присмотревшись, мы легко убедимся, что на самом деле судьбы народов гораздо более разнообразны и часто не укладываются в приведенную схему.

Прежде всего обращают на себя внимание этносы, мелькнувшие, как метеор, по небосклону истории и мгновенно погасшие, этносы-эфемериды, этносы-однодневки (по историческим меркам, разумеется, то есть жившие несколько столетий, в лучшем случае). Но с другой стороны, мы можем наблюдать этносы, чей срок жизни в несколько раз длиннее того периода «этногенеза», что отпустил им Гумилев. Принимая эти факты к рассмотрению, мы должны, конечно, иметь в виду, что этнос, вопреки учению Гумилева, это не поведенческий стереотип, а биологическое сообщество, связанное общим происхождением, имеющее общую генетику и общую «семейную историю».

Гибель этноса, совершающаяся подчас очень быстро, на памяти одного поколения (так погибли, например, хазары, или могикиане, или тасманийцы), — не бывает случайной, она, как правило, есть следствие накопившихся этнополитических ошибок. Неважно, сознательно они совершались или нет. Эти ошибки порой настолько наглядны и разительны, что мы вправе говорить в таких случаях об этносах-

Глава из книги «Этнополитика» (в работе). Сокращенный вариант опубликован в альманахе «Развитие и экономика». 2012. № 4.

самоубийцах, добровольно устремившихся навстречу собственной гибели.

Напротив, есть этносы, чье историческое существование исчисляется многими тысячелетиями (к примеру, китайцы, индоарии, евреи, древние египтяне), хотя и они порой вставали на грань жизни и смерти и подвергались угрозе исчезновения. Мы вправе предположить, что некогда эти этносы-долгожители сумели нащупать во тьме грядущего верный путь, сумели разгадать секреты выживания. Сумели открыть, быть может, стихийно, законы этнополитической науки. Наградой за что и стала исключительно долгая жизнь, устремленная в будущее.

Что же будет с нами, русскими?

Весь XX век русскую нацию ломали, порабощали и уничтожали разные народы, используя при этом, увы, огромную социальную энергию восставших русских масс, поставивших классовую солидарность над солидарностью национальной. Результат вполне закономерен: утратив и пока не восстановив свою элиту, мы встали на пороге вымирания и деградации.

Мы, русские, находимся сейчас в положении неустойчивого равновесия, пройдя в истории путь не короткий и не длинный — как раз такой, чтобы либо умереть, исчезнуть, либо учесть чужой и свой опыт, составить верный рецепт выживания и долгожительства — и жить дальше. Разделим мы участь хазар или аваров (это их наши летописи ставят в отрицательный пример: «погибоша, аки обре») или сумеем, в очередной раз перелицевавшись, продлить нашу историю еще на пару-тройку тысячелетий — вот вопрос, сродни гамлетовскому «быть или не быть».

Хочется верить, что мы ответим — «быть».

Но мало просто ответить. Надо приложить усилия в нужном направлении, чтобы утвердить этот ответ в реальности. А для этого надо знать, где оно,

это направление. Необходима хотя бы краткая летопись роковых этнополитических ошибок и гениальных этнополитических достижений.

В этой летописи Византии принадлежит особое место ввиду того, что Россию многие считают преемницей империи ромеев. Находятся и такие, что ставят нам эту империю в пример, считают ее вечным образцом для подражания.

Я стою на позициях прямо противоположных. А почему — постараюсь объяснить.

Для этого необходимо погрузиться в историю. И постичь, как и почему возникла, жила и погибла Византия.

Что Второй Рим унаследовал от Первого

Свободой Рим возрос,
а рабством погублен.

А.С. Пушкин

Очень важно понять: никто и никогда специально не создавал Византию. Это лишь зараженный гнилью обрубок сгнившей Римской империи. Когда Рим уже шел ко дну, Восточно-Римская империя (именно ее мы традиционно называем Византией) отделилась и потому спаслась. Это был способ уцелеть, сохранить старое, а вовсе не создать новое. Хотя в дальнейшем не прекращались попытки создать это новое, но ничего прочного так и не получилось: империю все время трясло, как в лихорадке, а спасало (до поры) каждый раз какое-нибудь чудо — счастливое стечение обстоятельств.

Будучи относительно богатой и удачливой страной, Византия протянула, догнивая, всего чуть более тысячи лет, но весь этот срок ее терзали внешние нашествия и внутренние неурядицы. Она то распадалась, то вновь собиралась, все сокращаясь в границах и возможностях, лишь временами отнимая у еще более слабой Западной империи части ее владений, но затем

опять их теряя, — пока не потеряла все без остатка, включая столицу и имя.

Тысяча лет агонии — так и только так следует характеризовать ее бытие.

О какой гнилости говорю я, ручаясь за столь суровый приговор? Какие болезни получил Второй Рим в наследство от Первого?

Если говорить упрощенно, Византия унаследовала общество, лишенное естественной иерархии, национальной и социальной. И еще усугубила в своем кратком существовании оба эти недостатка.

Как известно, любое здоровое биологическое сообщество естественным образом подразделяется на четыре категории: высокоранговые особи, средневысокоранговые, средненизкоранговые и низкоранговые, которые распределяются по «кривой Гаусса»: минимальное количество по полюсам, максимальное — между полюсами. В мире есть единственное идеальное человеческое общество, мудро организованное в соответствии с этим законом природы: это разделенная на четыре основные варны (касты) Индия, хотя в XX веке разложение коснулось уже и ее. Подобное устройство явилось залогом социальной стабильности Индостана на протяжении более двух тысяч лет.

Таким был когда-то и Рим периода республики. «Сенат и народ правят Римом» — в этом слогане было отражено мудрое государственное устройство. Аристократическая олигархия (элита) вела страну по пути побед и успехов, а единокровный ей, плоть от плоти, народ имел твердые гарантии того, что этот путь обеспечивает и его конечное благо. Относительно небольшое количество рабов обслуживало все слои общества. Все было хорошо.

Мину под это правильное устройство подложило рабовладение, неуклонно расширявшееся вследствие военных побед и изменявшее социальные и национальные пропорции государства. Абсолютное большинство рабов были инородцами, представите-

лями этносов, побежденных римским оружием. Однако, в отличие от индоариев, изначально превративших покоренных дравидов навечно в шудр и организовавших свою (и их!) жизнь по имевшим религиозную силу законам Ману, древние римляне не догадались закрепить кастовое деление общества. Не догадались на уровне религии сделать неизменяемой социальную принадлежность хотя бы только высокоранговых и низкоранговых слоев.

Что получилось в результате?

Уже в I в. вольноотпущенников в Риме было так много, что Тацит заметил: «Если обособить вольноотпущенников, то станет очевидной малочисленность свободнорожденных» (Анналы, XIII, 27). Императоры, ведя вечную борьбу с аристократией, охотно опирались на этот слой, национально, как правило, чуждый и даже враждебный (представители побежденных и поработченных народов, как-никак) римскому этносу. В этой борьбе императоры находили союзника и в римских плебейх. Не даром, когда после убийства Калигулы сенат хотел восстановить республику, именно римский народ не позволил этого сделать. Ведь народу все равно, люди какой этничности заправляют делами в государстве и «угнетают» его: пролетарии не имеют не только Отечества, как заметил Маркс, но и национальности. Лишь бы не своя родная, хорошо знакомая и ненавидимая всей душой аристократия! Вот как смотрели на дело простые римляне.

Впрочем, что такое были к тому времени «простые римляне»?

Как известно, до Гая Мария, полководца «из простых», римского гражданства не имели не только иноплеменные представители побежденных народов, но даже италики, за исключением собственно римлян — коренных жителей Лациума. Благодаря чему римляне и оставались римлянами и могли вести осмысленную внутреннюю и внешнюю политику, подчиненную истинно национальным интересам.

Все подданные империи, вполне понятно, стремились к обретению римского гражданства и даже готовы были воевать за это. И первая гражданская война в Риме произошла именно из-за этой проблемы. Рвавшийся к диктаторской власти негодяй Марий, решив опереться на жаждавших полноправия италиков, щедро подарил им римское гражданство, чем, собственно, и вызвал гражданскую войну. Поскольку Рим восстал против этого самоуправства, не желая делиться своим исключительным положением. С огромными обоюдными человеческими потерями разгромив подлого популиста и приняв от Сената полномочия диктатора, аристократ Корнелий Сулла не решился, однако, отобрать у италиков раз подаренные права, понимая, что в этом случае он не закончит гражданскую войну никогда. Так был дан необратимый ход истории Рима в дурном направлении. Гибель Римской республики была предрешена.

Кто такие были теперь римляне? Этническое наполнение этого слова-символа непоправимо изменилось — и продолжало изменяться все сильнее с каждым десятилетием. Особенно с установлением власти императоров, для которых национальная принадлежность их подданных не имела принципиального значения, как им казалось, в отличие от их количества.

Юлий Цезарь и Октавиан Август еще мыслили и вели себя как римляне, но очень скоро все изменилось. Премник Калигулы Клавдий I (ум. в 54 г.) охотно предоставлял права римского гражданства уже не италикам, но вообще любым иноплеменникам — грекам и варварам, за что его клеймил в стихах Сенека. Но голос философа был бессилён что-либо изменить. При его воспитаннике Нероне (ум. в 68 г.) в Риме чужеземцев уже было больше, чем коренных римлян, и Сенеке оставалось лишь сетовать: «Взгляни на многочисленное население, которое едва помещается в зданиях этого горо-

мадного города; большая часть этой толпы не имеет отечества, а собралась эти люди сюда из разных мест и вообще со всего света» (Утешительное письмо к Гельвеции, 6, 2).

Процесс шел по восходящей. Вскоре он затронул уже не только плебейские, но и аристократические круги римского общества: Веспасиан в 73 г. ввел в состав сената и всадничества жителей Италии и провинций. Во время правления Антонинов от Траяна до Коммода (91–192) «для провинциалов широко распахнулись двери Рима» (Е.В. Федорова). Адриан стал брать в легионы не только римских граждан, но и жителей провинций, чем способствовал варваризации армии. Наконец, в 212 г. император Каракалла (сам полусириец-полуфиникиянин, выродец, убивший собственного брата Гету и свою жену) издал эдикт, которым права римского гражданства получило практически все свободное население Римской империи.

Пали последние рубежи, произошел качественный скачок, сменился — ни много ни мало — субъект истории. На смену бывшей римской *нации* времен республики пришло римское *согражданство*.

Рим окончательно перестал быть Римом, а римляне — римлянами. Римом стало некому гордиться, Рим стало некому любить, некому защищать, ведь вся эта масса «римских граждан», за исключением уже немногочисленных и не сохранивших свою породу потомков жителей Лациума, была связана с гордым именем лишь номинально. Для абсолютного большинства подданных Рим ассоциировался с насилием, войной, угнетением, с вековой борьбой их собственных этносов *против* Рима... Что же им было любить, защищать, чем гордиться? Попользоваться благами римского гражданства — это за милую душу, но умирать за Рим?!

Одновременно с размыванием этнической основы Рима закономерно шла его культурная деградация. Это коснулось главного: веры, языка, искусства.

В столице ойкумены утвердилось множество иноземных культов, особенно восточных, так что в IV в. Рим заслужил имя «Храм всего мира» (Аммиан Марцеллин, XVII, 4, 13). Но историк Тацит дал этому более жесткую и верную характеристику: «...в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и негодное и где оно находит приверженцев» (Анналы, XV, 44). В условиях бесконтрольного наплыва инородцев истинным римлянам было невозможно сбересть религию отцов: плохой признак скорой исторической гибели.

Последние великие произведения римской литературы относятся к рубежу нашей эры; это неудивительно, поскольку вскоре латынь перестала быть национальным языком истинных римлян. Этот язык умер заживо, он перестал жить живой жизнью породившего его народа, превратившись в чисто служебное средство межнационального общения. Из латыни, образно говоря, вынули душу (то же самое сегодня происходит с русским языком, так что много объяснять здесь не приходится).

В этнически смешанном обществе сам собою выродился художественный вкус, а с ним зримо упало великое античное искусство архитектуры и скульптуры, особенно скульптурного портрета, в нем начинают доминировать явно дегенеративные типы — результат расово-этнического смешения... Но только ли скульпторы виноваты в том, что, начиная с Валентиниана III, портреты римских императоров напоминают тупые морды бандитов, с низкими лбами, мощными челюстями и жесткими складками губ?

Слом национальной, этнической иерархии сопровождался в императорском Риме доламыванием и социальных перегородок, установлением так называемых «социальных лифтов» (надо сказать, совершенно противоположное, уродливое и злобредное явление, порожденное порабощением инородческих элит). Процесс затро-

нул и сам институт императоров, в результате чего на римском троне стали возникать фигуры странные и чуждые традиционному римскому обществу. Попросту сказать, инородцы и маргиналы.

Первый неримлянин во главе империи, император Траян родился не в Риме, а в городе Италика в Испании. Но с ним Риму, можно сказать, еще повезло. Траяну довелось бороться с поднявшимися варварами (впервые после Карфагена и Митридата); он разгромил даков и парфян, усмирил Месопотамию и Армению. Однако успех был непрочен. Траян умер в ходе волнений в Вавилонии, Месопотамии, Сирии, Палестине, Египте, Кирене, на Кипре и в Парфии. Его преемнику Адриану пришлось отпустить с миром Парфию и Армению, снять дань с Месопотамии.

Впрочем, могли ли императоры-неримляне (Адриан, кстати, первый император, на греческий образец не бривший бороду, не зря в юности его прозывали «гречонком»), опиравшиеся на неримское «римское» население, противостоять возросшей активности вражеского варварского мира? Что для них был Рим? Римские интересы? Пусть на эти вопросы читатель ответит себе сам, ознакомившись с кратким перечнем этносоциальных девиантов в императорском звании.

Убив Пертинакса (193 г.), преторианцы впервые выставили императорский трон на торги. Началась междоусобица. Дидий Юлиан (купивший трон богач) был убит, и власть захватил Септимий Север, родом ливиец. Первый инородец на троне Рима, он на всю жизнь сохранил африканский акцент (его сестра так и не выучила латынь). Римляне считали его варваром. Его жена — финикиянка Юлия Домна — родила чудовище: Каракаллу. Он был «первым римским императором, на которого легла печать явной варваризации» (Федорова). Водился с германцами, подражая им в одежде и даже одевал парик блондина, расчесанный

по-германски. Поклонялся при этом богине Изиде. Его убил и наследовал трон Макрин — бывший раб, варвар и простой воин. Рим неостановимо катился в пропасть. На смену Макрину пришел внучатый племянник Юлии Домны из Финикии, жрец финикийского бога солнца Гелиогабал. Дегенеративного вида, он носил варварскую пышную одежду, золотые украшения, плясал перед алтарем с финикиянками, а римская знать безучастно смотрела на это, как в театре. Добивался, чтобы Рим чтил только бога Гелиогабала, настаивал, что в Рим надо принести религиозные обряды иудеев и самаритян, а равно и христианские богослужения (ведь это все влиятельные члены «имперского народа»!). Приносил человеческие жертвы...

Это, конечно, уже был не Рим. Но что-то еще теплилось: Гелиогабала убили, тело выбросили в Тибр, а сенат запретил память о нем.

Не помогло. Хотя в марте 235 г. «династия Северов, открывшая варварам путь к римскому престолу, сошла с арены истории» (Федорова), но на трон тут же сел Максимин Фракиец, пастух, воин-силач, «подлинный варвар» без всякого интеллекта. После его убийства на трон претендовал Канелиан, опиравшийся на мавров и карфагенян. В 244 г. на трон вступил Филипп Араб (как характерны эти прозвища-этнонимы!), при котором Рим отметил свое 1000-летие в 247 г.

Это знаменательно: путь империи к закату зримо выразился в данном факте. Власть варваров над мировой державой становилась все возможнее и неизбежнее.

Не стало Центра, не стало государствообразующего этноса — римлян. Некому и незачем стало все держать, сопротивляться разложению и внешней экспансии¹. «К IV веку большин-

ство римлян уже разучилось уважать достойные деяния предков» (Федорова); ничего удивительного: это были уже не их предки. Невероятно, но факт: когда в 410 г. Рим пал после третьей осады Алариха, это событие не нашло достойного отражения в литературе. Всем уже было все равно, «новые римляне» уже не видели особой разницы между собою и варварским миром и готовы были слиться с ним в одно целое. Что и произошло в 476 г., когда варвар из племени скиров Одоакр во главе пестрой смеси племен овладел Римом, но не ушел, разграбив, а остался править Италией...

Такого финала следовало ожидать, ибо еще при Галлиене (260–268) империя стала сама собой разваливаться на куски: власть над Востоком захватил Оденат, в Греции объявил себя императором Валент, восточное побережье Адриатики оказалось под властью Авреола, Египет захватил Эмилиан, а Галлия провозгласила императором Постума. Удивляться тут нечему. Пока Галлиен развлекался, при нем за восемь лет сменилось 30 (!) тиранов: «эти люди, набросившиеся на императорскую власть из разных частей мира, были настолько малоизвестны, что даже ученые мужи не смогли ни много разузнать, ни поведать о них» (Авторы жизнеописаний августов, Тридцать тиранов, I). Галлиен был убит в 268 г., на его место сел иллириец Клавдий II. Аврелиан (270–275) ненадолго восстановил единство империи оружием, но при этом вослед Гелиогабалу возвысил культ единого бога солнца...

Все они правили недолго, никто не протянул и десяти лет. Наконец, в 284 г. сын вольноотпущенника, иллириец или далматинец Диокл стал Диоклетианом. Он правил 20 лет, заимствовав восточные обычаи, требуя повиновения себе как богу и господину. Отчасти эту роль

привели даже к появлению диких волков в папских садах Ватикана (XV в.).

¹ Со временем распад, разложение и многовековое запустение некогда великой страны, потерявшей своего создателя и хозяина,

с ним делил его зять и соправитель-цезарь Галерий (дак по матери). Именно при Диоклетиане произошел раздел империи на Западно-Римскую и Восточно-Римскую, что послужило началом феномена Византии.

Итак, Византию породил Рим, а отделили — урвали для себя — августы-правители, чем спасли ее от участи Западной империи. В борьбе с готами и гуннами (основной опасностью того времени) Восточная империя поплатилась лишь временными потерями. Но при этом Византия — Второй Рим — унаследовала, впитала в себя все, чем был гнусен Первый Рим эпохи упадка. Из этого упадка, как из помойной ямы, она и произрастала, с него началась.

Без хозяина

...Всяк сущий в ней язык...

А.С. Пушкин

Никакой «византийской нации» не было никогда. Было *византийское согражданство*. И была страна, разноплеменным согражданам которой временно было выгоднее и безопаснее жить вместе, чем порознь. Они платили огромные налоги (а куда денешься?), содержа наемные войска и откупаясь золотом и шелками² от нашествий врагов.

Какой народ создал эту страну, Византию? Такого народа не было и нет.

Византия доживала и дожевывала остатки двух великих империй. Во-первых, Александра Македонского, породившей некогда феномен «эллинизма» на этих территориях, а во-вторых — непосредственно Римской, о чем сказано выше. Но к моменту, ког-

да Византия начала самостоятельный путь в истории, ни эллинов, ни римлян в их настоящем значении уже давно не существовало. Словом «эллина», кстати, в христианской Византии было принято обозначать язычников.

Какие же скрепы удерживали эту страну от распада в течение тысячи лет? Среди них мы не найдем главную: единый государствообразующий народ. Византия изначально не имела этнического стержня. Нам иногда подсказывают: это, мол, были греки. Но это неправда. Греки занимали лишь небольшой сегмент в народонаселении Византии и никогда (покоренные и порабощенные римлянами еще в 146 г. до н.э.) даже не пытались ее создавать. Они только научились в ней выживать, используя центральное положение и прикрываясь со всех сторон другими народами, — но не более того.

Даже и сам-то изначальный Византий, мегарская колония, не был цельно-греческим. При своем основании, около 658 г. до н.э., коренное население (аргосские пеласги) было недорийским и вело распри с колонизаторами — дорийской аристократией. Затем из Египта явились лелеги, потом добавились ионяне... Покоренные дорийцами, они все попали под власть Коринфа, но со временем Мегара отделилась, и Византий зажил независимой жизнью.

Достаточно взглянуть на карту этносов «Большой Византии» IV–V вв., чтобы убедиться в том, что так называемые «греки» занимают весьма малую часть этого лоскутного одеяла. Правда, в этой части находилась столица империи — Константинополь, но и ее население было этнически неоднородным. А всего в Ромейской империи (так она себя называла) компактно проживали — не поленись перечислить только крупные народы — даки, фракийцы, иллирийцы, македонцы, греки, лидийцы, фригийцы, исавры, галаты, армяне, арамеи, сирийцы, арабы, ливийцы, евреи и копты. Конкуренция за

² В VI в. при Юстиниане секрет шелка стал казенной монополией, и главный мировой рынок этого продукта переместился в Константинополь. А шелк стоил дорого: еще в III в., к примеру, 1 фунт китайского шелка уходил за 1 фунт золота.

власть и влияние, за роль государствообразующего этноса между многими из них была постоянной. Конкуренция не была здоровой, она не укрепляла, а наоборот, расшатывала страну. Различия в быту, морали, культуре и т.п. между этническими регионами были настолько велики, что существовали даже специальные кодексы для провинций (иудейской, персидской, греческой и т.д.) применительно к местному обычному праву.

В будущем к этим народам добавятся и иные: болгары (сложносоставной тюрко-славяно-фракийский этнос), готы, лангобарды, славяне и др., не считая малые племена, диаспоры и дисперсно проживающие этносы, имя коим легион. Вся эта пестрая смесь именовала себя не греками и не эллинами, а только «ромеями» («римлянами»), подчеркивая этим, что речь идет не о нации, а о согражданстве.

В кругу византологов XIX в. сложилось мнение о «византинизме» как духовной данности, выражающей некую духовную общность Второго Рима. Авторитетный специалист Ф. Успенский писал по этому поводу: «Как выражение политических, культурных и этнографических особенностей, характеризующих Восточную Римскую империю, византизм проявляется в следующих конкретных признаках: 1) в постепенной отмене господствовавшего латинского языка и замене его греческим; этот процесс начинается в VI в. и завершается в VII и VIII в.; 2) в борьбе национальностей из-за политического преобладания; эта борьба знаменуется появлением на престоле и в высшей военной и гражданской администрации представителей разных этнографических элементов, вошедших в состав империи; 3) в памятниках искусства; так, монеты с VII в. представляют новый тип в изображениях головы, указывающий на появление новой расы; 4) в литературной производительности, характеризующейся выработкою оригинального мировоз-

зрения под влиянием эллинских и восточных философских идей, преобладанием мистики и узкого консерватизма; наконец, 5) в забвении преданий классического периода, на место которых выступают восточные, по преимуществу иранские»³.

Но существовала ли на самом деле эта духовная общность, покрывавшая якобы собою имперское пространство? В этом приходится усомниться. Уже и в формулировке Успенского заложена мысль о противоречиях между эллинистическим, римским и различными восточными (еврейскими, персидскими, сирийскими, финикийскими, арабскими) влияниями, о политическом противостоянии византийских этносов. Эту мысль хочется конкретизировать.

Что правда, то правда — эллинистическая культура, еще в IV веке до н.э. распространившаяся на этих землях с приходом Александра Македонского, служила некоторой общей основой для взаимопонимания названных народов. Римское согражданство добавило к этой основе также некоторое сознание общности. Но лишь до поры до времени. Как, впрочем, и остальные две скрепы империи: язык и христианская вера. Других скреп не было, да и эти были далеко не надежны.

Для начала о языке. Обратим внимание на яркий и характерный факт: Византия вообще не дала образцов высокой литературы во всех основных ее родах — поэзии, прозе и драматургии⁴. Говоря о сколько-нибудь выдающихся памятниках византийской словесности, имеют в виду лишь житийную литературу, ораторское искусство, па-

³ Успенский Ф. Византия // Энциклопедический словарь. Т. VI. Венцано — Винона. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1892. С. 251–260.

⁴ Ср.: «Византийская литература бедна жанрами, которые сейчас называются беллетристическими» (Полякова С.В. Из истории византийской любовной прозы // Византийская любовная проза. М.–Л.: Наука, 1965. С. 113).

мятники юридической и исторической мысли, эпистолярное наследие. Но не собственно литературу, где особых достижений не отмечено. Точно так же, как и Рим, по сути, прекратил литературное творчество после Вергилия и Овидия.

Причина этого одна и та же. Латинский язык с течением времени потерял значение национального языка латинян и превратился в служебный язык межнационального общения множества народов Римской империи; точно то же получилось и с греческим. Да ведь он и не был изначально соприроден огромному большинству населения Восточно-Римской империи, хотя и не совсем чужд благодаря походу Александра. Вытеснив (за долгие пятьсот лет!) совсем уж чужеродную латынь, греческий язык так и не стал, не мог стать родным для всех народов Византии. Один чужой язык сменился другим чужим языком, только и всего. А что же можно создать на служебном языке, который не является органическим порождением тела и души народа, который не связан тысячами незримых нитей с самыми глубинными его корнями? Только служебную же литературу, преследующую вполне практические, далекие от чистого искусства цели. В многонациональном имперском сообществе по-другому и быть не могло.

Интересно, что латынь, преобразовавшись вначале в вульгарную латынь (язык межнационального общения почти всей Европы), в дальнейшем эволюционировала в пределах Италии и вернула-таки себе значение национального языка — итальянского для итальянцев. Что немедленно дало себя знать в великолепных достижениях итальянской литературы уже в раннем Средневековье. Да и в других странах к моменту гибели Второго Рима уже существовала Большая Литература на национальных языках. Но в Византии ничего подобного не произошло: здесь некого поставить в один ряд с Петрар-

кой, Данте, Боккаччо, Чосером, Вийоном, куртуазной поэзией Прованса и Бургундии, Эразмом Роттердамским, Себастьяном Брандтом и др. Это красноречивое немотствование входит в общий счет, по которому византийцы расплачивались за бремя империи.

Своеобразной реакцией собственно греческого этноса на присвоение его национального языка всем населением Византии и на низведение этого языка до уровня служебного явилось возникновение так называемых социолектов: по сути, двух разных греческих языков — языка простонародья (и инородцев) и языка рафинированной интеллигенции. Это разделение сопровождало постепенный переход от старогреческого к новогреческому языку и сохранилось до наших дней. Общеупотребительный, расхожий язык оказался отделен от языка образованных слоев, нарушилось живое единство не только национального языка, но и народной души и судьбы греков. Литературное бесплодие — прямой результат этого уродливого явления. А оно, в свою очередь, прямой результат уродливого общественного устройства.

Так обстоит дело с языковой скрепой империи. Не лучше было и с религиозной: перипетии вероисповедного бытия Византии поистине драматичны, полны ужасных и отвратительных подробностей. «Великая христианская империя», как нам ее представляют, никогда не жила устойчивой, благополучной, уверенной в своей истинности духовной жизнью, но напротив, все время содрогалась в конвульсиях бдений, порой кровавых. Лично я всегда с сокрушением сердечным думаю о том, из каких недостойных рук мы получили светоч христианства.

Можно для примера вспомнить про чудовищный погром и зверства, которые иудеи учинили в 614 г. христианам, воспользовавшись взятием Иерусалима войсками персидского шахиншаха Хосрова II. Ответный погром и высе-

ление евреев из Иерусалима произошло после возвращения в лоно Византии в 630 г. (последовал и эдикт о насильственном крещении иудеев, увы, не последний).

Но и в самом Константинополе хватало поводов для распрей. Это касается как довольно длительного периода сосуществования христианства и язычества со спорадическими «одержаниями верха» то одним, то другим (чего стоит только тезис Юстиниана Великого: «Язычников не должно быть на земле!»), так и систематического возникновения поистине соблазнительных и сокрушительных толков и ересей. Моря крови и слез пролилось из-за таких вещей как арианство, несторианство, павликианство⁵, монофизитство, богумильство, монофелитская уния⁶ и др., включая страшные сто лет иконоборчества и разделение церквей в 1054 г. Понятное дело, все эти уродства и отклонения четко и определенно базировались на почве национальных различий, находивших себе выход в различиях религиозных.

Измученное внутренними вероисповедными неурядицами византийское православие в конце концов сдалось на милость победителя и согласилось

на унию с римской церковью (Лионский собор 1274), просуществовав всего лишь двести двадцать лет после разделения церквей⁷... Сие, как заметил Успенский, не только не принесло «ожидаемых выгод, но напротив, сопровождалось прямым ущербом для империи». Последние 180 лет своего существования Византия провела под приглядом римских пап, которые, однако, пальцем не пошевелили, чтобы спасти ее от турецкого ятагана. Жертва оказалась напрасной. Духовная смерть (новая, еще более полная уния) недаром предварила физический конец империи. Нравственная гниль, как трупные пятна, давно проступала на ее теле.

В 394 г. Феодосий Великий, родом из Испании, провозгласил христианство единственной религией всей Римской империи. С тех пор многое можно припомнить относительно болезней религиозного роста Византии: взять хотя бы драки ревнителей христианства с не вполне христианизированными жителями Константинополя при Иоанне Златоусте! Как пишет один из лучших современных византологов С.Б. Дашков: «Вообще, история Византии, особенно ранней, богата волнениями именно на религиозной почве. К началу V в. Константинополь насчитывал от трехсот до пятисот тысяч жителей, и почти половина из них были христиане. Различия в направлениях веры, недовольство существующими порядками, религиозная нетерпимость и борьба на этом фоне столичных по-

⁵ Многовековая борьба с павликианством при Василии Македоняине вылилась в настоящую гражданскую войну, когда василевс чуть не утратил власть над всей Малой Азией.

⁶ Монофелитствующие василевсы немало позверствовали над православными, к примеру, старику Максиму Исповеднику отрезали язык и руку, были и массовые расправы. Монофелитство была осуждено при Константине Погонате на VI Вселенском соборе (680 г.), но лишь тогда, когда приверженные унии местности уже перешли к арабам и уния потеряла смысл. Филиппик (Вардан) из знатного армянского рода анафематствовал решения VI Вселенского собора и провозгласил монофелитство государственной религией, но Армения к тому времени уже почти вся отложилась, и преемник Вардана пресек его не имеющие перспектив инициативы.

⁷ Датировка церковного раскола условна: Византия никогда не признавала формулу *filioque* — об исхождении Святого Духа «от Отца и Сына», принятую западной церковью, и Константинопольский собор отлучил папу Римского от церкви как еретика именно за эту формулу еще в 867 г. Условна и дата унии, ибо о ней мечтал и готовил ее еще Мануил Комнин в 1160-е гг. А второй раз уния с Римом была подписана в 1439 г., незадолго до окончательного падения.

литических группировок приводили к тому, что богословские разногласия часто выливались в настоящие побоища, результатами которых пользовались демагоги»⁸. С Юстиниана Второго (669–711), массово сжигавшего еретиков, особенно армянских монофизитов, берет свое начало этот милый обычай. Михаил Первый (ум. в 844) вообще объявил смертную казнь всем еретикам без разбора.

Но это все были пустяки и цветочки по сравнению с тем, что началось в VIII–IX вв. Избавляя читателей от массы несимпатичных подробностей, кратко остановлюсь на истории иконоборчества — наиболее яркой странице «духовных исканий» Византии.

Истоки иконоборчества лежат в сосуществовании в ареале Византии трех авраамических религий, из которых две — иудаизм и мусульманство — отвергают всякое идолопоклонство. Под каковой запрет попадают, естественно, любые изображения богов, неважно, языческих или нет. Влияние этой идеи, опирающейся на прямой запрет «сотворять кумиры», содержащийся в обязательном и для христиан декалоге Моисея, охватило не только византийские диоцезы, непосредственно населенные мусульманами и евреями или граничащие с мусульманами — арабами и персами, но и проникло глубоко во все слои византийского общества.

Дело не ограничивается тем, что императоры стремились устранить провоцирующий, раздражающий момент в отношениях с иудейским и мусульманским миром, уничтожить все преграды, камни преткновения, мешающие укрепить там свое влияние. Ревность о «правильном христианстве» расколола византийское общество сверху донизу. При этом фактор многонациональности проявился весьма четко и напрямую сказался на церковном расколе (как сказался и на русском раско-

ле фактор мордовского происхождения патриарха Никона или греческого братьев Лихудов).

Еще император Филиппик (армянин по имени Вардан), которого называли «сарацински мудрствующим», намеревался в 713 г. издать закон против почитания икон, но не успел. Впервые почитание икон было официально запрещено в 730 г. императором Львом III Исавром⁹ (были уничтожены многие тысячи икон, фресок, мозаик, статуй и алтарей), впоследствии иконоборчество было активно поддержано Львом IV Хазаром, наконец, оно, после временной отмены, снова было возобновлено в 813 г. Львом V Армянским. Не имея возможности подробно анализировать здесь этническую базу конфликта, я призываю читателя обратить внимание на прозвища-этнонимы главных акторов иконоборчества, они о многом говорят. Как прямо пишет Дашков о Льве Исавре, в утверждении иконоборчества свою роль сыграло «прежде всего его восточное происхождение (иерархи Малой Азии еще в 724 г. открыто выступили против почитания икон, которого, кстати, христианство первых веков не знало)... Противники Льва III упрекали его еще и в “сарацинолюбии” — чрезмерном увлечении арабской культурой и внимании к доводам мусульман и иудеев против “идолов”». Что не помешало ему в 723 г. издать эдикт о насильственном крещении иудеев и монтанистов.

Традиция иконописи вообще сформировалась в христианстве довольно поздно, только к VI в. (хотя первым иконописцем принято считать евангелиста Луку, родом грека, написавше-

⁸ Дашков С.Б. Императоры Византии. М.: Красная площадь, 1996. С. 28–29.

⁹ Исавры — воинственный народ Малой Азии, языковая принадлежность неизвестна; Лев Гумилев считал их потомками киликийских пиратов. Были завоеваны Римом в войне с Персией, частично переселены во Фракию. Исаврийская династия правила в Константинополе с 717 по 802 г., основные эпизоды иконоборчества развернулись при ней.

го портрет Божьей Матери), и уже в ранние века вызывала протест у таких видных богословов, как Евсевий Кесарийский, Епифаний Кипрский, Севир Антиохийский и мн. др. Однако государственный запрет на иконопочитание привел к разделению византийского согражданства на иконодулов и иконокластов, по стране покатались восстания, в Греции и на островах Эгейского моря поднявшееся население провозгласило своего императора, годом позже восстала Равенна, против Льва Исавра выступил римский папа Григорий II, Латеранский собор 731 г. осудил иконоборчество, в ответ на что Лев перевел римские епархии на своей территории под юрисдикцию константинопольского патриарха...

Лев Исавр умер, успев женить своего сына Константина Копронима («Говноименного») на дочери хазарского кагана. Дальнейшие гонения на иконы связаны с этим персонажем (созванный им в 754 г. собор объявил еретиками всех «древо- и костепоклонников»). Копроним разрушил множество столичных и провинциальных монастырей, отобрал у них земли, расстриг и отдал в руки палачей тысячи «мраконосителей» (монахов). Однако иконоборческое духовенство, а оно также было значительным, император не трогал. Не преследовал он и многочисленные ереси, к примеру, павликианство. «Последующие массовые кровавые расправы с ними православных монархов, вне всякого сомнения, затмили все казни иконодулов при Копрониме» (Дашков).

Его сын Лев Хазар правил недолго (возможно, был отравлен), но успел в 780 г. осудить и сослать многих влиятельных иконопочитателей, а свою жену Ирину, им покровительствовавшую, выслал из дворца за обнаруженные в ее спальне две иконы.

Ирина была природной гречанкой из Афин; овдовев, она немедленно занялась восстановлением иконопочи-

тания и провела с этой целью в 787 г. Седьмой вселенский собор с участием папских легатов. Уступив на время, под давлением войск стратига Армениака (армянина), престол своему сыну Константину VI, она затем устроила переворот, ослепила (!) сына и вернула себе всю полноту власти, но была свергнута логофетом Никифором (арабом) и кончила свои дни в изгнании на Лесбосе.

Сменив на троне погибших в войнах Никифора, его сына Ставракия и куропалата Рангаве (славянина), к власти в 813 г. пришел Лев V Армянин, который поручил ученому богослову Иоанну Грамматику детально разобрать вопрос об иконопочитании. Грамматик все взвесил и сделал вывод: поклоняться иконам нельзя. Собор 815 г. приговорил: запретить «несогласное с преданием или, еще вернее, бесполезное производство икон и поклонение им», восстановленное «благодаря женской простоте».

Пришедший на смену Льву Михаил II Травл (фригиец, грубый и невежественный) запретил все дебаты по поводу икон вообще. Поднявший против него восстание Фома Славянин, напротив, был сторонником иконопочитания, но потерпел поражение и после пыток был казнен. Сын Михаила, Феофил, стал последним иконоборческим императором, жестоко преследовал иконопочитателей.

Вдова Феофила, пафлагонянка Феодора восстановила иконопочитание; патриарх Мефодий в 843 г. окончательно отлучил иконоборцев.

Эта победа, как подчеркивает Успенский, «знаменует собой преобладание славянских и эллинских элементов над азиатскими». Ведь все императоры-иконоборцы были таковы: исавр, хазарин, армяне, фригиец. За ними стоял соответствующий этнический духовный опыт и предпочтения. А за ними, в свою очередь, — межэтнические противоречия, определяющие обычно все и вся.

Так закончилось самое знаменитое церковное «нестроение», впрочем... та же Феодора незамедлительно обратила свой взор на еретиков, в первую очередь павликиан (ими, в основном, были сирийцы и армяне, то есть опять-таки люди Востока). «В области их поселений на востоке страны отпавились с карательными экспедициями три военачальника... Павликиан жгли, топили, прибывали к столбам. Во имя православия погибло до ста тысяч человек...» (Дашков). Инквизиторы Германии, Испании и Нидерландов не скоро приблизились к этому рекорду, достигнутому по меркам истории мгновенно.

Не погружаясь в пересказ дальнейших превратностей, претерпленных византийским православием на своем трудном пути вплоть до бесславной капитуляции на Лионском соборе, могу лишь уверить читателя, что этнический фактор всегда имел здесь решающее значение. К примеру, монофизитство находило поддержку у армян, сирийцев и коптов, богумильство — у болгар и т.д. и т.п. Ведь национальное своеобразие всегда и непременно выражает себя через религию.

Проявлялся этнический фактор и во внутренних распрях. Иногда возникает такое впечатление, что противоестественное постоянное проживание бок о бок разноплеменных масс заряжало все общество мощнейшим зарядом нетерпимости и агрессии, который только ждал повода, чтобы проявиться взрывом. Как пример можно привести крупнейшее в истории Византии восстание «Ника», которое началось со схваток венетов и праситов (враждующих «димов» — спортивно-политических партий; обратим внимание, что название одной из них есть этноним), но вылилось в неуправляемый погром города, в ходе которого пострадала и варварская дружина, пытавшаяся навести порядок. Константинополь был сожжен и заполнен трупам, мятежная толпа попыталась

сместить Юстиниана и посадить на трон его племянника Ипатия, но была раздавлена ворвавшимися с двух сторон служилыми варварскими отрядами Велизария и Мунда... Подобные вспышки агрессии, сопровождавшиеся анархией и погромами, только при Юстиниане повторялись еще дважды. При Фоке или Иоанне Кантакузине (но не только) вражда партий обретала характер гражданской войны.

Не случайно столичный гарнизон формировался василевсами, как правило, из наемников-неэллинов: армян, фракийцев, варваров и прочих. Чувство этнической инаковости дополнительно консолидировало этих воинов в чужеродной среде горожан, сплачивая их вокруг своего нанимателя, василевса. Хотя и жители столицы, и наемники были все в равной мере согражданами Византии.

Итак, все сказанное помогает осознать очевидное: отсутствие национальной скрепы у Византийской империи не могло быть компенсировано наличием скреп-симулякров: языка и религии. Первичное, изначальное не подменяется вторичным, производным. У Второго Рима не было народа-хозяина, этот факт нельзя ни отменить, ни прикрыть каким-либо флером...

Дом без хозяина непрочен и преисполнен скверн.

Злато и булат

Металися смятенные народы...
А.С. Пушкин

Можно задать вопрос: как же при всех этих внутренних противоречиях, раздраях и нестроениях Византия умудрялась выживать в недружественном окружении и протянула, все же, целых тысячу сто двадцать три года (если считать от переноса столицы из Рима в Константинополь в 330 г.). Почему ее никто так долго не

мог уничтожить, разорвать, как разорвали Западно-Римскую империю?

На это есть несколько ответов.

Во-первых, Византию, все же, неоднократно и не без успеха разрывали, отдирая каждый раз немалые куски. Своего максимального размера, как в VI веке, она в дальнейшей своей судьбе уже никогда не достигала. К середине XI века она сократилась практически до Балкан и части Малой Азии, а накануне своего окончательного падения и вовсе не имела ничего, кроме столицы.

Во-вторых, Византии долгое время попросту везло. Ее географическое положение позволяло ей, играя на противоречиях могущественных соседей (готов и гуннов, славян и аваров, персов и арабов, русских и болгар¹⁰, турок и монголов и т.д.), нейтрализовать за счет этого непосредственные угрозы своему существованию. Византийцы были искусными дипломатами. Но все угрозы возобновлялись, когда с одной из сторон исчезал противовес.

В-третьих... Но тут надо обратиться к военной истории Ромейской империи, которая заслуживает самого пристального внимания. Характерные особенности имперского бытия проявляются в ней очень выпукло.

* * *

Византия была относительно слаба в военном отношении. Она вполне соответствует поговорке «молодец против овец, а против молодца — сам овца». Когда Византия оказывалась лицом к лицу с настоящей силой, с истинными воинами, ее тут же ждала либо постыд-

ная капитуляция (как перед князем Олегом в 907 г.), либо полный разгром (крестоносцы в 1204 г., турки-османы в 1453 г.). Поражение, которое нанес в 971 г. наш князь Святослав *вдесятеро* превосходящим силам ромеев, красноречиво иллюстрирует этот тезис. В чем тут было дело?

Все началось издавна. «По той причине, что граждане постепенно превращались в закрепощенных налогоплательщиков, Константин [Великий] был вынужден брать в армию все большее и большее число варваров. В римской армии было много скифов, готов и германцев, а при дворе Константина особым влиянием пользовались франки; он был первым императором, который стал делать варваров консулами» (Федорова). Вскоре в армии уже было множество отрядов, где служили инородцы, каждый отряд по отдельности: батавы, герулы, кельты, петуланты и проч. Брали инородцев и просто в ряды солдат в разных гарнизонах, даже готов (их пришлось всех перебить, когда готы и аланы подошли к Константинополю в 378 г.).

Дальше — больше. Начиная с Юстиниана Первого (ум. 565 г.), армия Византии уже была полностью наемной, притом состояла в основном из варварских формирований (готы, гунны, гепиды, даже славяне и пр.). У его главного полководца, великого Велизария, была, к примеру, во время сицилийской кампании 535 г. армия, состоявшая из 7,5 тыс. наемников-федератов и 4 тыс. личной (!) дружины.

Племена варваров-наемников, т.н. «федераты», поставляли Константинополю воинов определенной национальности за жалованье, имея пленных командиров-вождей из своей среды. Такие отряды, чуть что, поднимали мятежи — в особенности если бывали затронуты их национальные интересы, например, возникала возможность поставить василевсом своего человека. Всегда не прочь разбить и разграбить врага послабее, они не

¹⁰ Только чудовищный и неоднократный погром Болгарского царства, учиненный русским князем Святославом, позволил Ромейской империи привести болгар, претендовавших на первенство в ней, к покорности, а там и ликвидировать независимое Болгарское царство, включив его в 1018 г. в свой состав. Важнейшую в своей истории военную и геополитическую задачу ромеев решили русскими руками и русской кровью.

очень-то упирались, когда дело становилось слишком жарким. Как таких вести в смертный бой? Никогда Византия не могла навести порядок железной рукой, нагнать на все окрестные народы ужас, как это умел Рим. Никогда никого не могла победить окончательно, как римляне Карфаген, Грецию, Митридата и т.д. Она не могла себе позволить войну не на жизнь, а на смерть (потому что наемники *так* не воюют) и никогда не добивала, не давила отраженного врага.

К чему это вело? К примеру, взяв в 540 г. Равенну — столицу державы остготов, Юстиниан увел основные войска, так и не раздавив, не поставив на колени противника. Остготы собрались с силами, избрали королем Тотилу, и за пять лет византийцы лишились в Италии всех своих завоеваний, Рима в том числе. Пришлось заново снаряжать невиданную по тем временам армию в 30 тыс. человек, чтобы с большими жертвами вернуть себе чудовищно обезлюдевшую Италию...

Чужа провоцирующую слабость Ромейской империи, ее гнилость, неготовность идти до конца, вечно враждебные соседи непрерывно испытывали и кусали ее со всех сторон. И — что делать! — Византия, негодная к настоящей войне, предпочитала откупаться или подкупать офицеров противника. Не способным служить в армии и сражаться за свою жизнь и благополучие «гражданам всех сословий оставалось лишь нести на собственных плечах тяжкое бремя налогов, увеличивавшихся год от года» (Дашков). Контроль государства над деятельностью любого производителя или торговца был неслыханно жестким. Такова была заслуженно жалкая участь «сограждан», результат принципиально ложного (многонационального) устройства государства. Ну, а «сограждане», чьи спины были вечно согнуты непосильным бременем податей, пожираемых чужеродной военной, мечтали распрямиться и платили

«родному государству» всегдашней готовностью к мятежам и переворотам...

При этом получался порочный круг: откупаясь на время от одних врагов, ромеи порождали у других надежды на такое же легкое благополучие. Вырваться из круга было невозможно. Император Маврикий (ум. в 585 г.) попытался снизить плату наемникам, но малоазийские войска подняли бунт, а когда он к тому же отказался выкупить пленных у авар, фракийская армия возмутилась и привела на трон Фоку, а Маврикий с сыновьями был убит.

Пытаясь залить пожар вечной войны не кровью, а золотом, Византия от рождения до смерти своей работала на эту самую войну, бесславно и бесплодно истощая внутренние производительные силы... Наиболее яркий пример — правление все того же Юстиниана Великого, считающееся успешным. К его началу (527 г.) враги уже были везде: на западе империи — королевства остготов и вандалов, на востоке — сасанидский Иран, на севере — авары, болгары, славяне, в т.ч. анты, на юге — кочевые арабские племена. За 38 лет правления Юстиниан воевал со всеми, отбивался успешно (благо был свой гениальный полководец Велизарий), но никого не победил и всех врагов оставил в жуткое наследство преемникам. Беспощадно выжимая из населения деньги, он обращал их на армию и подкупы противника. После его смерти государство осталось обескровленным и нищим, с подорванными силами, недосчитывающимся многих сотен тысяч убитых сограждан.

Идею Византии выразил однажды василевс Константин Багрянородный, считавший, что государство ромеев противостоит всему остальному миру — миру варваров, в борьбе с которым хороши все средства: золото, обман или оружие. Традиционно предпочтение отдавалось первым двум.

Правда, однажды порочная система

была сломана. Это сделал император-армянин Ираклий Первый (575–641) перед лицом смертельной персидской угрозы. В 614 г. персы покорили уже всю Сирию, Финикию, Армению, Каппадокию, Палестину, Галатию и Пафлагонию. В 618 г. пала Александрия, был взят весь Египет, в Византии начался голод и мор. Тогда Ираклий, выжав деньги даже из церковных сосудов, купил мир с аварами. Потом он набрал войска только из греков и армян, не взяв с собой варваров-федератов, и перестроил армию на новый образец. Она отличалась «не только умением, но еще и высоким духом, твердой дисциплиной и, так как состояла почти вся из коренного населения Византии, патриотизмом» (Дашков). Результат: полный разгром персов, овладение их сокровищами. Византия получила огромную контрибуцию, мир и вернула земли¹¹.

Опыт Ираклия был развит Юстинианом Вторым, его праправнуком. Который по образцу древних римлян стал формировать, во-первых, боевые пограничные соединения из местных крестьян (существовали несколько столетий), а во-вторых, стал после 705 г. переходить к формированию ополчения из местных граждан. Принцип фемных войск из крестьян-стратиотов (вместо принципа наемных войск) со временем стал основой византийской армии и, наряду с греческим огнем, изобретенным сирийским архитектором Каллиником (673 г.), позволил на несколько столетий отсрочить роковой конец империи.

¹¹ Но вскоре все эти земли (да заодно и ослабленный ромеями сасанидский Иран, и Месопотамия) перешли под власть арабов-мусульман, которых радостно встречали не только самаритяне и иудеи, но и монофизиты, ведь раскол среди христиан на несториан, монофизитов и ортодоксов Ромейской империи достиг апогея! Изменил Ираклию и наместник Армении Давид Сааруни... Колосс на глиняных ногах — Византия — снова начал разрушаться.

Фемный строй окончательно сложился при Константине Пятом (718–775), когда «стратиотское ополчение стало основной силой армии, мощь и многочисленность которой позволили василевсу вести победоносные войны» (Дашков). Хотя военные победы его отца, Льва Исавра, навсегда остановившего экспансию арабов в Европу, и его самого, надолго сокрушившего болгар, были «уравновешены» жестоким иконоборчеством, ввергшим империю в смуту на сто лет.

Никифор Первый установил своего рода рекрутчину, связав землевладение с воинской службой и круговой порукой. Это также сильно укрепило армию. Никифор Второй освободил от налога тяжелых конников — катафрактов — и даже их слуг; и вообще заботился о стратиотах. Ряд выдающихся побед византийцев, в частности, уничтожение независимости болгар, было плодом такой верной политики.

Впрочем, длился этот период не так уж долго, лет четыреста, а система наемничества никогда никуда не исчезала. Так, в 912 г. несколько сот русских дружинников участвовали в походе логофета Имерия на Крит, захваченный арабами. Со временем усиление династов-землевладельцев (протофеодалов) стало разорять и расслаивать сословие стратиотов, подрывая основу имперского войска. К середине X в. все больше стратиотов разорялось и переставало выставлять ратников, армия из народной стала превращаться в рыцарскую. А новоявленные феодалы самоорганизовывались в систему вассальной зависимости, ослабляя позиции центральной власти. Иностранцы наемники вновь начинают играть в армии все более и более заметную роль.

Константин Дука начал экономить на армии, хорошо содержа уже только наемную рыцарскую гвардию (из Англии после битвы при Гастингсе как раз бежала масса англосаксов, пополнившая ряды гвардейцев и потеснившая русско-варяжскую «этерию»).

И Роману Диогену досталась армия в жалком виде, которая не могла ни сдерживать турок на Востоке, ни противодействовать норманнам в Италии. Чрезвычайными усилиями Роман собрал стотысячное войско, но в 1071 г. под Манцикертом был в лоск разгромлен мусульманами и сам попал в плен, отчасти из-за предательства знати, недовольной его политикой. Кончилось это гражданской войной, сдачей и варварским ослеплением Романа, умершего затем от сепсиса.

Пасынок Романа Михаил VII довел страну до голода и не платил армии. В результате на имперских землях стали возникать независимые государства, начался распад страны. Появились узурпаторы, против которых Константинополь стал нанимать... турок! И вот уже в 1077 г. на бывших ромейских землях Малой Азии возник Иконийский (Румский) султанат.

К началу 1090-х гг. положение стало настолько тяжелым, что Алексей Комнин обратился с отчаянным письмом к западным государствам, умоляя прийти на помощь гибнущей от печенегов и турок (про норманнов он умолчал) Ромейской империи, которая уже была не в состоянии себя защитить сама. Соблазняя христианских правителей рассказами о религиозных сокровищах и «о бесчисленных богатствах и драгоценностях», накопленных в Константинополе вообще и в храме св. Софии в частности, он писал: «Мы отдаемся в ваши руки; мы предпочитаем быть под властью латинян, чем под игом язычников... Мы не можем положиться на те войска, которые у нас остаются, так как и они могут быть соблазнены надеждой общего расхищения».

Император знал, о чем говорил. Ведь это он сам руководил осадой Константинополя и брал его в 1081 г., возглавляя мятеж, и был свидетелем того, как при первой возможности все мятежное войско бросилось грабить город: «Это была смешанная толпа фракийцев, македонцев, ромеев, варваров. По отно-

шению к соплеменникам они вели себя хуже врагов...» (Иоанн Зонара).

Хронист ошибся: они не были соплеменниками — всего лишь согражданами. И вели себя именно по логике согражданства, когда никто никому не брат. Точно так же после падения Константинополя в 1204 г. окрестные крестьяне, скупая за бесценок все подряд у вырвавшихся из кромешного ада горожан, злорадствовали: «Слава Богу, наконец-то и мы обогатились!».

Уже при Алексее Первом Комнине ромейское войско было мало боеспособным: катафракты малочисленны, стратиотское ополчение почти ликвидировано, наемники ненадежны. Теперь вопрос стоял только о том, кто и когда первым нанесет Константинополю смертельный удар, кому достанется главный приз. Но в 1095 г. был объявлен первый крестовый поход, и это спасло Византию, поскольку крестоносцы на Востоке нуждались в ее поддержке и за это присягали василевсам на верность, участвовали в совместных боевых действиях против «неверных». Смерть империи оказалась отсрочена. Однако ссора Иоанна Комнина с венецианцами заложила мину замедленного действия под это благополучие...

Комнины, как встарь, начали активно вербовать на военную службу иноземцев. Путешествующий еврей Вениамин из Тудели, наблюдатель с острым умом, писал о ромейской армии Мануила Комнина: «Для войны с турецким султаном они нанимают людей из различных народов, так как у них нет военного мужества: они подобны женщинам, у которых отсутствует сила военного сопротивления».

Скажу в этой связи снова и снова, что удивление вызывает та счастливая судьба, которая позволила Византии так долго продержаться, балансируя на лезвии бритвы, ибо внутреннего ресурса, какой дается национальным единством, племенной спайкой, у нее не было никогда. Политические, дипломатические маневры, обман и под-

куп действовали долго и успешно, но рано или поздно должен был настать момент истины, час испытаний...

В 1176 г. такой час настал, когда огромная (и многонациональная) армия, с трудом собранная Мануилом Комниным, вся полегла в горном ущелье под стрелами и мечами персов и сельджуков. Дальнейшая гибель державы стала лишь вопросом времени. Устроив в ходе очередного мятежа погром квартала, где жили католики из западных стран, византийцы нажили себе врага там, где раньше искали защиты. Теперь уже, к примеру, Фридрих Барбаросса не считал зазорным с боем брать византийские города, продвигаясь на Восток.

А впереди был 1204 год, взятие крестоносцами и венецианцами Константинополя, создание ими своей собственной, Латинской империи с центром в бывшей ромейской столице... По сути, настоящий крах Византии произошел именно в этом году, дальнейшее доживание сокращающейся, как шагрeneвая кожа, страны было просто медленным умиранием и тотальной капитуляцией. Ничто не могло спасти изжившую себя, промотавшуюся и растлившуюся в лоск наследницу величайшей мировой империи.

На этом можно было бы и остановить свой рассказ, если бы не одно «но». В результате указанных событий Ромейская империя перестала существовать в 1204 г., а в 1205 г. вокруг греческого города Никеи сложилось небольшое, зато мононациональное греческое государство со своим «императором» Федором Ласкарисом. Наемников в никейской армии было очень мало, а ее основу составили греческие вотчинники-прониары, получавшие (как потом русские помещики) в управление надель на условиях обязательной службы.

И случилось чудо. Греки, несмотря на ничтожные силы, остановили продвижение латинян, подняли народную войну, а вскоре превратили свою

страну в сильнейшее греческое государство Малой Азии. Они обратили в бегство превосходящие силы сельджуков, обеспечив мир с ними на тридцать лет. А вскоре и сказочно разбогатели, ведя мудрую экономическую политику. Уже в середине 1230-х гг. Иоанн III Дука стал выдавливать католиков с Балкан, овладел Фракией, выстроил сильный флот. Латинская империя крестоносцев неуклонно сокращалась, а Никейская — росла. В 1261 г. никейский император Михаил Палеолог взял Константинополь и восстановил Византийскую империю (хоть и в скромных масштабах).

Так было наглядно явлено превосходство национального государства над многонациональной империей.

Увы, превратившись, силою вещей, вновь в многонациональную империю, какой и были когда-то, византийцы обрекли себя на повторную, на сей раз уже необратимую гибель. Вновь вместо соплеменников (основы всякой здоровой, жизнеспособной нации) возникло согражданство — национальный симулякр. Первым симптомом неизбежной гибели стала уния 1274 г., следующим — отдача Михаилом VIII своих дочерей за татарских правителей Абагу и Ногая, новым — отлучение всех (!!!) жителей Византии от церкви за разврат патриархом Афанасием, далее — союз Иоанна Кантакузина с турками в гражданской войне с Иоанном Палеологом, признание последним сюзеренитета султана Мурада I в 1373 г. и т.д. В 1439 г. в Риме был подписан текст очередной унии, и василевс ромеев коленопреклоненно облобызал руку папы, но это уже не помогло...

Ну, а окончательно гибель состоялась в ходе турецкого штурма 1453 г. (от более раннего падения Византию, как всегда, спас только счастливый случай: «железный хромец» Тимур разгромил и взял в плен султана Баязида).

К тому моменту от империи оставалась, не считая нескольких островов

и обезлюженной Мореи¹², одна только запустевшая столица, где проживало всего 35–50 тыс. человек.

Кровавый калейдоскоп

И высились, и падали цари...

А.С. Пушкин

Ромейская империя от первого до последнего дня управлялась императорами. Постичь историю византийских династий значит постичь историю Византии.

Недаром говорят в народе: «каков поп, таков и приход», «рыба тухнет с головы» и т.д. Историю византийских императоров, претендентов и узурпаторов, их борьбы за власть, восхождений на престол и падений нельзя читать без дрожи омерзения. На страницах этой истории справляют свой триумф невежество, алчность, коварство, похоть, предательство, жестокость, бесстыжая демагогия и прочие пороки всех сортов. Жизнь двора, вообще высших кругов, соответствовала сему. А жизнь всей страны просто-таки стояла на том¹³, порождая и поддерживая саму систему до последнего дня, до могилы.

Почему?

Некогда республиканская идея вознесла Первый Рим на высоту господства над миром. Ее падение, начавшееся еще в конце старой эры, достигло своего дна во Втором Риме, найдя самое совершенное воплощение в идее священ-

ного и богохранимого самодержавия. В наследство от императорского Рима эпохи упадка Ромейской империи досталась своеобразная «демократическая монархия» в самом худшем виде: система выборных императоров. То есть строй, противостоящий принципам не столько аристократии или республики, сколько меритократии, в результате чего кто только и как только не возносился на верш государства!

Династический принцип передачи власти по наследству оформился лишь в последние часы Византии. Когда, как отмечают историки, «под впечатлением событий, имевших место после брака Зои с Романом III, среди знати склонность захватывать корону превратилась в настоящую эпидемию» (Г.Ф. Герцберг). Таков был закономерный конец института выборных императоров — «демократической монархии». В борьбе за трон претенденты не раз приводили на родину внешнего врага или делали ее заложницей своих распрей¹⁴.

Но до этого в ней господствовали позднеримские порядки, когда в результате действия «социальных лифтов» на троне мог оказаться любой. Как писал по этому поводу в XIII в. Никита Хониат: «Были люди, которые вчера или, словом сказать, недавно грызли желуды и еще жевали во рту понтийскую свинину [т.е. дешевое мясо дельфинов], а теперь совершенно открыто изъясляли свои виды и претензии на царское достоинство, устремляя на него свои бесстыжие глаза, и употребляли в качестве сватов, или лучше

¹² Т.н. «Трапезундская империя», практически независимая от Византии, отделенная от Константинополя Иконийским султанатом и являющаяся подданной Османов, в счет иди не может.

¹³ Хронист X в. Лев Диакон так заклеил это свойство ромеев: «Тогда было в обычае проявлять чрезмерную радость по время переворотов, — людей прельщали надежды на призрачную славу, почетные звания и раздачу денег».

¹⁴ Яркий пример: стремясь помешать захвату власти Романом Лакапином, военачальник Лев Фока во время ожесточенной войны с болгарами бросил свое войско и помчался к Константинополю. Сам он был разбит и ослеплен, а царь болгар Симеон, в лоск разгромив брошенное на произвол судьбы войско ромеев и дойдя в 912 г. до Константинополя, добился независимости своего царства и объявления себя кесарем.

сводников, продажных и раболепствующих чреву общественных крикунов... О знаменитая римская держава, предмет завистливого удивления и благоговейного почитания всех народов, — кто не овладевал тобою насильно? Кто не бесчестил тебя нагло? Кого ты не заключала в свои объятия, с кем не разделяла ложа, кому не отдавалась и кого затем не покрывала венцом, не украшала диадемою и не обувала затем в красные сандалии?».

Воля простонародья проявлялась в этом очень часто. Более того: перед нами своего рода «византийская мечта» (по аналогии с нынешней «американской мечтой»). Характерно пишет Константин Багрянородный в оправдание возвышения своего родоначальника, Василия Македонянина: «Случилось такое по мольбам людей вельможных и простого народа, а также войска и военачальников, и всех жителей всех земель и всех городов державы. Ибо все они молились, чтобы пришел к власти человек, вкусивший низкой судьбы, который бы знал, как мнут бока беднякам сильные мира сего, как безо всякого на то права обирают их, как восстают смиренные и попадают в рабство к своим соплеменникам, а всего этого хватало в царстве Михаила» (благодетелю Михаилу, возвысившему Василия, кстати, отрубили руки и резали его при кровавом воцарении деда писателя).

Таких вот «вкусивших низкой судьбы» немало в истории византийских династий.

Не менее часто трон делался залогом национальных отношений в империи. Исаврийская, Сирийская, Македонская, Армянская, Фракийская, Иллирийская династии сменяли друг друга, временами открывая дорогу к власти арабам, грекам, славянам... Одноплеменная избраннику знать, соответственно, каждый раз «перетягивала одеяло» на себя.

Здесь мне прилично умолкнуть, и пусть за меня доскажет простой пере-

чень восточно-римских василевсов и претендентов на престол. Да пошлет небо выдержку читателям при этом отвратительном чтении!

Аркадий, сын Феодосия Великого, умер сам. Вестгот Гайна поднял в 399 г. мятеж. Разбит, отрезали голову. Феодосий II, умер сам. Маркиан, простой воин, неграмотен, необразован. Отравлен. Лев I, фракиец, в молодости был мясником. Посажён на трон варваром патрикием Аспаром. Умер сам. В 475 г. мятеж вдовы Льва I Верины и ее брата Василиска. Василиск, узурпатор, разбит, уморен голодом в крепости. 479 г. восстал Маркиан, зять Льва I, пострижен в монахи и заточен. 480 г. магистр Илл взбунтовал сирийские легионы, Леонтий Сириец провозглашен императором, в 482 г. восстание перекинулось в Египет, но в 484 г. Илл и Леонтий разбиты. Однако разбивший их остгот Теодорих, консул того года, взбунтовался сам. Его уговорили идти на Рим. Илл и Леонтий были убиты, их головы на пиках выставлены на ипподроме. Лев II. По слухам отравлен своим отцом Зиномом. Зинон Исаврянин. То ли умер от эпилепсии, то ли был похоронен мертвецки пьяным, несмотря на его крики. Анастасий Дикор, иллириец. Умер сам. В 493 г. Лонгин, брат Зинона, пытался, опираясь на исавров, осуществить переворот. Разбит, пострижен в монахи. В 513 г. крупнейшее восстание Виталиана, заручившегося поддержкой болгар и славян, а также федератов придунайских областей. Объявил себя защитником православной веры против императора — монофизита Анастасия. Был разбит в 515 г., в 520 г. погиб от покушения. Юстин I, сын бедных иллирийских крестьян. Умер сам. Юстиниан I Великий. Племянник Юстина, иллириец, возможно славянин. Умер сам. Феодора, вдова Юстиниана, родилась в Сирии, отец смотритель медведей в цирке, сестра проститутка, сама гимнастка и мим, также торговала собой (о ее распутстве ярко написал Прокопий Кесарий-

ский). Ради нее Юстиниан уговорил царствующего дядю издать указ, разрешавший сенаторам заключать браки с бывшими актрисами и проститутками. Детей от Юстиниана не было. Умерла сама. Простой воин Стоца поднял войско, в 545 г. убит в бою. Ипатий, племянник Юстиниана, насильно посаженный на трон обезумевшей толпой. Обезглавлен. Юстин был «превентивно» обезглавлен двоюродным братом Юстином II, который еще и попирает отрезанную голову ногами вдвоем с супругой в припадке иступления. Юстин II, племянник Юстиниана, от военных и прочих неудач повредился умом, а потом обезножел. Умер сам. София, двоюродная сестра и жена Юстина II. Посадила на трон пасынка Тиверия, которого домогалась без успеха. Умерла, низложенная, под домашним арестом сама. Тиверий II, фракиец. Умер сам. Маврикий, зять Тиверия, армянин. Вывел из-под власти персов и поселил на Крите 10 тыс. армян (вот критяне были рады!). Был убит в ходе мятежа фракийских войск вместе с пятью сыновьями, головы всех были отрезаны и выставлены на позор. Фока, фракийский сотник низкого происхождения, низкорослый, рыжий, с густой бородой и обезображенным шрамом лицом, был посажен на трон мятежной армией фракийцев. В ходе нового мятежа южных провинций, от Египта до Карфагена, ему отрубили руку и голову, тело сожгли. Ираклий I, каппадокийский армянин. Умер сам. Константин III, сын Ираклия, правил всего сто дней, возможно, отравлен мачехой. Ираклеон, сын Ираклия от Мартины, племянницы. Отрезали нос, умер в ссылке, возможно, убит. Констант II. Перенес, покинув Константинополь и ограбив Рим, столицу в Сиракузы на Сицилию. Был оглушен шайкой в бане и захлебнулся. Валентин Аршакуни правил как регент от лица Константа II, опираясь на армянскую знать. Растерзан восставшими горожанами. После смерти Константа II в Си-

ракузах провозглашен императором армянин Мизизий, но переворот не удался, он был казнен. Константин IV. Умер сам. Ираклий и Тиверий, младшие братья-близнецы Константина IV, малоазиатские войска потребовали их равного участия в правлении по примеру Св. Троицы. Тогда кесарь их помиловал, но в 681 г., когда они сами потребовали того же, отрезал им носы и лишил титулов. Юстиниан II Ринотмет, праправнук Ираклия. В 695 г., после военных неудач, смещен полководцем Леонтием, ему отрезали нос и сослали в Херсонес Таврический. Заключив союз с хазарским каганом и женившись на его сестре, Ринотмет, избегая предательства и убийства, бежал к болгарам и летом 705 г. привел войско болгар и славян под стены Константинополя. Вернул себе трон, дал титул кесаря болгарскому хану Тервелю, жестоко расправился с врагами. Но в ходе мятежа Филиппика-Вардана был обезглавлен, его голову носили на пике и отослали в Рим и Равенну. Анастасий II. Потерял власть в ходе мятежа, возглавленного стратигами фем, принял монашеский обет, но в 719 г. попытался возглавить мятеж, опираясь на болгар, был казнен. Голову на копье внесли на ипподром. Леонтий III, исавр. Вступил на трон в ходе мятежа. Но и сам потерял его в пользу Тиверия III в ходе нового мятежа, был обезношен и сослан в монастырь, а после возвращения Юстиниана Второго обезглавлен, претерпев издевательства. Тиверий III, друнгарий фемы моряков Кивирреоты (Малая Азия). Вступил на трон в ходе мятежа. Казнен вместе с Леонтием. Филиппик (Вардан) из знатного армянского рода. Вступил на трон в ходе мятежа. Простой оруженосец поднял его, пьяного, с постели, привел в залу на ипподроме и спокойно ослепил, через несколько месяцев он умер. Феодосий III был сборщиком податей в Мизии. Опсикийские военные провозгласили его императором, он бежал, но был пой-

ман и принужден властвовать. Когда малоазийские войска провозгласили императором Льва Исавра, отрекся от престола и спокойно кончил жизнь в монастыре. Василий Ономангул провозглашен сицилийской фемой императором, но мятеж подавлен и претендент бежал. Лев III Исавр. Умер сам. В 726 г. против иконоборцев во главе со Львом III поднялось население Греции и островов Эгейского моря, провозгласив императором некоего Косьму, но его флот был разбит, а сам он обезглавлен. Артавасд претендовал на трон после смерти тестя Льва Исавра, но проиграл и попал в ссылку, будучи ослеплен вместе с сыновьями. Константин V Копроним. Отстаивал трон с оружием против зятя Артавасда и племянников. Умер сам. Лев IV Хазар. Возможно, умер от яда. Младшие братья Льва Хазара кесари Никифор и Христофор составили заговор, но были разоблачены и сосланы. Ослепленного Никифора славяне Греции пытались посадить на трон в итоге мятежа. Ирина, регентша, вдова Льва Хазара. Пыталась отстранить от власти подростка сына Константина VI, была отстранена от власти, организовала переворот, свергла и ослепила (!) сына. Была свергнута логофетом Никифором и умерла в ссылке на Лесбосе. Константин VI. После ослепления прожил еще несколько лет под охраной в одном из дворцов, после чего умер. Никифор I, араб. В ходе переворота стал соправителем Ирины, отправив ее вскоре в ссылку. В войне с болгарами был убит, голову выставили на пике, из черепа сделали кубок. После переворота, сотворенного арабом Никифором, стратиг фемы Армениак Вардан Турок поднял мятеж и подошел к воротам столицы, но признал неудачу и постригся в монахи, сохранив жизнь. Сын Никифора Ставракий умер от раны, попутно низложенный. Михаил Рангаве, зять Никифора. Отказался от власти в пользу Льва Армянина, постригся и умер сам. Лев Армя-

нин, иконоборец, пал в результате заговора Михаила Травла, был изрублен на куски. Его сыновей, как и сыновей Михаила Рангаве, оскопили. Михаил II Травл, фригиец, невежественный и неграмотный. Умер сам. Фома Славянин поднял мятеж против Михаила Травла, опираясь на сарацин, всех еретиков и бедноту, короновался императорской короной, но потерпел поражение и после жестоких пыток подвешен, с отрубленными руками и ногами на фурке — двузубых вилах. Самозванец-регент Евфимий, друнгарий сицилийского флота, погиб, заколотый послами на переговорах. Но перед этим привел на Сицилию мусульман. Феофил, сын Травла. Фригийская династия. Умер сам. Феодора регентша. Отстранена от власти братом, domestikом схол Вардой. Михаил III Пьяница, сын Феофила. Развратник и пустой человек. Позволил своему фавориту Василию Македонянину убить Варду, дядю василевса, реально руководившему (и хорошо) государством. В ходе дальнейшего заговора Василия пьяному Михаилу отрубили руки и зарезали, а труп завернули в лошадиную попону. Василий Македонянин, основатель «македонской династии», был, однако, армянином. Умер сам после неудачного падения на охоте. Лев VI Философ. Сын не то своего отца Василия (армянина), не то сожителя матери Михаила Третьего (фригийца). Впрочем, его любили и восхваляли армяне. Умер сам. Александр. Брат Льва Философа. Хотел сместить и оскотить Константина Багрянородного, племянника, но отговорили придворные. Умер, по-видимому, от злоупотребления афродизиаками. Зоя Карвонапсина правила от лица малолетнего Константина Багрянородного после смерти Александра, но Роман Лакапин захватил власть, Константина женил на своей дочери Елене, а Зою постриг и сослал. Андроник Дука поднял мятеж против Льва Философа, снесшись с патриархом Ни-

колаем Мистиком. Заговор был разоблачен, Мистик отрекся и отправился в ссылку, а Дука прорвался к арабам и принял ислам. Константин Дука (сын Андроника-ренегата), подбитый на это дело возвращенным на патриарший престол Николаем Мистиком, попытался по смерти Александра захватить власть, но, преданный Мистиком, проиграл схватку, в ходе которой ему отрубили голову. Титул василевса получил из рук Николая Мистика болгарский царь Симеон, осадивший Константинополь. Интриган Мистик снова был отстранен Зоей Карвонапсиной, но зато венчал на царство Романа Лакапина, когда тот сбросил Зою. Роман Лакапин, сын армянского крестьянина. Задвинул в тень Константина и провозгласил императорами-соправителями троих своих сыновей, так что на престоле оказалось пять законных василевсов сразу. Своего сына от рабыни-скифянки Василия Нофа велел оскотить на всякий случай. Под конец жизни, разочаровавшись в сыновьях, начал сблизиться с Константином, тогда сыновья его схватили, отвезли на о. Прот и насильно постригли, однако сами были арестованы Константином, пострижены и сосланы. Умер сам на Проте. Лев Фока пытался воспрепятствовать восхождению Романа на трон, был разбит и ослеплен. Василий Медная Рука поднял мятеж против Романа Лакапина в 923 г, после разгрома торжественно сожжен на столичной площади. Константин VII Порфирогенет (Багрянородный). Вероятно, принимал участие в заговоре против Лакапина, которого не вернул с о. Прот, но сыновей которого все же отстранил от власти. Отличался замечательной ученостью. Был, как ни странно, белокожим и голубоглазым. Любил выпить. Умер, отравленный собственным сыном Романом. Роман II. Шокировал свет еще наследником, женившись на дочери харчевника. Отца не любил. Свою мать отстранил от власти и пятерых сестер упрятал в

монастырь. Есть подозрение, что был отравлен женой Феофано. Никифор Фока из знатного рода. Был влюблен во вдовствующую Феофано, с которой встречался тайно. Имел поддержку армии и малоазийской знати. В 963 г. провозглашен войсками императором, привел армию под стены Константинополя. Народ взбунтовался, напал на стоявших в городе фракийцев. После нескольких дней уличных боев Фока вошел в город. Зарублен был заговорщиками во главе с Иоанном Цимисхием, которого Фока выслал было; главную роль в заговоре сыграла августа Феофано, спрятавшая у себя в спальне воинов, впустивших заговорщиков. (Она опасалась намерения Никифора оскотить пасынков, ее сыновей от Романа.) Отрезанная голова Фоки, показанная встревожившимся гвардейцам, успокоила их и народ. Иоанн Цимисхий из знатного армянского рода. Первым делом сослал своих сообщников, включая Феофано. Всех врагов побеждал, но был отравлен евнухом Нофом, который заведовал всей внутренней политикой и несправедливо нажил огромное состояние. Василий II Болгаробойца, сын Романа Второго и Феофано. Умер сам. После его смерти за 66 лет сменилось 14 правителей. Мятежный Варда Фока умер во время сражения с войсками Василия II, то ли от яда, то ли от удара. Его отсеченную голову отправили в Константинополь, а потом к восставшим, чем их и успокоили. Мятежный Варда Склир, глубокий старик уже, тогда же выговорил себе почетные условия сдачи. Константин VIII, брат Василия. Любимый им вид наказания — ослепление, «ведь царь не заботился, чтобы наказание соответствовало прегрешению, а лишь хотел избавить себя от беспокойства» (Пселл). Умер сам. Роман III Агрир из знатного рода. Константин предложил ему на выбор: женитьбу на 50-летней Зое, своей сестре, или ослепление. Жена ушла в монастырь, и он женился на Зое, которая со своим молодым лю-

бовником и отравила его медленным ядом, так что он уже при жизни был похож на труп, а труп и вовсе выглядел ужасно. Михаил IV Пафлагон. Любовник Зои, возведенный на трон. Отличался nepотизмом. Умер от водянки, приняв схиму. Возмущение войск подняли Никифор Ксифий и Никифор Фока, но они перессорились, Ксифий убил Фоку, а сам был схвачен и пострижен в монахи. Михаил V, племянник Четвертого, сын судебного конопатчика. При нем воровство и коррупция достигли предела. Зоя посадила его на престол, а он ее сослал и постриг. Народ восстал, Михаила ослепили и сослали. Константин IX Мономах. Женат на племяннице Романа Агрира. Стал третьим мужем 64-летней Зои и василевсом. Умер сам. При Мономахе было много мятежей. Мятеж Георгия Маниака кончился тем, что его убили в бою. Стефан Севастофор поднял мятеж в пользу Льва Лампроса. Обоих ослепили, разбив. Мятеж Льва Торника провалился, его ослепили. Зоя и Феодора, дочери Константина VIII, бездетные, последние представители Македонской династии. Пселл отмечает, что любимым развлечением Зои были плотские соития. Умерли сами. Михаил VI Стратиготик. Ставленник сановников. Обозлил военных, которые поставили на Исаака Комнина. Тот выиграл Никейскую битву с огромными потерями обеих сторон («вакхическое безумие»). Принял постриг, умер сам как частное лицо. Исаак Комнин. Сын военачальника, воспитанник Василия Болгаробойцы. Защищал бедняков и крестьян. Принял постриг в болезни, пришлось потом впрямь уйти в Студийский монастырь, умер монахом. Константин X Дука. Избран синклитиками. Умер сам. Роман IV Диоген организовал заговор после смерти Константина, но вдовствующая императрица в него влюбилась и не казнила, а сослала, а потом взяла себе в мужа. Кончилось это гражданской

войной, сдачей и зверским ослеплением Романа, который в результате умер от сепсиса. Михаил VII довел страну до голода, вызвав мятежи и ряд самозванцев-узурпаторов. Принял постриг, умер сам. Никифор III из рода Фок. При нем войска Алексея Комнина и Георгия Палеолога разграбили Константинополь. Принял постриг. Алексей Комнин, фракиец. Умер сам. Иоанн II Комнин, старший сын Алексея. Отправил в монастырь сестру Анну, готовившую мятеж ради мужа. Умер, ранив себя на охоте отравленной стрелой. Мануил I Комнин. Младший сын Иоанна. Умер сам. Алексей II Комнин. Тайно задушен тетивой лука по приказу двоюродного дяди, тело утопили в море. Андроник I Комнин, в молодости авантюрист и «брачный аферист». Против него стали поднимать мятежи представители аристократии, десятки которых он посадил на кол, сжег, повесил и т.д. Повел репрессии против простолюдинов. Сочетая жестокость и распутство, вызвал ненависть населения. Был пойман Исааком Ангелом. Отрубили кисть, выкололи глаз, посадили голым на облезлого верблюда и вывезли, избиваемого толпой, на ипподром: «одни били его по голове палками, другие пачкали его ноздри калом, третьи, намочив губку скотскими и человеческими испражнениями, выжимали ему их на лицо...» и т.п. (Никита Хониат), подвесили за ноги к перекладине, забили, закололи кинжалами и мечами. Исаак II Ангел был низложен старшим братом Алексеем III, ослеплен и заточен в башню; вернулся на трон, но был вторично свергнут Алексеем V, умер сам. Константин Ангел, двоюродный брат Исаака, был ослеплен по обвинению в подготовке мятежа. Алексей III Ангел. При нем коррупция выросла до небес. Бежал, спасаясь от крестоносцев, прихватив казну и любимую дочь, в Адрианополь, потом тщетно пытался вернуть себе престол, но попал в плен к

Феодору Ласкарису, был пострижен и умер в монастыре. Алексей IV Ангел, сын Исаака Комнина, бежал к крестоносцам, прося вернуть ему престол, чем и навлек на Константинополь нашествие в 1204 г. Не смог оплатить рыцарям услугу, обещал отдать город Бонифацию Монферратскому, но был пленен Алексеем Мурзуфлом, а потом убит. Алексей V Дука Мурзуфл, устранив конкурента Николая Канаву, попытался выставить крестоносцев из Константинополя и Византии, что кончилось тотальным падением и разграблением города. Попытался сотрудничать с таким же экс-императором Алексеем III, но тот выколол ему глаза в бане, а крестоносцы впоследствии поймали и казнили — сбросили с высокой колонны. Феодор I Ласкарис, первый император Никейской империи, умер сам. Константин XI Ласкарис, брат Феодора, отрекся от престола в пользу брата, погиб при обороне крепости. Иоанн III Дука Ватац, зять покойного Федора Ласкариса. Братья Федора I попытались свергнуть Иоанна, используя крестоносцев, но были пойманы и ослеплены. Умер сам. Феодор II Ласкарис, умер сам. Михаил VIII Палеолог. Основатель последней династии, отбил Константинополь у западных рыцарей. Попытался насадить унию с помощью террора. Когда он умер, всеми ненавидимый, сын его не осмелился торжественно хоронить отца. Иоанн IV Ласкарис, малолетний сын Федора II. Михаил Палеолог ослепил одиннадцатилетнего мальчика и сослал в замок. Впоследствии Иоанн отказался от престола добровольно. Андроник II Палеолог. Уморил в тюрьме брата Константина, вел гражданскую войну со своим порочным внуком Андроником Младшим, но был низложен. Ослеп сам и принял схиму, скончался в крайней бедности. Михаил IX Палеолог, сын и соправитель Андроника II, скончался при известии о трагической

гибели старшего сына. Андроник III Палеолог Младший. Отдав распоряжение подстрелить таинственного любовника своей любовницы, ненароком оказался убийцей собственного старшего брата и наследника трона Мануила Палеолога. Известие об этом свело в могилу их отца. Умер сам. Иоанн VI Кантакузин, регент при малолетнем Иоанне V Палеологе. Противостояние двух придворных группировок вылилось в самую сокрушительную гражданскую войну за всю историю Византии. Свои краски добавила эпидемия чумы. Проиграв в итоге, отрекся от трона, принял схиму и умер почти девяностолетним. Матфей Кантакузин, сын предыдущего, отрекся от трона. Иоанн V Палеолог умер, потрясенный унижением, когда султан Баязид заставил его срыть грандиозные только что построенные укрепления у Золотых ворот. Андроник IV Палеолог, сын предыдущего, поднял мятеж против отца, который полуослепил его. Бежавший из заточения Андроник обратился за помощью к султану, взял Константинополь и посадил отца и старшего брата в темницу. Но те сумели бежать к тому же Мураду и с его войсками вновь взяли Константинополь. Андроник бежал в Галату, в 1385 г. поднял новое восстание против отца, был разбит, сдался и вскоре умер. Иоанн VII Палеолог. Внук Иоанна V, поднял, в подражание отцу, мятеж против деда при поддержке Баязида, взял столицу и короновался. Был выбит дядей Мануилом. Спустя восемь лет поднял новое восстание, но вновь был разбит, однако не лишился жизни и здоровья и умер с титулом «василевс Фессалии». Мануил II Палеолог влачил жалкую жизнь вассала султана Баязида. Устав от этого, уехал во Францию, оставив регентом племянника Иоанна VII, но вернулся, когда Баязид разбил Тамерлан. Умер сам. Иоанн VIII Палеолог, сын предыдущего. Ярый «латинофил», т.е. сторонник подчинения

Западу, автор последней и главной унии. Умер от горя, узнав о разгроме сербов на Косовом поле турками. Константин XII Палеолог, брат предыдущего, убит в последней битве за Константинополь перед тем, как тому суждено было стать Стамбулом.

Вот такая благодать эта Византия.

Свою горькую судьбу она заслужила сама.

Эпилог

Восстановить империю — значит окончательно похоронить русский народ.

Александр Солженицын

Россия должна стать, как Византия, говорят нам порой «доброжелатели».

Не дай Бог! — отвечаю я.

Отчего погибла Византия?

Византия погибла от собственной многонациональности и мультикультурности. Вот прямой и непреложный ответ на вопрос об уроках этой империи для нас, русских. Это совершенно ясно и понятно.

Рецепт долголетия этноса, в общем, достаточно прост и хорошо известен: 1) эндогамные браки; 2) жесткое семейно-брачно-сексуальное законодательство с запретом на все девиации; 3) своя племенная (национальная) религия; 4) своя племенная власть даже под оккупацией, даже на чужбине, в гетто, в плену; 5) вообще своя племенная элита всех видов — от административной и воинской до интеллектуальной и художественной. Плюс еще несколько пунктов, о которых здесь не стоит распространяться.

Ничего этого не было у сограждан Римской империи. Византийцы никогда не были ни этносом, ни, соответственно, нацией — и стать ею не смогли, так и оставшись всего лишь согражданством, с вытекающими из этого факта последствиями: внутренней нестабильностью и слабой защищенностью перед лицом внешних угроз.

Спору нет, Византия была во многом хороша, особенно с точки зрения малых и средних этносов¹⁵. Но век ее был до обидного недолог: с 330 до 1453 г. — всего-то 1123 года. Если мы и впрямь — как она, то нам уже пора собираться в гроб. Поскольку наша государственность, если считать с 862 г., от Рюрика, насчитывает 1150 лет.

Есть единственный способ избежать этого: преобразоваться в русское национальное государство. Только так мы сможем продлить свое существование по крайней мере на столетия, а если действовать с умом, то и на тысячелетия.

Ставка на империю — гибельна. Ибо тогда нужно смириться со смертью нации, а с нею, неизбежно, и государства. Но если умирать прежде времени неохота, то надо ставить на русский народ, возрождать его к новой жизни. Нам нужно не российское согражданство, а полноценная русская нация. Только она сможет спасти страну от распада и гибели.

Иного не дано.

Византийский опыт приветствуют и проповедают главным образом православные клерикалы, и то не все, а те, что ставят религиозное единство выше национального. Не понимая при этом, что только второе способно дать основу для первого. И забывая, чем в действительности была религиозная жизнь Византии.

Легко видеть, что история русского этноса и история России, к счастью, не имеют ничего общего с историей Византии. У нас есть главное, существеннейшее отличие: государствообразующий народ — русские. Поэтому любые попытки проводить параллель и выводить для нас некий императив из византийского опыта, брать пример с Византии, — несостоятельны и вредны

¹⁵ Не случайно наиболее активно пропагандируют византийский опыт в России сегодня авторы еврейского происхождения: недавно умерший В. Махнач, А. Малер и др.

для нас. А вот оценивать угрозы и вызовы, стоящие перед нами, с точки зрения плачевного византийского опыта можно и нужно. Я постарался сделать это как умел. *Sapienti sat.*

Что такое двенадцать веков?! Государство-«долгожитель» с таким возрастом — это пустяк. А вот этносы-долгожители (индоарии, китайцы, евреи живут гораздо дольше), возрастом в разы больше, — это предмет для размышлений, зависти, изучения и перенимания опыта. Какая нам радость, если русские исчезнут, утратят или сменят идентичность, а государство с именем «Россия» будет процветать? По мне уж лучше наоборот.

Пример евреев учит: этнос, если он сохраняет себя в веках, рано или поздно сможет восстановить, вернуть даже свою утраченную государствен-

ность. Вот — стоит же себе Израиль. Но никогда и никакой Византии мы уже не увидим, поскольку некому ее возрождать: нет тех ромеев (нынешние греки — не ромеи, а уж тем более не эллины).

Итак, ясно поймем и скажем себе: нам нужно не государство-долгожитель, пожирающее русский этнос, а русский этнос-долгожитель, поддерживающий свое государство.

Противопоставлять русских и Россию, как это порой, увы, делается, — ложный, ошибочный путь.

Но приоритеты должны быть поставлены четко и бескомпромиссно: вначале русская нация, а русское государство потом.

Телега не должна ехать впереди лошади.

**Издательская группа «Скимень»
выпустила в свет книгу
великого русского мыслителя
Василия Розанова «Мимолётное. 1915 год»**

Впервые вниманию читателя будет представлен полный текст книги, выверенный по авторской рукописи и содержащий более 1500 разночтений с её первым изданием.

«Мимолётное. 1915 год» — книга, составленная из уникальных записей в знаменитом розановском жанре «опавших листьев». Перед вами пронесётся подлинный «вихрь чувств» великого мистика русского слова, вбирающий в себя все его излюбленные темы: христианство, пол, еврейство, русская литература, философия и политика. Одной из важнейших линий книги является страстное изобличение антирусских сил в политике и литературе. Только с высоты XXI века стала понятна пророческая боль писателя за грядущие муки и судьбу русского народа.

По вопросам распространения и приобретения:

8-964-580-19-12; lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

АЛЕКСАНДР САМОВАРОВ

РУССКИЕ БЕЗ СТАРОЙ ГВАРДИИ

Год назад умер Сергей Николаевич Семанов — русский историк, русский националист. Эти небольшие воспоминания о нем написаны по одной простой причине: ничего не меняется под небом нашего несчастного Отечества.

Семанов был участником грандиозной постановки под названием «борьба еврейской партии с русской партией» в 60–70-х гг. XX века. Сам Андропов, глава КГБ, зачитал на Политбюро ЦК КПС свою записку о русистах, где обвинил Семанова в грехах, к которым тот не был причастен.

В одном нашем разговоре я сказал Сергею Николаевичу, что вот эта записка Андропова и есть вершина его политической деятельности, потом наступил период отлучения Семанова от игр влиятельных мира сего.

— По всей видимости, это так, — ответил он равнодушно, как о давно пережитом.

Семанов сделал блестящую карьеру, был комсомольским работником, написал и защитил диссертацию, работал в закрытых архивах, из Питера перебрался в Москву, возглавил редакцию ЖЗЛ, стал близок к помощнику главного идеолога страны Сулова Воронцову. Под началом Семанова работала дочь Андропова, с которой у него сложились хорошие отношения, он был вхож в тогдашнюю великосветскую тусовку, знаком со многими известными персонажами, включая Галину Брежневу и ее мужа, заместителя министра МВД Чурбанова. Правда, Галине Брежневой он не понравился, по словам Александра Байгушева, он оставался для нее чужим. При том, что и сама Галина, и ее муж, и министр МВД Щелоков были

не прочь разыграть «русскую карту» в пику Андропову.

Отличие Семанова от множества карьеристов тех лет, имен которых никто уже не помнит, заключалось в том, что он был искренний русский патриот, русский националист, в том смысле, что для него интересы русского народа стояли выше всего прочего.

Я его спрашивал: как же так, в руководстве страны было столько русских, почти одни русские и были, неужели все они чуждались русского национализма? Он отвечал: за исключением нескольких фигур второго ряда — *все*.

И про того же помощника Сулова Воронцова, который протезировал Семанову и продвигал его, сам же Сергей Николаевич говорил, что там не было ничего личного, просто Сулов поручил Воронцову курировать «русскую партию», что тот и делал.

Сами лидеры «русской партии» — писатели, публицисты, некоторые комсомольские деятели, отдельные ученые — являлись искренними русскими патриотами. Но они были игрушками в руках кукловодов.

Советская власть вообще была горда устраивать всякие шоу, какие загнывающему Западу и не снились. Эта власть, неспособная дать народу даже минимум (люди десятилетиями жили в коммуналках, бараках, жалких деревенских избенках), вынуждена была держать народ в состоянии постоянного специфического социального психоза.

Семанов вспоминал, как он учился при Сталине, и во всякие годовщины вся школа собиралась в актовом зале и начинали все орать до посинения: «Да здравствует великий Сталин!».

— Вы не представляете, до чего это было противно.

Он же рассказывал с изумлением, как его отец, известный инженер-строитель, осуждал с соседом на пару на коммунальной кухне Сталина, и никто не настучал. Изумление было оттого, что отец человек умный, но вот дискутировал на кухне по поводу «великого вождя».

Об отце Семанов вспоминал всегда тепло. Однажды мы сидели с ним в его кабинете, он завелся от разговора о том, что на руках нынешних руководителей часы стоимостью в десятки тысяч баксов.

— Да разве это часы? — Взвился он, вдруг. — Вот мне от отца часы достались, а ему от моего деда, это часы!

И тут же он достал из ящика огромные золотые часы, размером со средний будильник.

— Скажите, вот это часы? — восклицал он, давая мне в руки этот «будильник».

— Еще какие часы, — подтвердил я.

* * *

Так вот, о советских психозах. Свое имя Семанов получил во время одного такого психоза. В 1934 году, когда родился Семанов, убили товарища Кирова, и все тогдашние СМИ исходили воплями: смерть врагам социализма! Предполагалось, что товарища Кирова убили враги социализма. Няньку, которая жила в семье Семановых, послали записывать родившегося мальчика Адольфом, такое иностранное имя выбрали ему родители, тогда была мода на иностранные имена.

Нянька вернулась и доложила, что по дороге забыла эту «кличку собачью», а вокруг все только и кричали: «Сергей Миронович Киров! Сергей Миронович Киров!». И записала она ребенка не Адольфом, а Сергеем.

— Представляете, Саша, — смеялся он, — а так был бы я Адольф Семанов.

Это было бы действительно круто, если учесть, что у Семанова сложились

непростые отношения с некоторыми представителями еврейского народа. И он был автором книги с характерным названием «Русско-еврейские разборки».

Хотя... умных евреев он ценил. В 1991 году его познакомили с посольским работником Израиля в Москве, тот был еще и генералом «Моссад», Семанов даже в своих опубликованных дневниках упомянул об этом человеке.

Или увидел я по ТВ, как странно стоит почетный караул в Израиле, встречали они иностранного президента. А караул стоял странно на наш взгляд: кто отклячился из солдат, кто пузо вперед выставил. Я спросил у Семанова, что это за дела? Он Израилем интересовался.

— А они отрицают строевую подготовку, — ответил он, — считают это пережитком. Для войны все это не нужно.

Вместе с тем он был пристрастен к некоторым местным евреям. Не боялся. А мне несколько лет назад рассказывал один человек, как отдыхал с известным политологом, который тогда не вылезал с ТВ. И вот с этим политологом они разделись до плавок на берегу Средиземного моря, поплыли, и только когда прилично отплыли, политолог сообщил, что он к евреям не очень...

Так на чем же погорел Семанов? Почему остановилась его блестящая карьера? Там многое непонятно, но если убрать в сторону всякие догадки, то вырисовывается следующая картина. Семанов, будучи приближен к самым верхам, был уверен, что он теперь тоже часть элиты, что он может все. Он так считал, но его-то они своим не считали, как выяснилось.

Думается, что ему в любом случае не дали бы высоко подняться, никто из «русской партии» не сделал особую карьеру ни до 1991 года, ни после. Люди, которые служат народу, а не корпорации, не нужны корпорации.

Так было в СССР, так есть и сейчас.

Поскольку в самой властной корпорации талантов немного, то они вынуждены использовать умных людей, но ходу им никогда не дадут. Кому — потому, что убеждения у человека есть, а кому и просто потому, что человек умный. А умный потенциально опасен. Так, во всяком случае, они считают.

Семанов был талантлив, почему его и поставили во главе журнала «Человек и закон». Тогдашнее руководство СССР проводило политику «разрядки напряженности» с Западом, боссы КПСС взяли на себя определенные обязательства. Им нужно было доказывать, что права человека в СССР защищены, вот они и на базе заурядного ведомственного журнала «Человек и закон» решили создать правозащитный журнал.

Ведь тогдашних либеральных правозащитников обычные русские люди не интересовали, как не интересуют сейчас, журнал этот должен был защищать права простых граждан, что Семанов блестяще и сделал. Тираж журнала в короткие сроки достиг пяти миллионов. Семанов был очень азартен, с одной стороны, и был искренне за народ — с другой стороны.

Именно на его лекциях в МГПИ я услышал, что русский народ первичен. Семанов тогда был сторонником «сильной руки», но значение народа понимал хорошо, как историк понимал. И тогда, и тем более сейчас это мало кто понимает, сакральное понятие «народ» рассматривают, как арифметическую сумму ныне живущих людей.

Любопытно, что люди Андропова через некоторых журналистов «Человека и закона» начали охоту на приятеля Брежнева Медунова, который тогда руководил Краснодарским краем, про него много было разговоров, что он берет взятки. Семанов позднее признавал, что это никак не подтвердилось.

Если мы представим себе на минуту, что товарищ Андропов в начале 80-х

годов уже представлял себе, как будет проходить «перестройка», какую роль в ней сыграют журналы, газеты и журналисты, то по одной этой причине Семанова следовало изгнать. Ибо под его руководством журнал «Человек и закон» представлял бы грозное оружие во внутренней идеологической борьбе.

* * *

Сергея Николаевича после окончания института я не видел и ничего не знал о его судьбе, встретились мы с ним уже в 1998 году, когда я работал в газете и написал рецензию на его книгу. Потом у меня были годы упадка. С Семановым мы поддерживали отношения, изредка я к нему приезжал, однажды он предложил мне написать книгу об истории издательской серии ЖЗЛ. Он прекрасно понимал значение пиара, понимал, что если о каком-то явлении не говорят, то можно сказать, что этого явления нет и не было. На самом деле речь шла о том, что в этой книге я расскажу историю «русской партии».

Но в таком виде мне все это было не очень интересно. Как раз вышла книга Нарочницкой «Россия и русские в мировой истории», в ней Наталия Алексеевна вплотную подошла к теме русского национализма как альтернативной идеологии, подошла и остановилась. Но книга эта для тех лет была прорывом.

У меня были вопросы по многим проблемам, которые поднимались в этой книге, и начали появляться какие-то ответы. И я начал писать свою книгу... Но не об издательстве ЖЗЛ.

В этот период времени один бизнесмен, узнав, что я пишу книгу, но жить мне не на что, стал выдавать мне 5 тысяч рублей в месяц. На эти деньги тогда можно было впроголодь прожить.

Семанов время от времени интересовался — пишу ли я книгу? Он обещал помочь с изданием. Я отвечал, что пишу, с некоторой досадой представ-

ляя его разочарование, когда он прочитает, что я написал.

Через 8 месяцев, а это был год 2004-й, я написал книгу, которая потом получит рыночное название «Останутся ли в России русские». Книга о русском национальном самосознании, а значит, и о русском национализме в первую очередь. Привез Семанову, ожидая от него вопросы на тему — где же здесь о серии ЖЗЛ?

Таких вопросов не последовало. Когда он прочитал текст, я к нему приехал, лицо у него было лукавое и даже озорное. Вся рукопись была исчерчена его пометками. Если он в чем-то сомневался, то ставил знак вопроса, если оценивал что-то положительно, то ставил плюс, если ему что-то нравилось, то он ставил восклицательный знак.

Единственное что он мне сказал: «Это интересно». И спросил, как мне пришлось в голову все это написать. Я в шутку, но пафосно ответил, что вот читал Нарочницую и подумал что я, ученик профессора Кузьмина, могу написать не хуже. Семанов хмыкнул и заметил, что я ученик не только Кузьмина, но и его ученик. Что было правдой.

Так получается, что когда есть человек определенного масштаба и ему в руки попадают некие тексты, которые работают на идею, то он это поймет сразу. Семанов понял, что нужно писать и говорить о «русской партии». Он много общался с либералом Митрохиным, который написал академическую книгу о русском движении в СССР. Семанов же с восторгом стал говорить о Байгушеве, о его книге, в которой рассказывалось о «русском ордене в КПСС».

Семанов раскручивал книгу Митрохина, книгу Байгушева, позднее мою книгу, он привлекал, как мог, внимание к истории с «русской партией», я не знаю сейчас, насколько осознанно он это делал, но делал вовремя, ибо все повторилось, советская Система воспроизвелась, и русские патриоты

сейчас оказались в положении своих предшественников при Брежневе.

Как историк я знал, что большевики после своей победы в Гражданской войне действовали в России, как в чужой стране. Выяснилось, что и при Брежневе было так, был все тот же стиль: руководители КПСС, силовые структуры — все они жили в нашей стране как шпионы, как партизаны. Зачем и почему, когда это было уже не нужно? Это отдельный разговор. Но самое паршивое, что Система и сейчас действует так же, что уж совсем глупо и бессмысленно.

* * *

Семанов давал очень точные оценки, и всегда с «картинкой». Так, я спросил его об одном персонаже: «Правда, что Ю.А. Прокушев (директор издательства “Современник”) был слабым редактором и издателем?» Сергей Николаевич ответил, что тот был первоклассным издателем, и тут же пояснил: «Прокушев так издал полное собрание сочинений Есенина, как немцы не издали Гете».

У Семанова была специфическая ирония. Так, он рассказывал про владельца одного патриотического издательства, что тот ему заплатил всего 15 тысяч рублей за книгу. А тот малый ведь был учеником Сергея Николаевича.

— Но ведь ему деньги, нужнее, чем нам с вами, Саша, — сказал он с серьезным лицом, — он дом пятиэтажный строит, уже четыре этажа построил.

Так сразу и представляешь себе сотни худых, бледных писателей, которые изо всех сил стараются для культуры своей страны, и этого упитанного, с масляными глазами вурдалака, который сидит в своем загородном огромном доме, питаясь кровью несчастных писателей.

Семанов часто вспоминал свои счастливые молодые годы, рассказывал о тогдашних «тусовках», видно было, что товарищество для него было

очень важно. Рассказывал о всяких курьезных вещах, например, как возвращались с шашлыков националисты, а там Аполлон Григорьевич Кузьмин всех стращал масонами, а он умел это делать. И вот сели они в автобус, и пьяненький Станислав Юрьевич Куняев подошел к Аполлону Кузьмину и спросил трагически:

— Что же, и я масон?

— Нет, — ответил Кузьмин серьезно, — пока не масон, но уже на подходе.

Как-то постепенно Семанов перевел наши отношения в дружеские, все это шло годами, незаметно, но тон разговоров стал уже другим. Сергей Николаевич не любил, чтобы было скучно, над близкими друзьями он мог довольно едко пошутить, но никогда не обижался сам на шутки в свой адрес.

Однажды он мне позвонил такой оживленный и сказал, что может рассказать историю про меня. Уже по его тону я понял, что ему самому очень смешно. История, в самом деле, была забавная. Великий певец Карузо репетировал какой-то спектакль, дирижер ему объясняет, вот тут так поете, а здесь вот так вот ножкой, а вот так вот ручкой, и все. Карузо поет, а ручкой и ножкой у него никак не получается. Дирижер еще раз показывает, снова не выходит, и в третий раз не выходит, и в десятый, тогда дирижер в сердцах говорит: «Ну и дурак вы, господин Карузо». Карузо в ответ: «А голос?».

«Вот так и вы, Саша, голос есть, а ручкой и ножкой никак не можете научиться, ни работы у вас, ни денег», — сказал Семанов.

Ну что? Смешно, верно, и не обидно, потому что про Карузо речь.

Ходил он уже с палочкой, говорил, что у него из всего тела нормально работает только голова, как «голова профессора Дуэля».

* * *

Я уже однажды писал, как пришел к нему в гости, а у него на столе ле-

жал автомат ППШ. Но там было продолжение. Я взял этот автомат в одну руку, как пистолет, и стал целиться в потолок, и довольно долго держал так, не сказать, что для этого нужно быть силачом, но какую-то силу нужно иметь.

Семанов в молодости занимался профессионально самбо и боксом. Он как-то занервничал, глядя на мое прицеливание, стал автоматически засучивать рукав, видно было, что он тоже хотел взять и подержать так, проверить силу руки.

Как-то он рассказал такую историю. Гулял он в молодости по парку и увидел блатного; нынешним молодым людям это не понять, но я успел застать эту категорию хулиганов, мерзкие твари, чувствовали себя хозяевами везде, но уж в парках сам бог велел. И Семанов специально толкнул его плечом, малый этот выхватил кастет и ударил Семанова по голове, потекла кровь, но на ногах Семанов устоял, тут люди подлетели, скрутили блатного. Потом была очная ставка, следовательно говорил блатному, который уже один срок отсидел: «Зачем же ты писателя по голове ударил? Умные люди — это народное достояние».

Во какие милиционеры тогда встречались! Понимали, что такое умные люди, что они ценность.

Блатного это не проняло, держался он вызывающе, Семанов без всякого выражения сказал: «Храбрый был парень».

Вот в этой зарисовке весь молодой Семанов. Тогда не так много было людей, которые не боялись шпану, ну и не стал он расписывать, что тот на него первый напал, правда для него была интересней.

* * *

Он был влюблен в слово, работал над своими текстами, даже если это была малюсенькая заметка. Но считал, что писание романов сейчас дело пустое, особенно яростно он презирал поэтов.

Я ему как-то говорил про одного вроде бы дельного генерала, который часто тогда выступал по ТВ.

Тут же последовал ответ: «Да вы что, какой дельный? Он же стихи пишет. Генерал пишет стихи, а?»

* * *

Очень сдержанный и рациональный Сергей Николаевич однажды меня очень удивил, позвонил и сказал с надрывом: «Саша, простите ради Бога меня за все!». Я опешил, но как-то краем ума вспомнил, что сегодня Прощеное воскресенье, и ответил, как полагается: «И вы меня простите, Сергей Николаевич». И тут же последовало еще более странное: «А вас-то за что?»

Все-таки он был очень русский человек.

* * *

Политическое движение только тогда сила, когда его поддерживают люди разных поколений. Националистам-демократам с этим не очень повезло.

Один Семанов из «старой гвардии» открыто нас поддержал, а у него же были иллюзии, связанные с сильной рукой, иллюзии эти наполняли его в начале нулевых. Но в последний год своей жизни он не просто говорил нам хорошие слова, он стал писать статьи в духе национал-демократии, хотя сами термины «национализм» и «демократия» ему не нравились, он говорил, что неплохо бы найти что-то другое. Все правильно, хорошо бы найти что-то другое, мы и искали, только не найдешь другое.

Я читал все, что писал Семанов в жанре публицистики последние лет восемь его жизни, он обычно звонил мне и говорил, что вот там опубликовал то-то и то-то, просил прочитать. И я могу точно сказать, что последние его статьи в поддержку национал-демократии — лучшее, что он написал, они лучше даже того, что он писал, будучи в самом расцвете сил. Статьи эти полны энергии и веры.

НОВАЯ КНИГА ИЗДАТЕЛЬСТВА «СКИМЕНЬ»

Александр Храмов. «Катехизис национал-демократа»

В книге молодого политика и публициста Александра Храмова затрагивается проблематика отношений нации и империи в российской истории, рассматриваются особенности и генезис российского федерализма. Что такое русский демократический национализм, возможно ли трансформировать Российскую Федерацию в русское национальное государство — на эти и другие вопросы автор пытается дать ответ в рамках национал-демократической парадигмы. Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей и современным политическим процессом в России.

По вопросам распространения и приобретения: 8-964-580-1912, lasido@mail.ru (Надежда Шалимова).

СЕРГЕЙ СЕМАНОВ

ДНЕВНИК 1969 ГОДА

От редакции

К годовщине кончины члена редсовета «ВН» — известного историка, публициста, одного из лидеров «русской партии» 1960–1980-х гг. Сергея Николаевича Семанова (1934–2011) мы продолжаем публикацию фрагментов его обширного и уникального дневника (записи за 1991 и 1982 гг. см.: № 3 и 8).

Записи за 1969 г. (этот год — важная веха в биографии Семанова — он переезжает в Москву и становится заведующим серией «ЖЗЛ» в издательстве «Молодая гвардия») интересны, в том числе и тем, что по ним можно изучать генезис национал-большевистского дискурса (весьма напоминающего современное «охранительство») в «русской партии».

Настоящая публикация согласована с наследниками С.Н. Семанова. Рукопись подготовлена к печати К.В. Титовым при участии Е.Я. Паромовой, комментарии — К.В. Титова. Текст печатается по ксерокопии с рукописного оригинала из архива публикатора.

8/1–69. Итак, завершился тяжелый, високосный год. Начинаю жаловаться, как жид, на свое здоровье. Но в самом деле: мой лучший фильм — погиб, моя любимейшая публикация о Петре Ник[олаевиче]¹ — погибла (я кричал, помню, что много мне грехов скостится, когда П.Н. напечатают 100-тыс[ячным] тиражом, ему, видимо, и в мечтах не снилась такая цифра даже при въезде в Москву). Далее. Статья о 9 янв[аря], мною тщательно отделанная и имевшая бы страшный шум, не вышла, наконец, рецензия на Амурского², ядовитая и ужасно либе-

ральная, — тоже (автору повезло — вовремя помер).

Весь год минувший бился перед выбором. Что делать, писать ли толстую монографию и статью — скажем прямо — доктором или плюнуть на это нудное дело и статью публицистом? Инерция толкает меня на первый путь, склонность — на второй, а я, как обычно, болтался посередине.

Когда-ниб[удь] напишу книгу или что-то вроде: «Среди художников». Актеры — наглы и экстравагантны, поэты и писатели обуреваемы манией величия, собственно художники косноязычны, углублены в себя, трудолюбивы и не любят письменного слова, предпочитая устное.

ВДзинтари³, живя бок о бок с разными чучмеками, еще раз понял, что главное в России — это так наз[ываемый] «национальный вопрос». Здесь заложены центробежные силы России, сюда будут бить «т[овари]щи». И это здорово, что я выработал четкую платформу в таком центральном деле.

Был в парке под Ригой где даже и сараи XVII–XIX вв. Бездарны эти латыши, нет в них ни гроша поэзии. Как прекрасна русская изба во Владимирщине или под Москвой с наличниками, коньками, крыльцом! Да, нет цветов и дорожек, посыпанных кирпичом.

12/1. Посмотрел свои записи за прошлый год. Какая резкая эволюция: в январе я еще, оказывается, почувствовал Галанскову⁴ и Литвинову⁵. Здесь надо признать, что Р.⁶ до сих пор шел впереди меня на полшага. Вот хотя бы Солж[еницын], о кот[ором] я постоянно кричал, что он самый выдающийся рус[ский] писатель после

1910 г[ода], и ужасно злился, когда Р. мне умалял его ценность и упрекал в либерализме и позерстве. А ведь верно. Сейчас по рукам ходит множество его бумажек, к[оторы]е он сам распространяет. Кажется, что он создал себе постамент из них и теперь стал там в добролюбовской позиции. И с евреями стал заигрывать. Я был потрясен, прочтя его произраильский пассаж в ответе студентам⁷. А теперь в очередной своей бумажке о заседании секретариата СП⁸ он говорит об ужасных статьях 1949 года... А ведь был «Захаркалита»⁹. И ведь евреи очень кисло приняли «Ивана Денисовича»¹⁰. Но теперь он их. И, видимо, насовсем.

Национальный вопрос — важнейший в Росс[ии]. Так наз[ываемое] право наций на самоопредел[ение] есть вещь с двумя полюсами, важна не только воля отделяющихся, но и настроение тех, от кого отделяются. Я не понимаю почему у Архангельской губ[ернии] меньше прав на отделение, чем у губ[ернии] Эстляндской. Но будем логичны: разве не имеют права на отделение жители Вас[ильевского] о[стро]ва? Или даже части его — о[стро]ва Голодая? И, наконец, почему чья-нибудь дача у Сестрорецкого берега не может образовать независимую республику? Абсурд! Но раз абсурд, значит самоопредел[ение] следует ограничить. Как же? Справедливый выход только в одном: учитываются интересы и отделяющихся, и остающихся.

Процессы над бедными эсэсовцами и истерики «узников концлагерей» смертельно надоели и претят. Ну, а если действующих лиц поменять местами? Вот судят узника — «героя сопротивления», к[оторы]й, спасая своих присных, заменил одну карточку другой, т.е. какого-то невинного человека обрек на гибель. И вот выступает жена, сестра, мать, теща или свояченица преступника и т.д. Не правда ли, производит впечатление?

13/I. Вот сюжет, достойный Лескова: Бутусов¹¹ убивает¹² вратаря-обезьяну у басков!

26/I. Либеральная возня в Чехии очень надоела. Но в политике один критерий — успех. А теперь успех операции 21 августа¹³ для наших несомненен. Они напомнили, что миндальничать не станут, и в какой-то мере восстановили утраченный свой престиж. И еще: они показали своим колониальным приказчикам, что в минуту жизни трудную не выдадут их. А что касается до всех этих либеральных вспышек в Чехии, то все это рано или поздно перемелется и глядь, лет через 10 те же чешские части будут вместе с нашими подавлять антирусское выступление где-ниб[удь] в Варшаве или Бухаресте!

3/II. Сегодня был у Мархасева¹⁴. Не скрывает своего пораженчества, говорит со мной, малознакомым, в сущности, человеком, и при свидетелях! И это при его должности! Он же радовался выстрелу Ильина¹⁵ и особо подчеркнул свое довольство тем, что он не чех и не еврей. Это мнение типично. А может быть, я неправ? Может быть, пусть чехи живут, как хотят? А имперские интересы — как с ними? Ведь они volens-nolens — наши (здесь и далее выделено С.Н. Семановым. — К.Т.) интересы. И вообще англичане, создавшие парламент и великую империю, верно говорили: права моя страна или нет, но это моя страна. А разве Англия всегда была права? В бурской войне, например, или в Ирландии? У нас, русских, а у русских интеллигентов особенно, слабо развито чувство национальной гордости.

Мода бывает и на профессии. И это очень сильное социальное явление. И имеет большое влияние на виды культуры, работающие на толпу. В 40-х годах на вершине были военные моряки, в 50-х с ними сравнивались и затем переложились на первое место геологи. Ведь целая геологическая поэзия есть.

В конце 1950-х геологи невозвратно ушли в небытие и воцарились физики. Царствовали они целое десятилетие, и слава их была самой звонкой и всеобъемлющей. Потом с середины шестидесятых их сменили математики, победив попытавшихся было бороться за первое место биологов. Увы, математики процарствовали скандально мало и не породили никакого чуть заметного письменно-музыкального памятника (а ведь были «физическая» проза и поэзия, «физический» кинематограф!). Сейчас самые модные — социологи (извините за выражение!). Но уверен, они недолго продержатся. Что же дальше? Если будем развиваться в сторону космополитической демократии, тогда в моде будут: писатели, журналисты, философы и пр. Если в сторону диктатуры — военные, полицейские, чиновники.

Мархасев слушал здесь Демичева¹⁶. Аудитория была правая и активно это выражала. Он либерал. Верно: провинциальное чиновничество либерализма не признает. И еще он говорил, что после Ильича¹⁷ на праздник снятия блокады никто из начальства не приехал и даже правит[ельственных] телегр[амм] не было (а в Сталинграде была вся верхушка).

9/II. Лавр Георг[иевич]¹⁸ — герой, Ал[ексан]др Васил[ьевич]¹⁹ — рыцарь, Антон Ив[анович]²⁰ — военачальник, Петр Ник[олаевич]²¹ — вождь. Так я их и опишу. И присных.

[С.Н. Семановым изъята страница текста — К.Т.]

греховное. Законность власти определяется временем, привычностью к ней народа. То есть: восставать и бороться против Бланка²² — это есть борьба за восстановление законной власти, а бунтовать против Иосифа Виссар[ионовича]²³ и его наследников — деяние греховное. В России были и будут благими лишь преобразования, осуществляемые сверху.

28/II. Эюд «Как обольстить либерала».

Вы приходите в присутствие к либералу. Народ. На вопрос «как дела?» ответить с сардонич[еской] усмешкой: «Дела? Да вот, говорят, скоро опять будут памятники Сталину ставить, хехе»... Затем — наедине. «А вы слышали заявление чешских писателей Спички и Сучки?» — Нет, а что такое? — Они заявили (покосится быстрым взором на дверь), они заявили, что советская агрессия в Чехословакии (голос крепнет) есть неслыханное нарушение международного права! А затем горько: «Невозможно жить! Озверевшая реакция душит свободные умы!» И собеседник с рыданиями упадет на вашу либер[альную] грудь.

20/III. Из Р.: социализм, существующий сегодня в Совдепии, это обрусевший Маркс. Тут следует подумать, прежде чем полностью отбросить его. Деловитость и практицизм, превращенные в жизненный закон; ритм повседневности, когда человек ежедневно и ежечасно держит экзамен, рискуя не сдать его; этот напряженный и однообразный ритм огромного и беспощадного конвейера чужд русскому мироощущению. В требованиях рабочих в 1905 постоянно присутствовал пункт о разрешении опозданий — и это национальное, а не социальное. Американец, да и европеец, очевидно, просто не в состоянии вообразить, как это можно на работе напиться пьяным, а русскому трудно даже понять этот их мистический ужас. Да, мы, русские, плохие работники, мы воистину работаем не тяжем, а рывом, но есть в нас все же нечто такое, что позволило нам раскинуться на полсвета и подковать блоху. И это целиком за счет души: у нас духовная выносливость и духовная сила, а не мускульная, как у негров, например. Введение на нашей почве механизированного европейского конвейера убьет самое ценное, что есть в России, — русскую душу.

30/III. Ей-богу, хочется написать похвальное слово сов[етской] власти! В самом деле. За последние 19–15 лет несом[ненно] улучшился (в общем) уровень жизни материальный, значительно рассосался жилищный голод, принят весьма благоприятный для населения пенсионный закон, соблюдается строжайшая законность, свободы — сколько хочешь, только парламента, слава Богу, у нас нет, да демонстраций. Говорят напряженный бюджет, но где он хороший?! В Штатах вон какой долг. Говорят, наше планирование неповоротливо и пр. Верно, однако у нас действительно нет неуверенности в завтрашнем дне, что характерно для Запада. Оказывается, и мир без войн, мир без оружия еще рано прокламировать. Значит, ракеты и бомбы нам пригодятся.

31/III. Перечел тут я прекрасную сказку Ершова. Иванушка — герой русских сказок, является дурачком только для обыденного рационализма, то есть прагматизма, действия его противоречат элементарной (видимой, осязаемой) выгоде. Герой Ершова нашел перо Жар-птицы. И кладет его под шапку; не из корысти, не из расчета, а Бог знает, зачем. Взял, и все. Умный Конек-Горбунок предостерегает его: «Много, много непокою принесет оно с собою!» Казалось бы, да: очень много непокою. Но вот ведь результат: Иван, не добываясь специально, не ставя себе в этом цели, делается царем и берет в жены дочь Солнца, то есть добывается максимума, чего может достичь смертный человек. Значит? Значит, нужно класть под шапку перо Жар-птицы, не подсчитывая вариантов («моделей»), а там — что Бог даст!

5/IV. Отличное определение: Троцкий — это Керенский большевизма.

Вот что: когда человек льет грязь на другого, то в меньшей степени он пачкает самого себя. Ведь для того чтобы облить кого-то, надо иметь со-

уд, а в нашем примере таковым является сама душа обливателя.

Хоккейный чемпионат породил национальные чувства не только в Чехии, но, слава Богу, и в России.

6/IV. Строка из будущего «Евгения Онегина» о русской революции: «Как ваше имя? Смотрит он и отвечает: Шнеерзон».

13/IV. Нет, мы Ленина жидам не отдадим — он часть нашего национального достояния, как, скажем, таблица Менделеева или Юрий Алексеевич Гагарин. Его деятельность резко делится на две половины: разрушительную (до 25 октября) и созидательную (после 25 октября). Национальное — великая сила, она ассимилирует все внешнее, пришлое: варягов, еврейскую банду Бланка, остзейских немцев, казанских татар и пр.

18/IV. Расклад политич[еских] сил в стране сейчас такой: слева — неомарксисты-ленинцы, программа — «назад, к Бланку и Луначар[скому]». Очень активны, имеют подполье, влияние кое-какое есть, но оно вряд ли будет расти. Затем — либеральные демократы парламентского образца, типа «пражских реформаторов»; очень влиятельны, в подполье не залезают (самиздат не в счет), имеют преобладающий авторитет в интеллигенции и влияние на молодежь, включая и городских работяг. Влияние будет расти, по-видимому, в их недрах рождаются серьезные политич[еские] организации. В обеих группах евреи играют главную роль. Третья — славянофилы (термин не точный, но принятый, так сказать, вовне), правильное — националисты, или консервативные националисты (или не бывает революционных националистов?). Тут единой программы нет, сегодня преобладает мнение не «за», а «против». Т.е. против либералов, жидов, революций, влияний Запада и пр. Влияние пока слабое, начали склады-

ваться позже других, но быстро растут. Евреев практич[ески] нет. Вторая и третья группа оказывают идейное давление на власть. Чешский эпизод как будто бы должен заставлять прислушиваться не к либералам, на ту же мельницу льют и китайские провокации²⁴. Быть может, я принимаю желаемое за действительное, но мне кажется, что националисты должны более влиять на власть. Но здесь нет единства, нет развитых программ. Очень важен был бы переворот — любой, военный или гражданский, тогда сильный вождь сможет начать рисовать план преобразований на чистом листе.

19/IV. Размышляя, все больше убеждаюсь, что наш социализм очень национален. За границей, находясь в обстановке отпускника, а не работника, мы сталкиваемся со сферой обслуж[ивания] и развлечений. Поражаемся и завидуем организации и порядку, деловитости и интенсивности работников. Но ведь тоже — в конторах, то же — на фабриках. Стало быть, требование напряженно работать везде. И если теперь поставить всех наших граждан в подобные интенсификационные условия, то больш[инство] из них взвоят и предпочтут постоять лучше в очереди за колбасой или за билетом в кино. Да, русский человек работает не тяжем, а рывом, мы не любим систематического труда с равным напряжением (что и является основой западной цивилизации). Вот почему для нас легче построить спутник, или подковать блоху, или породить Булгакова, чем наладить элементарное массовое производство хороших авторучек.

28/IV. Прочел я тут мемуары Цедербаума²⁵. Личность он ничтожная, что, впрочем, и без мемуаров ясно. Но вот что любопытно: говоря о созревании своей революционности, этот «интернационалист» вспоминает не о страдающих рабочих (которых он не видел), не о злодеях банкирах и капи-

талистах (евонный папа), эксплуатировавших трудовой народ, и т.д. и т.п., а именно свое еврейство. Этот и только этот сюжет рассматривается им в важнейший период жизни, когда происходит становление личности и избирается судьба.

4/V. Да, истинно: отношение к сионизму — вот водораздел. В.²⁶ доказал это своим отказом нанести удар по Шатрову²⁷. А ведь находится под сильным моим влиянием! Значит, приходится еще раз удостовериться, что влияние (т.е. воспитание) — ничто в сравнении с природой. Воспитание может лишь как-то изменить природу (исправить, если угодно), но не больше. Дерево можно подстричь, скрестить с другим, но сделать из него железо или камень нельзя. А ведь В. же обратил мое внимание впер[вые] на огромную роль американских евреев в 1917 г. Джон Рид²⁸ в дневниках оставил записи об этом. В. же установил, что огр[омное] влияние на Керенского имел его личный секретарь Соскин²⁹ (вспомним Рутенбурга³⁰, сиониста, «советника» Кишкина³¹). Фамилия Соскина иная, он родственник... большевика Зорина³², вместе приехали! А Ира³³ установила недавно наличие в Пгр. (Петрограде. — К.Т.) перед Февралем масонской ложи, в к[оторую] входили и два большевика, один, по-видимому, Молотов (супруга!).

Как любят говорить люди из быдла на трибуне, «скажу о себе»: я уже лет 10 жду, когда падет сов[етская] власть, чтобы потом-то уж... Я только сейчас понял, что мой уход в сочинительство был бегством от активной деятельности (впрочем, раньше я думал об этом). Итак, раз ждать падения власти отныне не входит в мою программу, то ясно, что надо «делать дело». С опозданием, но все же время я не терял. Кое-что узнал и кое-что понял. Даю себе 1S—2 года сроку, чтобы закончить Кр.³⁴, а потом — за дело. Или будет поздно. Да и сейчас уже поздновато.

В стране сложился левый центр и правый центр. И тот и другой, бледнея в оттенках, замыкаются где-то на правительственных передних. И тот и другой во взаимной борьбе апеллируют к прав[ительст]ву, ибо стороны отлично понимают, что главный враг — это оппозиционный контрагент, а вовсе не власть. И именно, что апеллируют оба лагеря, а обвиняют в этом каждый другого. И наконец: левый центр сильнее.

5/V. Излюбленный ныне аргумент в спорах: все относительно. И это имеет эффект подушки: любой удар «гаснет», как говорят волейболисты. Но вот именно подушка, как и всякая мертвая материя относительна: на ней можно успокоить усталую голову и ею же можно удушить человека. А для мира живого — нет, все именно не относительно. Добро и зло не относительно. А адепта относительности я бы предложил посадить голым задом на горячую плиту, а когда адепт завопит, спросить его: батенька, что вы кричите, ведь все на свете относительно? А знаете, какая температура в ядерном котле?..

8/V. Давно я уже составил «пятерку» наиболее выдающихся людей факультета нашего³⁵ (за послевоенное время). Критерий — слава, популярность, известность. Именно это в наше время является шкалой жизненного успеха, а к этому, как производные, прилагаются уже деньги, влияние в об[щест]ве, почет, уважение, отчасти также власть и пр. Итак: Ремо Казакова³⁶, Корчной³⁷, Том Колесниченко³⁸, Алик Цомук, Коля Иванов³⁹. Я многим из наших список этот оглашал и вознаграждений в сущности не встретил. Кандидатами на 5-е место могли бы быть: Кузнец, Фурсенко⁴⁰, Волк⁴¹, Шкаратан⁴², я. Но бесспорно, что все мы Коле проигрываем. И еще: в «пятерке» ни один не прославился как историк. И правильно: академическая наука вещь нудная, никому не нужная, в принци-

пе, чистая наука — это только для своего цеха, как чистое искусство — для искусства.

12/V. Есенин — это Шариков, обладавший поэтическим дарованием.

Перечитываю «Вехи»⁴³. Это зеркало, которое они поставили перед физиономией российского либерального интеллигента, и он отразился в нем во всем своем неприглядном виде, с прыщами и угрями. Чего и говорить, рожа крайне несимпатичная. Но зеркало — не солнце, оно не согревает, под его лучами на ниве не взойдут новые побеги, новая жизнь. А вот позитивного идеала — тепла, света — они и не дали. Ну, разве можно почитать программой их жалкие рекомендации о самосовершенствовании, о необх[одимости] искать истину и даже — главное, кажется, у них, — что истина выше общественной пользы? Все это — выси духа, а не фонарь в темном политическом лесу. Дав широковещательные обещания, они обманули читателя. И еще. Мысль, выраженная очень остро Гершензоном⁴⁴ (благословляю штыки и т.д.) глубоко антинародна. Но нельзя отрываться от почвы — народа, нельзя презирать его — точно так же, как и обоготворять. И сегодня — Р. это хорошо выразил в своей статье⁴⁵ — «т[овари]щи» хотят на этом нас и изловить: да разве это быдло нас понимает, да мы с вами, с Эйнштейном и Эренбургом, мы, цивилизованные люди... Всякая власть от Бога, и она должна быть сильной, тогда народ будет любить её, и тогда родятся Пушкины и Лобачевские и будет разбит Наполеон, а декабристы поедут в Сибирь. Прочел сегодня «Смену вех»⁴⁶. Сильно. Талантливо. И очень узко. Чистое политиканство. «Вехи» по крайней мере возносились к небу, ища, хотя и [не] найдя, там выхода. Эти — сплошь взор к земле. Очень много поняли. Многое предвидели (редкий случай в политич[еской]. публицистике!). Но не возвысившись, не попытавшись

возвыситься к горным вершинам, остались с низким горизонтом. Они искали — и находили — объяснения рациональные. Но это — поверхностно: большев[истскую] революцию не понять без мистического анализа, ибо — я все больше к этому склоняюсь — Бронштейну помогали нездешние силы. Как можно понять или даже попытаться понять, осмыслить революцию, даже не поставив вопрос о Боге, скомкав вопрос о нации и национальной культуре, не обмолвившись об иудеях?! И вот: они намеревались использовать большевиков в своих целях. Большевики выжали из них то немногое, что они смогли им дать полезного, и — и убили потом и Ключникова⁴⁷ и Устрялова⁴⁸ (Ганелин⁴⁹ сказал).

Да, кстати: все «Вехи», конечно» умещаются в жилетный карман Достоевского.

17/V. Если мне когда-нибудь придется издавать свой цитатник в красной или красно-бело-синей обложке, то первым моим изречением будет: «Вся власть от Бога. Бунт — дело подлое!» И сделаю к этой цитате примечание: рядовых бунтовщиков — сечь, главарей — сажать, а подстрекателей — вешать.

18/V. Нет, мы Ленина жидам не отдадим! Он — наше национальное достояние, как Александровский столп или разбойничьи старые песни. И ещё: евреи только думали, что они правят Россией в 1917–37 гг. На самом деле именно они-то и служили приказчиками русского дела, полагая, что делают это для себя. Когда они с помощью мощной своей еврейской организации стали нести бациллы разложения из России на экспорт, они тем самым укрепляли русскую государственность.

22/V. С большой пользой для себя изучал я материалы для главы о рабочих в Гражд[анской] войне. Кар-

тина вот такая. Ситуация Шариков — Швондер в русской революции выглядит как эпизод из приключений Синдбада-морехода, когда какой-то бедный старичок попросил его перенести через ручей, а потом ездил на нем, на его шее. Швондер сказал Шарикову: понеси меня, я укажу тебе дорогу в социалистич[еский] рай. И оседлал Шарикова, и бедный Шариков таскал его по топам и кручам, худел и обдирав тело. Пролетарии, точно, поддерживали Бронштейна и К°, но исключительно ради их целей. И были замордованы в Гражданской войне, не приобретя ничего взамен.

А все-таки сменовеховцы навели меня на верную мысль: не евреи правили русским государством, им (и другим) это только казалось. Русское государство заставило жидов служить своим целям. И если теперь, через полвека прикинуть, выиграло ли русское еврейство от революции (несмотря на двадцать лет полного господства), то ответ, пожалуй, такой: нет, проиграло! При эволюционном течении событий они бы приобрели в России, может быть, и больше. Ибо они очень усилились в конце прошлого — в начале нынешнего века. А в итоге сталинской контрреволюции они очень много потеряли даже из того, что имели до революции.

24/V. Любопытно, что сумасшедший Дмитриев⁵⁰ стал патологич[еским] антисемитом. Он сказал, что у Пустынцева⁵¹ отец еврей, а у Голикова⁵² — мать.

14/VI. В среду, т.е. 11-го, обсуждали мой сценарий в «творческом объединении» <неразб. — К.Т.>. Из 7 присутствовавших (кроме меня) был только один русский, и тот Гусаров.

Болтовня для женщин — гимнастика языка. Необходимая!

9/VII. «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Значит, это и нуж-

но ценить, а не гоняться за фантомом счастья. В переводе на прозу покой — это то, чтобы тебя не дергали, не командовали, не кричали, не заставляли суетно мельтешиться. А воля — это совсем просто (кстати: у Пушкина не случайно сказано «воля», а не «свобода», т.е. подчеркнут нравственный, а не социальный оттенок понятия). Все хотят, чтобы я возглавил ЖЗЛ, но сами-то предпочитают роль советников и идеологов. Еще бы! Кому охота заниматься весьма важной, но черновой работой? В аппарат (а издательство — почти аппарат) идут только двужильные и крепкокожие карьеристы. Можно самому, потея, гонять мяч по грязному полю, а можно наблюдать это зрелище с трибуны и умно комментировать его. Чей жребий лучше и приятнее?..

Р.: «Советы без жидов». Недурно. Сейчас это может устроить всех, т.к. либерализм и западничество идут от евреев, от них же и «революция».

28/VII. Евреями являются: 1) собственно евреи, 2) полукровки, 3) лица, состоящие в браке с евреями, 3) лица, состоявшие в браке с евреями и имеющие от них детей.

Сейчас разрабатываю мысль о том, что нельзя швыряться национальными ценностями. Вот, например, Маяковский. Сволочь, сифилитик и т.п. Но: огромное влияние на нашу культуру, на мировую. Так что же? Вышвырнуть его? Но не прошвыряемся ли мы так сторяча? Не довольно ли? То, что отложилось в прошлом, это как осадочные породы на дне океана, равно падают скелеты хищников и их жертв, все прессуется и складывается в единый пласт. Так что же — начнем выковыривать из этих пластов то, что нам не нравится? Достоевский справедливо презирал Тургенева, но (пусть не равны они) теперь их проходят в школе в одной и той же четверти. Так Маяковского, Булгакова, Есенина, Платонова и иных будут изучать вместе, ибо все

они — наша русская культура периода Великого перевала.

И еще очень плодотворная мысль о том, что есть вечные ценности, к которым не приложима относительность, которые безразличны к ней, как золото к кислотам. Материнская любовь — относительно? Или — трусость? Теперь для меня нет сомнений. Что это пресловутое (жидовское, конечно!) понятие приложимо (если приложимо!) только к мертвой материи.

Моя нынешняя служба приятна. Как почетная пенсия, дающая право на <неразб. — К.Т.>-безделье. Это не только приятно, но и разлагающе.

9/VIII. Три брата Карамазовых — это три главных черты рус[ского] духа: безграничная, неудержимая удаля, страшное умствование и трепетная страсть к Высшему.

Сегодня был Жуков⁵³; очень хочется ему напечататься в ЖЗЛ. <...>

Полагаю, хорошо, что Кузнецов⁵⁴ бежал. Пусть все видят, на что пригодны певцы Бабьего яра. Предательство никогда не имеет обаяния, какими бы словесами оно ни объяснялось и как бы ни обставлялось.

12/VIII. Сейчас все говорят о статье в «Огоньке»⁵⁵ против Дементьева⁵⁶. Либералы в ужасе и злобе. Я говорил уже «молодогвардейцам»⁵⁷, что это не челов[еческий] язык, а собачий лай. Интересно, хоть когда-нибудь научатся они говорить интеллигентно, а не пролетарским матом? Я давно уже учу: зачем говорить «дурак» — это грубо и оскорбительно, можно сказать: «вы не вполне компетентны в этом вопросе» — смысл тот же, а все благопристойно и нет повода тащить в участок (либеральный или черносотенный, все равно) за оскорбление словом.

Вчера Перехв[атчик]⁵⁸ поведал: вот многие люди считают, что вор и бандит полезнее ударника комм[унистического] труда, ибо, мол, последний укрепляет гнусный этот строй, а те — на-

оборот. Надо, сказал, бросать камни в болото. — Какой ужас! Но ведь это пораженчество широчайше распространено. Ведь стыдно сказать, но была чуть ли не всеобщая радость, что американцы первыми высадились на Луне. («Так вот “им” и надо, не будут хвастаться...»).

Этюд Кузнецов — Биленков⁵⁹. Да, Биленков все-таки не был чл[еном] партии, не был комсомольским писателем, не произносил речей, не брал авансов под собирание материалов об Ильиче, он всегда являлся антисоветчиком и уехал, взяв с собой жену и не оставив тут ребенка.

23/VIII. Получил сегодня письмо от «ведьмы»⁶⁰; так адресуются управляющему именем. Был тут недавно у меня разговор с одним подводником. Прекрасный русский парень, с характером, с биографией. И что же? Он сообщил мне, будто сам читал в «Новом мире», что Ал[ександра] Невского не то не было, не то не совсем и был он, и Чудского озера тоже. Словом — «легенды и факты». И вот что особенно огорчительно: он словно радовался этому и был явно огорчен, не получив от меня подтверждения. В чем дело? Почему нигилизм и презрение к своим ценностям столь распространены среди русских? Трудно представить себе украинца, который бы радовался слуху, что Шевченко не существовал, и невозможно — грузина, утверждающего, что Руставели — легенда.

На похоронах Марианны⁶¹ — пропасть т[овари]щей». Почему? Уж не салон ли она содержала. Алла⁶²: «У Райкина⁶³ собирается столько хороших ребят, говорят за Зосю⁶⁴». Кстати: почему все сегодняшние т[овари]щи женятся на русских? Видел сына Марьяны: и на нее похож, и блондин, но...

Еще Шейнис⁶⁵ говорил (он <...> абсолютно неоригинален, повторяет интеллигентско-либеральные средности — тем и интересен), так вот, он

говорил, что все беды в мире «от нашего отечества»: маккартизм, бойня во Вьетнаме, военно-промышленный комплекс, проявления реакции на Западе и т.д. Я спросил: Значит, пораженчество? Да, — был ответ, и мне напомнили дилемму собственного изготовления 1956 года: что лучше, джип на Невском или «черный ворон» на Пятой авеню? Но, — продолжал Ш[ейнис], — я потону против оккупации, что она в России породит взрыв низких инстинктов. — Модель 12 года тебя не устраивает? — Нет, — сказал он.

24/VIII. Смотрю фестиваль эстрады из Сопота. У баб — платья, которые полагается носить в борделях, манеры — те же. Молодые ребята все сплошь женообразны и отчетливо смахивают на пассивных педерастов. Неужели тенденция мира в этом?

Внимательно (наконец!) вычитал статью о Шатрове⁶⁶. Пришлось убрать много небрежностей и даже ошибок. Если все это не потеряется — хорошая будет статья. Но не надо с Котенко⁶⁷ (он фигура несерьезная и несимпатичная) и, пожалуй, стоит избегать участия в партийных изданиях. Сказал я о статье Шейнису. Зря. Через свою жидовскую контрразведку он даст знать в М[оскву], например, Свету, а те могут принять превентивные меры.

26/VIII. Башкирова⁶⁸ говорила, что Е[лена] Серг[еевна]⁶⁹ «очень горда», никого не принимает. Их журнальчик хочет напечатать какой-то рассказ М[ихаила]Аф[анасьевича]⁷⁰, так она вела с ними переговоры через третьих лиц, а к себе не допустила.

28/VIII. Давно уже смутно чувствую я возникшую пост-фактум неудовлетворенность «Раковым корпусом»⁷¹. И вот сегодня вдруг понял, почему. Это разбавленная «Смерть Ив[ана] Ильича»: умирают безбожные герои безбожного автора. И автор не жалеет своих героев, а словно мстит

им: так вот вам, так, раз я мучился!.. Все это неприятно. Но я уже говорил молодоговардейцам, что мы, русские, проспали Солженицына и отдали его жидам. А ведь во времена своей «Молитвы»⁷² и «Захара-Калиты» он был, бесспорно, русский человек.

17/IX. Этюд «Приговор Сталину».

За проведение коллективизации — расстрелять, однако, учитывая заслуги перед Россией в 1935–1953 гг., помиловать, разжаловав притом из генералиссимусов в генерал-майоры с назначением на должность начальника крупного концлагеря.

21/IX. Давеча Антон Льв[ович]⁷³ рассказал, что Белобородов⁷⁴ был потомком пугачевского сподвижника. Об этом в 1917 очень любили, оказывается, писать в большев[истских] листовках на Урале. Да, всегда говорил я, что жизнь богаче любой фантазии! Если бы кто-ниб[удь] придумал в романе такую окольцовку — от Пугачева — через потомка Белобородова — к дому Ипатьева, — то все обвинили бы его в схематизме и очевидной подстроенности замысла.

22/IX. Сегодня Медведев⁷⁵ сказал, что на Ленфильме сценарий для Ершова⁷⁶ «Привычное дело»⁷⁷ писал Арнольд Янович Витель⁷⁸, б[ывший] ст[арший] редактор Ленфильма, а теперь нач[альник] упр[авления] культуры Леноблсполкома. Он, мол, призван был смягчить трагизм... Однако старый дурак Иванов⁷⁹ сказал на обсуждении, что сценарий антисоветский. Сценарий, однако, приняли.

24/IX. Недавно в городе был большой процесс (± 10) над распространителями наркотиков. Оказывается, привозили его <так у автора — К.Т.> вьетнамские студенты (!), а наши — в том числе неск[олько] аспирантов ун[иверсите]та — продавали здесь.

Санкции были жестокие (правильно!). Вьетнамцев несколько штук отослано на родину.

Итак, Андропов⁸⁰ уступил место Цвигуну⁸¹, к[оторы]й свояк свояка Брежнева, Шумилов⁸² — в Венгрии, советник по ЧК. Его убрали за комсомольские связи (Шелепин⁸³, Семичастный⁸⁴).

5/X. Вернулся из М[осквы]. Даже Ш.⁸⁵ не знает об Андропове, хотя знает о Шумилове. Липа? Был в «клубе»⁸⁶. Смешно немного. Произносят митинговые речи, убеждая самих себя. Кликуши, а не политики. Политик может исходить из самых смелых и невероятных надежд (см. Ленин), но лишь на почве реальности. Один говорил: мы всех должны посадить на землю!.. Нерезузно.

8/X. Давно уже учу своих малоспособных коллег, что нельзя понять русской революции, не признав в ней участие мистических сил. Будущий Гомер, описывая поединок Дроздовского⁸⁷ с Думенко⁸⁸, укажет, что за плечами их стояли, как в «Илиаде», небесные или подземные силы — и будет абсолютно прав.

Р. Напоминает мне попугая, к[оторы]й гадает, вытаскивая из коробочки билетики. На любой сюжет — четкий, самоуверенный ответ. А т.к. русский интеллигент вообще-то слабохарактерен и сговорчив, то он соглашается (чтобы потом, подумав, не согласиться) или быстро устает спорить, мысленно махнув рукой: а ну его... В таких случаях хорош только один метод — столь же самоуверенное и безоговорочное возражение. Но утомительно! А я как-то слышал, как Р. рассуждал о шахматах, не зная ходов.

31/X. Да, недурно путешествовать за рубеж на казенный счет: везут бесплатно, да еще и валюту дают. Все это самый настоящий подкуп. Неудивительно, что основная масса туристов в

дорогих маршрутах — это пожилые и бездетные интеллигенты.

Болгария — приятная и богатая страна. Мы, видимо, здорово грабим её: БТ⁸⁹ у нас 40 коп. — у них 60 ст. (т.е. 75 к.), «Солнце»⁹⁰ соотв[етственно] 14 и 30 (ок. 40 коп.). Продовол[ьственные] товары там сейчас потрясающе дороги. Ориентируются на туризм. Это грустно. Малая страна, где основное занятие — обслуживание, приобретая деньги, теряет многое в своей духовной жизни. Так мне рассказывал Костя Мрянков⁹¹, что один его знакомый инженер, знавший языки, пошел работать барменом и в год обогатился. Верно. Но очень обидно, если нация состоит из богатых барменов. Страна менового туризма (особенно малая) должна приспособливаться к чужим вкусам. Это неизбежно. Видимо, совсем не приспособливаются к чужим вкусам американцы, а напротив, навязывают свои вкусы другим. Мы тоже (хотя в меньшей степени). Другие великие нации уже слабее в этой части; англичане держатся, но становятся все более провинциальными и старомодными. Кроме того, туристская экономика подвержена колебаниям моды (Австрия, Лазурный берег) и политич[еской] обстановке (Бл. Восток). Мао прав: опора только на собственные силы.

И вообще, я понял в Болг[арии], что между психологией вел[икой] и малой нации есть существ[енная] разница. Неск[олько] человек интимно говорили мне, что они боятся собств[енного] национализма, что экспансия подорвет их самих, о чем говорит опыт 1912–18 гг. или 1941–44, что они хотят жить тихо-мирно и ничего более. По-моему, русскому или американцу такая психология чужда.

Болг[арские] «левые» ужасно провинциальны. Говорят то, что мы лет 10 назад. Коля Нижов⁹² с восторгом говорил мне, что тепер[ешняя] молодежь пьет, развратничает и пр., но они лучше и чище нашей молодости, т.к. более свободны внутренне. То есть то же, что

мой этюд о «Фарцовщике Томе» в 1965, кажется, году. Это, конечно, неверно. Я предпочту, чтобы моя дочь выросла бы лучше «идейной комсомолкой», чем пьющей и курящей шлюхой.

22/XI. Познакомился со Славой Николаевым⁹³. И что же? Очень милый и симпатичный парень, лишен чиновничьей спеси и понимает, видимо, главную проблему. Охотно стал бы учиться. Нас («русофилов», по определ[ению] Кочетова⁹⁴) объединяет с николаевыми: государственность, борьба с разложением и распадом, патриотизм, понимание сионистской опасности. Разъединяет: их жидомарксистская отрывка в отношении старой России, религии и т. наз. «прогрессивных» движений. Но — события говорят о том, что они прозревают и в этом направлении. Свидетельство тому — Александр Ив[анович] Хватов⁹⁵, у к[оторо]го вчера были мы с Олегом⁹⁶ и Графом⁹⁷. Этот недавний певец соц[иалистического] реализма со вкусом поставил нам пластинку с церковным русским пением и с умилением слушал наше пение «Вещего Олега» (с моей легкой руки она стала гимном нашей компании).

31/XII–69. Итак, еще один. Это кончился именно тот год, в котором я начал толстеть и лысеть. Любопытно, что в этом смысле случится со мной к следующему Новому году?

На глазах оформляются два крыла (это не партии — это шире): русско-консервативное и еврейско-либеральное. Вторые сильны своей организованностью, спайкой (от еврейского) и эксплуатацией русского нигилизма и наплевательства (либеральное), у нас, дескать, все плохо и т.д. Верх возьмут, видимо, они и уж нас не помилуют, нет. Но... «пусть каждый выполнит»...

Москва — это Вавилон. Здесь никого и ничем не удивишь. Деньги? Всегда найдется заезжий или подпольный советский сверхмиллионер. Власть?

Но переплетение властей здесь столь сложно и столь разнообразно, что на всякую власть может найтись и по-сильнее. Наряды? Иностранцы без-делушки? Смешно говорить о городе, где сотня посольств и тысячи туземцев, постоянно живущих за границей. Москва — город самых наглых в мире официантов, самых нахальных таксистов, самых бесцеремонных репортеров, самых бесстыжих стилист, самых, самых...

¹ Врангель Петр Николаевич, барон (1878–1928).

² Вшивков (Амурский) Илья Егорович (1900–?) — бывший военный моряк, автор книги «Матрос Железняков» (М.: Московский рабочий, 1968). Рецензия С.Н. Семанова на данную книгу была опубликована в журнале «Наш современник» (1969. №6).

³ Дзинтари — курортное место, часть города Юрмалы.

⁴ Галансков Юрий Тимофеевич (1939–1972) — поэт, публицист; деятель движения инакомыслящих, политзаключенный. Его политические взгляды были эклектичны: они включали в себя элементы анархического пацифизма, солидаризма (последний год перед арестом тесно взаимодействовал с Национально-трудовым союзом) и радикального антикоммунизма. Арестован 17.01.1967. На следствии давал противоречивые показания; на суде виновным себя не признал. Приговорен по ст. 70 ч. 1 и 88 к 7 годам колонии строгого режима. Срок отбывал в мордовских политических лагерях. Был тяжело болен (язва желудка), однако, несмотря на настойчивые предложения властей, отказался подавать заявление о помиловании. Принимал участие в акциях лагерного сопротивления. Умер от перитонита после неудачной операции.

⁵ Литвинов Павел Михайлович (р. 1940) — физик, участник движения инакомыслящих. Внук наркома иностранных дел СССР Мера Валлаха (М.М. Литвинова). Составитель самиздатских сборников. Участник демонстрации на Красной площади 25.08.1968 против ввода советских войск в Чехословакию. Арестован, приговорен к 5 годам ссылки (от-

бывал в Забайкалье). В 1974 г. эмигрировал в США.

⁶ П.В. Палиевский (Прим. С.Н. Семанова. — К.Т.).

Петр Васильевич Палиевский (р. 1932) — литературовед, доктор филологических наук (1982); один из интеллектуальных лидеров «молодогвардейцев» (см. прим. 57) в конце 1960-х — начале 1970-х. В 1969 г. научный сотрудник ИМЛИ, член Союза писателей СССР (1967), заместитель председателя Русского клуба (см. прим. 86). Палиевский оказал заметное влияние на взгляды С.Н. Семанова, в частности, усилив в них «сменовеховскую», национал-большевистскую составляющую. Семанов писал о Палиевском: «Нет сомнений, что на поколение своих современников он оказал огромное, ни с чем не сравнимое влияние. <...> Он знал три основных европейских языка, свободно объяснялся на них, что было редкостью в то время. Но главное — в ином. Он раньше всех нас прочел труды Флоренского, С. Булгакова, Леонтьева и в особенности — своего любимого Розанова, даже имел набор его прижизненных изданий. Ну, я-то об этих авторах до знакомства с ним даже не слышал» (Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002. С. 337–338).

⁷ Солженицын А.И. Ответ трем студентам, октябрь 1967 // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. №94. С. 145–146 (Др. изд.: Русская мысль. Париж, 1969. 17 апреля С. 3; Посев. Frankfurt a/M., 1969. №10. С. 11).

⁸ Речь идет об одном из двух писем: [В Секретариат Союза писателей СССР, 1 дек. 1967] // Вестник РСХД. Париж; Нью-Йорк, 1967. №86. С. 57–58 (Др. изд.: Посев. Frankfurt a/M., 1968. №3. С. 20) или [В Секретариат правления Союза писателей СССР. Всем секретарям правления, 12 сентября 1967] // Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. №93. С. 247–268.

⁹ Солженицын А.И. Захар-Калита: Рассказ // Новый мир. 1966. №1. С. 69–76.

¹⁰ Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Новый мир. 1962. №11. С. 8–74.

¹¹ Речь идет о матче между сборными Ленинграда и Басконии в рамках турне команды басков по городам СССР в 1937 г. Матч судил знаменитый российский (играл еще за сбор-

ную Российской империи) и советский футболист, арбитр всесоюзной категории Василий Павлович Бутусов (1892–1971). Сборная Басконии была первой зарубежной высококлассной футбольной командой, приехавшей в СССР.

¹² Т.е. показывает красную карточку.

¹³ Речь идет о вводе войск Организации Варшавского договора в Чехословакию, который начался 21 августа 1968 года.

¹⁴ Мархасев Лев Соломонович (1929–2011) — журналист, редактор ленинградского радио, как сценарист сотрудничал с «Ленфильмом» и «Леннаучфильмом».

¹⁵ Ильин Виктор Иванович (р. 1947) — младший лейтенант Советской армии, покушавшийся в 1969 г. на Л.И. Брежнева.

¹⁶ Демичев Петр Нилович (1918–2010) — советский партийный и государственный деятель, кандидат в члены Президиума (Политбюро) ЦК КПСС (1964–1988). Секретарь ЦК КПСС (1961–1974). Министр культуры СССР (1974–1988).

¹⁷ Т.е. Л.И. Брежнева.

¹⁸ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918).

¹⁹ Колчак Александр Васильевич (1874–1920).

²⁰ Деникин Антон Иванович (1872–1947).

²¹ Врангель Петр Николаевич, барон (1878–1928).

²² Т.е. В.И. Ульянова (Ленина).

²³ Т.е. И.В. Джугашвили (Сталина).

²⁴ Вооруженные акции КНР 2 и 15 марта 1969 г. в районе острова Даманский на реке Уссури.

²⁵ Цедербаум (Мартов) Юлий Осипович (Иосифович) (1873–1923) — деятель революционного движения, родился в еврейской купеческой семье, социал-демократ, с 1903 г. — лидер меньшевиков.

²⁶ В.И. Старцев (Прим. С.Н. Семанова. — К.Т.).

Старцев Виталий Иванович (1931–2000) — советский и российский историк, доктор исторических наук (1976), специалист по истории Русской революции. В 1969 г. — старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ) АН СССР.

²⁷ Маршак (Шатров) Михаил Филиппович (1932–2010) — советский литератор, дра-

матург. Сестра его отца — Нина Семёновна Маршак (1884–1942) — первым браком была замужем за секретарем Коминтерна, членом ЦК ВКП(б) Осипом Таршисом (Пятницким), вторым браком — за председателем СНК СССР (1924–1930) А.И. Рыковым. Автор многочисленных пьес о революционных событиях 1917 года, В.И. Ульянове (Ленине).

²⁸ Рид Джон (1887–1920) — американский журналист; деятель коммунистического движения, член Исполкома Коминтерна, основатель Коммунистической рабочей партии США (1919). В августе 1917 года прибыл в Россию в качестве военного корреспондента, автор книги об Октябрьском перевороте «10 дней, которые потрясли мир» (1919).

²⁹ Правильно — Соскис Меер-Давид (Давид Владимирович) (1866–1941) — деятель революционного движения, член партии социалистов-революционеров; помощник присяжного поверенного. С конца 1890-х в эмиграции в Англии. В 1905 г. в его доме в Лондоне проживал Георгий Гапон. Соскис совместно с Дж. Перрисом по рассказам Гапона написали его биографию «The story of my life» («История моей жизни»). С лета 1917 г. в России, личный секретарь А.Ф. Керенского, параллельно — корреспондент газеты «The Manchester Guardian». Во время Октябрьского переворота находился в Зимнем дворце, в ноябре 1917 г. вернулся в Великобританию. В 1924 г. получил британское гражданство.

³⁰ Правильно — Рутенберг Пинхас Моисеевич (1877–1942) — деятель революционного, затем сионистского движения. Член Боевой организации партии эсеров. В 1906 г. по партийному заданию организовал убийство Г.А. Гапона. В эмиграции примкнул к сионистам. После Февральской революции вернулся в Россию, участвовал в создании сионистских организаций, одновременно состоял в штабе генерала Корнилова. После провала Корниловского мятежа по рекомендации Б. Савинкова принят на службу к Н.М. Кишкину, которому 25.10.1917 Временное правительство предоставило диктаторские полномочия в Петрограде. Арестован частями ВРК при взятии Зимнего дворца, полгода находился в заключении. В конце 1918 — начале 1919 г. руководил отделом снабжения французской

военной администрации в Одессе. В 1919 г. переселился в Палестину, в 1923 г. создал и возглавил Палестинскую электрическую компанию.

³¹ Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) — политический деятель, член ЦК (с 1905) партии Народной свободы (кадетов). С марта 1917 г. — комиссар Временного правительства в Москве. С 25 сентября 1917 г. министр государственного призрения во Временном правительстве. 25 октября 1917 г. назначен особоуполномоченным Временного правительства по «водворению порядка» в Петрограде. В этот же день арестован в Зимнем дворце вместе с другими членами Временного правительства, но вскоре освобожден. В первые годы Советской власти работал в медицинских учреждениях. В 1919 г. осужден за участие в «Союзе возрождения России», освобожден. В 1921 г. — один из руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим Поволжья. Арестован, отбывал ссылку, освобожден по амнистии. С 1923 г. работал в курортном отделе Наркомздрава РСФСР, несколько раз подвергался арестам. В конце 1920-х вышел на пенсию.

³² Гомберг (Зорин) Сергей Семенович (1890–1937) — деятель революционного движения, большевик. В 1906–1917 гг. в эмиграции (Франция, США). В мае 1917 г. вернулся в Россию, вступил в РСДРП(б). В 1918 г. председатель Петроградского Революционного трибунала, комиссар по иностранным делам Союза коммун Северной области. В 1924–1925 годах кандидат в члены ЦК РКП(б). Член правления Русско-персидского банка. 18 декабря 1927 году исключен из ВКП(б). В сентябре 1930 г. восстановлен в ВКП(б). С 1931 г. член правления «Стандартжилстроя». На момент ареста директор НИИ индустриализации жилищного строительства. 26 марта 1935 г. осужден к 5 годам лишения свободы с содержанием в лагере особого режима (Суздаль). Расстрелян.

³³ И.М. Пушкарева (Прим. С.Н. Семанова. — К.Т.).

Пушкарева Ирина Михайловна (р. 1927) — историк, доктор исторических наук (1976). Окончила исторический факультет МГУ (1950). В 1969 г. — старший научный сотрудник Института истории АН СССР.

³⁴ Кронштадт, т.е. монографию о Кронштадтском мятеже.

³⁵ С.Н. Семанов закончил Исторический факультет ЛГУ в 1956 году.

³⁶ Казакова Рэмо (Римма) Федоровна (1932–2008) — советская поэтесса. Имя, данное родителями, означает «Революция, Электрификация, Мировой Октябрь». В 1954 г. окончила исторический факультет ЛГУ. Публикации стихов с 1955 г., первый сборник стихов вышел в 1958 г. В 1976–1981 — секретарь правления СП СССР.

³⁷ Корчной Виктор Львович (р. 1931) — советский, впоследствии — швейцарский шахматист, международный гроссмейстер (1956). В 1953 году окончил исторический факультет ЛГУ. Претендент на звание чемпиона мира с начала 1960-х годов, участник матчей на первенство мира по шахматам 1978 и 1981 гг. Четырехкратный чемпион СССР (1960, 1962, 1964, 1970). С 1976 г. в эмиграции в Нидерландах, затем — в Швейцарии.

³⁸ Колесниченко Томас Анатольевич (1930–2003) — советский журналист-международник. Отец — заместитель министра Морского флота СССР. В 1954 г. окончил исторический факультет ЛГУ. Более тридцати лет работал в газете «Правда» в качестве корреспондента, редактора международного отдела и политического обозревателя.

³⁹ Иванов Николай Викторович (1937–?) — деятель русского национального движения, член Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН) (1966–1967); политзаключенный (1967–1974). На момент ареста ассистент кафедры истории искусства исторического факультета ЛГУ.

⁴⁰ Фурсенко Александр Александрович (1927–2008) — советский, российский историк, академик СССР (1990); специалист в области истории США и экономической истории. Отец — палеонтолог, геолог, член-корреспондент АН БССР (1950). В 1951 г. окончил исторический факультет ЛГУ. В 1969 г. старший научный сотрудник отдела всеобщей истории ЛОИИ АН СССР.

⁴¹ Волк Степан Степанович (1921–1993) — историк, доктор исторических наук (1965). Окончил исторический факультет ЛГУ (1949). В 1953–1966 — научный сотрудник ЛОИИ

АН СССР. Затем преподаватель в ряде ленинградских и московских вузов. С 1982 — заведующий редакционно-издательским отделом ИМА при ЦК КПСС.

⁴² Шкаратан Овсей Ирмович (р. 1931) — советский, российский историк и социолог. В 1954 году окончил исторический факультет ЛГУ. Ныне — профессор ГУ-ВШЭ.

⁴³ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

⁴⁴ Гершензон Мейлих Иосифович (Михаил Осипович) (1869–1925) — российский литературовед, философ, публицист и переводчик. Составитель и один из авторов сборника «Вехи».

⁴⁵ Палиевский П.В. К понятию гения // Искусство нравственное и безнравственное. М., 1969 (Др. изд.: Палиевский П.В. Из выводов XX века. СПб., 2004. С. 428–448).

⁴⁶ Смена вех: Сб. ст. Ю.В. Ключникова, Н.В. Устрялова, С.С. Лукьянова и др. Июль 1921. Прага, [1921].

⁴⁷ Ключников Юрий Вениаминович (1886–1938) — общественный деятель, один из лидеров «сменовеховства»; правовед; публицист. Расстрелян в СССР.

⁴⁸ Устрялов Николай Васильевич (1890–1937) — политический деятель, правовед, публицист; один из лидеров «сменовеховства», основоположник национал-большевизма. Расстрелян в СССР.

⁴⁹ Ганелин Рафаил Шоломович (р. 1926) — советский, российский историк, доктор исторических наук (1970), член-корреспондент РАН (1991). В 1969 г. — старший научный сотрудник ЛОИИ АН СССР.

⁵⁰ Дмитриев Геннадий А. (1933–1970) — участник студенческой ревизионистской группы «Союз коммунистов-ленинцев» (группа Трофимова–Тельникова; 1956–1957), политзаключенный. В 1952 г. поступил на исторический факультет ЛГУ. Арестован в 1957 г. Его дело было выделено в отдельное производство в связи с необходимостью психиатрической экспертизы, осужден 15.10.1957 по ст. 58–10 п. 1 на 6 лет лишения свободы. По некоторым сведениям освобожден из заключения в связи с психическим заболеванием. К материалам дела приобщено следующее стихотворение, написанное Дмитриевым:

Мы о казни Эйхе узнали,
И по залу прошло стенанье:
«О Цека, за что мы страдали?
О Цека, за что наказанье?»
«Сталин Попкова казнил?» —
И по залу стон прокатился:
«О Цека, что ж ты не вступился?»
«И Кирова Сталин убил!» —
Все глаза огнем пылают: —
«О Цека, да ты просто сгнил!
Это трупы твои воняют!»

(ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 78804. Л. 41–53).

⁵¹ Пустынцев Борис Павлович (р. 1935) — общественный деятель; участник студенческой ревизионистской группы «Союз коммунистов-ленинцев» (группа Трофимова–Тельникова; 1956–1957), политзаключенный; переводчик, редактор, режиссер дубляжа. В 1954 г. поступил в 1-й Ленинградский педагогический институт иностранных языков, затем учился в ЛГУ, отчислен, работал на заводе. 19.09. 1957 приговорен к 10 годам лишения свободы. Приобщенная к делу листовка СКЛ, которую Пустынцев написал вместе с А.А. Голиковым, в частности гласила: «В коммунистической цитадели появляются трещины. Этому учат нас события в Венгрии, Польше, где народная свобода была раздавлена гусеницами советских танков. И везде одними из первых являются студенты. <...> Не надоело ли молчать и Вам? <...> Где свобода, которая была завоевана Лениным? Диктатура Сталина похоронила свободу. Исчезла политическая активность народа. На место свободного слова пришли молчание и шепот. Народ не может говорить свободно о политике правительства, не боясь расплаты. Поднять политическую активность. Возродить ленинскую свободу — наша задача. Друзья! Под знаменем ленинизма уничтожим оковы политического бюрократизма. За истинную свободу!» (ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 78804. Л. 33–34). По ходатайству отца, известного советского конструктора, Президиум Верховного Совета СССР снизил Пустынцеву срок до 5 лет, освобожден в 1962 г. В 1991–1996 годах — сопредседатель санкт-петербургского отделения правозащитного общества «Мемориал». В 1994–1997 годах — заместитель председателя региональной организации партии «Демократический выбор России».

⁵² Голиков Александр Александрович (1935–1991) — участник студенческой ревизионистской группы «Союз коммунистов-ленинцев» (группа Трофимова–Тельникова; 1956–1957), политзаключенный. Студент филологического факультета ЛГУ. 19.09.1957 приговорен к 10 годам лишения свободы. 11.09.1963 помилован.

⁵³ Жуков Дмитрий Анатольевич (р. 1927) — писатель, публицист, переводчик; общественный деятель; сотрудник спецслужб. Член правления ВООПИК, председатель Русского клуба; автор самиздата. Автор сценария документального фильма «Тайное и явное (Цели и деяния сионистов)» (режиссер Б.А. Карпов) (1973).

⁵⁴ Кузнецов Анатолий Васильевич (1929–1979) — советский писатель; невозвращенец; осведомитель КГБ. Большую известность получил после скандальной публикации в журнале «Юность» повести «Бабий яр» (1966. №8–10), которая сопровождалась многочисленными цензурными изъятиями. В 1969 г. добился у руководства СП СССР командировки в Лондон для сбора материалов к повести о Ленине. Условием выезда стало подписание документа о добровольном сотрудничестве с КГБ. 30.07.1969 в Лондоне попросил политического убежища. Работал на радио «Свобода». Погиб в автокатастрофе при невыясненных обстоятельствах.

⁵⁵ Против чего выступает «Новый мир»? // Огонек. 1969. №30. С. 26–27. Открытое письмо — ответ на статью А.Г. Дементьева «О традициях и народности», подписанное М.А. Алексеевым (гл. редактор ж. «Москва»), А.А. Прокофьевым (первый секретарь Ленинградской писательской организации), С.В. Викуловым (гл. редактор ж. «Наш современник»), Н.Е. Шундиком (гл. редактор ж. «Волга»), П.А. Проскуриным, В.А. Закруткиным, А.С. Ивановым, С.А. Ворониным, В.А. Чивилихиным, С.С. Смирновым, С.И. Малашкиным. Текст письма составили В.А. Чалмаев, М.П. Лобанов, О.Н. Михайлов, Н.М. Сергованцев, В.В. Петелин (*Петелин В.В.* *Счастье быть самим собой.* М., 1999. С. 194–195).

⁵⁶ Дементьев Александр Григорьевич (1904–1986) — советский литературный критик, литературовед. В 1953–1955 и в 1959–1966 — заместитель главного редактора

журнала «Новый мир». В 1966–1970 — заведующий отделом в ИМЛИ. Автор программной статьи «О традициях и народности» (Новый мир. 1969. №4. С.215–235), в которой выступил с резкими политическими обвинениями в адрес авторов журнала «Молодая гвардия». В частности, Дементьев писал, резюмируя свои выводы относительно публикаций «молодогвардейцев»: «Да, опасность здесь есть. Выступления, подобные статьям В. Чалмаева (литературовед, автор «Молодой гвардии». — *К.Т.*), направляют по ложному пути естественный для наших дней процесс преодоления иллюстративности в искусстве и литературе, формализма в воспитании. Программа КПСС обязывает нас “вести непримиримую борьбу против проявлений и пережитков всякого национализма и шовинизма, против тенденций к национальной ограниченности и исключительности, к идеализации прошлого и затушевыванию социальных противоречий в истории народов, против обычаев и нравов, мешающих коммунистическому строительству”» (Указ. соч. С. 235). Основные положения статьи Дементьева, вплоть до отдельных формулировок, были использованы А.Н. Яковлевым в статье «Против антиисторизма» (Литературная газета. 1972. 15 ноября. С. 4–5).

⁵⁷ «Молодогвардейцы» — собирательное название неформального сообщества единомышленников: русских интеллигентов-гуманитариев и функционеров ЦК ВЛКСМ, разделявших общие «русофильские» убеждения и объединенных вокруг редакции журнала «Молодая гвардия» во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. Идеологические воззрения «молодогвардейцев» представляли собой эклектичное сочетание элементов русского национализма, имперского и советского патриотизма, национал-большевизма, русской религиозно-философской мысли.

⁵⁸ Ю. Прохвятилов (Прим. С.Н. Семанова. — *К.Т.*).

Прохвятилов Юрий Алексеевич — историк. Выпускник исторического факультета ЛГУ. В 1960-е годы редактор отдела историко-партийной литературы издательства «Лениздат». Автор монографии «Июньская демонстрация. 1917 июнь». Л., 1967.

⁵⁹ Правильно — Белинков Аркадий Викто-

рович (1921–1970) — литературный критик, публицист. В 1944 г. арестован в Москве, приговорен к 8 годам ИТЛ. Отбывал срок в Карагандинском лагере. В 1951 г. приговорен к 25 годам ИТЛ. В 1956 г. амнистирован и освобожден. В 1956–1968 гг. преподавал в Литинституте, затем занялся писательским трудом. С 1961 г. член СП СССР. В самиздате циркулировал один из вариантов статьи Белинкова о декабристах — «Страна рабов, страна господ...», в котором автор открыто декларировал один из центральных пунктов своего мировоззрения: «советская история — это русская история, только выбравшая из нее самое реакционное, омерзительное, шовинистическое, кровавое и забывшая все благородное, высокое, чистое и прекрасное». В июне 1968 г., получив разрешение на поездку в Венгрию для лечения, бежал с женой в США через Югославию. В написанном накануне бегства «Письме» Союзу советских писателей (20.06.1968), заявил о выходе из этой организации и заклеил «самый жестокий, бесчеловечный и беспощадный политический режим всех веков человеческой истории». В США преподавал в Йельском университете.

⁶⁰ Вдова М. Булгакова — Е.С. Нюрнберг (Прим. С.Н. Семанова. — *К.Т.*).

Нюрнберг (Булгакова) (по первому мужу — Неелова, по второму мужу — Шиловская) Елена Сергеевна (1893–1970) — третья жена М.А. Булгакова (1932–1940).

⁶¹ Дочь М. Чумандрина (Прим. С.Н. Семанова. — *К.Т.*).

Чумандрин Михаил Фёдорович (1905–1940) — советский писатель. С конца 1920-х — один из руководителей Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП), редактор журнала «Ленинград» и газеты «Наступление». По воспоминаниям Н.К. Чуковского, имя Чумандрина звучало тогда для питерских интеллигентов «грозно и страшно». «Самоуверенный, темпераментный, с самыми крайними левацкими взглядами... Он не признавал русских классиков, потому что они были дворяне, не признавал переводной литературы, потому что она сплошь буржуазная... Нетерпимость его была искренняя». Погиб на Финской войне.

Чумандрина Марианна Михайловна (1929–1969) — дочь М.Ф. Чумандрина.

⁶² Возможно, имеется в виду жена О.Н. Михайлова (*см. прим. 96*).

⁶³ Райкин Аркадий Иосифович (1911–1987) — советский юморист; в 1969 году — художественный руководитель Ленинградского театра эстрады и миниатюр.

⁶⁴ Возможно, речь идет о дочери советского юмориста Райкина Екатерине (р. 1938), в 1969 г. — актрисе Вахтанговского театра, которая играла роль пани Зоси в спектакле «Дамы и гусары» по пьесе А. Фредро.

⁶⁵ Шейнис Виктор Леонидович (р. 1931) — политический деятель, экономист, доктор экономических наук (1982). Окончил исторический факультет ЛГУ (1953). За «самиздатскую» статью «Правда о Венгрии» (1956) исключен из комсомола и аспирантуры (1958). Работал на Кировском заводе (1958–1964). В 1964–1975 — аспирант, затем доцент кафедры экономики современного капитализма ЛГУ. В 1975–1977 — старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем АН СССР. В 1977–1992 — научный сотрудник ИМЭМО АН СССР. Народный депутат Верховного Совета РСФСР (1990–1993). Депутат Государственной думы (1993–1995, 1995–1999). Один из основателей партии «Яблоко».

⁶⁶ Котенко С., Семанов С. Вычтем вымысел // Молодая гвардия. 1969. №10 С. 269–277. Статья была заказана вторым секретарем МГК КПСС А.П. Шапошниковой директору Института истории АН СССР П.В. Волобуеву, близкому знакомому С.Н. Семанова. Волобуев от работы над статьей отказался, и она была написана совместно С.Г. Котенко и С.Н. Семановым. В результате публикации М.Ф. Маршак (Шатров) не получил Ленинскую премию (Запись беседы К.В. Титова с С.Н. Семановым от 16.08.2004).

⁶⁷ Котенко Святослав Георгиевич (1936–1996) — журналист, редактор, переводчик. Участник Русского клуба. Сотрудник журнала «Молодая гвардия», с начала 1970-х — редактор зарубежной редакции издательства «Молодая гвардия».

⁶⁸ Башкирова Галина Борисовна (р. 1938) — редактор, литератор. В 1969 году — сотрудник журнала «Знание—сила».

⁶⁹ Е.С. Нюрнберг (Прим. С.Н. Семанова. — *К.Т.*).

⁷⁰ М. Булгаков (Прим. С.Н. Семанова. — К.Т.).

⁷¹ *Солженицын А.И.* Раковый корпус: Повесть. Frankfurt a/M.: Посев, 1968 (др. изд.: Лондон: The Bodley Head, 1968; Paris: YMCA-Press, 1968).

⁷² *Солженицын А.И.* Молитва // Вестник РСХД, Париж; Нью-Йорк, 1966. №81. С. 22.

⁷³ А.Л. Фрайман (Прим. С.Н. Семанова. — К.Т.).

Фрайман Антон Львович (1908–1972) — доктор исторических наук (1955), профессор исторического факультета ЛГУ (1960), подполковник.

⁷⁴ Белобородов Александр Георгиевич (1891–1938) — деятель революционного движения, большевик; советский государственный деятель, подписавший с согласия Ленина и Свердлова решение о расстреле царской семьи в 1918 г. Арестован в 1936 г., расстрелян. Реабилитирован в 1958 г.

⁷⁵ Медведев Рой Александрович (р. 1925) — историк; политический деятель, участник движения инакомыслящих. Доктор исторических наук. В 1969 г. исключен из партии за рукопись книги о Сталине «К суду истории». Старший научный сотрудник, заведующий сектором НИИ производственного обучения Академии педагогических наук СССР (1961–1970). Народный депутат СССР (1989–1992); депутат Верховного Совета СССР.

⁷⁶ Ершов Михаил Иванович (1924–2004) — режиссёр киностудии «Ленфильм». Народный артист РСФСР (1977).

⁷⁷ «Привычное дело» (1966) — повесть В.И. Белова.

⁷⁸ Правильно — Витоль Арнольд Янович (1922–2000) — редактор, сценарист. Заслуженный деятель искусств РСФСР; лауреат Государственной премии РСФСР. Из семьи латышских революционеров.

⁷⁹ Иванов Александр Гаврилович (1898–1984) — советский кинорежиссёр и сценарист. Народный артист СССР (1964). С 1948 года на киностудии «Ленфильм».

⁸⁰ Андропов Юрий Владимирович (1914–1984). В 1969 г. — председатель КГБ при СМ СССР (1967–1982).

⁸¹ Цвигун Семен Кузьмич (1917–1982) — в 1969 г. первый заместитель председателя КГБ

при СМ СССР (1967–1982), человек Брежнева при Ю.В. Андропове.

⁸² Шумилов Василий Тимофеевич (1924–1996) — генерал-лейтенант КГБ СССР (1980). В органах госбезопасности с 1959 г. Начальник УКГБ по Ленинградской области (июнь 1959 — август 1969), член Коллегии КГБ (1959–1969).

⁸³ Шелепин Александр Николаевич (1918–1994) — советский партийный и государственный деятель, член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС (1964–1975).

⁸⁴ Семичастный Владимир Ефимович (1924–2001) — советский партийный и государственный деятель, член ЦК КПСС (1964–1971). Генерал-полковник (1964). Председатель КГБ при СМ СССР (1961–1967). Первый заместитель председателя СМ Украинской ССР (1967–1981).

⁸⁵ В.Н. Ганичев (Прим. С.Н. Семанова. — К.Т.).

Ганичев Валерий Николаевич (р. 1933) — в 1969 г. директор издательства «Молодая гвардия» (1968–1978); деятель русского национального движения. Доктор исторических наук (1978). С 1960 г. в ЦК ВЛКСМ. В 1965–1968 — заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. В 1978–1980 — главный редактор газеты «Комсомольская правда». С 1994 г. — председатель правления СП России.

⁸⁶ Русский клуб (1967 — первая половина 1970-х) — официально «Комиссия по комплексному изучению русской истории и культуры» при секции пропаганды Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Де-факто являлся площадкой для собраний русофильской интеллигенции различного общественного положения: писателей, литературных критиков, режиссеров, сотрудников академических институтов, авторов самиздата. На «вторниках» (так их называли в своем кругу) делались доклады и велись обсуждения на общественно-политические и исторические темы. Встречи проходили в помещении ВООПИК в здании Высокопетровского монастыря, собиралось до 50 человек. Постоянно присутствовали председатель секции пропаганды Центрального Совета ВООПИК академик И.П.

Петрянов-Соколов и первый заместитель председателя ЦС ВООПИК В.Н. Иванов. Председателем клуба являлся Д.А. Жуков, заместителями — С.Н. Семанов и П.В. Палиевский. Среди участников были академик Б.А. Рыбаков, писатели О.В. Волков и Д.М. Балашов, главные редакторы журналов А.В. Никонов («Молодая гвардия») и В.Д. Захарченко («Техника-молодежи»), авторы и издатели самиздата А.М. Иванов, В.Н. Осипов, и многие другие.

⁸⁷ Дроздовский Михаил Гордеевич (1881–1919) — деятель Белого движения на Юге России. Генерал-майор (1918). Командир 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии (1918–1919).

⁸⁸ Думенко Борис Мокеевич (1888–1920) — советский военный деятель в годы Гражданской войны. В сентябре 1919 — феврале 1920 командовал Сводным конным корпусом. По обвинению в подготовке антисоветского мятежа и убийстве комиссара корпуса осужден и расстрелян.

⁸⁹ «БТ» — марка болгарских сигарет с фильтром, поставлявшихся в СССР.

⁹⁰ «Солнце» — марка болгарских сигарет без фильтра, поставлявшихся в СССР.

⁹¹ Мрянков Константин — болгарский архитектор, участник Советско-болгарского клуба творческой молодежи.

⁹² Нижов Николай — участник Советско-болгарского клуба творческой молодежи с болгарской стороны.

⁹³ Николаев Ростислав Васильевич (р. 1937) — партийный и государственный деятель. В 1965–1971 годах первый секретарь обкома комсомола г. Ленинграда и Ленинградской области. С 1976 — председатель Ленинградского комитета по телевидению и радиовещанию. Симпатизировал русскому национальному движению. Именно Николаев, параллельно с П.В. Палиевским, порекомендовал В.Н. Ганичеву С.Н. Семанова на должность руководителя редакции «ЖЗЛ».

В 1982 г., после увольнения Семанова из журнала «Человек и закон» и других изданий, запрета на упоминание имени Семанова в печати, организовал его выступление на Ленинградском телевидении.

⁹⁴ Кочетов Всеволод Анисимович (1912–1973) — советский писатель; партийный деятель. В 1961–1973 гг. — главный редактор журнала «Октябрь». В своих произведениях выступал с резкими нападка на русский национализм, «русофильские настроения», «патриархальщину», православие.

⁹⁵ Хватов Александр Иванович (р. 1919) — литературовед. С 1955 — заведующий кафедрой литературы Ленинградского института культуры; член редколлегии журнала «Наш современник» (с 1970). Докторская диссертация: «Творчество М.А. Шолохова» (1965).

⁹⁶ О.Н. Михайлов (Прим. С.Н. Семанова. — К.Т.).

Михайлов Олег Николаевич (р. 1932) — литературовед, публицист, доктор филологических наук, специалист по литературе Русского зарубежья. Близкий друг С.Н. Семанова в конце 1960-х — 1970-е гг. Участник Русского клуба. В 1978 г. опубликовал роман «Час разлуки», в котором описал круг своих товарищей-«русофилов», в частности, прототипом одного из героев является С.Н. Семанов. Ныне — главный научный сотрудник ИМЛИ.

⁹⁷ В.М. Сидоров (Прим. С.Н. Семанова. — К.Т.).

Сидоров Валентин Митрофанович (1932–1999) — советский поэт. Член Союза писателей СССР (1966), кандидат филологических наук (1978). Входил в круг «молодогвардейцев». В 1970-х гг. увлекся творчеством Н. Рериха (тема диссертации: «Литературно-эстетические взгляды и поэзия Николая Рериха»), в годы «перестройки» основал Всесоюзную (с 1991 г. — Международную) ассоциацию «Мир через Культуру», занимался пропагандой наследия Рериха.

ДВЕ СТРАНЫ — ОДИН НАРОД

Марчуков А.В. Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. REGNUM. М., 2011. — 294 с.

Распад империи всегда или почти всегда катастрофа. Можно представить, как сложно было англичанам прощаться с Индией, а французам с Алжиром. И всё же думаю, что если бы от Соединённого королевства отпал какой-нибудь Кент, а от Франции Бургундия, то эти потери воспринимались бы национальным сознанием указанных стран куда острее. В полной мере сказанное относится и к отношениям Россия (Великороссия) — Украина (Малороссия). Русскому человеку сложно воспринимать Киев — мать городов русских — как столицу другого государства. Кроме того, большинство наших сограждан знают, что государство Украина — детище приснопамятной ленинской национальной политики. Отмечу, что даже Роза Люксембург называла украинский национализм, «простой причудой, кривлянием нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентов, без каких-либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны».

Огромной психологической загадкой остаётся совершенно иррациональная ненависть «щирых украинцев» к великороссам, с милой непосредственностью именуемым «москалями». Ведь кроме общности происхождения, истории, религии (за исключением относительно малочисленных униатов) и отчасти культуры, Великороссия ещё и единственное славянское государство сумевшее достигнуть мирового, политического и культурного, значения. Но, согласно расхожему выражению, «факт — вещь неопровержимая». А фактом является появление

государства Украина и значительное распространение т.н. украинского национализма.

Второй президент постсоветской «незалежной» Украины опубликовал в 2003 году книгу с характерным названием «Украина — не Россия». Но так ли это? Как воспринимали Малороссию-Украину великороссы? Были ли земли нынешнего украинского государства колонией Российской империи и Советского Союза, как утверждают современные украинофилы? Насколько различны люди Великой и Малой Руси?

С моей точки зрения, образцовым исследованием этой весьма непростой темы является монография Алексея Миллера «Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)» (СПб., 2000). Тему, заданную Миллером, продолжил московский историк Андрей Марчуков в своей содержательной работе «Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время».

Сразу отмечу, что хронологические границы указанной работы выходят, и далеко, за времена Гоголя и, начинаясь с конца XVIII века, захватывают даже начало XX. Однако именно Гоголь, прежде всего как автор «Тараса Бульбы», оказывается в центре исследования. К сожалению, А. Марчуков в начале своего труда не оговаривает таких принципиальных для темы книги понятий, как «русский», «великоросс», «малоросс», «украинец». Только по ходу работы в тексте даются пояснения, что не целиком исправляет некоторую размытость этих принципиально важных категорий. Зато к очевидным достоинствам книги следует отнести привлечение довольно значитель-

ного объёма источников и лёгкость изложения.

Прежде всего, автор указывает на то важнейшее обстоятельство, что «именно на западнорусских землях сложилась концепция национального единства обеих частей Руси, их принадлежности к одному русскому народу...». Не менее важно признание предками нынешних украинцев преемственности Москвы по отношению к Киевской Руси, а московских царей единственными и законными наследниками св. Владимира. В обращении львовского братства к Фёдору Иоанновичу (1592) он именуется «светлым царём Российским», nasledующим князю Владимиру — крестителю «всего Российского рода». Только в XVIII столетии появляется сословно-казацкая версия малороссийской истории как обоснование равенства прав казацкой старшины с российским «шляхетством». Чуть позже эта версия была подхвачена малороссийскими поляками, и в ней ощутимо проступили черты извечных фобий этого этноса.

К сожалению, петербургская власть, особенно в эпоху Александра I, проводила столь неразумную полонофильскую политику, что польское влияние не только сохранилось на днепровском Правобережье, но и стало распространяться на давно соединённые с Великодержавией земли левого берега Днепра. Завиральное великодушие высокопоставленных столичных бюрократов так и не было преодолено до конца имперского периода. Редкие периоды применения силы по отношению ко всему спектру российского полонизма быстро сменялись на время «объятий и поцелуев».

А. Марчуков хорошо иллюстрирует эту абсурдную, пагубную тенденцию, цитируя польскую журналистку А. Лисицкую, написавшую по поводу «Тараса Бульбы»: «описание нашей Украины художественным пером русского вызывает в польском сердце чувства му-

чительной боли и возмущения». Более того, по докладу генерал-лейтенанта Л. Штюмера, повесть «Тарас Бульба» была запрещена к опубликованию в «Сборнике статей для чтений в солдатской школе» (1874), а затем в журнале «Чтение для солдат» (1878). По мнению генерала, «солдатская масса молодая и неразвита», а население западных окраин — католическое, и потому некоторые православные солдаты, ознакомившись с содержанием повести, «могут повторить действия запорожцев».

«Благодарные» и «благородные» подданные «польской национальности» ответили на петербургскую толерантность двумя мятежами и созданием истерически-лживой, разрушительной псевдоистории западнорусского края. Именно поляки, или полонизированные украинские дворяне, сформулировали тезис о неславянском (т.е. отличном от украинцев) происхождении великороссов. Этой же цели служили и собираемые католиками-аристократами фольклорные песни и «думы». Более того, некоторые «фольклорные» произведения выдумывали сами собиратели, о чём прекрасно написал в своей книге А. Марчуков.

Особенно отличились Т. Пандура и В. Ржевусский, которые создали целую школу лирников, «выпускники которой и должны были, посещая корчмы и народные гуляния, распространять среди крестьян Волыни и Правобережья эти песни и “думы”». Цель этой культурной (в кавычках и без) работы прекрасно выразил знаменитый вождь польского движения Людовик Мерославский: «Бросим пожар и бомбы за Днепр и Дон, в сердце России. Пускай уничтожат её. Раздую ненависть в русском народе, РУССКИЕ БУДУТ РВАТЬ СЕБЯ СОБСТВЕННЫМИ КОГТЯМИ, а мы будем расти и крепнуть».

Странным кажется и то обстоятельство, что малороссийский партикуля-

ризм принял в качестве самоназвания польский термин «У(о)краина». Как говорил преп. Лаврентий Черниговский, «Слово окраина — это позорное и унижительное слово! Какая окраина? Чего, почему окраина?! Ведь за этой мнимой иудо-польской окраиной находятся другие страны и государства. И позже, по их же указке, поляки узаконили нам понятия Украина и украинцы, чтобы мы охотно забыли свое название русский, навсегда оторвались от Святой и Православной Руси».

Очевидно, для русских Киев, конечно, никак не мог быть окраиной. Даже учитывая то обстоятельство, что «мать городов русских» не воспринималась петербургской и московской аристократической публикой как место со столичным прошлым. В бывшем центре Руси почти не чувствовалась **История**. «Киев стар, но древность его не так видна, не так осязательна, как новгородская», — писал князь Иван Долгоруков.

В специфических условиях Малороссии произведения Гоголя оказались не только узко-культурным, но и важнейшим политическим фактором, по сей день сохраняющим свою актуальность. А. Марчуков верно, с хорошим историческим чутьём, определил основное политико-психологическое следствие творчества Николая Васильевича Гоголя, особенно как автора

«Тараса Бульбы»: «...высокий творческий огонь повести-поэмы слил, сплавил воедино... два образа этой земли: исторической Руси и казачьей Малороссии.... Казачья история и малороссийская вообще становилась для русского общества не просто борьбой за сохранение православия и освобождение от иноземного господства близких, родных — но соседей, а именно своей русской».

По моему мнению, к недостаткам в целом интересной работы Андрея Марчукова можно отнести некоторую рыхлость композиции, слабо прописанные церковно-исторические сюжеты. К досадным оплошностям относятся и написание фамилии Александра Даниловича Меншикова как Менъшиков.

Одним из основных выводов монографии следует признать следующий. Малороссийский вопрос есть частный случай (обще)русского вопроса. При хоть немного разумной национально-государственными политике властей нашей страны украинский сепаратизм так бы и остался «кривлянием нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентов». Пренебрежение подлинными национальными интересами чревато появлением новых партикулярных движений, угрожающих самому существованию нашего народа и государства.

Александр Ефремов

АВТОРЫ НОМЕРА

Антонов Ростислав Валерьевич
(р. 1977), общественно-политический деятель, журналист, глава Совета регионов Национально-демократической партии, руководитель общественного движения «Гражданский патруль», автор книги «Приморские партизаны» (2011).

Беляков Сергей Станиславович
(р. 1976), историк, литературный критик, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Урал», автор книг «Усташи: между фашизмом и этническим национализмом» (2009), «Гумилев сын Гумилева» (2012) и многих статей в научных и литературных журналах.

Бирюков Сергей Владимирович
(р. 1971), доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

Вдовин Александр Иванович
(р. 1941), доктор исторических наук, профессор МГУ, автор более 170 опубликованных работ, в т.ч. монографии «Русские в XX веке» (2004) и учебного пособия «История Россия. 1917–2009» (2010) (в соавторстве с А.С. Барсенковым). Член Союза писателей России.

Жих Максим Иванович
(р. 1987), историк, аспирант СПбГУ.

Замирад Азадех,
докторантка и преподаватель Потсдамского университета (ФРГ).

Кильдюшов Олег Васильевич
(р. 1972), независимый аналитик, публицист, переводчик, редактор, политический обозреватель журнала «Сократ».

Коваленко Андрей Алексеевич,
(р. 1985), аспирант кафедры социологии международных отношений Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Крупкин Павел Ливерьевич
(р. 1959), политолог, кандидат физико-математических наук, руководитель Центра изучения Современности, автор книги «Россия и Современность: Проблемы совмещения: Опыт рационального обсуждения» (2010).

Крылов Константин Анатольевич
(р. 1967), философ, публицист, общественный и политический деятель, главный редактор интернет-сайта АПН.ру, главный редактор журнала «Вопросы национализма», президент Русского общественного движения, председатель Совета Национально-демократической партии, автор книг «Нет времени» (2006), «Прогнать чертей» (2010), «Русские вопреки Путину» (2011).

Неменский Олег Борисович
(р. 1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Павлов Дмитрий Сергеевич
(р. 1984), историк, публицист, магистр востоковедения, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, соавтор монографии «Ближний Восток: война и политика» (2010).

Самоваров Александр Владимирович (р. 1959), историк, публицист, прозаик, автор книг «Останутся ли в России русские?» (2007), «Перспективы русского национализма» (2008), «Нужно ли нам возвращаться в СССР?» (2009).

Святенков Павел Вячеславович (р. 1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Сергеев Сергей Михайлович (р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализм», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Севастьянов Александр Никитич (р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор

книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006) «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009) «Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении» (2011) «Дело Тихонова–Хасис. Палачи или жертвы?» (2012) и др.

Черняховский Сергей Феликсович (р. 1956), политолог, публицист, доктор политических наук, профессор Международного независимого эколого-политологического университета.

Шимов Всеволод Владимирович (р. 1983), кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета.

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Издательская группа «Скимень»

выпустила в свет книгу:

Хайнрих МАЙЕР.

**Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического».
О диалоге отсутствующих**

Книга известного немецкого политического философа и директора Фонда Сименса Хайнриха Майера (р. 1953) посвящена реконструкции заочного диалога двух выдающихся политических умов XX в. — Карла Шмитта и Лео Штрауса — об основах политического. Непосредственным поводом для нее послужила публикация в 1927 г. первой редакции «Понятия политического» Карла Шмитта. Внимательно сравнивая три редакции этого основополагающего текста политической мысли XX в., Майер приходит к выводу, что более поздние редакции этого трактата (1932 и 1933 гг.) представляют собой ответ на рецензию Штрауса, опубликованную в 1932 г. Автор также ставит в центр своего исследования вопрос о политической теологии и об отношении к ней Карла Шмитта и Лео Штрауса. Книга предназначена для философов, юристов, политологов, социологов, для всех, кто интересуется политической теорией XX в.

SUMMARY

The 12th volume of VOPROSY NATIONALISMA (STUDIES IN NATIONALISM) begins with actual political commentaries of social activist Rostislav Antonov and political analyst Pavel Kroopkin about the latest legislative and ideological initiatives of the current Russian regime on the national question.

Cover story is dedicated to the 90th anniversary of the USSR. Prominent historians, political scientists, and public figures in the expert survey reflect the heritage of the “Red Empire” and its significance for Russia. Philosophers Konstantin Krylov and Oleg Kildyushov, historians Oleg Nemensky, Alexander Vdovin and Sergey Sergeev, political analysts Pavel Svyatkov and Sergey Chernyakhovsky analyze different aspects of the national policy of the USSR and its influence on the Russian nation building.

Historian and publicist Dmitry Pavlov comments on reasons unexpected success of the nationalist All-Ukrainian Union “Svoboda” at the latest parliamentary elections in Ukraine. Political scientist from Belarus Vsevolod Shimov considers retrospect and prospect of political and cultural integration of the East Slavic peoples of post-Soviet space.

Political scientist Sergey Biryukov and

Andrey Kovalenko explore geopolitical projects that nominates some Eastern European countries in the context of the crisis of the European integration. Azadeh Zamirirad from the University of Potsdam examines in her article the forms of the protest movement in the Islamic Republic of Iran.

Historian Maxim Zhikh continues a series of articles on the democratic institutions of Ancient and Medieval Russia. In the year of J.-J. Rousseau’s 300th anniversary, Oleg Kildyushov emphasizes value of the Genevan philosopher’s heritage for the theory and practice of national democracy, seeing it through the lens of the ideas of Carl Schmitt.

To the anniversary of the death of the famous historian and social activist Sergey Semanov who was a member of the editorial board of VOPROSY NATIONALISMA, the journal publishes his diary 1969 and publicist Alexander Samovarov’s memoirs about him.

In the section “Polemics” philologist and journalist Alexander Sevastyanov formulates lessons (totally negative, from his point of view) of the Byzantine Empire history for modern Russia.

The volume ends with the traditional section “Critique and Bibliography”.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 14.11.2012.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37.

Телефоны: 8–964–551–49–52 (К. Крылов) k.a.krylov@gmail.com

8–916–950–61–43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru

Распространение и подписка: 8–964–580–19–92 (Н. Шалимова) lasido@mail.ru

Адрес для писем: 115142, Москва, а/я № 1, Севастьянову А.Н.